БЕРТОЛЬТ
БРЕХТ

ТРЕХГРОШОВЫЙ РОМАН

БЕРТОЛЬТ БРЕХТ

ТРЕХГРОШОВЫЙ РОМАН

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1984

84 4 Ге
Б 87

Перевод с немецкого
В. Стенича

Предисловие
И. Фрадкина

Иллюстрации
П. Пинкисевича

Брехт Б.

Б 87 Трехгрошовый роман: Пер. с нем. В. Стенича/Предисл. И. Фрадкина; Ил. П. Пинкисевича.— М.: Правда, 1984.— 432 с., ил.

«Трехгрошовый роман» немецкого писателя Бертольта Брехта (1898—1956) является замечательным антикапиталистическим произведением не только по силе ненависти автора к буржуазному строю, но и по глубине понимания его скрытой сущности и правящих в этом мире законов.

Б $\frac{4703000000-628628}{080(02)-84}$ — 84 84 4 Ге

© Издательство «Правда», 1984. Иллюстрации.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немецкий писатель Бертольт Брехт (1898 — 1956) был одним из крупнейших мастеров мирового искусства социалистического реализма и притом художником-новатором необыкновенного, можно сказать, универсального дарования: драматургом, поэтом, прозаиком, публицистом, режиссером и теоретиком театра.

Мало есть в современном мире драматургов, которые по интеллектуальной мощи и поэтической окрыленности таланта могли бы сравниться с Брехтом. Его пьесы — в особенности антивоенная историческая хроника «Матушка Кураж и ее дети», драма идей «Жизнь Галилея», антифашистская «парабола» «Карьера Артуро Уи, которой могло не быть», философско-поэтические легенды «Добрый человек из Сезуана» и «Кавказский меловой круг», социальная комедия «Господин Пунтила и его слуга Матти» и др. — завладели сценой Франции и Англии, Польши и Чехословакии, ГДР и ФРГ, Индии и Японии, США и Бразилии, десятков стран Европы, Азии и Америки. Заграничные гастроли созданного Брехтом театра «Берлинский ансамбль» прославили не только его драматургию, но и режиссерское мастерство и выдвинули его сценические принципы, его «теорию эпического театра» в центр эстетических дискуссий последних десятилетий.

Все это тем более примечательно, что Брехт является объектом постоянных атак со стороны всяких политических и литературных мракобесов. Но все эти кампании травли лишь увеличивают популярность Брехта, повышают живой интерес к его творчеству со стороны театров и широкой публики и каждый раз подтверждают незыблемость объективных величин, неподвластных напору клеветы и злословия.

Творческой сферой Брехта был прежде всего театр. Но и в других областях искусства, в поэзии и прозе, он также оставил неизгладимый след.

В его обширном и многообразном художественном наследии особое место занимает «Трехгрошовый роман». На протяжении нескольких лет писатель трижды обращался к этому сюжету и трижды воплотил его в произведениях различного жанра: в драме, киносценарии и романе.

Если имя Брехта, лауреата премии имени Клейста, автора нескольких пьес и сборника стихотворений «Домашние проповеди», было популярно в Германии уже в середине двадцатых годов, то всемирная известность и слава писателя могут датироваться лишь со дня премьеры его «Трехгрошовой оперы». Она прошла с огромным успехом в Берлине в 1928 году, а вслед за тем «Трехгрошовая опера» совершила триумфальное шествие по театральным подмосткам многих столиц мира. Она была поставлена и в Москве в 1929 году, в Камерном театре.

История этой пьесы Брехта уводит нас в далекое прошлое. Ровно за двести лет до ее берлинской премьеры на сцене одного из лондонских театров появилась пьеса английского драматурга Джона Гея (1685 — 1732) «Опера нищих». Это была злая сатира: если не в прямом смысле, то, во всяком случае, объективно в ней отождествлялись образ жизни и нравы английского высшего света с обычаями и моралью подонков общества, воров и проституток. Сюжет этой давно уже вошедшей в историю европейского театра пьесы Гея послужил для Брехта основой его «Трехгрошовой оперы».

Насколько далеко отступил Брехт в своей вольной обработке от Гея? Чтобы ответить на этот вопрос, нет нужды скрупулезно, эпизод за эпизодом, сличать обе пьесы и выяснять, где Брехт довольно близко придерживался оригинала и где он действовал вполне суверенно и самостоятельно. С помощью такого исследования можно было бы вывести некоторое процентное соотношение «заимствованных» и «оригинальных» сцен, но главное и коренное отличие «Трехгрошовой оперы» от «Оперы нищих» осталось бы при этом невыявленным. А между тем сатирическая природа этих произведений принципиально различна, различен в них масштаб социальной критики, различны степень и широта исторического обобщения.

В пьесе Гея современники на каждом шагу угадывали намеки на известных лиц и на всякие скандальные обстоятельства из жизни великосветского общества. В короле нищих Пичеме зрители узнавали тогдашнего премьер-министра Роберта Уолпола, в дру-

гих персонажах — придворных, их любовниц и проч. Организации нищих и воров, выведенные в пьесе, были в Лондоне двадцатых годов XVIII столетия почти документальной реальностью. Таким образом, несмотря на иносказательный характер некоторых эпизодов, иносказательность эта не выходила у Гея за пределы местного и злободневного: предметом его сатиры оставались вполне конкретные и локальные факты лондонской действительности его времени.

Другое дело — иносказание и обобщение у Брехта. «Трехгрошовая опера», как подчеркивал сам автор, дает изображение буржуазного общества, а не только «люмпен-пролетарских элементов» [1]. В пьесе Брехта нет завуалированных выпадов против известных современников, приметы места и времени условны, предметом критики является не состояние нравов в данной стране в данный момент, а капиталистический строй в целом. Характеризуя суммарно различие пьес Брехта и Гея, немецкий исследователь этого вопроса В. Гехт писал: «Гей наводил замаскированную критику на явные безобразия, Брехт подвергал явной критике замаскированные безобразия. Гей объяснял безобразия человеческими пороками, Брехт, напротив, пороки — общественными условиями» [2].

«Трехгрошовая опера» была написана Брехтом как раз в период становления его марксистского мировоззрения, в годы, когда он очень быстро прогрессировал в понимании всех противоречий, всей глубины и сложности современной общественной действительности. Несмотря на небывалый успех «Трехгрошовой оперы», это произведение вскоре перестало удовлетворять автора. В 1929 году он пишет сценарий «Трехгрошового фильма», в котором более последовательно, чем в пьесе, проводит мысль о преступлении как первооснове всяческой — легальной и нелегальной — капиталистической коммерции. В нарушение договора с автором кинокомпания отказалась принять к постановке сценарий в таком виде на том основании, что «Брехт хочет внести в фильм боевую политическую тенденцию» [3]. Состоялся процесс, но буржуазный суд, естественно, принял сторону кинокомпании. Фильм был фальсифицирован и выпущен на экран без тех острых социально-критических мотивов, на которых настаивал автор.

В 1934 году, уже покинув гитлеровскую Германию и нахо-

---

[1] Brecht B. Gesammelte Werke, Bd. I. London, 1938, S. 95.
[2] Цит. по кн.: Grimm K. Brecht und die Weltliteratur. Nürnberg, 1961, S. 33.
[3] Brecht B. Versuche, Heft 3. Berlin, 1931, S. 261.

дясь в эмиграции, Брехт снова, в третий раз, вернулся к прежней теме и создал «Трехгрошовый роман», идейно наиболее глубокое и художественно наиболее совершенное воплощение полюбившегося ему сюжета.

Правомерен вопрос: почему Брехт вообще обратился к сюжету, уже до него введенному в литературу? Носило ли такое заимствование в его творческой практике случайный и исключительный характер, или он прибегал к нему неоднократно, сознательно преследуя при этом определенные идейно-художественные цели?

Значительное большинство произведений Брехта написано на традиционные сюжеты, почерпнутые у Софокла, у Тита Ливия, Шекспира и Шиллера, Горького и Гашека и др. Эта особенность творчества Брехта не раз приводила к различным необоснованным упрекам по его адресу и к недоразумениям, вплоть до обвинений в плагиате и предъявления судебных исков. А между тем история мировой литературы содержит немало фактов, говорящих «в пользу Брехта». Разве Шекспир сам «выдумывал» сюжеты своих пьес? Нет, он черпал их обычно из произведений античных авторов, из средневековых хроник, из новелл писателей Возрождения и других литературных источников. А драматурги-елизаветинцы? А Мольер? И разве мы не знаем, что сюжеты о Прометее, Фаусте, Дон-Жуане и пр. разрабатывались на протяжении веков многими десятками писателей? И придет ли кому-нибудь в голову обвинить Шелли как автора «Прометея освобожденного» в плагиате у Эсхила или бросить Мольеру, Байрону, Пушкину упрек в художественной несамостоятельности и подражании Тирсо ди Молине, создателю первого образа Дон-Жуана?

Обращение к уже известным сюжетам может быть в каждом случае по-своему понято и объяснено. У Брехта оно имеет двоякое значение: их приятие есть в то же время и их отрицание. Брехт высоко чтил традиции писателей, произведения которых служили ему отправным пунктом для собственного творчества, и его обращение к Гею, а через него к Свифту (Свифт был другом Гея, и он подсказал ему идею «Оперы нищих»), не было случайным, ибо Брехт причислял Свифта к величайшим писателям прошлого и в своем творчестве сознательно опирался на традиции Просвещения, в частности английского (Свифт, Мандевиль, Гей, Филдинг). Но в то же время обращение Брехта к сюжетам своих предшественников не приводит его к повторению или пассивному подражанию. Напротив, оно носит характер творческий и даже полемический. Обращаясь к традиции, Брехт оставался новатором.

* * *

Тема «Трехгрошового романа» — капитализм в его империалистической стадии, то есть экономический строй, социальные отношения, идеология и мораль буржуазного общества в эпоху господства могущественных монополистических объединений. В романе показаны такие монополии и их заправилы. Но Брехт выбирает объектами своего изображения не металлургический трест, нефтяной синдикат или химический концерн и не королей угля или стали, а монополии и монополистов совсем другого рода.

Читатель знакомится с Джонатаном Джеремией (Ионафаном Иеремией) Пичемом — пуританином с головы до ног, начиная с его благочестивого библейского имени и кончая высоконравственными сентенциями, которыми он любит украшать свою речь. Этот коммерсант, официально владелец лавки подержанных музыкальных инструментов, фактически является главой монополистического предприятия в области нищенства. Он извлекает прибыль из нищеты и общественного сострадания так же, как любой другой капиталист — из производства тканей или торговли резиновыми изделиями.

Пичем поставил на исключительную высоту изучение психологии сострадания и средств воздействия на него. Он содержит костюмерную мастерскую и склад орудий нищенского промысла и снабжает своих людей протезами, костылями, искусственными язвами, собаками-поводырями для действительных и мнимых слепцов, рубищами для убогих стариков и мундирами с орденскими ленточками для инвалидов войны. Владея «средствами производства», он эксплуатирует своих рабочих так же, как это делает любой владелец фабрики или шахты. Распоряжаясь целой армией профессиональных нищих, калек и симулянтов и безжалостно сметая с дороги конкурентов, мелких представителей свободной инициативы в сборе милостыни, Пичем стал монополистом, королем нищенства.

В родственной сфере деловой жизни подвизается и другой достойный джентльмен — Мэкхит, по кличке Нож. Он владелец обширной сети так называемых д-лавок, где товары продаются почти по бросовым ценам. Товары эти дешевы потому, что они краденые, а сам мистер Мэкхит является монополистом в области уголовного бизнеса: под его началом состоят все лондонские воры, грабители, взломщики и бандиты, люди, по которым уже давно тоскует пеньковая петля. Ныне эти бывшие самостоятельные предприниматели стали «рабочими» в гангстерском концерне Мэк-

хита и поставляют краденые товары его лавкам, пользуясь принадлежащим ему транспортом, оружием, сложными и усовершенствованными орудиями взлома, складами — всем, без чего невозможен грабеж на уровне современных требований. Здесь действует закон экономического принуждения, который одна из приближенных Мэкхита разъясняет следующим образом: «Ты не грозишь им ни револьвером, ни ножом — ты просто владеешь их орудиями производства. Ты не предаешь их в руки полиции — голод заставляет их работать. Поверь мне: так лучше. Так поступают все современные предприниматели».

Так поступают все современные предприниматели — вот один из лейтмотивов романа и одновременно ключ к пониманию замысла Брехта. Он берет такие необычайные и малореспектабельные отрасли экономической деятельности, как грабеж и нищенство, дабы показать, что они ничем принципиально не отличаются от любого другого бизнеса в капиталистическом обществе, что они организационно строятся на тех же началах и опираются на такое же идеологическое и моральное обоснование, как и любая легальная форма извлечения прибыли — например, издание священных книг и трудов отцов церкви, — и что вообще грабеж и нищенство, то есть преступление и бедственное положение масс, лежат в основе капиталистических производственных отношений, и, следовательно, преступление и капитализм — понятия тождественные. Поручая одному из своих людей «мокрое дело» — убийство, Пичем успокаивает его рассуждениями, пародирующими известное изречение Клаузевица: «Это чисто коммерческое дело. Это продолжение коммерции другими средствами».

О родственности и в известной мере даже тождественности преступления и «солидного» бизнеса свидетельствует история возвышения Мэкхита. В жестокой борьбе, полной превратностей и переходов от отчаяния к надежде, перегрызая горло соперникам и руководствуясь лишь волчьим девизом, «больной умирает, а сильный борется», Мэкхит добивается своей цели. В конце романа описывается торжественный ужин в ресторане по случаю образования синдиката розничной торговли — монополистического объединения различных, прежде конкурировавших фирм. Главой этого синдиката становится Мэкхит-Нож, поднявшийся, таким образом, на более высокую ступень в капиталистической иерархии, но, по существу, не изменивший своей профессии налетчика. Он прекрасно понимает, что все ступени коммерческой лестницы одинаково загажены, что банкир стоит грабителя, но банкир выше, быть им выгоднее, и поэтому нужно стремиться им стать. «Что такое отмычка по сравнению с акцией? — проповедует Мэк-

хит своему соратнику из уголовной гильдии. — Что такое налет на банк по сравнению с основанием банка? Что такое, милый Груч, убийство человека по сравнению с использованием его как рабочей силы?»

Основной пафос «Трехгрошового романа» составляет обличение лжи как оружия эксплуататоров. Ложь всегда изобретательна: она выступает в импонирующем облачении, под прикрытием благородных речей, в союзе с искусной демагогией; она пытается разжечь и использовать самые темные инстинкты и эмоции; она само бескорыстие и жертвенный альтруизм; изобличенная и припертая к стенке, она, защищаясь, именует себя «благостной», «святой», «спасительной» ложью... Но Брехт, преданный трезвой и суровой правде без словесных прикрас и подозрительных по своему «благородству» чувств, вскрывает все виды социального обмана, материальную подноготную самой «идеальной» лжи. Он подвергает скрупулезному исследованию весь «лексикон прописных истин» стандартной буржуазной морали и показывает, что каждое слово в устах буржуа — это двойная и тройная ложь что его нравственность, патриотизм, религиозность, чадолюбие законопослушание и проч.— все это только маскировка, вошедшая в его плоть и кровь система лицемерных фраз.

Повествование в «Трехгрошовом романе» ведется как бы в двух планах: явном и подспудном. Действие все время сопровождается невысказанным, но подразумеваемым, вытекающим из сюжетных ситуаций комментарием, поступки персонажей по контрасту оттеняют их лживое выспреннее пустословие.

Маклер Кокс разражается исполненными благородного негодования тирадами против низменного материализма коммунистов как раз после отвратительной сцены с проституткой в саутгемптонской гостинице, где он сумел достаточно наглядно продемонстрировать «возвышенную идеальность» своей натуры. Пламенные патриоты во имя наживы сбывают правительству плавучие гробы, на которых солдаты ее величества прямым путем отправляются на дно морское. Любящий отец Пичем в интересах своей коммерции торгует дочерью, толкает ее в постель к омерзительнейшему развратнику. Врач-гинеколог, моралист и законник, содержит подпольный абортарий и встречает своих клиенток речами, в которых, незаметно чередуясь, плывут сплошным потоком ссылки на священные принципы религии и морали и на строгость полицейских правил, на врачебную совесть, запрещающую операции, противные законам бога и общества, и на пятнадцать фунтов стерлингов, которые клиентка да не забудет принести с собой, когда явится на операцию.

Разоблачая лицемерие, ханжество, фарисейство буржуазной морали, чудовищное несоответствие слов и дел, возвышенной видимости и низменной сущности, Брехт прибегает в своем «Трехгрошовом романе» (как и во многих других произведениях) к приемам литературной пародии. Он сталкивает традиционные формы, вполне почтенные и благопристойные, со скандально-непристойным содержанием, отражающим повседневную житейскую практику буржуазных дельцов, мошенников, корыстолюбцев. Он пародирует Библию, пародирует популярные изречения и банальные истины, пародирует сентиментальный семейный роман. На это справедливо указывает О. В. Флоровская: «Соблазненная невинная девица, отец — строгий пуританин, тяжело переносящий позор дочери, молодой соблазнитель, старый, но богатый жених, романтическое бегство, тайный брак — все эти аксессуары тривиального сюжета буржуазного семейного романа буквально выворачиваются в «Трехгрошовом романе» наизнанку»[1].

Повествование в «Трехгрошовом романе» носит в значительной степени обобщенный характер, исторической конкретности в узком смысле этого слова, бытовому жизнеподобию автор не придает особого значения. «Действие происходит в провинции Сычуань, но могло бы происходить в любом другом месте, где человек эксплуатирует человека»,— такой ремаркой Брехт снабдил одну из своих пьес. То же можно было бы сказать и о «Трехгрошовом романе». Мнение одного критика, который находит в этом произведении «рассказ о страшных последствиях Англо-бурской войны», не лишено некоторой наивности. В самом деле, действие романа как будто бы происходит в 1901—1902 годах, то есть во время Англо-бурской войны, но Брехт то прослаивает повествование анахронизмами, переносящими читателя в другие годы, то вводит прозрачные намеки на политические события предгитлеровской эпохи и первого года фашистской диктатуры, например, намек на демонстративное выражение Гитлером солидарности со своими единомышленниками, подвергавшимися тюремному заключению в годы Веймарской республики, или на поджог рейхстага, произведенный нацистами 27 февраля 1933 года, то пародирует демагогическую фразеологию гитлеровцев, их рассуждения о «народной общности», о «сплочении народа вокруг вождя» и т. п. Он видит задачу в том, чтобы помочь читателю отвлечься от узкой локально-исторической обстановки, прийти

---

[1] Труды Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова, т. 149, вып. 9, 1959, с. 106.

к выводам более общего порядка, вынести приговор капиталистическому строю в целом.

Такая позиция художника могла бы заключать в себе определенную опасность социологического схематизма и дидактической сухости. Но Брехт обладал необычайно развитым поэтическим даром наблюдать и запечатлевать неповторимо индивидуальный облик людей и событий. При известной обобщенности исторического фона перед читателем предстают в «Трехгрошовом романе» жизненно яркие и полнокровные реалистические образы.

Проза Брехта несет на себе явный отпечаток драматургического метода автора. Брехт полон ненависти или сочувствия к своим персонажам, но эти чувства автора нигде не выражены в прямой форме, в виде лирических отступлений или авторского комментария к словам, мыслям и поступкам героев. Слово все время предоставлено им самим. В эпическую ткань романа вводятся (выделяемые курсивом) монологи действующих лиц, да и само повествование попеременно ведется как бы с позиций того или иного персонажа. Автор выносит им приговор, не вторгаясь в повествование, ибо высказывания героев содержат в себе их саморазоблачение.

Вспомним, например, внутренний монолог Мэкхита, его размышления о своем будущем сыне. «Я назову его Диком,— мечтал он,— я научу его всему. Я поделюсь с ним всем, что я знаю... Я возьму его за ручку и расскажу ему, как нужно руководить концерном и выколачивать деньги из людей, из этих продувных, ненадежных, отлынивающих от работы типов. "Если кто попробует слизать кашу с твоей тарелки, бей его ложкой,— скажу я ему,— и притом бей так долго, покуда он не поймет. Если ты увидишь приоткрытую дверь, сейчас же просунь ногу в щель, а потом — валяй что есть мочи, пролезай внутрь!.."»

Какой силой саморазоблачения обладают эти столь интимные размышления Мэкхита! С каждым словом перед читателем все полнее раскрывается его циничная, разбойничья сущность. Монолог начинается с высоких нот: разве не глубоко человечны чувства отца, его любовь и нежность к ребенку, разве не достойно восхищения присущее ему сознание ответственности за будущее сына? Но вот мы замечаем, что все эти чувства — поддельные, что это лишь имитация сентиментально-мещанской добропорядочности. Это бы еще куда ни шло! Но вот уже человечность оборачивается бесчеловечностью, мораль чистогана превращает человека в зверя, социальные чувства перерождаются в хищнические инстинкты волчьей стаи... Мэкхит выдал сам себя, словно бы и без участия автора. Однако лишь при поверхностном взгляде может

показаться, что роман написан в холодной, безучастной манере. Чуткое и вдумчивое чтение дает возможность на каждой странице увидеть позицию автора и почувствовать страстность его убеждений.

Если Брехт избегает авторского комментария в виде прямого, от собственного лица, вторжения в повествование, то в иной, косвенной и очень своеобразной форме роль авторского комментария выполняют в романе стихотворные эпиграфы. Писатель широко вводит их не для того, разумеется, чтобы напомнить, что он не только прозаик, но и поэт (и притом, добавим мы, замечательный поэт, один из самых выдающихся лириков и сатириков в немецкой поэзии XX века).

Сколь это ни парадоксально, но эти эпиграфы скорее напоминают о том, что автор — драматург, и прежде всего драматург. Они выполняют в романе в основном ту же функцию, что и так называемые «сонги» в его пьесах: они имеют лейтмотивное значение, углубляют и проясняют смысл действия, проливают на него дополнительный свет авторского обобщения.

«Трехгрошовый роман» является замечательным антикапиталистическим произведением не только по силе ненависти автора к буржуазному строю, но и по глубине понимания его скрытой сущности и правящих в этом мире законов. Роман заканчивается описанием вещего сна инвалида войны Фьюкумби, сна, рассказывающего о том великом и справедливом суде над угнетателями, который учинят обездоленные после грядущей победоносной революции. Но все же в центре внимания автора не революционный авангард народа, а пассивные и смиренные бедняки, на покорности которых в значительной мере зиждется власть эксплуататоров. Вот почему суд этот завершается осуждением не только угнетателей, но и самого Фьюкумби и вместе с ним всех тех, кто терпел и не сопротивлялся, тех «розничных торговцев и торговок, швей, инвалидов войны и нищих», которые в конце романа рукоплещут, не сознавая этого, своим собственным палачам.

Нетерпеливый гнев Брехта направлен не только против преступлений господствующего класса в форме прямого насилия, но и против растлевающего влияния буржуазной идеологии на сознание отсталых трудящихся. Этому растлевающему влиянию Брехт противопоставляет свой революционный разум, свое просветительское слово, обращенное к народу.

И. Фрадкин

ТРЕХГРОШОВЫЙ РОМАН

ПРИСТАНИЩЕ

Вот и взял то, что дали ему, человек,
Но сказал, ибо был с головой:
«За что вы даёте мне хлеб и ночлег?
Горе мне! Что будет со мной?»

Из старинной ирландской баллады
«Гибель господина Эйгина»

Солдат по имени Джордж Фьюкумби был во время англо-бурской войны ранен в ногу, вследствие чего в кейптаунском госпитале ему ампутировали голень. По возвращении в Лондон он получил семьдесят пять фунтов пособия, причем с него взяли подписку, что он не имеет больше никаких претензий к государству. Эти семьдесят пять фунтов он вложил в маленькую харчевню в Ньюгете, которая, как явствовало из исписанных карандашом и заляпанных пивом счетных книг, приносила не менее сорока шиллингов прибыли.

Однако, въехав в крохотную каморку при харчевне и поторговав несколько недель с помощью одной старухи, он убедился, что нога его, в общем, не окупилась: прибыль была значительно ниже сорока шиллингов, несмотря на то, что солдат старался всячески угождать своим клиентам. Вскоре выяснилось, что за последнее время в квартале производились строительные работы, так что основными посетителями харчевни были каменщики. Теперь же строительные работы закончились, а вместе с ними исчезла и богатая клиентура. Новый владелец, как ему потом сказали, мог бы без труда установить это по книгам, так как доход в будни, вопреки всем законам трактирного промысла, превышал доход в праздничные дни, но наш солдат до сей поры имел дело с подобными заведениями

только в качестве потребителя, а не хозяина. Он еле-еле протянул четыре месяца, из которых у него очень много времени ушло на розыски прежнего владельца, а затем очутился на улице без всяких средств к существованию.

Некоторое время он ютился у одной молодой солдатки и, покуда она хозяйничала в своей лавке, рассказывал ее детишкам о войне. А потом муж написал ей, что едет домой на побывку, и она поторопилась отвязаться от солдата, с которым, как это нередко водится в тесных квартирах, она тем временем сошлась. Он еще несколько дней проторчал у нее, но в конце концов все-таки принужден был убраться, наведался к ней еще несколько раз, когда муж был уже дома, иногда у нее закусывал, падал все ниже и ниже и утонул наконец в бесконечном потоке тех жалких созданий, которых голод день и ночь гонит по улицам столицы мира.

Однажды утром он стоял на одном из мостов через Темзу. Он уже два дня не ел как следует, ибо те завсегдатаи кабаков, к которым он обращался в старом своем солдатском мундире, заказывали для него напитки, но не еду. Не будь на нем мундира, они бы и не поили его — для этого он, собственно, его и надевал.

Теперь он опять был в штатском, как в бытность свою кабатчиком. Ибо он решил просить милостыню, и ему было стыдно. Он стыдился не своей простреленной ноги и не того, что купил нерентабельное предприятие,— ему было стыдно, что обстоятельства принуждают его клянчить деньги у совершенно чужих людей. Он считал, что никто никому ничего не должен.

Нищенство оказалось трудным делом. Это была подходящая профессия для тех, кто никогда ничему не учился, однако и эту профессию, по-видимому, нужно было изучать. Он обращался по очереди ко многим прохожим, но сохранял при этом высокомерное выражение лица и старался не загораживать им дороги. Кроме того, он изъяснялся относительно длинными фразами, которые успевал закончить лишь тогда, ког-

да прохожего уже и в помине не было; к тому же он не протягивал руку. И в итоге, после того как он не менее пяти раз подверг себя унижению, едва ли кто из прохожих заметил, что у него просили подаяние. Впрочем, кое-кто это заметил, ибо внезапно за спиной у Фьюкумби чей-то хриплый голос произнес: «А ну, катись отсюда, сукин сын!» Чувствуя свою вину, он даже не оглянулся. Он просто пошел дальше, втянув голову в плечи. Пройдя сотню шагов, он осмелился обернуться и увидел двух оборванцев самого скверного пошиба, глядевших ему вслед. Он заковылял прочь; они последовали за ним.

Только пройдя несколько улиц, он потерял их из виду.

На следующий день, когда он бродил около доков, время от времени повергая разных простолюдинов в изумление своими попытками заговорить с ними, кто-то внезапно ударил его по спине. Одновременно ударивший сунул ему что-то в карман. Обернувшись, солдат не увидел никого; из кармана же он извлек смятую в комок и невероятно измаранную карточку, на которой значился адрес фирмы: «Дж. Дж. Пичем, Олд Оук-стрит, 7». Снизу было приписано карандашом: «Если тибе дорок твой шкилет, тагда по этому адрису». Приписанное было дважды подчеркнуто. Фьюкумби постепенно уразумел, что эти нападения имеют какое-то касательство к его нищенству. Он не испытывал, однако, ни малейшего желания идти на Олд Оук-стрит.

Под вечер у какой-то пивной с ним заговорил нищий, в котором он узнал одного из вчерашних своих преследователей. Сегодня он казался более снисходительным. Он был еще молод и обладал, в сущности, недурной наружностью. Он схватил Фьюкумби за рукав и потащил за собой.

— А ну-ка, сукин сын,— начал он дружелюбно и совершенно спокойным тоном,— покажи твой номер.

— Какой такой номер? — спросил солдат.

Идя с ним бок о бок, все так же дружелюбно, но

ни на мгновение не выпуская его из виду, молодой человек объяснил ему на языке соответствующих общественных слоев, что его новая профессия так же регламентирована, как и всякая другая, а может быть, даже и еще строже; что он, да будет ему известно, находится не в какой-нибудь дикой, покинутой цивилизованными людьми глуши, но в большом и благоустроенном городе, столице мира. Для того чтобы заниматься этим новым для него ремеслом, ему необходимо иметь номер, своего рода патент, каковой он может получить там-то и там-то,— разумеется, не бесплатно,— на Олд Оук-стрит находится фирма, где ему следует зарегистрироваться надлежащим образом.

Фьюкумби выслушал его, не задав ни одного вопроса. Потом ответил столь же дружелюбно,— они шли по людной улице,— что он душевно рад, что существует подобное объединение, как, скажем, у каменщиков или цирюльников, но он лично предпочитает действовать как ему заблагорассудится: он и так уж всю свою жизнь выполнял чужие предписания в гораздо большей мере, чем ему хотелось бы, доказательством чему может служить его деревянная нога.

Засим он подал на прощание руку своему спутнику, внимавшему ему с такой миной, словно он слушал чрезвычайно интересное рассуждение многоопытного человека, с которым, к сожалению, нельзя полностью согласиться, и тот, смеясь, хлопнул его по плечу, как старого приятеля, и перешел на другую сторону улицы. Фьюкумби его смех не понравился.

Положение его с каждым днем становилось все хуже.

Как выяснилось, для того чтобы более или менее регулярно получать милостыню, необходимо было иметь постоянное место (места бывали хорошие и плохие), а он его не имел. Его отовсюду гнали. Как устраиваются другие, он не знал. Почему-то все имели гораздо более жалкий вид, чем он. Одеты они были в настоящие лохмотья, из которых торчали кости (впоследствии он узнал, что в определенных кругах одежда

не позволяющая разглядеть те или иные части голого тела, уподобляется витрине, заклеенной бумагой). Физическое их состояние также было гораздо хуже, чем у него: увечья многочисленней и серьезней. Многие сидели без подстилки, прямо на холодной земле, внушая прохожему твердую уверенность, что нищий неминуемо схватит какую-нибудь болезнь. Фьюкумби охотно уселся бы на холодную землю, если бы ему позволили. Но этим жутким правом пользовались, очевидно, не все. Полицейские и нищие то и дело гнали его прочь.

В результате всех этих испытаний он простудился и бродил по городу, трясясь от озноба и ощущая покалывание в груди.

Однажды вечером он вновь встретился с молодым нищим, который тотчас же последовал за ним. Двумя кварталами дальше к первому нищему присоединился второй. Фьюкумби пустился бежать — они побежали следом.

Он сворачивал из переулка в переулок, пытаясь избавиться от них, и уже думал, что это ему удалось, как вдруг они выросли перед ним на перекрестке и, прежде чем он успел их как следует рассмотреть, принялись избивать его палками. Один из них даже упал на мостовую и дернул Фьюкумби за деревяшку так, что тот грохнулся затылком. В ту же минуту они оставили его в покое и убежали — из-за угла появился полицейский.

Фьюкумби решил было, что полицейский сию же минуту заберет его, как вдруг из ближайших ворот выкатился на тележке третий нищий и возбужденно указал на бегущих, пытаясь клохчущим голосом объяснить что-то полицейскому. Когда Фьюкумби, поднятый полицейским и получивший от него тумака в спину, потрусил дальше, нищий последовал за ним, обеими руками направляя свою железную тележку.

У него, очевидно, не было ног.

На следующем перекрестке безногий ухватил Фьюкумби за штанину. Они находились в самой грязной

части города, улицы были тут не шире человеческого роста, рядом зияли низкие ворота, ведущие в какой-то темный двор.

— Сюда! — хрипло приказал калека.

Наехав своей колесницей, снабженной сбоку стальным рычагом, на ослабевшего от голода Фьюкумби, он ловко загнал его во двор, имевший не более трех метров в поперечнике. И, прежде чем ошеломленный солдат успел оглядеться, калека — пожилой мужчина с огромным подбородком — выкарабкался, точно обезьяна, из своей тележки и, оказавшись обладателем пары здоровых ног, ринулся на него.

Он был по крайней мере на голову выше Фьюкумби, и руки у него были как у орангутанга.

— *Скидывай куртку!* — крикнул он.— *Докажи в открытом, честном бою, что ты более меня достоин занимать то доходное место, которого мы оба добиваемся. «Дорогу способнейшему!» и «Горе побежденному!» — вот мой девиз. Таким образом, я служу благу всего человечества в целом, ибо тем самым только дельные и способные возвышаются и становятся обладателями всего прекрасного на земле. Но не вздумай пользоваться запрещенными приемами, не бей ниже пояса и по затылку и не прибегай к помощи колен. Бой будет признан действительным, только если мы не станем отступать от правил Британского союза боксеров!*

Схватка была непродолжительной. Физически и нравственно разбитый, Фьюкумби поплелся за стариком.

Об Олд Оук-стрит больше не было речи.

В течение недели он находился в подчинении у старика, который заставил его стоять, снова в солдатском мундире, на одном и том же перекрестке, а по вечерам, когда они производили расчет, кормил его.

Заработок его все время оставался на очень низком уровне. Он беспрекословно сдавал деньги старику и зачастую даже не знал, хватит ли этих нескольких грошей на жареную селедку и чашку скверного виски, из которых состоял его обед. Старик, чьи уве-

чья выглядели страшнее, а в действительности не существовали вовсе, зарабатывал несравненно больше его.

Со временем солдат убедился, что его шеф умышленно ставит его на мосту против себя, чтобы никто другой не занял этого места. Главным источником дохода были люди, всегда проходившие здесь в предобеденное время либо же утром, по дороге на службу, и вечером, когда они возвращались домой. Они давали только по разу и, как правило, ходили всегда по одной стороне, но все же время от времени изменяли этому обыкновению. На них ни в коем случае нельзя было надеяться.

Фьюкумби понимал, что занятое им положение — некоторый шаг вперед, но что это еще далеко не то, что нужно.

По истечении недели у старика, по-видимому, возникли из-за него трения с таинственной компанией на Олд Оук-стрит. Трое или четверо нищих напали на них, когда они ранним утром выбирались из своего логова — заброшенного сарая в порту, и потащили их из улицы в улицу в дом, где помещалась маленькая, невероятно загаженная лавчонка под вывеской «Музыкальные инструменты».

За источенным червями прилавком стояли двое мужчин. Один из них, маленький, тощий, с будничным лицом, без пиджака, в некогда черном жилете и таких же брюках, повернулся к витрине, сдвинув на затылок продавленный котелок, засунув руки в карманы, и глядел в утреннюю муть. Он не обернулся и ни одним движением не выказал интереса к вошедшим. Другой был толст, с лицом красным как рак, и выглядел, пожалуй, еще более буднично.

— Доброе утро, господин Смизи,— с явной насмешкой приветствовал он старика и, распахнув обитую жестью дверь, прошел, не пропустив его вперед, в соседнее помещение.

Старик растерянно поглядел по сторонам, а потом последовал за ним под конвоем доставивших его людей. Лицо его стало серым.

Фьюкумби, никем, казалось, не замеченный, остался в тесной лавке. На стене висело несколько музыкальных инструментов — старые, помятые трубы, скрипки без струн, несколько облезлых шарманок. Предприятие это, по всей видимости, не процветало, инструменты были покрыты толстым слоем пыли.

Впоследствии Фьюкумби довелось узнать, что эти семь-восемь музыкальных древностей не играли здесь особо важной роли. Точно так же и узкий, в два окна, фасад дома давал весьма неполное представление о размерах скрывавшихся за ним построек. Прилавок с дряхлым выдвижным ящиком для денег тоже мало о чем говорил.

В этом старинном подворье, охватывавшем три весьма вместительных дома с двумя дворами, помещались портняжная мастерская, где работало шесть девиц, и сапожная мастерская с таким же количеством первоклассных мастеров. И, что самое главное, где-то тут же находилась картотека, содержавшая не менее шести тысяч имен мужчин и женщин, которым была оказана честь работать на эту фирму.

Солдат не сразу сообразил, каково назначение этого своеобразного и подозрительного предприятия; ему понадобилось на это несколько недель. Но он был до такой степени измучен, что сразу понял: для него будет истинным счастьем вступить в эту большую, таинственную и могущественную организацию.

Господин Смизи, первый работодатель Фьюкумби, в это утро больше не появлялся, и Фьюкумби видел его впоследствии всего лишь два-три раза, да и то издали.

Через некоторое время толстяк крикнул в лавку, чуть приоткрыв обитую жестью дверь:

— У него настоящая деревяшка!

Низенький — очевидно, хозяин — подошел к Фьюкумби и быстрым движением задрал ему штанину, чтобы осмотреть деревяшку. Потом, опять засунув руки в карманы, он вернулся к окну, поглядел на улицу и тихо сказал:

— Что вы умеете делать?

— Ничего,— так же тихо ответил солдат.— Я прошу милостыню.

— *Это всякому хочется,*— сказал низенький насмешливо, даже не глядя на него.— *У вас деревянная нога. И оттого, что у вас деревянная нога, вы просите милостыню? Ах! Вы возложили вашу ногу на алтарь отечества? Тем хуже для вас! Это может случиться со всяким? Несомненно! (За исключением военного министра.) Когда у человека нет ноги, ему остается рассчитывать только на своего ближнего? Бесспорно! Но точно так же бесспорно, что люди неохотно дают милостыню! Войны — исключительный случай. Если происходит землетрясение, в этом никто не виноват. Точно мы не знаем, что за непотребство патриотизм господ патриотов. Сначала они идут на войну добровольцами, а потом, чуть только недосчитаются ноги, куда девался весь их патриотизм! Не говоря уже о тех бесчисленных случаях, когда какой-нибудь кучер пивного фургона, лишившийся ноги на самой будничной работе, ну хотя бы при доставке пивных бочек, начинает нести околесицу о каких-то сражениях. А главное: воевать за родину оттого-то и считается почетным делом, таких храбрецов оттого-то и осыпают почестями и благодарностями, что в результате у человека оттяпывают ногу! Если бы не этот небольшой риск... Ну, ладно, этот большой риск... то чего ради вся нация стала бы рассыпаться в благодарностях? В сущности говоря, вы агитируете против войны,— не вздумайте этого отрицать. Тем, что вы топчетесь у всех на виду и даже не пытаетесь скрыть свой обрубок, вы как бы говорите: «Ах, что за страшная вещь война! На войне люди теряют ноги!» Стыдитесь, сударь! Войны столь же необходимы, сколь и ужасны. Можем ли мы допустить, чтобы у нас отняли все, что у нас есть? Можем ли мы допустить, чтобы на нашем британском острове хозяйничали чужеземцы, враги? Уж не хотите ли вы жить среди врагов? Вот видите, вы этого не хотите! Словом, вы не должны торговать вашим убожеством, мой друг. У вас нет для этого данных...*

Произнеся эту тираду, он прошел мимо солдата, даже не взглянув на него, и скрылся в конторе за обитой жестью дверью. Вместо него появился толстяк и повел Фьюкумби,— только из снисхождения к его ноге, как он пояснил,— через один двор в другой и там поручил ему ходить за собаками.

В дальнейшем солдат дни и ночи околачивался на дворе и ходил за собаками — поводырями слепцов. Их было тут довольно много, но подобраны они были не по степени пригодности к вождению слепцов (этих несчастных набралось бы тут не более пяти человек), но совсем по иным признакам, главным образом по тому, в какой мере они способны возбуждать сострадание, иными словами — достаточно ли у них жалкий вид, что, впрочем, частично зависело и от питания. У них был до крайности жалкий вид.

Если бы уполномоченный по переписи народонаселения спросил Фьюкумби, какова его профессия, тот бы наверняка смутился, и не только из боязни обратить на себя внимание полиции. Едва ли он назвал бы себя нищим. Он служил в предприятии, снабжающем уличных попрошаек орудиями производства.

Больше не было сделано ни одной попытки превратить его в более или менее сносного нищего. Местные специалисты с первого взгляда установили, что он к этому делу не приспособлен. Ему повезло. Он не обладал ни одним из тех качеств, которые создают нищего, зато обладал тем, чем немногие тут могли похвастать,— настоящей деревянной ногой,— и этого было достаточно, чтобы он получил постоянное место.

Время от времени его вызывали в лавку и предлагали ему предъявить деревяшку представителю ближайшего полицейского участка. Для этого, правда, вовсе не требовалось, чтобы она была настоящей в такой степени, в какой она, к сожалению, была. Полицейский едва смотрел на нее. Почти всякий раз в лавке случайно оказывалась девица Полли Пичем, дочь хозяина, умевшая обходиться с представителями власти.

В общем и целом бывший солдат прожил еще отпущенные ему судьбой полгода среди собак, после чего ему пришлось при весьма необычных обстоятельствах распроститься со своей неуютной жизнью, повиснув в петле под рукоплескания огромной толпы.

Маленький человек, которого он увидел подле витрины в первый день своего пребывания в этом интересном доме, был господин Джонатан Джеремия Пичем.

КНИГА ПЕРВАЯ

ЛЮБОВЬ И ЗАМУЖЕСТВО ПОЛЛИ ПИЧЕМ

Когда я, как ты, невинной девчонкой была,
Я любила мечтать иногда,
Что и ко мне придет кто-то,—
Как быть, что делать мне тогда?
Пускай богат он,
Пускай красив он,
Пусть и в будни чисто одет.
Пускай умеет он дамам тонко льстить —
Я все же отвечу: «Нет!»
Надо быть холодной, точно лед,
Неприступной, как гранит.
Пусть сияет ночью над рекой луна,
Пусть нетерпеливо в берег бьет волна,
Он меня не соблазнит.
Ах, нельзя ж в постель ложиться с каждым!
Бессердечной надо быть в ответ.
А не то потом заплачешь не однажды!
Ах, всем надо говорить лишь: «Нет!»

Мой первый поклонник из Кента был.
Он был, как атлет, силен.
Второй был шкипер, а третий был мальчик
И в меня безумно влюблен.
Богаты были все,
Красивы были все,
И в будни был каждый чисто одет.
Все они умели дамам тонко льстить,
И все ж я ответила: «Нет!»
Я была холодной, точно лед,
Неприступной, как металл.

Нам сияла ночью над рекой луна,
Била с нетерпеньем в берег наш волна,
Но никто твердыни не взял.
Ах, нельзя ж в постель ложиться с каждым!
Бессердечной я была в ответ.
Чтоб потом не плакать не однажды,
Говорить всем надо только: «Нет!»

Но вот пришел ко мне некто,
И он ни о чем не просил,
Он повесил молча шляпу на гвоздь в углу
моей спальни,
И сразу лишилась я сил.
Хоть и не был он богат,
Хоть и не был он красив,
Очень грязно и в воскресенье одет,
Хоть и не умел он дамам тонко льстить,—
Ему не сказала я: «Нет!»
Не смогла я быть холодной, как лед,
Неприступной, как скала.
Ах, сияла ночью над рекой луна,
Ах, призывно билась в берег наш волна,
Отказать ему я не могла.
Наконец я утолила жажду.
О, нельзя же бессердечной быть в ответ,
И от счастья я рыдала не однажды
И ни разу не сказала: «Нет!»

«Песенка Полли Пичем»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДРУГ НИЩЕГО

Во имя борьбы с растущей человеческой черствостью негоциант Дж. Дж. Пичем открыл лавку, в которой самые убогие из убогих имели возможность приобрести внешний вид, способный тронуть все более ожесточающиеся сердца.

Сначала он занимался исключительно продажей подержанных музыкальных инструментов, которые покупались или брались напрокат нищими или уличными певцами, потом, ввиду крайней недостаточности доходов, он стал приходским попечителем о бедных и таким образом получил возможность изучить положение неимущих слоев населения. Способы применения его инструментов нищими — вот что впервые заставило его задуматься.

Всем известно, что люди пользуются этими инструментами для того, чтобы тронуть сердца, а это, право же, не так легко. Чем состоятельней человек, тем обычно труднее ему растрогаться. Он готов заплатить любую цену за билет на концерт, который сулит ему долгожданное душевное волнение. Но и у менее состоятельного человека всегда найдется лишний грош, который он охотно истратит, чтобы расшевелить свое очерствевшее в борьбе за существование сердце той или иной незатейливой мелодией.

Однако Джонатан Джеремия Пичем все чаще становился жертвой неаккуратности своих клиентов, за-

держивающих платежи за прокат старых шарманок. Как сказано выше, есть вещи (очень, правда, немногие), кои еще могут потрясти современного человека, но скверно то, что при повторном применении они перестают действовать, ибо человек обладает страшной способностью становиться по собственному желанию бесчувственным, стоит ему только обнаружить вредные для себя последствия своей чувствительности. Так, например, человек, увидев на углу другого человека с культяпкой вместо руки, в первый раз готов с перепугу отвалить ему двухпенсовую монету, в следующий раз он пожертвует не больше полпенни, а в третий — совершенно хладнокровно передаст его в руки полиции.

Пичем начал с малого.

В течение некоторого времени он поддерживал своими советами нескольких нищих — одноруких, слепых, очень дряхлых на вид. Он выискивал для них рабочие места, где подают, ибо подают не всюду и не во всякое время. Так, например, оказалось, что играть на музыкальных инструментах менее выгодно, чем охотиться июньскими ночами за парочками на садовых скамейках. Парочки платили гораздо охотнее.

Нищие, доверившие свою судьбу Пичему, вскоре стали лучше зарабатывать. Они с готовностью соглашались отчислять ему за труды некоторый процент со своих доходов.

Окрепнув, он продолжал изучать дело.

Сравнительно быстро он постиг, что убогая внешность естественного происхождения производит гораздо меньше впечатления, чем внешность, созданная двумятремя умелыми штрихами. Однорукий не всегда обладает способностью вызывать жалость своим убожеством. С другой стороны, более одаренным зачастую недостает культяпки. Тут требуется вмешательство.

Пичем сфабриковал несколько искусственных увечий, как, например, раздавленные конечности, иначе говоря, руки и ноги, явно пострадавшие от несчастного случая. Это новшество имело оглушительный успех.

Вскоре он уже имел возможность открыть небольшую мастерскую для изготовления подобных конечностей.

Некоторые лавочники, в особенности владельцы гастрономических и модных магазинов, но также и обыкновенные мясники, охотно платили небольшую дань нищему, выставлявшему напоказ у их порога свои жуткие увечья, лишь бы он ушел. Отсюда один только шаг к следующей ступени — гораздо более высоким платежам за то, чтобы нищие дежурили у дверей конкурента. Мелкие торговцы отчаянно боролись за существование.

Когда картотека Пичема, Друга нищих, как он себя именовал, расширилась, оказалось возможным закрепить отдельные районы за определенными нищими. Чужаков удаляли, прибегая в случае надобности к насильственным мерам. С этого, собственно, и начался подлинный расцвет предприятия Пичема.

Однако он не почил на лаврах. Он неустанно поднимал квалификацию своих людей. В специальных помещениях его торгового дома, к тому времени значительно разросшегося, нищие, все более превращавшиеся в служащих, после всесторонней проверки их способностей обучались профессиональному дрожанию, повадкам слепцов и т. п. Пичем не терпел застоя.

Были выработаны основные типы человеческого убожества: жертва прогресса, жертва войны, жертва индустриального подъема. Они учились трогать сердца, наводить на размышления, быть назойливыми. Людей, разумеется, невозможно довести до того, чтобы они отказались от своих доходов, но весьма часто они по слабости душевной бывают не прочь замести следы.

После двадцати пяти лет неустанной деятельности Пичем стал владельцем трех собственных домов и цветущего предприятия.

ПЕРСИК ЦВЕТЕТ

Дома́, где была расположена своеобразная фабрика господина Джонатана Джеремии Пичема, имели много помещений. Среди них была и маленькая, окрашенная в розовый цвет, спаленка девицы Полли Пичем. Два из четырех крошечных окошек выходили на улицу, два других — в один из дворов, прямо на де-

ревянную галерею, тянувшуюся вдоль стены дома, так что эти окна приходилось закрывать от нескромных взоров полотняными занавесками. Открывали их только в самые жаркие летние ночи, чтобы проветрить комнату, в которой было нестерпимо душно. Спальня Полли была на третьем этаже, под самой крышей.

Девицу Пичем называли в околотке не иначе, как Персиком. У нее была очень красивая кожа.

Когда ей минуло четырнадцать лет, ей отвели эту комнатку на третьем этаже; злые языки говорили — для того, чтобы она не слишком часто сталкивалась с матерью, которая никак не могла побороть в себе склонность к спиртным напиткам. С этого возраста ее и стали называть барышней и допускали в особых случаях в лавку — в частности, когда там бывал Мичгинз из полицейского участка. Сначала она, возможно, была еще несколько молода для такой роли, но, как сказано выше, она отличалась красотой.

В прочие помещения — портняжную и шорную мастерские — она заглядывала очень редко. Ее отец предпочитал, чтобы она ходила в церковь, а не в его мастерские. Так или иначе, она была с ними знакома и не видела в них ничего особенного.

Лавка музыкальных инструментов переживала тогда пору расцвета, и кругом говорили, что, если бы не Полли, толстый Мичгинз в гораздо большей мере заинтересовался бы этой лавкой: что-то уж очень много народу посещало ее ради нескольких инструментов.

Джонатан Джеремия Пичем был, правда, почетным попечителем о бедных в трех приходах, но бедняки ходили к нему неохотно: для этого они были слишком бедны. Пичем был невысокого мнения о нищенстве, если этим ремеслом занимались не под его руководством и не профессионально.

Вполне естественно, впрочем, что Персик прилагала некоторые старания, чтобы понравиться толстяку Мичгинзу, ибо в конечном счете все делалось ради нее. Отец часто говорил в ее присутствии: «Если бы не ребенок, я бы ни одной минуты не жил этой собачьей жизнью. Уж, во всяком случае, не ради тебя, Эмма. Не для того, чтобы ты напивалась до потери сознания, Эмма!»

Эммой звали госпожу Пичем, и когда ее супруг в подобных выражениях высказывал недовольство ее невинными привычками, она обычно отвечала:

— Если бы наш брак доставлял мне какие-нибудь другие радости, я бы и капли в рот не брала. Я могу перестать хоть сегодня.

Детям часто приходится слышать такие фразы, и они производят на них известное впечатление.

Не следует, однако, думать, что Персику сознательно прививалось это — хотя бы и самое невинное — умение угодить Мичгинзу или кому-нибудь другому. Напротив! Она не могла бы припомнить ни одного случая в своей юной жизни, когда бы она купалась в корыте без ночной рубашки (окна прачечной всякий раз завешивались). Господин Пичем был против того, чтобы его дочь любовалась своей красивой кожей.

Кроме того, господин Пичем и на пять минут не отпускал ее из родительского дома без провожатого. Она ходила в школу, как все прочие дети. Но домой ее постоянно отводил Сэм.

— Твоя дочь — это сплошная чувственность и больше ничего! — сказал как-то господин Пичем своей супруге, застав Полли в тот момент, когда она вешала на стену в своей комнате вырезанную из газеты фотографию какого-то актера. При этом мнении он остался на долгие годы.

Госпожа Пичем держалась иных взглядов на чувственность — тут сказывалась горечь разочарований. Когда ее дочери пошел девятнадцатый год, она стала водить ее по воскресеньям вечером в «Каракатицу». Это был отель с почтенной репутацией; к нему примыкал небольшой садик с тремя искривленными каштановыми деревьями. Там воскресными вечерами играл духовой оркестр. Молодежь танцевала — разумеется, в высшей степени благопристойно,— а мамаши сидели со своим вязаньем вдоль садовой ограды.

Такая девица, как Полли Пичем, не могла остаться там незамеченной. У нее завелось множество поклонников; о двоих стоило серьезно подумать. Господин Бекет появился первым, но господин Смайлз был приятней. Тем не менее шансы господина Бекета возросли именно с появлением господина Смайлза и благодаря ему.

Господин Бекет был коренастый сорокалетний крепыш с головой в форме редьки. Он носил гетры на пуговицах и почти никогда не выпускал из рук необыкновенно толстой трости. Цвет лица у него был нездоровый; его нельзя было даже сравнивать со Смайлзом, который был гораздо моложе и отличался здоровым цветом лица, свойственным молодым людям, занимающимся гребным спортом на Темзе. Зато Бекет был коммерсантом, а Смайлз лишь писцом в адвокатской конторе, и поэтому господин Бекет внушал госпоже Пичем гораздо больше доверия. Молодым людям вроде Смайлза незнакомо чувство ответственности, они обычно живут сегодняшним днем, отдаваясь на волю своих страстей. Какой смысл подобной голытьбе обременять себя какими-либо обязательствами ради укрепления своего доброго имени?! Что им доброе имя?!

Этой весной Персик посещала вечернюю школу домашнего хозяйства. По дороге домой она частенько встречала Смайлза. Он увлекал девушку в ниши домов и болтал с ней, упершись ладонями вытянутых рук в стену, справа и слева от нее. Он рассчитывал главным образом на источаемый им запах различных эссенций и даже не очень старался.

С тех пор как госпожа Пичем стала кое-что подозревать, она раз в месяц тщательней обыкновенного просматривала белье дочери и всеми способами выказывала предпочтение господину Бекету. Господин Бекет был лесоторговец, мужчина строгих правил. Энергично поощряемый госпожой Пичем, он не только внешне выдвинулся на первое место. Притягательной силе красивого мужчины он мог противопоставить не менее соблазнительные достоинства мужчины хорошо обеспеченного.

Во время танцев вызывало удивление, что этот лесоторговец умеет так обнимать свою даму за бедра. Как видно, именно в этом благопристойном, одобренном матерью романе таились заманчивые бездны. Тем не менее господин Бекет долго не решался перейти границы этих освященных обществом вольностей.

Господину же Смайлзу он уступал прежде всего в том, что, будучи весьма обременен делами, не имел

столько свободного времени, сколько его соперник. Он не всегда мог отлучаться.

Однако от господина Бекета не укрылось, что Пичемы имеют в отношении него серьезные намерения. К счастью, он меньше чем кто-либо имел основания уклоняться от настоящего брака. Он пригласил госпожу Пичем и ее дочь на небольшой пикник, каковой и состоялся на Темзе в ближайшее воскресное утро. Пикник чуть было не расстроился, так как в субботу, около пяти часов вечера, господин Пичем вернулся домой в самом плачевном состоянии, жалобным голосом попросил ромашки, сразу же повалился на кровать и приказал жене положить ему на живот завернутый в горячее влажное полотенце кирпич.

Он не так давно впутался в одно предприятие, лежавшее в стороне от привычных для него дел: это были какие-то транспортные суда. Положение вещей было, судя по всему, неблагоприятно, а волнения обычно отражались на состоянии его желудка. Однако в воскресенье утром он, хоть и мучимый приступами боли, все же пошел с женой и дочерью в церковь, а затем отправился на деловое совещание. Дамам повезло: у него, как видно, были серьезные неприятности.

Для пикника господин Бекет, явившийся в белом костюме, взял напрокат кеб. Это была изящная двухместная коляска на двух больших колесах. Кучер сидел сзади на высоких козлах. Лесоторговец с большим трудом отыскал столь невместительный экипаж.

По дороге туда госпожа Пичем втиснулась между Бекетом и Полли, но когда они уселись на травке, из корзины, которой тоже нашлось место в ногах у трех седоков, вслед за яйцами, бутербродами с ветчиной и цыплятами были извлечены три бутылки ликера, и в результате господину Бекету удалось на обратном пути устроиться подле девушки.

Шел мелкий дождик: шерстяного пледа, в который они кутались, не хватало на троих, и госпожа Пичем басом подгоняла кучера, ибо время подходило уже к двум часам.

У «Каракатицы» дамы поспешно попрощались, ни о чем дальнейшем не условившись. Раскланиваясь, лесоторговец стоял у своего кеба в той же позе, что и в начале прогулки, с той только разницей, что на его го-

лую макушку капал дождь; но это был уже не тот человек. На следующей неделе он, делец, чье время было дороже денег, все вечера, кроме четверга, просидел в «Каракатице»; как-то он даже пришел дважды за один вечер. А госпожа Пичем три раза видела его в течение одного дня на Олд Оук-стрит: он стоял, опершись спиной на свою тяжелую трость и придерживая ее обеими руками. На самом же деле он даже еще чаще того созерцал вывеску «Музыкальные инструменты».

Он изучал дом.

Поджидая Полли, он внимательно наблюдал жизнь этой диковинной лавки. Он видел, как в дверь входили нормальные люди, а оттуда выкатывались на низеньких тележках калеки. Вскоре он убедился, что это одни и те же люди. Их там превращали в калек. Постепенно перед ним открылась сущность этого предприятия. Он понял, что это — золотое дно.

Госпожа Пичем, наблюдавшая за ним из-за оконного стекла второго этажа, в свою очередь, делала разные умозаключения относительно этого настойчивого воздыхателя.

Он, как видно, ждал от Персика каких-то дальнейших шагов, но дальнейших шагов не последовало. Его уверенность в том, что во время прогулки произошло нечто такое, что должно иметь определенные результаты, по-видимому, не разделялась одной особой. Возвращаясь со своих курсов домашнего хозяйства, девица Пичем шмыгала в дверь, выходившую на другую улицу.

Нередко она торопилась на свидание со Смайлзом. С ним было весело прогуливаться вечерком по парку, мимо скамеек, занятых парочками. Он говорил ей разные приятные вещи и, так сказать, занимался ее наружностью. Ему непременно нужно было, чтобы взору открывалось одно место на ее шейке, иначе платье его не устраивало. Он говорил, что она сводит его с ума.

Он очень точно и довольно охотно являлся на свидания. Это давало основание думать, что он человек долга.

В эти дни Персик положительно расцвела. Была весна, Персик в легком голубом с белыми крапинками платье расхаживала по портняжной мастерской, где с помощью утюгов на одежду наносились стеариновые

пятна, чтобы придать ей поношенный вид, и когда в узкой, кривой комнате с двумя расположенными под самым потолком окнами иссохшие портнихи отпускали по ее адресу непочтительные замечания, она поднимала юбки и показывала им маленький белый зад.

Она возилась с собаками на дворе и, дико хохоча, награждала их разными смешными кличками. Одну из них, фокстерьера, она назвала Смайлзом. Жалкое сливовое дерево во дворе вдруг показалось ей красивым. Умываясь по утрам, она пела и была влюблена — она сама не знала, в кого.

Подперев круглое, как полная луна, лицо кулаками, она по вечерам лежала в своей комнате и читала романы.

«Ах! — вздыхала она.— *Как изумительна борьба Эльвиры, этой чистой, прекрасной девушки, с греховными мыслями! Она любит своего возлюбленного, этого возвышенного, закаленного спортом мужчину; она любит его всей душой, всеми своими чистейшими и благороднейшими чувствами, и все же в глубине ее существа бродят желания, темные, властные, душные желания, не столь уж отличные от греховных страстей! «Что во мне происходит, когда я вижу любимого человека? — часто вздыхает она.— И в каком месте?» А мне, по сравнению с Эльвирой, еще хуже. Ибо я не люблю никого и все же ношу в себе эти желания! Могу ли я сказать, что их во мне будит мой возлюбленный? Я не могу этого сказать. Не красота покорила меня — трудно говорить о красоте применительно к господину Бекету, как и о возвышенных чувствах применительно к господину Смайлзу. Я, как говорится, поднимаюсь на заре с постели, и во время умывания, несомненно вполне невинного занятия, во мне просыпаются желания, направленные, к сожалению, в пространство, чуть ли не на любого мужчину; и они-то и превращают в моих глазах господина Бекета и господина Смайлза в красавцев! Что же мне думать о себе? Если так будет продолжаться и я буду и впредь, лежа в этой уединенной келье с невинными розовыми стенами, натянув простыню до самого подбородка, рисовать себе подобные картины, не говоря уже о моих снах,— то, боюсь, мои плотские страсти увлекут меня в пропасть, где, как мне приходилось слышать, погибла не одна девушка.*

Еще несколько таких ночей, и я, кажется, спутаюсь с одноногим Джорджем с собачьего двора! Что мне делать, как мне удержать господина Бекета, этого, по-видимому, все-таки выгодного жениха, на расстоянии, как он того вправе ожидать от своей будущей жены? Откуда взять открытый, ясный взор, чтобы при виде моей простодушной, доверчивой невинности у него пропали те, по всей вероятности, возникающие у него низменные желания, которые никогда и ни при каких обстоятельствах не должны быть удовлетворены до брака?»

Решение Персика выйти замуж за лесоторговца окрепло без особого воздействия с его стороны. Практическая смекалка дочери господина Пичема заставила ее сделать выбор в пользу более положительного и солидного из двух ее поклонников.

Тем не менее весельчаку Смайлзу неоднократно удавалось встречаться с девицей Пичем. Он даже уговорил ее посетить его в меблированных комнатах, где он жил и где она окончательно убедилась, что он просто не в состоянии содержать жену. Когда она, посетив его вторично, выходила вместе с ним из дома, ее увидел господин Бекет.

Госпожа Пичем вскрыла интересное письмо господина Бекета к Полли, в котором он умолял ее назначить ему свидание и весьма недвусмысленно напоминал об одном происшествии, имевшем место на пикнике. Письмо производило очень неприятное впечатление.

Госпожа Пичем устроила так, чтобы господин Бекет в ближайшее воскресенье опять имел возможность встретиться с ее дочерью в «Каракатице». Относительно Смайлза она не знала ничего определенного, не поверила бы никому, кто попытался бы сказать ей правду, и все время думала только об одном — как бы предупредить дочь, чтобы та раньше времени не заходила слишком далеко с лесоторговцем, которого госпожа Пичем наметила себе в зятья. Лежа в кровати подле своего малютки мужа, она по ночам и в особенности под утро с истинным удовольствием представляла себе свою дочь в супружеских объятиях Джимми, как она называла лесоторговца.

Тревоги ее были напрасны.

Посетители сидели за круглыми железными столиками под каштанами в большой тесноте; свободней становилось, только когда начинались танцы. Полли и господин Бекет тоже танцевали. Все это несколько затрудняло беседу. Тем не менее господину Бекету удалось овладеть вниманием дам.

Лесоторговец заказал себе порцию бараньей печенки и к ней уксус и прованское масло. С видом знатока готовя себе кушанье, он перевел разговор на убийцу и грабителя Стэнфорда Силза, которому газеты опять приписывали несколько убийств в районе Вест-Индских доков. Обеим дамам это имя было знакомо, и они обменивались с господином Бекетом догадками о том, кто же в конце концов скрывается под личиной этого убийцы, годами разыскиваемого полицией.

Господин Бекет весьма красноречиво рассказывал об этом человеке, злодеяния которого ставили полицию в тупик и который, по слухам, внушал всему преступному миру прямо-таки суеверный ужас. Бывали случаи, когда разыскиваемые полицией грабители добровольно являлись в Скотленд-Ярд, потому что их преследовал Нож — так называли Стэнфорда Силза подонки доков.

Полли точно представляла себе его наружность: она описала ее лесоторговцу.

Он белокур, тонок, как оса, и так элегантен, что даже в костюме докера его принимают за переодетого джентльмена. У него зеленоватые глаза. С женщинами он ведет себя как рыцарь.

Полли была в ударе. Господин Бекет, несомненно, произвел на нее впечатление.

Они усиленно танцевали, и госпожа Пичем слышала только обрывки их разговоров. К ее удивлению, Полли говорила исключительно о господине Смайлзе и о том, какой он веселый. Было даже видно, как у Джимми размякал воротничок.

Полли, судя по всему, основательно зацепила его.

На следующее утро он уже опять стоял на тротуаре напротив лавки. После обеда он отдал госпоже Пичем визит — к величайшему ее огорчению, так как она боялась Пичема, который ничего не подозревал; ему нужно было осторожно разъяснить положение вещей.

Господин Бекет сидел в гостиной на краешке обитого красным бархатом стула и предостерегал госпожу Пичем относительно Смайлза — весьма недоброкачественного молодого человека, видавшего виды, отчаянного юбочника. Он спросил, не преследует ли Смайлз Полли письмами, и, по-видимому, не прочь был тут же поискать в кафельной печи их обрывки.

Уходя он встретил Полли на лестнице и проводил ее до курсов. Она болтала о родительском доме, о множестве людей, постоянно посещающих его, о молодых людях из костюмерных, у которых она имеет большой успех, потому что всегда мила с ними.

Лесоторговцу показалось, что у нее синие круги под глазами. Это его очень расстроило.

Он представил себе ее в этом большом, похожем на голубятню доме с бесчисленными дверями, из которых то и дело выходят молодые люди,— то есть в довольно неблагоприятном для молодой девушки окружении. Его не покидала мысль о происшествии, имевшем место на пикнике,— точнее, при возвращении с пикника. Об этом происшествии ему не удалось поговорить ни теперь, ни позднее, когда ряд тяжелых, следовавших один за другим ударов судьбы лишил его возможности обстоятельно побеседовать с женой, однако оно чрезвычайно занимало его мысли. Вместе с сомнением в невинности Полли оно возбудило в нем необыкновенный к ней интерес.

Он редко в кого так влюблялся, как в Персика. Тут сыграло роль счастливое совпадение различных обстоятельств.

«Было бы в корне неправильно,— говорил он себе подчас, анализируя свои чувства,— *спрашивать себя, женюсь ли я на девушке ради ее денег или ради нее самой. Эти две причины часто совпадают. Немногие качества девицы вызывают в мужчине такое плотское возбуждение, как ее богатство. Я бы, разумеется, и без того стремился обладать ею, но, по всей вероятности, не столь страстно».*

Лесоторговец не был новичком в амурных делах. В прошлом за ним числилось несколько — между прочим, одновременных — браков. У него не хватило времени на интрижки, ибо он был поглощен различными крайне опасными делами и обременен тяжелыми за-

ботами. Ему было, однако, совершенно необходимо вступить в новый брак: его лавки были далеко не в блестящем состоянии.

Кроме того, в его бумажнике хранились многочисленные газетные вырезки, содержавшие интервью, данное начальником полиции журналистам относительно грабителя и убийцы Стэнфорда Силза, по прозванию Нож. Вырезки были посланы ему анонимно, и это его очень беспокоило. Оттого-то он и не высказал всего, что вертелось у него на языке.

Примерно неделю спустя негоциант Джонатан Джеремия Пичем попал вследствие происков некоего господина Кокса в крайне затруднительное положение и устремил взор на свою расцветающую дочь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

И они пошли на войну,
И снарядов у них было мало,
И позаботились добрые люди,
Чтоб снарядов у них хватало.
«Без снарядов какая война?» —
«Ты их получишь, сынок!
Вы пойдете для нас на фронт,
Мы снаряды дадим вам в срок».

И они изготовили кучу снарядов,
Но снова война была им нужна,
И позаботились добрые люди,
Чтобы опять началась война.
«Марш, марш, сынок, на фронт!
Грозит отечеству враг!
Дерись за церковь и за престол,
И за твой семейный очаг!»

Военная песня

ЖЕЛАНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА

Уильям Кокс был по профессии маклер. Судя по его визитной карточке, где-то в Сити у него была контора; однако едва ли кто бывал в этой конторе, да и сам он никогда в нее не заглядывал. Это и не имело смысла, так как в конторе находилась одна-единственная бледная, худосочная девица, сидевшая за старой пишущей машинкой с разбитым шрифтом, что, впрочем, нисколько ее не тревожило, так как ей все равно нечего было писать. Девица сидела в конторе только ради почты, поступавшей в этот адрес, ибо своего домашнего адреса господин Кокс никому не давал. Он никого не принимал у себя и все свои дела обделывал в ресторане.

Он говаривал: «Мне не нужен аппарат. Я делаю только большие дела». Он не хотел прикасаться ни к чему грязному и никогда не снимал перчаток. Кроме того, он носил стандартные светло-серые костюмы, лиловые носки и ярко-красные галстуки. Он считал, что к его фигуре пойдет любой готовый костюм, хотя он был высок ростом и тощ. Он был также уверен, что

все принимают его за военного в штатском, и поэтому держался очень прямо.

Итак, служебный персонал стоил Коксу недорого, но он все же не обходился без помощников. В некоторых министерствах сидели люди, приносившие ему по меньшей мере столько же пользы, сколько принесли бы два-три отъявленных лентяя бухгалтера.

Такого человека он имел, например, в морском министерстве. И от него в один прекрасный день узнал, что правительству ее величества кое-что требуется: ему требуются транспортные суда для перевозки войск в Кейптаун. Кокс решил пойти навстречу желаниям правительства.

Ввиду того, что это дело было связано с морем, он стал расспрашивать в одном кабачке, посещаемом моряками невысокой квалификации,—стандартном кабачке,— нет ли где кораблей *постарее*. И кое-что он разыскал. Корабли эти принадлежали корабельной конторе «Брукли и Брукли» — тоже в своем роде стандартной фирме.

В ту пору в Лондоне было много людей, относившихся не слишком щепетильно к попыткам правительства опереться в южноафриканской войне на деловые круги. Они готовы были в любой момент продать правительству джем; есть они его стали бы с гораздо меньшей готовностью. Господин Кокс не принадлежал к их числу. Он не хотел наживаться на несчастье своей родины и втягиваться в безобидные, но канительные разыскания, для которых требуются конторы и пишущие машинки. Всякий другой на месте господина Кокса, имея подобные связи, давно бы уже предложил правительству те суда, о которых он узнал в кабачке. Они были вместительны и, как удалось выяснить путем осторожного опроса фирмы «Брукли и Брукли», стоили дешево.

Во время краткого собеседования относительно подлежащих продаже судов, имевшего место между маклером и фирмой «Брукли и Брукли», речь шла только о тоннаже и о цене. Господин Кокс не задавал никаких посторонних вопросов, а судовладельцы не заговаривали о состоянии судов. Все трое могли бы подтвердить это под присягой перед любым судом и в любое время.

Суда господ из фирмы «Брукли и Брукли» ни в малой степени не интересовали господина Кокса, несмотря на всю их вместительность и дешевизну. Он знал, что в Лондоне найдется немало людей, готовых заплатить любую цену за грузовые суда. Фрахты были очень высоки из-за военного времени. Продавалось лишь незначительное число судов, а те, что продавались, стоили очень дорого. Но, разумеется, ни один человек, нуждающийся в приличных судах, не стал бы обращаться к фирмам вроде «Брукли и Брукли».

Господин Кокс усиленно искал приличные суда — правда, не для правительства, а по поручению частных фирм. Потребность правительства в тоннаже была для него делом десятым и представляла интерес только в связи с его личными планами. Целую неделю потратил он на дальнейшие поиски.

Он и в самом деле нашел три новых и во всех отношениях надежных судна, приспособленных для перевозки грузов. Для этого ему пришлось совершить несколько поездок, одну даже в Саутгемптон, и когда он наконец разыскал суда, выяснилось, что они принадлежат разным владельцам и вовсе не так дешево стоят, но все-таки хотя бы отдаленно напоминают настоящие.

Господин Кокс заметил себе эти суда и вернулся в Лондон.

Там он вновь занялся выполнением правительственного задания. Но, как выяснится в дальнейшем, не забывал попутно и о своих интересах. Они по-прежнему были направлены исключительно в одну сторону — в сторону приобретения по возможно низкой цене приличных грузовых судов типа саутгемптонских.

В связи с правительственным заказом господин Кокс пригласил на совещание нескольких лондонских дельцов. Подходящих людей было нетрудно найти: Лондон кипел жаждой деятельности, Сити горело желанием помочь стране в ее борьбе с бурами. Правительство было прямо-таки идеальным клиентом.

Господин Пичем ознакомился с желанием правительства ее величества вместе с четырьмя-пятью другими господами, которым, так же как и ему, хотелось увидеть в этом желании приказ.

Они встретились в добропорядочном ресторане в Кенсингтоне. Там выяснилось, что среди них находят-

ся настоящий баронет, букмекер, директор текстильной фабрики в Южном Уэльсе, ресторатор, владелец нескольких домов, овцевод и владелец большой торговли подержанными музыкальными инструментами.

Каждый заказал себе блюдо по вкусу, и господин Уильям Кокс произнес краткую речь.

— *Положение нашей родины,* — сказал он, — *тяжелое. Как вы знаете, война в Южной Африке началась с того, что на мирных английских граждан было совершено неожиданное нападение. Войска ее величества, выступившие в поход для защиты этих граждан, повсеместно подвергались самым коварным атакам и при попытке защитить английское имущество неизменно становились жертвами кровавых стычек. Все вы читали о тех упреках, которые посыпались на наше правительство из-за его непозволительного долготерпения и ничем не оправданного миролюбия. Ныне, спустя несколько месяцев с момента возникновения войны, Англия борется с кучкой ополоумевших фермеров ни более, ни менее как за существование своих заморских владений. В городе Мафекинге английские войска осаждены превосходящими силами буров и сражаются за свою жизнь. Те из вас, что имеют дело с биржей, знают, какими последствиями это чревато. Господа, задача заключается в освобождении города Мафекинга!* (Аплодисменты.) *Господа, в этот час от британского торгового мира также требуются хладнокровие, мужество и инициатива. Если мы их не проявим, то героизм нашей молодежи окажется бесплодным. Ибо кто ведет войну? Солдат и купец! Каждый на своем посту! Правительство плохо разбирается в коммерческих делах. Коммерческие дела — это по нашей части. Правительство говорит: «Нам нужны транспортные суда». Мы говорим: «Пожалуйста! Вот вам транспортные суда». Правительство спрашивает нас: «Вы — специалисты. Сколько стоят транспортные суда?» — «Это мы вам сейчас скажем, — отвечаем мы. — Пожалуйста! Транспортные суда стоят столько-то и столько-то». Правительство не торгуется: оно знает, что деньги останутся в стране. Братья друг с другом не торгуются. Не все ли равно, у кого деньги, — у того или у другого? Правительство и его контрагенты — это одна семья.*

Они доверяют друг другу и не могут обойтись друг без друга. «Этого ты не умеешь,— говорит один другому,— позволь, я это сделаю. А чего я не сумею, то сделаешь ты». Так возникает доверие, так возникают общие интересы. «Знаешь, Билли,— обратился ко мне статс-секретарь имярек, когда мы с ним сидели и курили,— моя жена никак не может управиться — ей мало двенадцати комнат. Что делать?» — «Не беспокойся по пустякам,— говорю я.— Думай о своей работе!» И я улаживаю дело. И потом вы узнаете из газет, что статс-секретарь произнес там-то и там-то в защиту интересов страны большую речь, которая послужит для нас залогом дальнейшего преуспеяния, и где-нибудь в Африке или в Индии происходит какое-нибудь действительно великое событие, касающееся нашей родины и ее интересов. «У тебя должна быть свободная голова, Чарлз,— говорю я,— в наших интересах. Никаких мелких забот, никаких денежных расчетов. Я простой, скромный коммерсант, я не мечтаю о газетной славе, мне не нужно общественное признание, я, тихий и безыменный, даю тебе возможность работать на благо страны, я помогаю тебе». И подобно мне, господа, действуют тысячи коммерсантов, без шума и без славы, сказал бы я, но упорно и пронырливо. Коммерсант достает судно, солдат всходит на его палубу. Коммерсант пронырлив, солдат храбр. Господа, мы должны без лишних слов и высокопарных фраз основать Компанию по эксплуатации транспортных судов!

Речь господина Кокса имела успех. Ресторатор поблагодарил его от имени всех присутствующих и от имени Англии за его предложения, и после краткого обмена мнениями относительно деловых формальностей был составлен проект договора. Официант принес перо и чернила, букмекер принялся писать. Указанные господином Коксом три судна имели быть по возможности в наикратчайший срок приобретены у фирмы «Брукли и Брукли» и приведены в надлежащий вид. Сумма, потребная на оплату судов, имела быть разделена на 8 (восемь) равных частей и выплачена наличными при совершении сделки.

Когда дошли до этого пункта, за столом воцарилась глубокая тишина. Речь шла о разделе прибылей, глав-

ным образом о доле Кокса, затеявшего все дело. Собравшиеся спросили еще портера и сигар.

Затем текстильный фабрикант вымолвил небрежно, следя за голубым дымом своей импортной сигары:

— Я представляю себе это так: все делится на восемь частей... не правда ли, нас ведь восемь? А наш друг Кокс получает сверх того комиссионные в размере... ну, скажем, десяти процентов с суммы, которую уплатит правительство.

Собравшиеся взглянули на Кокса — впрочем, не все. Кокс откинулся назад вместе со своим стулом и сказал усмехаясь:

— Прошу не шутить.

Как выяснилось, к вящему изумлению собравшихся, у него были довольно солидные аппетиты. Обсуждение их заняло свыше двух часов. Их так и не удалось в значительной степени сократить, но у всех создалось впечатление, что и в два года трудно было бы добиться большего. Комиссионные были исчислены в размере двадцати пяти процентов.

После того как участники совещания, кряхтя и с такими лицами, словно они подписывали смертный приговор ближайшим родственникам, увековечили свои имена на бумаге, они поспешно разъехались каждый в свой город.

На Пичема все это предприятие, а в особенности неуступчивость господина Кокса при разделе прибылей, произвело отличное впечатление. Так люди торгуются только в том случае, когда предстоит действительно солидное дело.

ЗАБОТЫ, КАКИЕ И НЕ СНЯТСЯ СРЕДНЕМУ ЧЕЛОВЕКУ

В одно туманное утро в одной из бесчисленных маленьких, голых, с желтой мебелью, контор Сити состоялось совещание пяти коммерсантов. На матовом стекле двери, которая вела в контору, красовались золотые буквы: «Брукли и Брукли. Корабельная контора».

Двое из собравшихся были Брукли и Брукли, бесцветные, нерешительные на вид господа, выказывавшие, быть может, даже несколько преувеличенный

страх перед принятием любого ответственного решения, касающегося их обоих. Каждый из них стремился исключительно к обоюдному благу и, очевидно, был глубоко уверен в том, что эта обоюдная ответственность ему не под силу.

Кто хорошо ориентировался в Сити, тот обращался с этими братьями в высшей степени бережно. Господин Кокс хорошо ориентировался в Сити. Был составлен договор, согласно которому грузовые суда «Красавица Анна», «Юный моряк» и «Оптимист» переходили в собственность новой компании за общую сумму в 8200 (восемь тысяч двести) фунтов. Осмотр был назначен на четверг, а тотчас же после осмотра должен был быть подписан договор и немедленно выплачена сумма стоимости судов.

— Я рад видеть вас у себя,— сказал один из господ Брукли,— но ради этих судов не стоит больше беспокоиться.

Обо всем твердо договорились.

Брукли и Брукли были крайне удивлены, когда на следующее утро господин Кокс еще раз явился к ним в контору в одиночестве и на собственный страх и риск, при условии соблюдения полной тайны, сделал еще одно предложение относительно судов, на тот случай, если бы обсуждавшаяся вчера сделка не состоялась. Братья даже несколько взволновались.

В среду днем один из господ Брукли явился к домовладельцу Истмену, чей адрес был ему известен, и робко осведомился, не лучше ли расторгнуть сделку: им-де сделали еще одно предложение, и он не решается взять на себя ответственность перед братом за продажу судов по прежней цене. Истмен выразил от имени компании сожаление, и Брукли пробормотал что-то насчет четверга и шести часов вечера, по истечении какового срока он будет считать себя свободным, если сделка не состоится. Истмен тотчас же снесся с прочими компаньонами и просил их быть точными. Однако в четверг утром господин Кокс пригласил Истмена в ресторан и сообщил ему, что он будет располагать деньгами не ранее субботы.

Вследствие этого в два часа дня, перед самым осмотром, в другом ресторане состоялось бурное совещание, на котором текстильный фабрикант энергично

потребовал от Кокса внесения причитающейся с него доли либо полного пересмотра условий договора. Одновременно он заявил, что готов принять на себя все обязательства Кокса и его долю в прибылях.

Высказываясь по поводу этого выступления, Истмен усмотрел в нем две части: к первой, то есть к требованию, он присоединился, вторую, то есть предложение, он отклонил. Он заявил, что сам готов принять на себя долю Кокса.

Еще кое-кто из семи компаньонов готов был на этот шаг. Что Кокс потеряет свою долю, если он не внесет — при этом тотчас же — причитающейся с него восьмой части, было ясно всем, кроме Кокса. Он выразил кое-какие сомнения — впрочем, слабые. В конце концов сошлись на том, что вся сумма делится не на восемь, а на семь частей и Коксу остаются только его комиссионные.

Кокса это, судя по всему, до того огорчило, что он занемог и ушел домой, *чтобы лечь в постель*. Он заявил, что и в осмотре он тоже не сможет принять участие.

Истмен пригласил на осмотр одного бывшего инженера-кораблестроителя, высокого тощего мужчину по имени Байл, выгнанного отовсюду за пьянство. Они встретили его неподалеку от доков и, по совету Истмена, тотчас же повели выпить, дабы привести в хорошее настроение и добиться от него признания старых лоханок никуда не годными.

Братья Брукли и Брукли поджидали их у себя в конторе, откуда было рукой подать до судов.

Это были огромные мрачные ящики времен Нельсона. Есть люди, которые постоянно подбирают всякое старье — шляпы, сигарные коробки, детские коляски,— из чистого увлечения коллекционерством или просто из тупости. Таким людям эти суда пришлись бы по вкусу. Так или иначе, они еще держались на мутной воде, опровергая изречение о том, что все на свете преходяще.

Должно быть, их не беспокоили уже много лет, а может быть, и много десятков лет. А теперь где-то в Трансваале несколько тысяч томми ждали подмоги, и приходилось беспокоить их вновь. Впрочем, им это, пожалуй, было даже приятно.

«Юный моряк» стоял ближе других, и на него-то в первую очередь и поднялась комиссия.

Сходни были из дерева — это было несомненно. Палуба выглядела не очень приветливо, но она тоже была из дерева, как на настоящем корабле.

В составе комиссии не было ни одного моряка. Моряка ни за что не удалось бы уговорить спуститься вниз по трапу. Он побоялся бы сломать себе шею.

По трюму, точно ягнята по лужайкам Уэльса, бегали крысы — огромные, толстые звери, никогда, несмотря на свой возраст, не видавшие человека и даже не подозревавшие о том, какую опасность он для них представляет.

Инженер Байл уже готовился с наплевательской смелостью разоблачить все уловки, при помощи которых бессовестные судовладельцы стараются выдать плавучий гроб за соблазнительную яхту-люкс. «А это что такое, милостивые государи?» — намеревался он спросить, срывая при этом то или иное бутафорское прикрытие. И вот он стоял, беспомощный и усталый, и даже не пытался раскрыть рот. И ребенку было ясно, что́ тут делается.

То, чем страдал «Юный моряк», при всем желании уже нельзя было назвать болезнью.

Из десяти посетителей ни один не отходил ни на шаг от железного трапа. Никто бы не решился опереться о борт корабля, если бы ему пришлось споткнуться об один из прогнивших предметов, валявшихся повсюду. Были все основания опасаться, что рука проткнет борт насквозь.

Внезапно Истмен громко и весело произнес:

— Так, так.

Слова эти прокатились гулко, как в старом-престаром амбаре. И тогда один из господ Брукли сказал очень спокойно:

— В конце концов решает не внешний вид. Важно одно — может ли корабль плавать и выдержит ли он груз.

Есть люди, которые обладают способностью абсолютно не чувствовать настроение своего собеседника, они не обращают никакого внимания на факты и высказывают свои мысли без всякого стеснения, не учитывая ни обстановки, ни времени. Такие люди рождены вождями.

Компания по эксплуатации транспортных судов точно в дурном сне сошла на берег. Она еле удостоила взглядом «Красавицу Анну» и «Оптимиста», быть может, самого жалкого из всех трех.

Когда все вновь собрались в конторе «Брукли и Брукли», один из господ Брукли произнес краткую речь.

— Господа, — сказал он, глядя в окно, — у меня такое впечатление, будто вы ожидали большего, хотя цена была вам известна, будто вы в какой-то степени разочарованы и вам от этой сделки чуточку не по себе.

Он окинул собравшихся беглым взглядом и, так как никто не ответил ему, продолжал:

— Если это так, то я позволю себе посоветовать вам ни при каких обстоятельствах не противиться внутреннему голосу, твердящему вам: прочь от этого дела! Если вам к спеху, то едва ли вам удастся в настоящий момент найти в Англии подходящие суда, особенно по этой цене. Но если у вас есть время на поиски и несколько месяцев не составляют для вас разницы, то вы, несомненно, подыщете то, что вам нужно. Случайно Брукли и Брукли имеют возможность в любой момент сбыть эти суда; как я вчера сказал господину Истмену, мы имеем соответствующее предложение и нисколько не будем огорчены вашим отказом. Мы могли бы даже предложить вам небольшую неустойку. Сейчас половина шестого, а в четверть седьмого моему брату и мне предстоит другое совещание. Следовательно, мы хотим и должны как можно скорей договориться.

— Суда стоят самое большее двести фунтов и вообще непригодны для плавания,— спокойно сказал Байл.

Господин Брукли поглядел на часы.

— Вы слышите, что говорит ваш доверенный? У нас нет оснований возражать ему. Мы и не думаем навязывать вам эти суда. Мы не можем взять на себя никакой ответственности. Весьма возможно, что, с точки зрения специалиста, вообще лучше всего будет продать их на дрова. В этом случае двести фунтов, о которых упомянул ваш эксперт, были бы приблизительно подходящей ценой. Итак, обдумайте это дело, господа.— И он вместе с братом вышел из комнаты.

Когда они скрылись, Истмен сказал вполголоса:

— Эти суда — единственное, что можно достать. Не следует забывать об этом. И тем не менее я вышел бы из дела, не будь я уверен, что то, другое предложение исходит не от кого иного, как от нашего друга Кокса. Мы чересчур насели на него. Он хочет сделать дело с другими компаньонами — поглупее.

У многих находившихся в комнате раскрылись глаза. Пять минут спустя они уже стояли с перьями в руках над договором.

По дороге домой Истмен сказал инженеру:

— Профану трудно даже представить себе, как такое корыто может выйти в море. Невольно является мысль, что эта гнилушка попросту расползется в воде, как бумага. Замечательная вещь современная техника! Она из ничего делает что-то. Держу пари: когда эти штуки покрасят и чуточку подправят, они будут выглядеть совсем шикарно и выполнят свое назначение не хуже любого другого корабля. Профан понятия не имеет, на что способна техника!

Пройдя несколько шагов в молчании, он продолжал озабоченно:

— Просто безобразие, до чего человека заедает конкуренция. Нет такого гнусного дела, на которое не набросился бы кто-нибудь другой, как только ты от него откажешься. Нужно уметь заглатывать все на свете. Стоит тебе на секунду поддаться человеческим чувствам — и тебе каюк! Тут помогут только железная дисциплина и самообладание. С другой стороны, за ничто трудно что-либо и требовать. Если ты хочешь остаться тем, что в просторечии называется порядочным человеком, ты должен либо копаться в навозе, либо таскать кирпичи. Да, стоит тебе чуточку подняться выше среднего уровня, и у тебя сразу же появляются заботы, какие и не снятся обычному неимущему человеку.

ВСЕ ДЛЯ РЕБЕНКА

Господина Пичема сильно обеспокоил отказ господина Кокса от участия в осмотре. Он не мог заснуть и провел скверную ночь.

Он участвовал в покупке трех никуда не годных кораблей, его доля равнялась примерно половине корабля, и только от господина Кокса зависело, окажутся ли эти деньги выброшенными на ветер или нет. А для такого человека, как Пичем, быть у кого-нибудь в руках означало то же самое, что для кролика означает находиться в пасти удава. Вопрос заключался в том, станет ли господин Кокс перепродавать корабли дальше. Почему он не явился осмотреть их или по крайней мере подписать договор? Его вытеснили из дела: он был уже не компаньон, а всего только маклер.

Господин Пичем встал с кровати проверить, всюду ли потушен свет, но главным образом из-за того, что его снедало внутреннее беспокойство. Он не выносил ни малейшей денежной потери. Хуже всего было то, что он даже при самых пустячных убытках немедленно терял всякую веру в себя. Он не доверял никому — с чего же ему было доверять самому себе?

Свет был всюду погашен, но окно в комнате Полли, выходившее на галерею, было открыто. Господин Пичем видел на кровати темные очертания ее тела. Он сердито захлопнул окно снаружи.

«Чего ради я тружусь? — спросил он себя, вновь улегшись в постель.— Только ради ребенка. Надо будет выгнать из портняжной мастерской еще двух баб. Они там прямо осатанели от безделья. Не могу же я один прокормить всю эту ораву. Они шьют и шьют — им все равно, сбуду я их тряпье или нет. Они-то ничем не рискуют. Полли тоже могла бы уже заняться чем-нибудь. Что она себе, в сущности, думает? Этому Коксу нельзя верить ни на грош. Ни в коем случае не следовало прижимать его к стенке! Он темная личность, для него это дело может быть достаточным предлогом, чтобы пустить меня по миру. Я ему тогда голову оторву, но разве мне это поможет?»

Весь покрывшись потом, он приподнялся в постели:

«О, я жалкий дурак! Я, несомненно, кончу жизнь под мостом. Как мог я затеять дело с человеком, которому я не в силах оторвать голову?»

На следующее утро Пичем зашел за Истменом и вместе с ним отправился в Сити, в контору Кокса, и,

конечно, худосочная девица заявила ему, что Кокс уехал. Контора, где Пичем никогда до тех пор не бывал, произвела на него угнетающее впечатление. Это была контора авериста!

Пичем провел ужасное утро.

Он впутался в это дело, потому что оно сулило возможность обмануть правительство. Это обстоятельство заставило его слепо в него уверовать. Подобные предприятия обычно удавались. Обмануть другого — отчего же нет?! Это могло быть честным намерением делового человека. И вот мир оказался хуже, чем можно было предположить. Подлость, как видно, вообще не имеет границ. Это было глубочайшее убеждение Пичема — в сущности, единственное его убеждение.

Однако после обеда явился Истмен и сообщил, что все в полном порядке. Кокс уже вернулся или, кажется, вообще никуда не уезжал; после обеда он намерен осмотреть вместе со своим другом из морского министерства суда,— не угодно ли господам компаньонам подождать его в ресторане?

Осмотреть суда! Этого еще не хватало!

Все семь компаньонов, собравшиеся в ресторане, выглядели так, словно им предстояло путешествие на «Оптимисте».

И вот в половине шестого Кокс явился в ресторан, в новом, прямо-таки пламенном галстуке; выглядел он крайне несолидно и смахивал на авериста; он извлек из бумажника подписанный и снабженный печатью договор с морским министерством и чек на 5000 (пять тысяч) фунтов, подлежащих немедленной выплате Компании по эксплуатации транспортных судов с ограниченной ответственностью.

У статс-секретаря не оказалось времени на осмотр.

— При наших дружеских отношениях подобные формальности не играют никакой роли,— небрежно заметил Кокс.— Впрочем, я выложил за вас две тысячи фунтов. Я предоставил их в распоряжение Хейла, для его фонда вдов и сирот средних чиновников. Он удовлетворился бы и тысячей, но я решил: не подмажешь — не поедешь.

Он был в блестящем настроении. На днях он опять побывал в Саутгемптоне и выговорил себе преимущественное право на покупку тамошних грузовых судов.

Все шло как по маслу. Господин Кокс собирался дать джентльменам из Компании по эксплуатации транспортных судов наглядный урок морали. Он уже видел, как навстречу ему на всех парусах плывут саутгемптонские суда.

Дело, объяснил господин Кокс компаньонам, пойдет следующим образом: суда должны быть как можно скорей официально переданы правительству; ремонт их можно закончить после приемки. Окончательный расчет, однако, будет произведен правительством только по завершении полного ремонта.

Все охотно согласились.

Было решено немедленно приступить к восстановлению судов «Красавица Анна», «Юный моряк» и «Оптимист». Они нуждались в небольшом наружном ремонте, окраске и тому подобном.

— Как-никак, они должны выдержать несколько тысяч морских миль,— серьезно сказал господин Кокс.

Дело было поручено Истмену. Оно могло стоить и несколько сотен и несколько тысяч фунтов. Как выяснилось, все переволновались и были теперь склонны к некоторой щедрости, в том числе и Пичем.

Пока все обстояло благополучно — настолько благополучно, что Пичем даже удивился, когда несколько дней спустя к нему явился овцевод и признался, что он больше не может участвовать в деле, так как все наличные деньги, какие он только может собрать, необходимы ему для военных поставок. Изрядно поторговавшись, Пичем взял на себя его пай и, таким образом, оказался владельцем двух седьмых всего предприятия. Это была неожиданная удача.

Однако вслед за этим из морского ведомства поступили тревожные вести.

Вестником опять оказался Истмен, встретивший Кокса в каком-то ресторане. По словам маклера, у его друга статс-секретаря задним числом возникли сомнения относительно договора. В определенных кругах ему предложили создать инженерную комиссию для осмотра купленных судов. До сей поры статс-секретарь всячески отклонял это предложение, но ныне изъявил желание хотя бы лично осмотреть объект сделки. Теперь все зависело от того, удастся ли оттянуть осмотр хотя

бы до тех пор, когда ремонтные работы будут уже в полном разгаре.

Это известие послужило причиной того, что Пичем вернулся домой накануне пикника со всеми признаками телесного недомогания и слег в постель, требуя грелок и ромашки.

Целая неделя прошла в томительных переговорах. Они были весьма затруднены тем обстоятельством, что Кокс никому не давал своего адреса. Когда его спрашивали, он заявлял, что как раз в настоящий момент переезжает.

Все участники предприятия взапуски носились из своих квартир в доки и обратно. Ремонтные работы подвигались медленно. В чреве «Красавицы Анны» плотников ожидали сюрпризы, от которых у них волосы встали дыбом. Внутренности «Юного моряка» привели людей в содрогание. А состояние «Оптимиста» было таково, что инженеры никак не могли решить, можно ли приставить стремянку к его стенке, не подвергая опасности жизнь рабочих.

Корабельные конторы и всевозможные сплетники в районе доков подливали масла в огонь. Во время обеденных перерывов корабельные плотники и не думали молчать о своих открытиях; все предупреждения Истмена о том, что они по сути дела совершают государственную измену, встречались хохотом. Плотники были насквозь пропитаны ядом социализма.

Постепенно становилось ясно, что ремонт обойдется в пять-шесть тысяч фунтов.

На этой неделе Пичем случайно встретил Кокса у Истмена. Пичем пригласил маклера поужинать в семейном кругу. Теперь более чем когда-либо все зависело от Кокса. Впрочем, у Кокса был абсолютно уверенный вид.

За этим ужином, на котором присутствовал также Истмен, Кокс познакомился с Полли. Персик произвела на него сильное впечатление. Он был заядлый юбочник и притом из тех, кто постоянно себя за это грызет.

Пичем исподволь разузнал о всевозможных его похождениях, которые сплошь протекали в самых низших слоях общества и ежеминутно могли стать предметом судебного разбирательства. Эти сведения,

получи он их своевременно, уже сами по себе заставили бы Пичема воздержаться от сотрудничества с Коксом. Коммерсанты, имеющие иные интересы, кроме деловых, ненадежны. При нынешнем положении дел приходилось, однако, принимать Кокса таким, каков он есть.

В этот вечер Полли превзошла себя. Она занимала Кокса как светская дама. После кофе она даже села за рояль и спела своим славным, чуточку дребезжащим голоском патриотическую песенку.

В результате Кокс так разошелся, что не пожелал идти домой после ужина и уговорил Истмена и даже Пичема наведаться вместе с ним в два-три кабака. Он надел набекрень свою серую велюровую шляпу, на его впалых серых щеках вспыхнул нездоровый румянец. Господин Пичем шел рядом с ним точно за чьим-то гробом. С гораздо большей охотой он отправился бы в доки, где за значительную сверхурочную плату производились ночные работы.

В кабаке Кокс вел себя как настоящий распутник, а не как деловой человек. За все платил он.

На следующее утро он сообщил, что Хейл из морского ведомства официально принял суда «Красавица Анна», «Юный моряк» и «Оптимист» без предварительного осмотра и отдал распоряжение о выплате КЭТС трех тысяч фунтов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ибо чем человек живет? Себе подобных
Он душит, мучит, травит весь свой век.
Живет он под властью мыслей злобных
И позабыл, что он сам человек.
Вот тем и живет человек на земле,
Что жизнь свою влачит во зле!

Финал «Трехгрошовой оперы»

Д-ЛАВКИ

В Лондоне существовал ряд однотипных лавок, в которых товары продавались дешевле, чем где бы то ни было. Они назывались д-лавки, что означало «дешевые лавки»; однако кое-кто, преимущественно лавочники, расшифровывал это сокращение как «дутые лавки». В этих лавках можно было приобрести необыкновенно дешево любой предмет — от лезвия для безопасной бритвы до квартирной обстановки; в общем и целом, дело было поставлено солидно. Неимущее население охотно покупало в д-лавках, владельцы же других лавок и мелкие ремесленники страшно возмущались ими.

Лавки эти принадлежали господину Мэкхиту. У него было еще несколько имен. Но в качестве владельца лавок он именовался исключительно Мэкхитом.

Вначале этих лавок было всего несколько — две-три в районе моста Ватерлоо и с полдюжины дальше к востоку. Торговали они весьма бойко, так как цены в них были действительно вне конкуренции. Добыть столь дешевые товары совсем не так легко, и господину Мэкхиту, прежде чем думать о расширении, пришлось сперва проделать трудную, полную опасностей организационную работу.

Помимо всего, эта работа требовала чрезвычайной осторожности. Никто не знал, из каких источников гос-

подин Мэкхит снабжает свои лавки и каким образом он достает столь дешевые товары.

Мэкхиту ничего не стоило доказать людям, ломавшим себе голову над этим вопросом, что как в Лондоне, так и в провинции постоянно разоряются маленькие лавки, которые закупают вполне доброкачественные товары по местным ценам, а потом, в день своего банкротства, рады-радешеньки, если кто-нибудь купит их по любой цене.— *«Жизнь жестока,—* говаривал господин Мэкхит,— *мы не имеем права быть мягкими».*

Он любил выражаться пышно. Однако он не всегда мог доказать безупречное происхождение своих товаров. Кроме того, такие случайные закупки едва ли могли надолго обеспечить чуть ли не десяток лавок столь удивительно дешевыми товарами.

В торговой части города существовала еще одна лавка, не входившая в систему д-лавок; в ней можно было приобрести предметы старины, драгоценности и антикварные книги по более высокой цене, но все же весьма выгодно; про эту лавку говорили, что она также принадлежит господину Мэкхиту и что с ее чистой прибыли он финансирует д-лавки. Это было, впрочем, маловероятно, и к тому же оставался открытым вопрос, откуда он добывает товары для этой лавки.

Летом 19.. года господин Мэкхит, к удовольствию прочих владельцев лавок, основательно запутался в делах и принужден был обратиться за помощью к Национальному депозитному банку.

Обследование, произведенное банком, показало, однако, что Мэкхит — здоровая фирма. В особенности здоровой была признана система, по которой каждая отдельная лавка работала вполне самостоятельно и лишь условно могла называться собственностью господина Мэкхита. Мэкхит понял, что многие маленькие люди стремятся главным образом к *самостоятельности.*

Они ни за что не хотели отдавать внаем свою рабочую силу, подобно рядовым служащим и рабочим, но добивались того, чтобы им была дана возможность рассчитывать исключительно на *собственные деловые качества.* Их отталкивало *унылое уравнительство.* Они

готовы были работать больше других, но зато желали и больше зарабатывать. Кроме того, они не хотели, чтобы кто-нибудь ими командовал или разговаривал с ними свысока.

Господин Мэкхит в нескольких газетных интервью высказался по поводу своего чрезвычайно важного открытия — тяги человека к самостоятельности.

Он назвал эту тягу древнейшим инстинктом *человеческой природы,* высказав, однако, предположение, что современный человек, человек технической эпохи, воодушевленный повсеместным, беспрецедентным триумфом разума над природой и обуреваемый неким как бы спортивным духом, склонен доказывать себе и окружающим свое превосходство над прочими. Это честолюбие господин Мэкхит считал явлением в высокой степени нравственным, ибо оно, принимая форму все удешевляющей конкуренции, приносило пользу всему человечеству в целом. В наше время маленький человек стремится принять участие в конкуренции больших людей. Исходя из этого, деловому миру не остается ничего иного, как подчиниться этому веянию времени и использовать его в своих интересах. Не вопреки человеческой природе должны мы действовать, восклицал господин Мэкхит в своих статьях, привлекших к себе всеобщее внимание, но в согласии с ней.

Д-лавки были в смысле их организации плодом этого открытия. Вместо служащих, вместо обыкновенных приказчиков фирма Мэкхита имела дело с самостоятельными владельцами лавок. Этим тщательно отобранным предпринимателям фирма помогла в первую голову обзавестись д-лавками. Она дала им инвентарь и открыла товарный кредит. Еженедельно они получали партию товаров для сбыта. Им предоставлялась полная свобода действий. Покуда они оплачивали товары и проценты, никто не заглядывал в их книги. Одно вменялось им в обязанность — продавать по низким ценам. Вся эта система имела в виду исключительно благо *маленького человека.*

В большинстве случаев владельцы лавок отказывались от найма дорогостоящей рабочей силы. В лавке работала вся семья. Эти люди не торговались из-за лишнего рабочего часа и не проявляли, с другой стороны, типичного для незаинтересованного служащего без-

различия к доходности предприятия,— *ведь это было их собственное дело!*

«Таким образом,— писал господин Мэкхит в другой статье,— *мы борёмся также и с грозным, столь часто оплакиваемым всеми истинными человеколюбцами явлением — с развалом семьи. Вся семья принимает участие в трудовом процессе. Вследствие того, что у нее появляются общие интересы, она вновь становится единой и спаянной. Исчезает опасный во многих отношениях разрыв между работой и частной жизнью, заставляющий члена семьи забывать на работе о семье и в семейном кругу — о работе. И в этом отношении д-лавки являются поучительным примером».*

Господину Мэкхиту ничего не стоило убедить банк, что затруднения его, в сущности, вовсе не являются затруднениями: в деньгах он нуждается для расширения дела. Тем не менее банк все еще колебался, так как самая личность господина Мэкхита внушала ему сомнения.

По правде сказать, в Сити циркулировали всякого рода скверные слухи об этом человеке — слухи, которые никогда не переходили в открытые обвинения, но которые тем не менее нельзя было оставлять без внимания. Меньше всего, однако, речь шла о его методах приобретения товаров, хотя и это играло некоторую роль.

Два-три раза он оказывался запутанным в скандальных аферах и всякий раз без особого труда доказывал свою непричастность к ним. До судебного разбирательства дело ни разу не доходило. И тем не менее в Сити все время находились люди, не имевшие собственных лавок и не состоявшие ни в каких родственных отношениях с владельцами лавок, которые утверждали— правда, не совсем публично,— что господин Мэкхит не джентльмен. Одни предпочли бы, чтобы вместо внесудебных полюбовных сделок Мэкхиту был учинен открытый процесс; другие попросту говорили, что адвокаты Мэкхита — ловкачи.

Переговоры с Национальным депозитным банком тянулись гораздо дольше, чем мог предполагать Мэкхит. Он уже раскаивался в том, что обратился к банку, ибо неудача, несомненно, должна была дать новую пищу старым, уже позабытым сплетням по поводу

его личности. Он охотней всего прервал бы эти переговоры.

По некоторым причинам он пользовался услугами многих адвокатов Темпля. От одного из них он случайно узнал, что к числу наиболее уважаемых клиентов Национального депозитного банка принадлежит некий господин Джонатан Джеремия Пичем, имеющий незамужнюю дочь. Мэкхиту удалось познакомиться с ней. Когда у него появились кое-какие надежды, он целиком посвятил себя ухаживанию за Полли Пичем, не жалея ни времени, ни нервов. То обстоятельство, что он представился дамам в качестве Джимми Бекета, объяснялось исключительно его осторожностью.

Он еще раз навел справки о положении предприятия Пичема. Это была широко разветвленная организация нищих; методы ее деятельности, судя по всему, были тонко разработаны и тщательно проверены. Человек, знавший Пичема, объяснил ему, почему, например, нищие не приносят с собой картин и не выставляют их на улице, а рисуют свои пейзажи и портреты популярных личностей цветным мелком прямо на тротуаре. При наличии готовых картин публика никогда не знала, нарисовал ли их сам нищий; кроме того, рисунки недолго держались на тротуаре,— шаги прохожих стирали их, а дождь смывал, а ведь дождь шел каждый день. Их приходилось каждый день рисовать заново, их нужно было оплатить *сегодня же!* Подобные практические меры свидетельствовали о большом знании людей. При таких методах эксплуатация нищих должна была приносить большую прибыль.

В середине июня Мэкхит решил отбросить все сомнения второстепенного порядка и форсировать свои домогательства. Ему необходимо было вступить в брак самым солидным образом и доказать свою буржуазную добропорядочность.

Он запросил письменно госпожу Пичем, когда она соблаговолит принять его. Он совершенно правильно объяснил себе ее нервозность во время его первого визита.

Она назначила ему свидание в «Каракатице», «чтобы обо всем переговорить». Сделанные ею там намеки на полную безответственность современной молодежи

сильно подействовали на нервы господина Мэкхита, Джимми Бекета тож.

— Нынешняя молодежь,— жаловалась госпожа Пичем, отирая с губ портерную пену,— вообще не знает, чего она хочет. Они — как дети. Я ведь знаю Полли как свои пять пальцев, и тем не менее я понятия не имею, что у нее на сердце. Может быть, она просто еще слишком молода. У нее ведь нет никакого опыта в обхождении с мужчинами. Все, что она знает,— это, пожалуй, разница между сукой и кобелем, потому что ей приходилось возиться с собаками, да и то едва ли точно. Она о таких вещах вообще не думает. Взять хотя бы уже то, что она купается не иначе, как в ночной рубашке! И вот является этакий франт, покрутит в воздухе тросточкой, а ей уже кажется, что она бог знает как в него влюблена. Они ведь все такие романтичные! Вы просто понятия не имеете, какое количество романов проглотила эта девочка! Теперь у нее только и разговору, что о господине Смайлзе. И при этом я абсолютно уверена, что она вся без остатка принадлежит вам. Мать эти вещи знает. Ах, господин Бекет!

И, удостоверившись, что в кружке ее больше ничего не осталось и что в саду нет других посетителей, она заглянула ему в глаза.

Когда господин Бекет по всей форме сообщил ей, что зовут его вовсе не Бекетом, а Мэкхитом, что он владелец известных д-лавок и исполнен самых честных намерений, она, как видно, не обратила на это особого внимания, словно она от него ожидала *всего, что угодно,* и скользнула по нему отсутствующим, задумчивым и скорее уклончивым взглядом.

— Ах да,— вздохнула она рассеянно,— лишь бы мой муж, боже сохрани, не узнал. У него свои планы относительно девочки. Я думаю, вам это понятно. Он вечно твердит: все для ребенка, и это его искреннее убеждение. Позавчера он вдруг притащил в дом какого-то господина Кокса. Кажется, это очень состоятельный человек. Вы знаете господина Кокса?

Мэкхит знал господина Кокса. Тот был видной фигурой в Сити.

Ничего хорошего Мэкхит о господине Коксе не слыхал.

Кокс был отчаянный *юбочник*. Как ни полна была голова стесненного в средствах Мэкхита соображениями материального порядка, он все же ощутил укол в сердце при упоминании о Коксе. Он был увлечен Персиком сильнее, чем смел себе признаться.

— Что же тут можно сделать? — спросил он хрипло.

— То-то и оно, что я не знаю,— задумчиво сказала госпожа Пичем и смерила его таким холодным взглядом, что он вздрогнул. — Современные девушки удивительно безответственны. Голова у них полна романтических идей.

Засим она положила свою маленькую жирную ладонь на его руку и позвала официанта, чтобы расплатиться.

Пока они шли к выходу между железными столиками, господин Мэкхит дополнительно узнал, что, во всяком случае, все должно делаться строго секретно и без ведома Пичема.

В тот же самый вечер он встретил Персика собственной персоной и получил разрешение проводить ее немного. Как это ни странно, она шла по Олд Оук-стрит к Мит-Гарденс, хотя ей нужно было идти на курсы домашнего хозяйства.

Мэкхит было решил, что она спешит на свидание, что она постарается отделаться от своего случайного попутчика, как только они дойдут до сквера. Она действительно несколько раз посмотрела по сторонам, заглянула в аллеи, но отнюдь не пыталась от него отвязаться и даже села с ним на скамейку в кустах.

В легком платье она казалась очень красивой и совершенно спокойной. Кстати сказать, она была вовсе не куколкой, а рослой, хорошо сложенной девушкой. Это была целая порция — никак не полпорции.

О Смайлзе и Коксе она и говорить не пожелала.

— Не стоит в такой чудный вечер,— сказала она. Ей показалось забавным, что он уже знал о господине Коксе; она рассмеялась.

К тому времени, когда они двинулись в обратный путь, ему так ничего и не удалось узнать, но произошло за это время многое. Под платьем на ней почти ни-

чего не было. Он не был счастлив, ибо *самого главного* она ему не разрешила. Это отнюдь не пришлось господину Мэкхиту по душе; а то обстоятельство, что она без всяких угрызений совести пропустила свои курсы, навело его на самые черные мысли. Стало быть, там даже не проверяли учениц!

Как и в тот раз, после пикника, он точно не знал, удалось ли ему продвинуться хотя бы на шаг, и это страшно мучило его. Ведь *должно же* это что-нибудь для нее значить! В ее невинности он не сомневался.

В этот вечер господин Пичем тоже смотрел на свою дочь испытующим взором.

Дела Компании по эксплуатации транспортных судов были в плачевном состоянии. За день до описываемых событий разорвалась бомба.

БОМБА

Пичем поругался во дворе с Фьюкумби. Сначала солдат, довольный тем, что нашел пристанище, аккуратно исполнял свои обязанности и внимательно ходил за собаками для слепцов.

Кормить этих собак было не так-то просто: они должны были иметь елико возможно жалкий вид, то есть все время находиться при последнем издыхании. Слепец с откормленной собакой едва ли мог рассчитывать на настоящее сострадание. Публика в подобных случаях руководствуется чистым инстинктом. На таких собак вообще мало кто обращает внимания, и если пес случайно хорошо откормлен, то какой-то внутренний голос предостерегает дающего: не стоит выбрасывать деньги на ветер. Да будет известно, что эти люди подсознательно ищут поводов к тому, чтобы не дать денег. Настоящий пес должен еле держаться на ногах от слабости.

Поэтому вес собак постоянно контролировался. Если он отклонялся от нормы, вина падала на Фьюкумби.

Пичем как раз производил дознание; он только что собирался выяснить, как далеко зашел в своем бесстыдстве одноногий и не совершает ли он, внося в

тетрадь контрольные цифры веса, подлогов, чтобы не потерять кусок хлеба, как вдруг пришел ресторатор. Он сообщил, что Кокс неожиданно явился на «Красавицу Анну» и рвет и мечет.

Оба тотчас же отправились в доки. Действительно, Кокс находился там среди стремянок и маляров. Бледный Истмен стоял подле него, уставившись неподвижным взором в огромные, мрачные стены корабельного трюма. Он, очевидно, не решался посмотреть в глаза вновь прибывшим.

Холодный взгляд, которым Кокс встретил Пичема, пронзил последнего насквозь.

— Это один из тех кораблей, что вы продали британскому правительству?

Пичем сразу постарел на несколько лет.

Не то чтобы он свалился с неба на землю. Он и раньше смутно подозревал, что в этом предприятии не все в порядке. Насчет Кокса он тоже не лелеял никаких иллюзий. И все же он не ожидал такого конца.

Кокс нашел, что «Красавица Анна» *никуда не годится.* Пичем почувствовал, что нет смысла вступать с ним в пререкания, даже и о том, что, в сущности, не кто иной, как сам господин Кокс предложил им эти суда. Кокс попросту ответит ему, что он, Кокс, никогда не видал в глаза этих судов. Все же прочие осматривали их, и даже в присутствии свидетелей.

Пичем смутно догадывался, куда клонит Кокс (он всегда подозревал какие-то сепаратные действия с его стороны). Не на государство, а на Компанию по эксплуатации транспортных судов надвигался тайный замысел Кокса, точно чудовищный паровой каток.

Детали, естественно, еще не поддавались учету. Господин Кокс не считал нужным открывать пока свои карты. Они даже не обменялись ни одним словом.

Господин Кокс повернулся на каблуках и молча ушел, бросив на них взгляд, полный презрения. Костюм его со спины более чем когда-либо имел стандартный вид. У Пичема тоже не было ни малейшей потребности вступать со своими товарищами по несчастью в обсуждение того, что их ждало впереди. Он смутно

слышал, как Истмен заметил, что необходимо сейчас же вызвать письмом южноуэльского фабриканта и овцевода. Овцевода! Не проронив ни слова, Пичем ушел.

Вечером у него поднялась температура, и он лег в постель с компрессом. В эту ночь он не встал. Пусть горит свет! Все равно счет никогда не будет оплачен!

Наутро он побрел, как тяжелобольной, в доки. Он не нашел там ни одного рабочего. Ремонт «Красавицы Анны» был приостановлен, очевидно по распоряжению Истмена. Это показывало, как он оценивал ситуацию.

Вернувшись в полдень домой (не для того, чтобы поесть!) и узнав, что его спрашивали какие-то два господина, он решил, что его уже разыскивает уголовная полиция. Как-никак компания инкассировала первый платеж правительства.

Это были, однако, как выяснилось из дальнейших расспросов, всего лишь Истмен и примчавшийся в Лондон фабрикант. Пичем обрадовался, что они не застали его.

Идти в контору Кокса не имело смысла: как только речь заходила об адресе маклера, худосочная девица становилась немой как рыба.

И вдруг Пичем, возвращавшийся домой после тщетной попытки поговорить все же с Истменом, встретил на Олд Оук-стрит господина Кокса в обществе своей дочери.

Незадолго до этого Кокс случайно встретил Полли и пошел с ней, хотя она его и не особенно к этому поощряла. Он заговорил с ней о каких-то интересных картинках, которые он непременно хотел ей показать. Она не совсем поняла его. Он не внушал ей симпатии.

Когда Пичем подошел к ним, Кокс сделал вид, будто между ним и Пичемом никогда не было ни малейших недоразумений. Он протянул ему руку в перчатке, другой рукой дружески похлопал его по плечу и вскоре откланялся.

За ужином в голове у господина Пичема крутилось мельничное колесо.

После ужина он удалил из комнаты брюзжащую жену и учинил Персику допрос.

Он не церемонился с дочерью и установил, что господин Кокс дал ей свой адрес, который скрывал от компаньонов. Пичем предпочел не спрашивать ее — с какой целью. Он прошел в темную маленькую контору и несколько минут тупо смотрел в слепое окно. Потом торопливо написал письмо, вернулся в столовую и приказал Полли немедленно отнести его господину Коксу.

Полли очень удивилась. Было уже половина десятого.

Тем не менее она надела шляпу и пошла к господину Коксу.

Господин Кокс был дома. Когда ему доложили о приходе молодой девушки, которая явилась с письмом от отца и ожидает ответа в одной из многочисленных комнат его квартиры, он смущенно положил салфетку на стол и поспешно вышел.

Он жил вместе с сестрой, весьма решительной маленькой особой, ценившей своего брата совсем не так высоко, как ему бы того хотелось, и не скрывавшей своего мнения о его нравственных качествах.

Брат доставлял ей немало неприятностей.

Он обладал незаурядными коммерческими способностями, к тому же взгляды его касательно добропорядочной, честной жизни ничем не отличались от обычных в его кругу взглядов. Он держался того мнения, многими, впрочем, разделяемого, что между деловой и личной жизнью существует огромная разница. В деловой жизни человек прямо-таки обязан всячески использовать любой шанс, сулящий наживу, подобно тому как он не смеет выбрасывать кусок хлеба, являющегося, как известно, божьим даром; в личной жизни человек, напротив, не имеет права наступать ближнему на ноги. В этом смысле у него были вполне корректные взгляды.

К сожалению, Кокс не всегда находил в себе силы жить согласно своим принципам. Между его взглядами на обязанности джентльмена по отношению к женскому полу и взглядами на сей предмет его сестры не было ни малейшей разницы; он точно так же, как и сестра, в сущности даже в тех же выражениях, осу-

ждал свои — к сожалению, постоянные — срывы в этой области. Он часто говаривал задумчиво: «Я не властен над собой». Ни его сестра, ни он сам не могли, можно сказать, ни на минуту предоставить его самому себе.

При всем том страсти Кокса влекли его с точки зрения социальной на дно. Сильней всего притягивали его самые мерзкие бабы. Впрочем, против служанок он также не мог устоять.

То же самое происходило и с его костюмами. Вкус его был ужасен. Костюмы Кокса вызывали у его сестры физическую тошноту. Но он не мог отказаться от них, как не мог отказаться от служанок.

Сестра дарила ему по всякому поводу превосходные галстуки. Он покорно надевал их. Но в передней, точно одержимый каким-то демоном, он засовывал в карман еще один галстук. И когда он выходил на лестницу, этот галстук уже болтался на его шее, красный и нахальный.

То были, несомненно, болезненные явления. Сам он приписывал их заболеванию кишечника. Эти припадки непреоборимой чувственности являлись следствием хронического запора.

Сестра по мере сил поддерживала его в этой трагической борьбе с самим собой. Иногда, впрочем, когда на него «находило», он до того забывался, что воспринимал ее помощь как вмешательство в его личные дела и резко отклонял ее.

Поэтому, когда ему доложили о приходе девицы Пичем, сестре его не оставалось ничего иного, как придумать себе какое-то занятие в соседней комнате и кашлять там возможно громче.

В этот вечер Кокс был в особенно скверном состоянии. Весь день его одолевали страсти. Его так допекло, что он тотчас же предъявил Персику свою коллекцию фотографий, состоящую из голых женщин во всевозможных позах. Сделал он это под тем предлогом, что это свежая, только сейчас полученная партия.

Персик взглянула на них и мгновенно зарделась. Фотографии были на редкость мерзкие.

Тем временем Кокс прочел письмо, содержавшее лишь просьбу о разговоре с глазу на глаз.

На письменном столе, покрытом толстым стеклом, валялась большая золотая брошь. Она принадлежала когда-то покойной матери Кокса. В ней было очень много золота; главным украшением ее были три больших дешевых светло-голубых камня. Судя по всему, Кокс унаследовал свой вкус от матери.

Дочитав письмо, а может быть, и придя к заключению, что девица Пичем достаточно насмотрелась фотографий, он взял брошь со стола, протянул ей и спросил, как она ей нравится.

— Довольно мило,— сказала она чуть сдавленным голосом.

— Она может быть вашей,— сказал Кокс и поглядел в угол комнаты.

Полли, разумеется, ничего не ответила. Она совершенно спокойно сидела в кресле и даже вежливо улыбнулась ему, точно он пошутил. Коксу пришлось основательно взять себя в руки. Он уже подумал о том, что неплохо бы проводить ее домой, но тишина в соседней комнате показалась его сестре подозрительной; она вошла и завязала разговор с Полли.

Кокса беспокоили фотографии, лежавшие перед ней на столе, но Полли во время разговора как бы случайно перевернула их.

Она отлично умела обходиться с мужчинами, и на господина Кокса эта маленькая деталь произвела превосходное впечатление.

Вскоре затем Полли ушла домой и сообщила своему отцу, что господин Кокс придет к нему на следующий день.

Этот господин не понравился ей. Но она не могла забыть про брошь, которая произвела на нее сильное впечатление. На следующее утро, принеся одноногому Джорджу полагающийся ему стакан молока, Полли рассказала ему, что получила от некоего пожилого господина большую брошь в подарок и что она ему вскорости ее покажет. В течение дня она неоднократно вспоминала брошь, в особенности вечером, ложась спать.

Кокс действительно пришел на следующий день. Он отказался пройти из полутемной лавки в контору. На

нем был кричащий желтый дождевик, и говорил он очень серьезно, тихим голосом.

Он признался, что при виде транспортного судна «Красавица Анна» потерял власть над собой. Это корыто никуда не годится! Правда, он сам первый упомянул о фирме «Брукли и Брукли», но ведь он и в глаза не видел ее судов. Он даже не осмелится показать эти плавучие гробы своему другу статс-секретарю. Самое скверное, по его мнению, то, что первый платеж уже произведен и адмиралтейство рассчитывает на корабли. Компаний, в которой он — теперь уже можно сказать, слава богу,— не состоит, могут попросту предъявить обвинение в жульничестве, ибо уже известно, что она производила осмотр судов и что эксперт по имени Байл дал о них отрицательный отзыв.

Кокс намекнул, что, по его мнению, остался один выход — немедленно купить другие, действительно исправные суда. Изъятие имен «Красавица Анна», «Юный моряк» и «Оптимист» и замену их другими именами он так и быть возьмет на себя. Так или иначе, нельзя допустить, чтобы *эти* суда считались купленными его другом.

Сегодня Пичем уже не казался той развалиной, какой он был вчера. Он, разумеется, понимал, что не может тягаться с таким противником. Сам он был велик и даже грозен совсем в другой области. Эту область он покинул. Подхваченный волной патриотизма, прокатившейся по стране, он затеял новое дело. Теперь он был безвреден, как крокодил на Трафальгарской площади. И все же сознание, что он имеет дело исключительно с человеческой подлостью, странным образом вновь пробудило в нем уверенность и кое-какие надежды. Так или иначе, он опять был среди людей.

Спокойно, почти холодно оглядел он болтливого Кокса. Потом сдержанно заметил, что, насколько ему известно, других судов вообще нет.

— Напротив,— медленно сказал Кокс,— в Саутгемптоне есть, например, одно судно.

Пичем кивнул.

— За сколько вы меня выпустите? — сухо спросил он.

Кокс сделал вид, что не слышал его вопроса, и Пичем его не повторил. Теперь он знал, что господин Кокс затеял очень большое дело.

После короткой паузы, побродив по лавке и полюбовавшись запыленными инструментами, господин Кокс присовокупил, что совершенно необходимо с удвоенной энергией возобновить ремонтные работы в доках. Осматривать при официальной приемке будут, вероятно, только для вида, стало быть, нужно хотя бы с виду привести суда в порядок.

Стоя на пороге, он прибавил, что, кстати, в среду на той неделе ему случайно придется съездить по делам в Саутгемптон.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мы жаждем ближнего прижать к устам,
Но обстоятельства мешают нам!

Финал «Трехгрошовой оперы»:
«Об изменчивости различных обстоятельств»

СЕРЬЕЗНЫЕ СОВЕЩАНИЯ

Как, вероятно, не всем известно, война вызывает не только подъем чувств, но и значительное деловое оживление. Она влечет за собой множество бед, но деловые люди обычно не имеют оснований жаловаться на нее.

Вступая в Компанию по эксплуатации транспортных судов, Пичем надеялся приумножить свои доходы. Некоторую роль в этом решении сыграло то обстоятельство, что дочь его достигла брачного возраста, вследствие чего дополнительные барыши были крайне желательны.

Неудачный исход деловых операций в незнакомой ему области вынудил Пичема приступить к ряду длительных весьма серьезных совещаний со своим управляющим Бири.

Изо дня в день сидели они в конторе за обитой жестью дверью: Пичем с неизменной шляпой на затылке — за американским столом, придвинутым к стене, в которой под самым потолком было пробито крошечное окошко, коренастый Бири — в углу, на хромом железном стуле.

Пичем сидел в одном жилете, открывавшем взору грязные рукава рубашки, положив руки на стол, и не глядел на Бири, непрестанно жевавшего окурок сигары, который он, казалось, выудил много лет тому назад из сточной канавы.

— Бири,— неоднократно повторял Пичем в эти дни,— я недоволен вами. С одной стороны, вы чрезмерно суровы, с другой — не умеете выжать из людей все, что можно. С одной стороны, ко мне все время поступают жалобы, что вы недостаточно вежливы с людьми, с другой стороны, я не вижу заработков. Девчонки из портняжной мастерской утверждают, например, что они работают сверхурочно, а обмундирование для солдат не двигается с места, хотя их там четырнадцать человек вместо девяти. Вы знаете, что у меня не должно быть никакой сверхурочной работы, но разбухших, дорогостоящих штатов у меня тоже не должно быть. Времена тяжелые, очень тяжелые. Англия ведет изнурительную войну, дело не терпит ни малейшей перегрузки, а вы себе и в ус не дуете. Если телега опрокинется, то все, кто работает в нашем предприятии и зарабатывает благодаря нам кусок хлеба, окажутся на улице. А это может случиться в любой момент. Я жду от вас предложений.

— А если я начну экономить, вы опять скажете, что я деру шкуру со служащих,— угрюмо сказал Бири.

— Вы это и делаете! Новичок орал сегодня так, что за три квартала было слышно. Это никуда не годится.

— Нельзя же заткнуть ему глотку диванной подушкой, он задохнется и что вы тогда запоете? Сами знаете, никто из них не сдаст выручки, если мы станем угощать их сигарами и сюсюкать: «Как делишки, старина?» А новичка мы обработали в назидание другим. Эта зеленая молодежь вообще стала рассчитываться очень нерегулярно. Мы ему тут же объяснили, что он пострадал за других, а потом, как только вы ушли, мы обошлись с ним по-хорошему.

— Так или иначе, мне надоело предупреждать вас, Бири. Я этого не потерплю. И выручка «солдат» тоже

падает. Мы трещим, Бири. Придется мне закрыть лавочку.

— Да, «солдаты» не окупаются, это верно, господин Пичем. Я лично проверял: публика на это не идет; тут ничего не поделаешь. Я вам говорил — нечего нам соваться в политику.

Пичем задумался. Он уставился в угол запыленного стола, и его будничное лицо сразу потеряло свою незначительность.

— Все дело в том, — сказал он, — что ваши люди не разбираются в происходящем. Поместите несколько толковых статей о военной жизни и о Южной Африке в «Оливковой ветви», и ваши солдаты хоть маломальски поймут, что от них требуется.

В одном из подвальных помещений у Пичема печаталась собственная газета «Оливковая ветвь», выходившая еженедельно и содержавшая семейную хронику всех приходов — объявления о смерти, о свадьбах, о крестинах. Эта хроника была крайне необходима для выпрашивания милостыни на дому. Кроме того, газета публиковала множество трогательных рассказиков, изречения из библии и в каждом номере помещала головоломку.

— К тому же,— продолжал Пичем,— мы сами делаем массу глупостей. Нельзя посылать людей на улицу, если давно не поступало известий с фронта. Это в корне неправильно. Вот теперь, например, буры осадили этот самый Мафекинг, и война не двигается с места; это отнюдь не говорит в пользу армии. Люди с полным основанием спрашивают: чего ради вы теряете руки и ноги, если все равно толку от этого мало? Бездарность никогда не найдет поддержки. И прежде всего никто не любит, чтобы ему напоминали о войне, если она не имеет успеха. Не говоря уже о том, что у всех возникает мысль: пусть радуются, что они по крайней мере дома — другим гораздо хуже приходится. Совершенно правильная мысль: одеть часть наших людей — тех, что помоложе,— в военные мундиры, но ни в коем случае нельзя выпускать их на улицу, когда на фронте затишье. А ну-ка, позовите ко мне людей!

Бири позвал людей — по крайней мере тех, что были налицо. Они были одеты в потрепанные мундиры и имели мрачный вид. Они ничего не зарабатывали.

Пичем молча осмотрел их. Взгляд его казался при этом рассеянным и ни на чем не задерживался. Многолетний опыт научил его этому взгляду.

— Никуда не годится! — сказал он неожиданно грубо; Бири, точно верный пес, ловил каждое его слово, ибо он верил в непогрешимость своего хозяина.— Что это вы на себя напялили? Разве это английские солдаты? Это шахтеры. Взгляните хотя бы вот на него! — Кивком головы он указал на долговязого пожилого человека с угрюмым лицом. — Это же критикан, это коммунист! Разве такой умрет за Англию? А если и умрет, то с охами и вздохами, предварительно выторговав себе побольше жалованья. Солдаты — молодые, бравые ребята, они в самой тяжелой беде не теряют свежести и бодрости: А эти чудовищные увечья! *Вам* нравится смотреть на них? Вполне достаточно руки на перевязи. И мундиры должны быть чистенькие. Смысл должен быть такой: у него ничего не осталось, кроме мундира, но мундир он бережет! Это привлекает, это примиряет. Мне нужны джентльмены! Сдержанный и вежливый, но не раболепный тон! В конце концов такая рана почетна. Вон тот годится, остальным — сдать обмундирование!

«Солдаты» вышли. Ни долговязый, ни кто-либо другой не моргнули глазом: речь шла о деле.

— Итак, Бири, прежде всего — бравые, рослые ребята, которых имеет смысл посылать на фронт и которым всякий посочувствует, если с ними что-нибудь случится. Во-вторых, никаких отталкивающих увечий! В-третьих, чистенькое, как стеклышко, обмундирование. В-четвертых, выпускать на улицу этих красавчиков томми только в тех случаях, когда правительственные бюллетени сообщают о каких-нибудь переменах на фронте; победа или поражение — это безразлично, лишь бы перемена! Разумеется, вам придется читать газеты. Я вправе требовать от

моих служащих, чтобы они были на высоте и знали, что делается на свете. Кончаются служебные часы, но служба не кончается. Вы сдаете, Бири, повторяю вам это в сотый раз!

Бири вышел с пылающим лицом и в ближайшие же дни круто взялся за дело. В мастерских начались увольнения, а в конторе — избиения. Но господин Пичем знал, что в его предприятии почти уже нечего рационализировать. Все было рационализировано до конца. Убытки которыми грозило дело с транспортными судами, нельзя было покрыть доходами с предприятия.

Пичем пытался восстановить в памяти взгляд, которым Кокс при нем смерил его дочь.

ПЯТНАДЦАТЬ ФУНТОВ

Девице Полли Пичем приходилось туго. Она вынуждена была самолично относить в прачечную свое белье и благодарила бога, что мать из-за усилившегося недомогания Пичема перестала этим бельем интересоваться.

Несколько раз она бегала к господину Смайлзу за советом. Но юноша редко бывал дома.

Когда она один раз все же застала его, он сказал ей:

— Мы что-нибудь придумаем. Но в будущем придется быть осторожней. К чему существуют предохранительные средства, если ими не пользоваться?

После этого он в самых оскорбительных выражениях заговорил о господине Бекете. А между тем господин Бекет был, право же, совершенно неповинен во всем происшедшем.

В доме жила старуха служанка. Полли обратилась к ней за помощью.

Вдвоем они перетащили старую медную поясную ванну в маленькую комнатку, и Полли часами шпарилась в ней, со стонами поливая себе ляжки чуть ли не кипятком из больших кувшинов.

Помимо этого, старуха принесла несколько горшков, полных какого-то коричневого и зеленого отвара; все это надо было выпить. Время от времени она просовывала в дверь голову, похожую на голову наседки, и спрашивала, подействовал ли уже отвар. Отвар не действовал.

Одноногий Джордж до известной степени примирился с жизнью среди собак. В свободное время он валялся на заднем дворе, в крошечной будке из листового железа; там, среди старых инструментов и обломков, он поставил себе складную кровать. Чтобы рассеяться, он читал истрепанный том «Британской энциклопедии», подобранный им в нужнике. В томе недоставало половины, и к тому же это был не первый том. Тем не менее из него можно было почерпнуть множество сведений; правда, для законченного образования их было недостаточно. Но у кого оно есть?

Однажды Персик застала его за чтением и пообещала не выдавать его господину Пичему. Господин Пичем, по мнению солдата, едва ли принадлежал к числу тех хозяев, что платят своим служащим жалованье для того, чтобы они могли пополнить свое образование.

Как-то раз одноногий отлучился из будки, и Полли взяла книгу с собой, надеясь почерпнуть из нее какие-нибудь сведения для себя лично. Однако она не знала слов, обозначающих то, что ей было нужно, а может быть, эта часть человеческих знаний находилась в другом томе. Так или иначе, она ничего не нашла.

Джордж пришел в ужас, не найдя своей книги. Несколько дней подряд он уныло лежал на койке и даже забросил собак. Со стороны Персика было большой ошибкой не вернуть ему книгу после того, как она ее прочла. Когда у людей горе, они становятся еще равнодушней к своим ближним.

Несколько дней спустя ей вновь довелось встретиться с Джорджем на собачьем дворе. Она помогала ему перевязывать лапу больному шпицу. Внезапно она, не поднимая глаз, спросила его, как поступают девушки, когда им кажется, что у них не все в порядке. Она спрашивает его потому, что к ней обратилась за советом одна подруга по курсам домашнего хозяйства.

Джордж сначала молча перевязал обрывком носового платка лапу скулящего пса, а затем изрек столь же мудрую, сколь и отвлеченную сентенцию.

Вечером он, однако, надел штатское и отправился в город, а на следующее утро вызвал Полли на двор.

Он сказал ей, что, буде она того пожелает, она может после обеда пойти в Кенсингтон к некоему женскому врачу — человеку неглупому и имеющему большую практику.

Этот адрес дала ему его приятельница — та самая, у которой он жил во время пребывания ее мужа на фронте и которую посетил накануне вечером. Собственно говоря, у него было даже два адреса — врача и повивальной бабки. Последняя годилась больше для бедных девушек. Фьюкумби полагал, что Персику скорей подойдет врач, который работает не так грязно.

Полли побоялась идти одна, и солдат пошел с ней.

Врач занимал квартиру в одном из тех доходных домов, что до отказу переполнены нищетой и грязью. Подниматься к нему нужно было на третий этаж, по узкой лестнице, мимо множества распахнутых настежь дверей, словно комнаты не были в состоянии вместить столь непомерную нужду. Тем более поражало, что квартира врача сама по себе имела весьма комфортабельный вид. Великолепие начиналось уже в прихожей. По углам стояли пальмы в огромных кадках, на стенах висели ковры — явно не отечественного происхождения. Жалкими казались пальто и зонтики пациенток, висевшие на железной вешалке.

В приемной сидели семь-восемь женщин, сплошь представительницы среднего сословия. Открыв дверь своего кабинета, чтобы впустить следующую пациентку, врач кивком головы вызвал Полли, которая была одета лучше других. Она последовала за ним подавленная; солдат остался в приемной.

Врач был то, что женщины называют «красивый мужчина», с высоким лбом и холеной, мягкой бородкой. По тому, как он складывал руки, было видно, что он ими особенно гордится. Лицо у него было, впрочем, довольно потасканное, выражение глаз тоже малоприятное, а голос несколько елейный.

Пока он, к тайному ужасу Полли, записывал ее имя и адрес, она оглядела комнату. На стенах висело всевозможное оружие — негритянские копья, луки, колчаны и короткие ножи, а также старинные пистолеты. В углу, в стеклянном шкафу, лежало несколько хирургических инструментов, выглядевших гораздо более страшно. Стол был покрыт довольно толстым слоем пыли.

— *Да,* — откинувшись на спинку кресла и сложив белые руки, начал врач, хотя Полли, кроме своего имени, не произнесла ни слова,— *то, чего вы хотите от меня, совершенно невозможно, милая барышня. Уяснили ли вы себе вообще, какое требование вы мне предъявляете? Всякая жизнь священна, не говоря уже о том, что на этот счет существуют полицейские правила. Врач, который сделает то, о чем вы просите, немедленно лишится практики и, кроме того, сядет в тюрьму. Вы скажете — сколь часто нам, врачам, приходится это выслушивать в приемные часы! — что это средневековые законы. Ну что ж, милая моя барышня, не я их писал. Ступайте, стало быть, тихо-мирно домой и покайтесь вашей маменьке. Она женщина, как и вы, и поймет вас. Да у вас, наверно, и денег не хватит на такую операцию. Кроме того, совесть не позволит мне взяться за такое дело. Ни один врач не захочет ради каких-то паршивых десяти или двадцати фунтов ставить на карту все свое существование. Мы не глухи к нуждам ближнего. В качестве врачей мы проникаем взором во многие глубины социальных бедствий. Будь хоть малейшая возможность, будь вы хоть чем-нибудь больны, ну по крайней мере чахоткой, я сказал бы: «Ладно! Давайте, в пять минут все будет готово, и никаких осложнений». Но вы никак не похожи на чахоточную, поверьте мне. Когда вы в припадке девического легкомыслия предавались наслаждению, вы должны были подумать о последствиях. Надо быть осмотрительной, нельзя отдаваться чувствам, как бы приятны они ни были. А то потом скорей-скорей к дяденьке доктору, ахи и охи, «господин доктор — то», и «господин доктор — се», и «господин доктор, не губите меня». А что пользующий вас врач подвергается величайшему риску и губит себя только оттого, что он из простого*

человеческого сострадания не считает себя вправе отказать вам в помощи, об этом вы, разумеется, не думаете! О эгоизм! В конце концов это запрещено законом, и если даже врач, идя навстречу пациентке, откажется от наркоза, то операция все же обойдется в пятнадцать фунтов, и при этом деньги вперед, а то потом вдруг начинается: «Как?! Что?! Вы мне вытравили плод?» И врач, которому ведь тоже нужно жить, остается с носом. Не может же он, имея подобную пациентку, вести книги и рассылать счета, хотя бы уже ради самой пациентки. Если он не глуп, он просто ставит на своей потере крест. Он просто разоряется. Зарождающаяся жизнь, милая моя барышня, так же священна, как и всякая жизнь. Недаром религия столь резко высказывается по этому поводу. Я принимаю по субботам после обеда, но предварительно подумайте хорошенько, можете ли вы взять на себя эту тяжелую ответственность, и лучше откажитесь. И принесите деньги, а то можете вовсе не приходить... Вот сюда, пожалуйте, дитя мое!

Полли вышла подавленная. Откуда взять пятнадцать фунтов?

Девица и солдат угрюмо шли рядом.

— Есть еще один адрес,— сказал солдат после паузы.

Они решили воспользоваться им.

Повивальная бабка оказалась толстой старухой и принимала в жилой комнате. Полли села на красный плюшевый диван.

— Цена один фунт,— начала старуха недоверчиво.— Дешевле никак нельзя. А то эти свиньи имеют обыкновение истекать кровью на диване, и мне еще приходится нести расходы. А если вы заорете, я сразу все брошу, и можете убираться. Деньги у вас при себе? Тогда в полчаса все будет готово.

Полли встала.

— У меня нет при себе денег. Я приду завтра.

Спускаясь по лестнице, она сказала Фьюкумби:

— Я все рассмотрела. Больно уж грязно.

— Это скорей для горничных,— сказал солдат.

Они пошли домой.

Мысли Персика сосредоточились на отцовской кассе.

К воровству она испытывала некоторое отвращение; это чувство было привито ей с раннего детства вместе со склонностью к воровству. Ей давали несколько грошей (на сладости) и множество добрых советов. Когда она запускала мизинец в банку с вареньем, ее ужасно мучила совесть. Варенье было сладко, мысль о запрете горька. «Бог,— говорили ей,— видит все: он день и ночь за тобой следит». Должно быть, он видел все, что она делала. В некоторых случаях это было с его стороны просто неделикатно. Когда бог, с ее точки зрения, насмотрелся достаточно таких вещей, каких наверняка не мог одобрить, он, очевидно, видел уже так много, что едва ли стоило изводить себя добродетельным поведением в расчете на его снисхождение. Список преступлений был уже полон, новым преступлениям в нем, совершенно очевидно, не хватило бы места, а следовательно, их можно было совершать безнаказанно. Полли была пропащая душа и могла теперь все себе позволить.

В конце концов только ленью взрослых можно было объяснить, что они заставляли бога, точно дворнягу, сторожить какие-то банки с вареньем и кассы в лавках.

Но между кражей нескольких пенсов и кражей пятнадцати фунтов была большая разница.

Персик заблуждалась, преувеличивая технические трудности кражи. Она могла без особого труда обокрасть отца. Касса была прочная, но господин Пичем носил крупные деньги в карманах брюк. Он непреклонно отнимал у нищих их пенни, менял на серебро и небрежно совал в карман, полагая, что в конечном счете его не спасут ни эти, ни какие бы то ни было деньги. То, что он их попросту не выбрасывал, свидетельствовало только о его добросовестности и полном отсутствии веры в будущее: он не считал себя вправе выбрасывать даже самую малость. Имей он миллион шиллингов, он рассуждал бы точно так же. Он был убежден, что ни его деньги (как и вообще все деньги на свете), ни его голова (как и вообще все головы на свете) все равно ему не помогут. По этой самой причине он и не работал, предпочитая носиться по своему предприятию, сдвинув шляпу на затылок, засунув ру-

ки в карманы и только следя за тем, чтобы все было в порядке.

Его дочь спокойно могла бы в течение одной недели вытащить у него из кармана эти пятнадцать фунтов, хотя бы ночью в спальне; попадись она даже, это было бы не так страшно, как ей казалось. Если бы господин Пичем, например, проснулся и увидел свою дочь, очищающую его карманы, он бы и глазом не моргнул,— это было бы просто продолжением его снов. Дочь была бы наказана, но едва ли уронила бы себя в его глазах. Никто не мог уронить себя в его глазах.

К сожалению, люди слишком мало знают друг друга, и Полли была уверена, что ей не удастся стянуть у отца столь нужные ей пятнадцать фунтов.

Когда она назвала эту сумму солдату, он тут же на дворе предложил ей «обломать» виновника бедствий. Есть такие копилки, которые приходится ломать, чтобы достать из них деньги. Увы, господин Смайлз не был копилкой. И мысли Полли вновь сосредоточились на господине Бекете.

Солдат же, осмотрев своих собак и вернувшись в будку, снова улегся на походную кровать. Если бы он начал думать, мысли его были бы приблизительно таковы:

«Итак, опять недостает пятнадцати фунтов. Если бы они нашлись и тем не менее родился ребенок, это было бы совершенно необъяснимо. Какая женщина могла бы быть столь бесчеловечной, чтобы обречь свое дитя на подобную жизнь, найдись у нее пятнадцать фунтов, вполне достаточных для того, чтобы не дать ему родиться? Как могло бы существовать такое огромное количество людей, рвущих друг друга на части ради двух-трех глотков воздуха, не всегда протекающей крыши и какого-то количества невкусной еды, если бы всякий раз находились пятнадцать фунтов на вытравливание плода? Кого бы гнали тогда на очередную войну и кому бы она была нужна? Кого бы эксплуатировали, доведя собственную мать эксплуатацией до такого состояния, что у нее не нашлось пятнадцати фунтов? Законы частной собственности незыблемы, говорят профессора. Имущих невозможно уничтожить,— почему тогда не уничтожить хотя бы

неимущих? Закон запрещает вытравливать плод, а несчастные бедняки утверждают, что они были бы счастливы, если бы им разрешили вытравливать его. Стало быть, они восстают против закона. Они хотят, чтобы в их внутренностях копались ножами, чтобы плод их любви выскабливали и бросали в отхожее место! Нет, простите, таким желаниям никто не станет потакать! Да и каково бесстыдство! Разве церковь не объявила жизнь священной? Как же смеют эти женщины восставать против жизни, отказываясь населять детьми этот тесный, вонючий, наполненный голодным воем каменный колодец? Они должны взять себя в руки, а не распускаться! Глотнуть виски, стиснуть зубы — и рожать без разговоров! Этак все откажутся рожать. Конечно, своя рубашка ближе к телу, и собственного ребенка жалко обрекать на такую жизнь. Для ее ребенка надо, конечно, сделать исключение! О проклятый эгоизм! Хорошо еще, что вытравливание плода стоит денег. А то бы удержу не было...»

Так примерно думал бы солдат, если бы он начал думать. Но он не думал: он был воспитан в уважении к дисциплине.

Тем не менее через некоторое время он встал и пошел наверх, чтобы поделиться с Персиком кое-какими соображениями, появившимися у него, покуда он валялся на койке. Он решил отвести Персика к своей приятельнице. Та, несомненно, найдет какой-нибудь выход.

Когда он вошел в маленькую, выкрашенную розовой краской комнату, Персик лежала на спине, держа руки чинно по швам, и глядела в потолок.

Фьюкумби уже собрался заговорить, как вдруг его взгляд упал на истрепанную книгу, лежавшую на плетеном стуле. Это был том «Британской энциклопедии» или, вернее, половина его — та самая, с которой он так сроднился. Несколько страниц из этого тома он знал уже наизусть, но как много осталось еще не изученных!

Тот факт, что книга, по которой он так скучал, валялась здесь, потряс солдата. Он даже не обрадовался, что нашел ее вновь. Он был потрясен тем, что она пропала. Ведь в глазах его она была невероятно цен-

ной. Он даже был бы готов приобрести ее в лавке у старьевщика, если бы она там случайно оказалась,— но каким образом именно этот том мог бы там оказаться? Такие вещи случаются не чаще одного раза в десятилетие. Для Персика эта книга, как мы знаем, не представляла никакой ценности. А Фьюкумби, пожалуй, не мог бы даже сразу сказать, на что он согласился бы обменять ее,— разве что на полный том. И тем не менее он не мог прямо подойти к столу и воскликнуть: «А, да вот же моя книга! Как она сюда попала?» Поступить так — значило бы самым неподобающим образом умалить серьезность столь вопиющего факта. Найдя книгу в этой комнате, Фьюкумби в корне изменил свое мнение о девице Пичем.

Поэтому, когда Полли спросила, что ему нужно, он невнятно пробормотал что-то вроде «справиться о вашем здоровье» и вышел, не взглянув больше ни на нее, ни на книгу. Она была так подавлена, что не обратила внимания на его странное поведение.

Вместе с ним ушел от нее благожелательный человек, необходимый и ничем не возместимый в этом мире, и совет, который мог бы, пожалуй, изменить ее жизнь.

Вскоре Полли опять пошла к Смайлзу. Ввиду того, что его квартирная хозяйка уже начала кое-что подозревать, они отправились в городской парк. Полли хотела сесть на скамью, но Смайлз настоял на том, чтобы они удалились в кусты.

Полли восприняла это как вымогательство.

Обвив рукой ее талию, Смайлз сообщил ей, что он изо всех сил старался что-нибудь разузнать.

— Не думай, что я не ломаю над этим голову,— сказал он, прильнув щекой к ее щеке.— Все это ужасно неприятно. Кроме того, ты стала такой раздражительной! Вместо того чтобы тихо сидеть на месте, ну, хотя бы здесь, под кустами, где так красиво, взгляни-ка на луну: сегодня она какая-то особенная, но, милая, ты же не смотришь... Так вот, я говорю: вместо того чтобы чуточку отвлечься — это бы тебе, право, не помешало,— ты все время заводишь все ту же старую шарманку — неужели же ты меня больше не любишь? Тебе уже не нравится, когда я кладу тебе руку вот сю-

да, на грудь? Ты мне не доверяешь? В конце концов это моя обязанность — выручить тебя из беды, в которую я тебя вовлек, хотя ты тоже была в некоторой степени причастна — не станешь же ты отрицать, любовь моя! Так вот, слушай: я нашел средство, я теперь точно знаю, как это делается; это довольно просто, ты одна справишься, и это ничего не стоит. Берется луковица...

Она поглядела на него с недоумением. Он поспешно продолжал, убрав руку:

— Луковица, простая луковица, какие бывают на кухне. Ее сажают и ждут, покуда она даст ростки. Дело в том, что она в любом месте пускает корни. Совсем тоненькие корешки... Понимаешь? Когда она пустит корни — это продолжается примерно два-три дня,— ее выдергивают, и вместе с ней выходит все. Просто, а?

Полли встала возмущенная. Она отряхнула с юбки приставший мох и поправила шляпку, не произнеся ни слова. Он надулся, но она коротко сказала:

— Если бы луковица могла помочь, никто не стал бы платить пятнадцать фунтов. Тут кровью истечешь!

Они поспешно вышли из парка. Прощаясь, он довольно ясно дал ей понять, что, по его мнению, он сделал все, что мог.

Полли знала, что Бекета зовут еще и Мэкхитом, и слышала кое-что про его лавки: Все это он ей сам рассказал. Так как он торговал и лесом, он имел всяческое право именоваться лесоторговцем.

Полли часто встречала его, и однажды она попробовала рассказать ему о своей встрече с маклером Коксом. Она умолчала о том, что была у него на квартире, и о письме отца, но упомянула об интересных снимках, которые он обещал ей показать. Она прибавила, что намерена на днях посетить Кокса, так как его сестра — очень милая женщина.

Господин Бекет мрачно выслушал ее, с таким видом, словно он готовился в ближайшее время принять какое-то важное решение...

Под вечер Полли спустилась вслед за матерью в погреб, где на дощатых полках хранились яблоки. Она

знала, что госпожа Пичем не любит, чтобы за ней туда ходили. Но Полли нарочно искала случая поговорить с ней именно там, а не где-нибудь в другом месте.

Открыв дверь, она спугнула мать, стоявшую у полок со стаканом виски в руке. Бутылка стояла на столе. Госпоже Пичем было крайне неприятно, что муж заставляет ее из-за жалкого стакана виски показываться дочери в столь недостойном виде. Ей было сорок шесть лет, и отсутствие свободы возмущало ее.

Полли же всего охотней разговаривала с матерью именно в тех случаях, когда та чувствовала себя виноватой, ибо при других обстоятельствах она умела быть удивительно противной. Полли сообщила ей, что намерена выйти замуж за господина Бекета.

— Его и Бекетом-то не зовут, — недовольно сказала госпожа Пичем.

— Да, его зовут Мэкхит — или, вернее, его, может быть, так зовут, — спокойно сказала Персик.

— А Пичем? Что скажет Пичем по поводу мужа, которого зовут, может быть, так, а может быть, и иначе? — спросила госпожа Пичем, одним рывком переставляя стакан на другую полку. — На такого мужа нельзя положиться. У меня тоже есть глаза, и я вижу, как он танцует, когда ему кажется, что я на него не гляжу. И потом он думает, что от четырех-пяти стаканов того пойла, что дают в «Каракатице», я уже готова. Человек, занимающийся приличным делом, не станет так хватать за бедра молодую девушку. Брось дурачить меня! Дорогая Полли, у тебя не может быть основательных резонов выходить замуж за такого человека. Тут что-то другое, а что именно — я даже говорить не хочу. Он вскружил тебе голову, вот в чем дело!

— Да, он мне нравится.

— Ну ясно! О чем я и говорю! — торжествующе воскликнула госпожа Пичем. — У тебя рассудок помутился. Ты втюрилась в него и перестала соображать, сколько будет дважды два.

Полли рассердилась.

— Не болтай так много, — сказала она с достоин-

ством,— скажи папе, пусть он с ним поговорит.— Она повернулась и ушла к себе.

Госпожа Пичем вздохнула и угрюмо опорожнила стакан. Ночью она поговорила с мужем. Она знала Полли.

За несколько часов до этого Пичему пришлось пережить ужаснейшую сцену с участием Кокса. Встретившись с компаньонами в задней комнате винного погреба, маклер открыто потребовал, чтобы они приобрели новые суда. Это требование как громом поразило компанию по эксплуатации старых. Истмен, который, по-видимому, уже несколько дней что-то подозревал, просто сполз на пол, букмекер же вскочил, заревел как бык и, плача, повалился на стул. Ничто не помогло. По словам Кокса, парламентская комиссия по пересмотру договора уже приступила к работе. В результате Пичему, как владельцу двух паев, поручили в конце недели поехать с Коксом в Саутгемптон. Там он должен был начать переговоры о приобретении «свободных от изъянов» транспортных судов.

Тем не менее они отправились в доки, чтобы официально сдать старые суда правительственной комиссии. Их нужно было сдать хотя бы для того, чтобы не возбудить подозрений; впоследствии можно будет заменить их другими. Ремонт еще не был закончен, работы шли полным ходом. Комиссия состояла всего-навсего из двух штатских чиновников, очень быстро управившихся со всеми формальностями. В общем, они простояли на ветреной набережной не более четверти часа. Шел дождь, и все мерзли.

Когда вечером госпожа Пичем, отходя ко сну, упомянула имя Мэкхита в связи с их дочерью, Пичем пришел в ярость.

— *Кто* с вами познакомился? — заорал он.— Этот жулик с дешевыми лавками? Что значит познакомился? Где это вы шляетесь, что с вами знакомятся посторонние мужчины? Это же известный всей Сити жулик! Так-то ты следишь за своей дочерью! Я на нее работаю день и ночь, а ты ее сводишь со славящимися на

весь город распутниками, которые околачиваются в банковских передних, чтобы добыть деньги для своих дутых лавочек! Что это вообще творится с твоей дочерью? Надо будет мне навести порядок! На глазах у родителей она перемигивается с этим Коксом, да так, что... Откуда у нее эта чувственность?

— Да уж не от тебя, — сухо сказала госпожа Пичем, натянув одеяло до подбородка.

— Уж во всяком случае, не от меня, — подтвердил господин Пичем, бушуя в темноте. — Я себе ничего подобного не могу позволить. Потому что я должен иметь ясную голову, иначе эти гиены меня растерзают. — Он оборвал разговор. — Ничего больше не хочу слышать! Судьбу Полли решу я сам.

Он принял решение касательно Полли.

На следующее утро он занялся в конторе своей дочерью. Он резко спросил ее о ее визите к господину Коксу, довел до слез и узнал все, в том числе и про фотографии. На них были изображены голые девицы.

После допроса Пичем сказал ей, что он считает бо́льшую часть того, в чем она ему призналась, враньем. Господин Кокс — весьма дельный человек, и пусть она благодарит бога, что он проявляет к ней интерес и ничего не знает о ее поведении. Этим намеком он и ограничился.

Встретившись с господином Мэкхитом, Полли сказала ему, что отец никогда не позволит ей выйти за него замуж и что господин Кокс пригласил ее на пикник, который состоится в конце недели. Первое было правдой, второе — ложью.

Когда господин Мэкхит узнал от Персика, что господин Кокс — избранник ее родителей, ему стало ясно, что он должен что-то предпринять против этого Кокса.

После долгих раздумий он принял решение, сел в конный омнибус и поехал в одну из тех грязных ютящихся в двух комнатах газетных редакций, в которых обычно хозяйничают плохо умытые, жадные до сенсаций, велеречивые господа.

Они достали и внимательно просмотрели несколько засаленных, почти совершенно расползшихся комплектов старых газет. Затем господин Мэкхит сел в другой конный омнибус и поехал на Нижний Блэксмит-сквер, где он в заброшенном домике дал какое-то поручение толстому, подозрительной наружности человеку, расхаживавшему без пиджака.

Засим он в третьем омнибусе поехал домой, хотя было еще очень рано.

Он занимал маленький одноквартирный домик в южном предместье. Домик с крошечным садиком был расположен в одном ряду с точно такими же домиками. Он совсем недавно въехал в него; дом еще почти не был обставлен. В одной из пустых комнат была кое-какая мебель, в том числе — новый диван, на котором он спал; в кухне стояли газовая плита и большой ледник. Дом был, впрочем, не новый. Мэкхиту его передал один из его обанкротившихся деловых друзей.

Стоя на низкой каменной приступке, он достал из кармана довольно объемистую связку ключей, из которых перепробовал несколько, прежде чем нашел подходящий, и, посвистывая, вступил в совершенно пустую переднюю, где не было даже крючка для шляпы.

В расположенной во втором этаже спальне где, впрочем, царил образцовый порядок, он снял ботинки, лег на диван и лежал не шевелясь, покуда не стемнело.

Около десяти часов с улицы позвонили. Он спустился вниз и открыл дверь толстяку; тут же, в передней, он взял у него то, что тот принес, и, не сказав ни слова, выпроводил его. Толстяк ушел ворча. Очевидно, он был тут не впервые.

Мэкхит, который, кстати, проживал здесь под именем Милберна, развернул оберточную бумагу, разложил пачку писем и документов на умывальнике и около получаса изучал их при свете керосиновой лампы, после чего, достав из шкафа несколько одеял, устроил себе постель и вскоре заснул.

На следующее утро он имел в полицейском управлении собеседование со старшим инспектором.

Оба господина, склонившись над письменным столом, изучали содержание пакета в оберточной бумаге,

а в особенности линованную школьную тетрадку в красной обложке — дневник господина Кокса.

Дневник содержал данные, касавшиеся только частной жизни маклера. Инспектор приступил к его изучению не раньше, чем Мэкхит поклялся ему, что в тетради нет никаких деловых записей. В противном случае господин Браун не счел бы себя вправе даже заглянуть в дневник.

Записи в тетради носили по преимуществу морализирующий характер. Было в них немало указаний на определенного рода посещения и тому подобные факты, но бóльшую часть занимали рассуждения по поводу нравственности, откровенные самобичевания, свидетельства неустанной борьбы с чрезмерной чувственностью. В основном эти рассуждения превосходили духовный уровень обоих читателей, для которых они, впрочем, и не были предназначены. Попадались и имена. Они были обозначены инициалами.

Чуть ли не через каждые две-три записи (ни один день не был пропущен, дневник велся необыкновенно аккуратно, без единой кляксы и помарки) попадались цифры, выписанные красными чернилами и аккуратно подчеркнутые при помощи линейки: «2 раза» или «4 раза»; «4 раза» встречалось, впрочем, довольно редко, а цифры больше, чем «5 раз», вообще не было. Иногда попадался «1 раз», но он был не подчеркнут, а обведен кружком.

Встречались еще два несхожие между собой значка. Смысл их был расшифрован на внутренней стороне обложки: стул и прием слабительного. Эти значки были тоже как бы нарисованы. Почерк у господина Кокса был залихватский, не лишенный некоторого размаха.

В остальном содержимое пакета состояло из весьма сомнительных фотографий. Они носили на себе следы частого употребления.

После короткого безмолвного просмотра Браун нажал кнопку и вручил вошедшему чиновнику листок, на котором он набросал несколько слов. Вернувшись, чиновник положил на стол еще один пакет. Он содержал акты и справки лондонской полиции.

Браун вынул из пакета какую-то казенную бумагу

и сравнил ее с одной из записей в дневнике Кокса. Задержав толстый указательный палец на соответствующем месте, он сказал свойственным ему медлительным авторитетным тоном:

— Дорогой Мэк, зацепить этого парня мы не можем. Что за дела он делает, нам неизвестно. Мы, как правило, не суем носа в деловые комбинации порядочных людей. Куда бы это нас привело? Этот человек исправно платит налоги. Кроме того, мы в делах ничего не понимаем. Частной жизнью джентльменов мы тоже не интересуемся, а взломами он не занимается. Единственное, что тут можно использовать,— протокол двухлетней давности: этот господин был во время ночной облавы накрыт в гостинице для свиданий с супругой одного из статс-секретарей морского ведомства. Но это ты уж лучше поручи какому-нибудь газетчику. Я могу указать тебе нескольких ребят, которые могут этим заняться.

Он вновь нажал кнопку, и ему принесли еще одну довольно толстую папку с надписью: «Вымогательства».

С обычной своей тщательностью он просмотрел ее и сказал решительно:

— Обратись к Гону. Он самый подходящий.

Мэкхит взял у него протокол, приложил его к своему материалу, похлопал друга по плечу и небрежно сказал:

— Если мне в ближайшем будущем доведется жениться — официально, понимаешь? — ты придешь на мою свадьбу? Мне это очень важно из-за представителей банка. Они что-то не поддаются.

— Если это будет удобно,— неохотно сказал Браун,— только слишком часто все-таки нельзя.

Мэкхит ушел, задумавшись. Это был уже не тот Браун, его отношение к старым друзьям изменилось. Разумеется, он по-прежнему свой парень, но на нем, по всей видимости, с некоторых пор лежит большая ответственность...

С банком Мэкхит тоже никак не мог договориться. Банк выдумывал все новые и новые оттяжки.

Его собственные люди начинали роптать. Они хотели видеть деньги. Мэкхит с тяжелым сердцем поду-

мал о том, что он обязан заботиться о судьбе без малого ста двадцати человек, из коих многие обременены семьей. Это было нелегко.

Что-то требовалось предпринять — вне всякого сомнения. Прибери он к рукам деньги старика Пичема, он мог бы вздохнуть свободно.

Он поехал в одну из своих лавок, у моста Ватерлоо. Это была не д-лавка, а настоящий антикварный магазин, которым заведовала Фанни Крайслер — дама, кое-что понимавшая в искусстве. Сюда он обычно захаживал, когда ему нужно было что-либо обдумать. Он забирался в контору и перелистывал ту или иную книгу.

Фанни, к сожалению, он не застал. Она была на каком-то аукционе. Мэкхит заботился о том, чтобы некоторые из продававшихся здесь предметов имели настоящую метрику.

В книгах, сваленных кучей в конторе и происходивших из библиотеки кингсхоллского пастора (как значилось синим карандашом на крышке ящика), были чрезвычайно непристойные гравюры на меди. Мэкхит терпеть не мог таких вещей. Он вообще был противником искусства. С отвращением отложил он драгоценные томики.

При этом он подумал о Полли.

В последнее время всякий раз, как он думал о Полли, его охватывала неизъяснимая тревога. Полли была чересчур чувственна.

Он встал и отправился на Олд Оук-стрит.

После того как он два раза прогулялся мимо дома, Полли вышла. Они несколько раз обошли квартал.

Полли была очень кротка и казалась чем-то озабоченной. Она была бледней обычного. Мэкхит заметил, что у нее круги под глазами. Когда они прощались, она не посмотрела ему в глаза.

Полли мимоходом упомянула, что она теперь некоторое время не будет посещать курсы домашнего хозяйства и, следовательно, не сможет с ним встречаться. А в воскресенье предстоял пикник с Коксом.

Мэкхит в самом скверном настроении отправился в Тэнбридж. Он вспомнил, что сегодня его четверг.

Он имел обыкновение по четвергам проводить вечера в одном определенном доме в Тэнбридже. Там он позволил девицам угостить его чашкой кофе и развлекся в обществе Дженни. Все еще чувствуя себя подавленным, он попросил ее погадать на картах. Ничего вразумительного у нее, однако, не получилось. Девицы давно уже надоели ему. Он пятый год бывал в этом доме.

Наутро он разыскал Гона, сотрудничавшего в различных не очень почтенных газетах, и передал ему материалы против Уильяма Кокса.

Вскоре за тем Миллер из Национального депозитного банка обронил в деловой беседе, что, дескать, не мешало бы господину Мэкхиту, отбросив всякие колебания, по возможности безотлагательно создать себе настоящий, добропорядочный семейный очаг, что не противоречило и желаниям девицы Полли Пичем.

Тем самым необходимость борьбы с господином Коксом отпала, и Мэкхит забыл об обличительном материале, который он передал Гону.

ГЛАВА ПЯТАЯ

За обедом «их любовь расцвела»,
И они «дали слово друг другу»,
Ни двора у них не было, ни кола,
Ни даже обеденного стола,
Ни даже имени для ребенка.
Но треплет ли буря их шалаш,
Гремит ли над степью гром,—
Навек останется Ханна Каш
С любимым муженьком.
Шериф говорит, что он жулик, к тому ж
И молочница: «Жить с хромым!»
Она отвечает: «Все это чушь!
Я вольна выбирать. И он мне муж.
И я останусь. С ним».
И пусть он хром, и пусть он вор,
И пусть в синяках она,
Не нужно Ханне Каш ничего,
Ей лишь любовь нужна.

«Баллада о Ханне Каш»

МАЛЕНЬКОЕ, НО СОЛИДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Национальный депозитный банк — маленькое, но солидное предприятие — занимался главным образом недвижимым имуществом. Принадлежал он семилетней девочке, а управлял им старик доверенный, господин Миллер, который, в свою очередь, пользовался советами тоже уже весьма обремененного годами адвоката по имени Хоторн; Хоторн был опекуном малолетней владелицы.

Мэкхит, ведя переговоры с банком, имел дело не только с господином Миллером, но и с господином Хоторном. Обоим вместе было свыше ста пятидесяти лет, и тот, кто имел с ними дело, имел дело с полутора столетиями.

Именно к ним обратился Мэкхит, подвергнув тем самым свое терпение невероятному испытанию; но он ре-

шил раз навсегда положить конец сплетням о его д-лавках. И действительно, в Сити едва ли нашелся бы человек, который посмел бы предположить, что предприятие, поддерживаемое Национальным депозитным банком, основано после 1780 года. А такие старые фирмы обычно бывают весьма солидными. Однако именно по этой причине он никак не мог сдвинуть переговоры с мертвой точки.

Банк тянул и тянул. Он хотел знать все, начиная с арендной платы за лавки и кончая биографиями их владельцев. Но, как это ни странно, он проявлял вместе с тем чрезвычайную заинтересованность. Мэкхит знал — почему: операции с недвижимым имуществом, в особенности то, что под ними понимал господин Миллер, были уже не тем выгодным делом, каким они являлись когда-то. Приток свежего капитала значительно сократился, а старые объекты сделок за последнее время неоднократно подвергались чудовищным переоценкам.

Господин Хоторн с некоторой тревогой взирал на будущее. Он был не совсем доволен доверенным, господином Миллером: хотя он был старше последнего, он тем не менее считал, что господин Миллер слишком стар и уже больше не может управлять банком. Ответственность за многие ускользнувшие от них дела он со свойственным ему педантизмом возлагал на педантичного Миллера. Втайне господин Хоторн даже помышлял о замене его более молодым и оборотистым работником, и господин Миллер чувствовал это.

В действительности оба они с некоторого времени начали сомневаться в правильности своего отношения к современным методам работы. Может быть, вовсе и не стоило быть такими педантичными. Другие фирмы были не столь педантичны и тем не менее делали дела и считались вполне солидными. Может быть, некоторый размах был просто-напросто свойствен духу времени.

Поэтому, когда им предложили связаться с новоявленными д-лавками, они не отказались с той решительностью, какой от них можно было бы ожидать. В предложенном деле все было чуточку необычно и неопрятно, но в этом-то и заключалось что-то новое, что-то современное. Разумеется, при их воззрениях им труд-

но было уловить разницу между одним новым предприятием и другим столь же отчетливо, как они ее ощущали между предприятием новым и предприятием старым. Их расспросы были скорей следствием привычки. В сущности, они уже наполовину решились войти в дело. Хоторн — тот даже окончательно решился.

Уже несколько раз Миллер, разговаривая с Мэкхитом, ронял намеки, которые можно было объяснить только следующим образом: если со стороны Мэкхита последует приглашение навестить его, то они не станут откладывать свой визит в долгий ящик. Это само по себе уже означало весьма много. К сожалению, у Мэкхита до сих пор не было семьи и дома. Когда же он теперь по всей форме пригласил господина Миллера на свою предстоящую свадьбу, тот поспешно изъявил согласие как от своего имени, так и от имени господина Хоторна.

Мэкхит чувствовал, что это приглашение ускорит благополучное завершение переговоров в гораздо большей степени, чем самые солидные справки. И он был прав.

Выйдя из банка в отличном настроении, он направился к мосту Ватерлоо. В задней комнате он посовещался с Фанни Крайслер и увел ее из магазина.

Они вместе обошли несколько первоклассных антикварных магазинов, расположенных в том районе, и отобрали различную мебель. Они искали особо выдающиеся вещи; цена не играла роли.

Однако, когда они зашли позавтракать в закусочную, Фанни погрузилась в молчание, а потом вдруг сказала, постукивая ложечкой по блюдцу:

— Все это чушь. На что тебе эта мебель? Для себя лично? Ясно, что нет. На худой конец ты, конечно, мог бы жить в такой обстановке, но тебе незачем обманывать меня: обыкновенные фабричные гарнитуры фунтов за сорок были бы тебе гораздо приятней, чем все то, что я сейчас для тебя отобрала. У тебя вкус упаковщика мебели... Не спорь со мной. Это нисколько тебя не унижает. Но эта мебель предназначена вовсе не для тебя. Она предназначена для господ Миллера и Хоторна. А на что им эта рухлядь? Обстановка должна быть в стиле модерн, и притом дорогая. У тебя

должна быть квартира человека, шагающего в ногу со временем. Разумеется, в ней может, между прочим, находиться и несколько старинных вещей, полученных по наследству от матери: кресло, рабочий столик и тому подобное. Я обо всем позабочусь. Предоставь это дело мне. Все будет выглядеть так, что Полутора Столетиям не придется беспокоиться о судьбе их денег, доверенных тебе.

Мэкхит рассмеялся. Они вторично обошли магазины и отменили все заказы. Фанни одна занялась покупкой новой мебели.

Полли наврала насчет пикника, на который ее будто бы пригласил господин Кокс. Она вообще с тех пор больше не видела господина Кокса. Несколько раз ей приходило в голову, что неплохо бы зайти к нему за брошкой. Она была уверена, что за эту брошку любой ювелир — а может быть, даже и ссудная касса — даст ей не меньше пятнадцати фунтов.

Но у нее как раз установились хорошие отношения с Мэком. И он нравился ей все больше. И она заметила, что он следит за ней. Возле лавки музыкальных инструментов постоянно околачивались несколько человек, которые шли за ней по пятам, как только она появлялась на улице. Сначала она сердилась, потом ей это начинало льстить. Под опекой Мэка она чувствовала себя в безопасности. Мэк не был молодым хлыщом вроде Смайлза, которому вообще не было знакомо чувство ответственности. Как только Мэк заговорил о тайном браке, она с удовольствием представила себе, какое лицо состроит ее отец, когда он обо всем узнает.

Она была убеждена, что Мэк принял это решение после того, как она наврала ему про пикник. Пикник представлялся ему чем-то невероятно разнузданным. Она смеялась при одной мысли об этом.

В пятницу вечером госпожа Пичем уложила в чемодан мужу сорочку и несколько воротничков, и Пичем отправился на вокзал. Получасом позже Полли тоже начала укладываться в своей розовой комнатке.

Она втайне от всех купила себе шелковую комбинацию и лиловый корсет, причем купила в д-лавке, чтобы приятно удивить Мэка. Она уложила их в старый черный саквояж; туда же она сунула длинную

ночную сорочку с глухим воротом, единственную нештопаную.

На углу ее поджидала закрытая карета, в которой сидел Мэкхит.

Мэкхит пребывал в дурном настроении — он с утра был на ногах, и ему не удалось, как обычно, выспаться после обеда.

Сначала они подъехали к полицейскому управлению. Мэкхит приказал кучеру остановиться и на минутку заглянул к Брауну. Браун тоже нервничал. Мэкхит в течение дня уже два раза забегал к нему, добиваясь твердого обещания прийти.

Так как ему все же не удавалось найти подходящий дом, он днем дал Брауну новый адрес, что ни в малой степени не улучшило настроения старшего инспектора. Он и на этот раз не проявил особого желания прийти, но все же пообещал. Между тем успех вечера целиком зависел от его прихода. Тут дело было не только в Миллере и Хоторне, но и в некоторых других гостях, на которых присутствие полицейского сановника, несомненно, должно было произвести впечатление.

Неподалеку от Ковентгардена Мэк завез Полли в кафе, а сам поехал дальше, в Кенсингтон. Там его люди обставляли квартиру для брачной церемонии; этому предшествовало одно довольно неприятное событие в другом доме. Собственная квартира Мэка в южной части города не подходила для празднества, так как была слишком мала.

Мэк застал там величайший беспорядок. Мебель для нижнего этажа была выгружена раньше той, что предназначалась для верхнего, и загородила все проходы. Люди Мэка не подходили для роли упаковщиков мебели; кроме того, они уже успели напиться. О'Хара, руководивший выгрузкой, оправдывался тем, что люди начали роптать.

Это был маленький особняк герцога Сомерсетширского. Большой особняк тоже был свободен, так как герцог находился на Ривьере, но он был чересчур пышен и к тому же полностью обставлен, тогда как малый особняк был пуст, за исключением комнат дворецкого. Дворецкий был многим обязан Мэкхиту.

Мэкхиту тут нечего было делать; поэтому он опять поспешил к Брауну. В управлении он его не нашел.

Тогда он поехал к мосту Ватерлоо, послал 'Фанни к Персику и отправился к Брауну на квартиру. Но он его и там не застал.

Фанни тотчас же узнала Персика по описанию. Они очень быстро познакомились. Персик нервничала из-за длительного отсутствия Мэка. Она пила уже третью чашку чаю. Кроме того, у нее не было при себе денег.

Приход Фанни сначала успокоил ее, но потом ее одолели сомнения — кем приходится Фанни Мэку? Фанни было немного за тридцать; она была недурна собой. Фанни внезапно рассмеялась и сообщила Полли, что она заведует антикварной лавкой Мэка у моста Ватерлоо и что у нее больной муж и двое детей. Это сообщение, как ни странно, сразу же успокоило Полли, впрочем ненадолго.

Хуже всего было то, что становилось уже поздно, а Полли еще предстояло купить себе подвенечное платье. Она опасалась, что ей, не дай бог, придется провести весь вечер в затрапезном платье, и это убивало всю радость предстоящего венчания. Мэк сказал ей, что на свадьбе будет множество шикарных гостей.

Мэк явился довольно поздно, не разыскав Брауна, и усадил обеих женщин в свою карету. Полли ни за что не хотела отпустить Фанни, хотя Мэк рассчитывал, что та уйдет. Ссылку Фанни на то, что она не одета, Полли обошла молчанием.

Мэк взглянул на часы и выругался. Разумеется, все лавки были уже закрыты. Он отлично понимал, что Полли не следует входить в свой будущий дом в будничном платье, хотя бы даже с черного хода. Не дожидаясь ее просьб, он приказал кучеру остановиться в парке в нескольких сотнях метров от дома и пошел вперед добывать платья.

Дело это он поручил одному из своих людей, специалисту по конфекциону, который обладал таким вкусом, что мог бы заведовать отделением у Ворта, но был для этого недостаточно солиден. На следующий день у Ворта недосчитались пяти платьев, и заведующая засвидетельствовала в полиции, что они были в числе лучших. В связи с этим Були претерпел на следующей неделе уйму неприятностей, так как в преступном мире действительно не было человека, равно-

го ему по вкусу. Так или иначе, Мэк принес Полли в карету первоклассное подвенечное платье.

Одно из оставшихся четырех надела Фанни; таким образом, и она была в подвенечном платье.

Полли нашла в доме около полусотни людей, принадлежавших, судя по их внешности, к самым различным общественным слоям. Кроме некоего лорда Блумзбери, одного полковника, двух членов палаты общин, двух известных адвокатов и пастора из прихода святой Маргариты (совершившего обряд венчания в соседней комнате), она пожала честную руку целому ряду мелких коммерсантов, агентов и закупщиков Мэка — по большей части коренастых господ с брюшком. Почти все они были с женами.

Явились на приглашение и два-три владельца д-лавок — жалкие людишки в чистеньких костюмах, с праздничным выражением лица. Они держались так, словно были экспонатами на выставке.

Полли в общей сутолоке не успела разглядеть помещение. Она только слышала, как ее муж сказал лорду, что он арендовал этот дом у своего друга, герцога Сомерсетширского.

По левую руку от невесты сидел старик Хоторн. Полли, которую он знал еще ребенком — она не раз приходила в банк с отцом, и покуда мужчины беседовали о делах, играла чековыми формулярами,— сообщила ему, что она и Мэк вчера поссорились с родителями, потому что Мэк не захотел пригласить никого с «фабрики». Вся эта история была шита белыми нитками, но Полтора Столетия покорно проглотили ее.

Место справа от жениха было пока еще никем не занято.

Брауна все не было. Мэкхит несколько раз вставал из-за стола и посылал за ним. Вся свадьба ничего для него не стоила без Брауна. Он был уверен, что присутствие полицейского чиновника произведет на Полтора Столетия неизгладимое впечатление.

Браун пришел, когда уже подавали дичь. Он казался не очень оживленным и был одет в штатское. Мэк в глубине души разозлился на него за это.

С Полли он был обворожителен. Она ему по-настоящему нравилась. Она сидела очень прямо, чуть разру-

мянившись, и разыгрывала хозяйку. Сама она ела очень мало, как и подобает невесте. Кому приятно видеть, как нежное создание поглощает целую курицу или рыбу?

По мнению большинства гостей, сидевших в конце стола, места были распределены не совсем правильно, но никто не ставил этого в вину невесте. Ее сияющий вид примирил всех.

Мэкхит втайне сокрушался, наблюдая за поведением гостей. Владельцы д-лавок ели весьма пристойно, памятуя, что они не у себя дома, но закупщики, само собой понятно, стеснялись гораздо меньше. Мэкхит, подсевший к ним за десертом, с неудовольствием услышал шипение их жен, которые, разумеется, терпеть друг друга не могли, и даже поймал какую-то непристойную шутку, автора коей он запомнил.

Все же отбор, произведенный им среди его людей, был в общем и целом удачен. Никто из присутствующих не был занесен ни в один заграничный или местный альбом преступников, за исключением Груча; а Груча весь Скотленд-Ярд не опознал бы без отпечатка пальцев. Ядро гостей составляли владельцы лавок, у которых в самом деле на совести ничего не было; своим глуповатым видом они производили впечатление кристально честных людей. О'Хара имел наглость пригласить Дженни: проститутку не следовало звать на семейное торжество, кроме того, полковник наверняка знал ее. Зато такие люди, как Реди Коммивояжер, один из лучших убийц и остряков империи, чрезвычайно способствовали оживлению. В целом это было вполне приличное общество.

После кофе Мэкхит увел Хоторна и Миллера в соседнюю комнату, где на столах и стульях еще был разбросан реквизит свадебного обряда. Браун откланялся, сославшись на служебные дела. За стаканчиком ликера трое мужчин принялись обсуждать возможность участия Национального депозитного банка в д-лавках.

Старики пока что еще не хотели вдаваться в подробности. Они ни звуком не упомянули о том, что их до известной степени огорчило отсутствие родителей Полли. Мэкхит, разумеется, предвидел, что это их обеспокоит, однако не дал никаких объяснений. Он был

уверен, что господин Пичем рано или поздно примирится со свершившимся фактом, а молчание Полутора Столетий доказывало ему, что они понимают ситуацию и разделяют его уверенность.

Вернувшись к гостям, они застали танцы в разгаре. Персик танцевала с О'Хара. Охотничья комната производила праздничное впечатление. Она была обставлена в стиле модерн.

Мэк на несколько минут присел за опустевший стол. Его двойной подбородок утонул в крахмальном воротничке, его лысина побагровела, потому что и он уже выпил. Он попробовал раскинуть мозгами. В сравнительно короткое время ему удалось поразмыслить о многом.

«Ах, — думал он примерно так,— *до чего же все эти неприятности отравляют лучшие часы нашей жизни! Они точно жилы в бифштексе! Трогательнейшие сцены испакощены всевозможными заботами. Когда человек переживает величайший внутренний подъем и преисполнен чистейших чувств, его отвлекают всякие финансовые комбинации. Я лишен возможности просто присесть и выпить свой стаканчик вина. Попробуй я это сделать, мои гости, эти свиньи, немедленно мне все запакостят. Я должен за всем следить и не могу даже расстегнуть пояс, когда меня так пучит. И за собой я тоже должен следить — я такая же точно свинья. Все могло бы быть хорошо, если бы эти сукины дети хоть сколько-нибудь считались с переживаниями человека в лучший день его жизни. Я добрейший из людей, но если Эде Ворюга уведет сейчас жену Чарли в соседнюю комнату, я за себя не ручаюсь. Я этого не потерплю в своем доме. Дженни тоже могла бы не приходить, она здесь ни к чему. Не могу же я сажать таких людей рядом с моей женой: это, право же, заходит слишком далеко! Полли всем нравится. Все хотят спать с ней; посмели бы они не хотеть, я бы им показал. Свиньи! Пускай довольствуются своими собственными выдрами. То есть моя-то не выдра... Как я смею говорить такие вещи — это же подлость! Как я смею упоминать о ней рядом с ними! Она на сто голов выше их всех и меня в том числе. Я, к сожалению, тоже не из порядочных, я не светский человек в полном смысле этого слова. Но я многого добьюсь. Если дело с бан-*

ком выгорит, я буду порядочным — теперь-то уж буду. Это так приятно быть порядочным, и в финансовом отношении тоже не вредно. Или почти не вредно. Или даже полезно. Вот уже опять нужно идти. Лучшие часы полны забот. Это грустно, очень грустно».

Мэкхит пошел распорядиться насчет кареты. Зайдя в соседнюю комнату за своим саквояжем, он накрыл Були (он же Джейкоб Крючок) с женой Роберта Пилы; пришлось устроить скандал и раз навсегда запретить «подобное свинство в своем доме». Ему также не понравилось, что Персик все еще танцевала с ветреным О'Хара. Он довольно резко прекратил танцы. Но, в общем, Мэк не имел оснований жаловаться — праздник удался.

Когда новобрачные уезжали в свадебную поездку, гости, как водится, выстроились на лестнице и махали им. Как только они уехали, часть гостей принялась чествовать Фанни в качестве второй невесты, но заметил это только Мэк, знаток человеческой души; он обернулся и поглядел в заднее окошко кареты.

Они поспели к поезду, уходившему в Ливерпуль.

Свадебное путешествие в данный момент не очень устраивало Мэкхита.

Две недели назад на окраине были ограблены две какие-то лавки, торговавшие стальными изделиями. В еженедельнике «Зеркало», который именовался так потому, что редакция до тех пор держала зеркало перед глазами своих ближних, покуда те не откупались, уже несколько дней как появилась заметка — сотрудник редакции случайно купил в д-лавке лезвия для бритвы, обычно продававшиеся в ограбленной лавке. О'Хара вступил в переговоры с «Зеркалом», но Мэкхит в настоящее время не был расположен платить и спустил с лестницы одного из сотрудников редакции вместе с его зеркалом. «Зеркало» немедленно потребовало от д-лавок предъявления накладных на лезвия. Накладные, разумеется, можно было раздобыть, но этим дело все равно бы не кончилось.

Со столовым серебром тоже не все было в порядке; ввиду крайней спешки приобретение его не обошлось без человеческой жертвы. Ребята пытались скрыть от шефа этот случай, чтобы не портить ему праздничного настроения, но Мэк все-таки кое-что пронюхал. При-

чиной небрежной работы, как и всегда в подобных случаях, было отсутствие денег в кассе банды.

Когда Мэкхит узнал об убийстве, он хотел в последнюю минуту отказаться от свадебного путешествия; но это было уже невозможно. Тогда он решил по крайней мере воспользоваться путешествием, чтобы уладить кое-какие дела, и поэтому избрал Ливерпуль.

В купе Персик выглядела очень хорошо. О'Хара был незаурядный танцор, и за те несколько секунд, что она шла от подъезда до кареты под густыми, темными каштанами, она ясно почувствовала, что это был действительно лучший день в ее жизни. Никогда еще вокруг нее не увивалось столько мужчин. Она была счастлива. Мэк, таясь от соседей, жал ее горячую руку.

В Ливерпуле они сняли небольшой номер. Прежде чем лечь в постель, они выпили внизу бутылку бургонского. Этого не стоило делать. Поднимаясь по лестнице, Мэк почувствовал, что порядком устал.

Он был уже не в силах по достоинству оценить новую комбинацию, а лиловый корсет, по-видимому, оказался для него делом привычным. Впрочем, всему виной была его усталость.

Они вскоре заснули, но поздно ночью неожиданно затрещал предусмотрительно заведенный будильник, и они провели не без приятности еще один час. Уступая настойчивым расспросам, Мэк признался, что у него было в прошлом несколько интрижек (о Фанни он умолчал вовсе, а относительно Дженни признался лишь наполовину), а Персик призналась, что она однажды дала себя поцеловать Смайлзу,— правда, после упорного сопротивления,— так что в результате ее признание оказалось кульминационным пунктом всего дня и послужило фундаментом его долголетней любви к ней.

Полли тоже была счастлива и простила Мэку его прошлое профессионального громилы, которое он открыл ей внизу за бутылкой бургонского,— он позволил ей вытащить до половины стилет из его толстой трости. Она простила ему даже его прошлые увлечения, более того — его несколько необычные привычки, как, например, чесание груди под рубашкой; по этим признакам она ясно поняла, что действительно любит своего мужа.

Господин Джонатан Пичем получил полномочия от баронета, букмекера, домовладельца, текстильщика и ресторатора. Он встретился с Коксом на перроне.

За всю дорогу до Саутгемптона спутники обменялись не более чем десятком слов. Кокс читал «Таймс», надев пенсне на острый нос, а Пичем тихо сидел в уголке, сложив руки на животе, в области пупка.

Один раз маклер поднял глаза и сказал равнодушно:

— Мафекинг держится. Крепкие ребята!

Пичем молчал.

«Скверно, — думал он, забившись в свой угол,— *англичане набрасываются на англичан. И не только этот тип, но и те, что сидят в Мафекинге, тоже против меня. Хоть бы они уж сдались! Тогда бы не понадобилось ни свежих войск, ни кораблей, и все это дело, которое будет мне стоить головы, расстроилось бы. А теперь они сидят там, в этом ужасном климате, и изо дня в день ждут кораблей, которые я обязан купить для них на мои трудовые денежки. «Держитесь,— твердят они друг другу каждый день,— не унывайте и не поддавайтесь, ешьте поменьше, лезьте под пули, покуда старый Джонатан Пичем не купит на свои трудовые денежки корабля, который привезет вам смену». Если равняться по ним, то все это проклятое дело с покупкой судов следовало бы провести как можно скорей, а по мне — как можно медленней, стало быть, наши интересы в корне расходятся. А между тем мы даже не знаем друг друга».*

В саутгемптонском отеле они тотчас же разошлись по номерам; они даже не поужинали вместе. Но поздно ночью страшный шум из смежного номера, где спал Кокс, разбудил Пичема.

Пичем надел брюки и вошел к Коксу. Маклер лежал в постели, натянув одеяло до подбородка, а в центре комнаты стояла какая-то сравнительно еще молодая особа в одних чулках и ругательски ругала Кокса.

Из ее взволнованных речей можно было понять, что она ни в коем случае не намерена удовлетворять предъявленные ей требования. Она ссылалась на свою многолетнюю практику и богатый опыт и всячески подчеркивала, что она абсолютно лишена предрассудков;

свидетельствовать об этом могли, по ее словам, многие портовые рабочие, а равно и матросы — люди, видавшие виды и весьма требовательные. Но никто — ни даже один из членов местного суда, человек пожилой и известный своими мерзостями всему городу — не осмеливался предъявлять ей за десять шиллингов подобные требования.

Она с удивительной изобретательностью унижала Кокса. Без всякого труда находила для него сравнения, которые, если бы их можно было воспроизвести, своей поэтической силой обеспечили бы этой книге почти бессмертную славу.

Не успел Пичем войти, как в дверь уже постучали. Он с трудом вытолкал из комнаты переполошившихся лакеев. Затем он принялся увещевать даму, которая тем временем живописно задрапировалась в плюшевую скатерть и принялась шнуровать ботинки; он попытался пробудить в ней деловой дух.

После упорной борьбы она ушла, сунув в чулок несколько кредиток, со словами:

— Раздобудьте вашему приятелю двух-трех дам, если вы хотите привести его в такое состояние, чтобы ему не пришлось ползти из гостиницы на карачках.

Когда она ушла, они стали укладывать чемоданы, так как отель не был заинтересован в их дальнейшем пребывании под его кровлей. Они перебрались в другой.

Между тем время подошло к четырем часам утра. Они решили больше не ложиться, заказали себе чаю и стали беседовать.

Кокс испытывал настоятельную потребность выговориться. Он не стал скрывать от господина Пичема, что сцена, только что имевшая место, вызвала в нем острое омерзение. Он отважно бичевал свою слабость, толкнувшую его на общение с подобными отбросами общества.

— Эти люди, — сказал он грустно и возбужденно,— теряют всякий контроль над собой, стоит только изъять их из привычного окружения. Они не выносят джентльменского обращения. Нельзя их за это упрекать; они иначе не могут. Они немедленно разражаются отвратительнейшей бранью. Длительное самоосквернение из корыстных расчетов убивает в них все

лучшие порывы. Они не хотят работать, они даже не хотят давать что-либо действительно равноценное за те деньги, что им платят. В сущности, они хотят только одного — легкой жизни. Это то самое, что претит мне в социализме. Этот плоский материализм несносен. Величайшее счастье для такого существа — лень и безделье. Все эти исправители человечества никогда ничего не добьются. Они не считаются с человеческой природой, испорченной до мозга костей. Да, если бы люди были таковы, какими мы хотели бы их видеть, то не все еще было бы потеряно. Но при данных условиях ничего не выйдет. И в результате остается одно горькое похмелье.

Пичем, по обыкновению, стоял у окна и смотрел на уже освещенную солнцем площадь, которую поливал из кишки человек в синей блузе. Прогрохотали первые тележки с овощами из гавани.

Когда Кокс кончил свою речь, он сухо сказал:

— Вам следовало бы жениться, Кокс.

Кокс ухватился за этот совет, как за соломинку.

— Может быть, и следовало бы, — сказал он задумчиво, — мне необходимо ощущать подле себя любящее существо. Вы отдадите за меня вашу дочь?

— Да, — сказал Пичем, не оборачиваясь.

— Вы мне ее доверите?

— Конечно.

Кокс шумно вздохнул. Если бы Пичем обернулся, он заметил бы, что Кокс выглядит очень неважно. Ночное происшествие отразилось на его нервах.

— У вас был бы недурной зять, — сказал он беспокойно, — я малый не промах. И я человек с устоями. Честное слово, нам не мешало бы поговорить серьезно. Понимаете, затеянное мною дело кое-чего стоит. Это настоящее, большое дело. Вы даже не понимаете, до чего оно большое. Вы сами в него влипли, и притом основательно. Я уверен, вы даже не догадываетесь, сколько я из него выжму, Пичем. Вы видели, как я работаю. Теперь, когда между нами намечается некоторое сближение, я могу без опаски открыться вам, тем более что, в сущности, все уже в порядке. Вы лично, насколько я сейчас могу судить, влетели по меньшей мере в семь тысяч фунтов. Не верите? А сколько, по-вашему, стоят те кораблики, что мы сегодня будем

осматривать? Между нами: я уже знаю, сколько они стоят. Это первоклассные суда. Дешевле, чем за тридцать пять тысяч фунтов, нам, или, вернее, вам, их не удастся купить. Не обеспечь я за собой преимущественного права на их приобретение, они обошлись бы еще дороже. Вы, не подумав как следует, скажете, что между этой суммой и правительственной ценой, которая составляет сорок девять тысяч, остается еще некоторая дистанция. Это только так кажется. Новые-то суда вы купите, а старые отдадите по цене, назначенной вашим собственным экспертом. Большего они, право же, не стоят. Вы помните цену? Двести фунтов.

Пичем давно уже обернулся. Дрожащей рукой он ухватился за гардину. Он смотрел на Кокса, как на исполинскую змею.

Кокс рассмеялся и продолжал:

— Расходы по ремонту, взятки, мои комиссионные — все это не играло бы большой роли, если бы суда были дешевы, если бы они стоили вам одиннадцать тысяч фунтов. Но они стоят тридцать пять тысяч фунтов, и, стало быть, все выглядит совсем иначе. К тому же замена судов тоже потребует взятки — не меньше семи тысяч фунтов. Что вы обо всем этом думаете?

В бледном, утреннем свете Пичем был похож на тяжелобольного. Хуже всего было то, что он все это предвидел. Он попал в лапы к преступнику, и он об этом догадывался с первой же минуты. Если бы он был человеком образованным, он мог бы воскликнуть:

«Что такое Эдип по сравнению со мной? Весь мир на протяжении многих тысячелетий считает его несчастнейшим из смертных, образцовой жертвой божественных палачей, самым жалким разиней из всех, рожденных женщиной. Он счастливчик по сравнению со мной! Он впутался в грязное дело, ничего не подозревая. Вначале оно казалось выгодным... нет, вначале оно было выгодным. Спать с той женщиной было приятно; он, вечный бродяга, обрел семейное счастье, в течение нескольких лет он не знал забот о куске хлеба, он пользовался всеобщим уважением. А потом брак, в который он вступил, оказался непрочным, ему пришлось расторгнуть его, он опять превратился в хо-

лостяка и потерял доступ к постели любимой женщины. Дураки и завистники преследовали его; допустим, их было много, скажем — почти все. Это неприятно. Но ведь есть сколько угодно чужих стран; для таких бродяг, как он, их всегда было сколько угодно. Себя лично ему не в чем было упрекнуть; он не сделал ничего такого, чего не следовало бы делать. Я же знал все с первой минуты, я-то и есть дурак, следовательно, я нежизнеспособен. Совершенно точно установлено, что мне можно всучить навозную муху за 1000 (тысячу) фунтов. Я не смею выйти на улицу, потому что первый встречный омнибус я приму за гонимый ветром лист. Я принадлежу к числу людей, которые платят втридорога за дубину, которой их убивают, и дают себя обжулить даже на стоимости своей могилы».

Коксу тем временем надоело смотреть на старика.

— Исходя из всего вышесказанного,— спокойно промолвил он,— я прямо-таки идеальный зять.

Утренний кофе они уже пили вместе, как родственники. Пичем обронил несколько осторожных слов относительно своей торговли музыкальными инструментами. Коксу мельком припомнилась красивая кожа Персика. Потом они отправились осматривать свои новые корабли.

Их было два — оба очень хорошие и очень дорогие. Вместе с третьим, предложенным Коксу в Плимуте, они стоили ровно тридцать восемь тысяч пятьсот фунтов; не менее восьми тысяч фунтов из этой суммы составляла комиссия Кокса. Ввиду того, что Пичем перекочевал из стада баранов в сословие мясников, он не особенно возражал против цены. Он торопился домой. Сидя в ватерклозете, он подсчитал на клочке бумаги, сколько он мог бы потерять, не будь у него Полли. Но едва ли не страшней была мысль о заработках Кокса. Приблизительно прикинув их, он застонал так громко, что какой-то постоялец, проходивший по коридору, спросил, не болен ли он.

С того дня Пичем думал уже не столько о гибельном ударе, чуть было не обрушившемся на него, сколько о тех жутких прибылях, которые он мог бы извлечь из своего родства с маклером.

Дело было только за Персиком. О лучшем муже для нее не стоило и мечтать. Он был гением.

При этом Пичем знал лишь малую часть планов Кокса. Многое же из того, что он, как ему казалось, знал, в планы Кокса вовсе и не входило.

Мэкхит занимался в Ливерпуле делами. Полли впервые пошла с ним в одну из его лавок.

Из полутемного помещения навстречу им вышел рослый небритый мужчина. Лавка была выкрашена белой краской. На полках из неотесанных досок аккуратно лежали большие рулоны материи, связки желтых домашних туфель, коробки с карманными часами, зубными щетками, зажигалками, груды ламп, записных книжек, трубок; в общем, там было не меньше двадцати сортов товара.

Узнав, с кем он имеет дело, владелец молча распахнул низкую деревянную дверь и позвал жену. Она вышла с грудным ребенком на руках из крошечной каморки с одним окном. Полли успела заглянуть в открытую дверь — каморка была набита разнокалиберной мебелью и детворой.

Муж и жена производили впечатление больных людей.

Они были полны надежд. Муж был уверен, что добьется своего. Он так счастлив, что наконец-то стоит на собственных ногах. Что он взял в руки, то не так-то скоро выпустит.

— Мой муж никому не даст себя в обиду,— сказала жена, у которой был довольно истощенный вид.

Насколько Полли могла понять, им все же жилось не сладко. Аренда была невысока, но ее небходимо было вносить в срок. Товар, поставляемый центральным складом Мэкхита, поступал неаккуратно и неравномерными партиями, а непроданные остатки превращали лавку в склад случайных вещей. Кроме того, товаров было то слишком много, то слишком мало. Кто интересовался галошами, тому не нужны были карманные часы, но зонтик он, может быть, и взял бы. Лавки, входившие в «цепную» систему концернов, являлись опасными конкурентами д-лавок, несмотря на более высокие цены.

Муж сказал, что ему очень трудно будет рассчитаться в конце этого месяца.

Мэкхит спокойно и рассудительно разъяснил ему, что конкуренция больших лавочных концернов есть явление безнравственное, ибо они эксплуатируют наемную рабочую силу и, рука об руку с еврейскими банками, разрушают политику цен. Относительно крупных предприятий он его, однако, успокоил, указав на то, что положение этих роскошных на вид магазинов — хотя бы тех, что принадлежат И. Аарону, вовсе не такое блестящее, как это кажется на первый взгляд. Они, в сущности, прогнили насквозь, хоть с виду и процветают. В настоящий момент требуется одно — с удвоенной энергией возобновить борьбу со всеми этими Ааронами или как их там зовут. В этой борьбе не должно быть пощады.

Что же касается аренды, то он обещал ссуду, кроме того — более разнообразный ассортимент товаров и в меньших количествах. Он обещал также позаботиться о более регулярной доставке. Взамен он требовал усиленной рекламы. Хорошо бы писать от руки листовки, пусть дети раздают их рабочим у фабричных ворот, бумагу даст центральный склад.

Детей было достаточно. Полли на минуту зашла в жилое помещение.

Там было довольно чисто, но мебель — сплошная рухлядь. На ветхой кушетке, грозившей вот-вот развалиться, лежала старуха, мать владельца лавки. Дети таращили глаза. Старуха упорно смотрела в стенку.

Оба вздохнули свободно, выйдя на свежий воздух. Мэк резюмировал свои мысли одной фразой:

— Либо у человека *д-лавка,* либо у него *куча детей.*

Во вторую д-лавку (на весь Ливерпуль их было всего две) Полли не вошла; она ждала Мэка на улице. Сквозь стекло, за которым висели удивительно дешевые и элегантные костюмы, она видела Мэка, погруженного в разговор с чахоточным на вид молодым человеком, кроившим на некрашеном столе костюм. Разговаривая, он ни на минуту не отрывался от работы.

Впоследствии Полли узнала, что этот человек получал из центра материал, столько-то метров на столько-то костюмов, причем цены на костюмы — разумеется, очень низкие — были установлены заранее.

— Наш покупатель,— говорил Мэк,— не может платить дорого.

Если владелец лавки умело кроил и быстро сбывал товар, он имел возможность свести концы с концами. Разумеется, было бы лучше, имей он семью — даровую рабочую силу. Но это уж никого, кроме него самого, не касалось. По системе «д» никто не смел ему что-либо предписывать.

Мэкхит рассказал Полли, что этот человек повесил на стене над гладильной доской газетную вырезку. Вырезка эта гласила: «Чем будешь прилежней, тем прибыль надежней!»

После того как Мэкхит закупил в одном оптовом предприятии, торговавшем стальными изделиями, партию бритвенных лезвий и попросил пометить счет задним числом, все дела в Ливерпуле были закончены, и они отправились в Лондон.

Они решили на первое время скрыть свой брак от господина Пичема, чтобы зря его не волновать. Условились, что Полли вернется домой одна, уговорит мать хранить все в тайне (она везла в саквояже бутылку коньяку) и даст Мэку знать, когда ее отец приедет из Саутгемптона.

Но когда Полли вошла в лавку, оказалось, что господин Пичем уже вернулся из Саутгемптона; он рвал и метал по поводу того, что Полли не ночевала дома.

Не успела она переступить порог, как мать уже вырвала у нее из рук саквояж. Она извлекла из него бутылку коньяку, купленную в Ливерпуле, комбинацию и подвенечное платье.

Вещи эти произвели потрясающее впечатление; но кому интересны семейные сцены и кому охота знать, что сказали старики своему чаду? Выплыло наружу все — и «Каракатица» и номер в ливерпульской гостинице с двумя кроватями. Фамилия Мэкхит — отныне фамилия его единственной дочери — как громом поразила Пичема. Преступный мир Британских островов и их доминионов был раскрытой книгой для Джонатана Пичема, которого Сохо и Уайтчепел почтительно именовали Королем нищих. Он знал, кто такой Мэкхит.

Он был не только опозорен, но к тому же и разорен. Ни эти три дома, в стенах которых на него обру-

шился чудовищный удар судьбы, ни источенный жучком стол, о который он невольно оперся, не принадлежали ему более. Сегодня утром он видел в Саутгемптоне три корабля, из коих по меньшей мере один должен был быть оплачен им лично. А его дочь, последняя соломинка, валялась в кровати ливерпульской гостиницы с каким-то поганым налетчиком!

— *Я угожу в тюрьму,*— бушевал он,— *моя дочь посадит меня в тюрьму! Еще сегодня утром в Саутгемптоне, после бессонной ночи, я пошел и купил ей платье. Вот оно лежит в конторе. Оно стоило два фунта! Я подумал: надо ей что-нибудь подарить. Пусть видит, что о ней заботятся! Другие дети с юных лет думают о куске хлеба, у них кривые ноги, потому что им жалеют молока. Их душа отравлена, потому что они слишком рано видят теневые стороны жизни. Моя дочь пила молоко литрами, цельное молоко! Ее окружали заботой и любовью. Ее учили играть на рояле! И вот теперь первый раз в жизни я от нее тоже чего-то требую: я прошу выйти замуж за дельного коммерсанта, за человека с устоями, который будет носить ее на руках! Он посадит меня в тюрьму, потому что ради нее я впутался в дело, в котором ничего не смыслю, только чтобы дать ей приданое. Что она, собственно, думает, эта испорченная девчонка? Стоит мне накрыть одну из моих швей с управляющим, как она мгновенно вылетает со службы,— так я слежу за нравственностью в моем доме! А моя дочь спуталась с заведомым многоженцем и охотником за приданым! Как я теперь разведу ее с ним? Все равно она опозорена на всю жизнь. Кокс никогда этого не простит; он требует от женщины чистоты и при данном положении дел имеет право быть разборчивым!*

Персик ревела в своей розовой комнате и не решалась послать Мэку хотя бы весточку, а Мэк сидел в «Каракатице», колыбели всех зол, и ждал удобного момента, чтобы явиться к тестю с решительным визитом.

Терпеливо или нетерпеливо, он прождал весь вечер, а наутро пошел в лавку.

Рослый, хмурый дядя с не обещающим ничего хорошего выражением лица шагнул ему навстречу и, ког-

да Мэк назвался по имени, взял его, ни слова не говоря, за плечи и выбросил за дверь.

Спустя два дня Персик предупредила его запиской, чтобы он, не дай бог, не показывался; вечером она все-таки улучила минуту, выбежала, вся зареванная, на угол и сказала ему, что отец запретил ей выходить из дому. Иначе он лишит ее наследства и, кроме того, донесет на Мэка в полицию, так как он достаточно о нем знает.

Мэк довольно спокойно выслушал ее и, к его чести, не сказал ни слова о побеге и прочей ерунде. Он лишь попросил ее пойти с ним на пять минут в парк, но она не пошла.

Две-три недели они виделись только урывками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Опротивела мне жизнь. Не вечно жить мне. Отступи от меня, ибо дни мои— суета.

Что такое человек, что ты столько ценишь его и обращаешь на него внимание твое?

Посещаешь его каждое утро, каждое мгновение испытываешь его.

. . . . . .

Если я согрешил, то что я сделаю тебе, страж человеков? Зачем ты поставил меня противником себе, так что я стал самому себе в тягость?

И зачем бы не простить мне греха и не снять с меня беззакония моего? Ибо вот я лягу в прахе, завтра поищешь меня, и меня нет.

Книга Иова

ПАРОВЫЕ БАНИ

В Бэттерси, на углу Форни-стрит и Дин-стрит, издавна помещались мужские бани. Посещали их преимущественно пожилые господа. Устройство бань было несколько примитивно. Ванны были деревянные и довольно ветхие, столы для массажа шатались, а купальные простыни были от частого употребления сплошь в дырах. Зато только в этих банях можно было принимать ванны из редкостных целебных трав. Ванны эти не прописывались врачами: один посетитель рекомендовал их другому. Заведение называлось «Банями Фэзера». Цены были довольно высокие. Обслуживалось оно женщинами.

Уильям Кокс был завсегдатаем этих бань, он захаживал туда не реже одного раза в неделю. Пай-

щики Компании по эксплуатации транспортных судов приучились посещать их, когда им нужен был Кокс.

Лечебные ванны принимались в закрытых кабинках; там же делали массаж. Что же касается паровых ванн и коек для отдыха, то они помещались в общем зале. Там было удобно беседовать о делах, в особенности оставив за собой все койки. Об этом можно было договориться с администрацией; тогда над кассой просто вывешивалась табличка: «Мест нет».

Собирались они обычно по понедельникам. В субботу и воскресенье бани не работали, так что в начале недели обслуживающий персонал был не слишком утомлен. Кокс был мастер предусматривать такие мелочи.

Сначала некоторые пайщики пытались протестовать против подобного места свиданий. Но в конце концов никто не захотел отколоться от большинства. Когда же дела КЭТС приняли неблагоприятный оборот, все компаньоны стали являться на совещания весьма точно.

Даже Финни приходил вовремя. Это был пожилой, высохший брюзга, не терпевший никаких излишеств; тем не менее он уверял, что лечебные ванны благотворно действуют на его больной желудок. Он опасался рака и охотно заводил беседу о его симптомах. Банщица, обслуживавшая кабинку № 6, уже знала их наизусть.

Пичем раз и навсегда оставил за собой единственного банщика, здорового, толстого мужчину, внушавшего трепет своими массажами. Банщицы были, в общем, не слишком назойливы, но, по мнению Пичема, чересчур легко одеты.

Как только Пичем вернулся из Саутгемптона, он встретился с Истменом и сообщил ему, сколько стоят новые суда. Он дал ему понять, что их нужно приобрести как можно скорей. О Коксе он нарочно отозвался чрезвычайно нелестно и назвал его бесстыжим живодером. Кокс, несомненно, раззвонит по всему городу, что компания пыталась сбыть правительству ветхие, никуда не годные суда. Все это дело затеяно им специально для того, чтобы втянуть их в уголовщину, а затем шантажировать. Законная прибыль с военных

поставок составляет обычно триста процентов. Попытка компании сорвать свыше четырехсот пятидесяти процентов произведет отвратительное впечатление. Истмен согласился с ним: с маклером можно будет рассчитаться только после покупки новых судов. Они решили протомить прочих пайщиков еще несколько дней и только в понедельник, на очередном совещании, сообщить им о высоких ценах. Присутствие Кокса будет, пожалуй, даже желательным, ибо он, возможно, пробудит в пайщиках кое-какие надежды, пообещав повышение покупной цены со стороны правительства.

Совещание семи пайщиков, собравшихся в банях в ближайший понедельник, прошло не без трений. Текстильный фабрикант Мун, Финни и баронет уже лежали на полках. Пичема еще массировали, а ресторатор Краул, не желавший принимать ванну, сидел одетый на стуле, когда Истмен, принимавший паровую ванну, приступил к докладу. Кокс делал гимнастику.

Истмен начал с того, что присутствующие должны раз навсегда выкинуть из головы всяческую мысль о возможности продажи старых корыт. Он подчеркнул, что план этот был весьма соблазнителен, но оказался неосуществимым. За те пять тысяч фунтов, что были предоставлены в безотчетное распоряжение приятеля Кокса из морского ведомства, они имеют право требовать энергичной поддержки интересов КЭТС. Однако никто не станет закрывать глаза на явное преступление. Сокрытие первого злосчастного эксперимента с «Красавицей Анной», «Юным моряком» и «Оптимистом» и перенесение этих названий на новые суда обойдется еще в семь тысяч пятьсот фунтов, из коих четыре тысячи должны быть уплачены немедленно, три тысячи пятьсот — по совершении сделки. Эту сумму следует рассматривать как плату за науку.

В то время как банщик немилосердно массировал Пичема, последний с интересом наблюдал, как соревновались в потении толстый Истмен, скорчившийся в паровой ванне, и Краул, сидевший в полном параде на стуле и внимавший ему с неописуемо алчным выражением лица. Это было безмолвное, глухое соревнование. После исчезновения овцевода ресторатор

был самым слабым звеном в цепи КЭТС. Он все время жаловался на скверное состояние дел и говорил о мече, который постоянно висит над его головой. Именно поэтому он с особенным рвением влез в новое сулящее наживу предприятие. Деньги для первого взноса он взял у тестя. И вот теперь он соревновался с домовладельцем, кто кого перепотеет. Когда Истмен, еще совершенно сухой, заговорил о трудностях, связанных с приобретением исправных транспортных судов как раз в настоящий момент, у ресторатора уже показались на лбу бусинки пота. А когда Истмен назвал цифры (тридцать восемь тысяч пятьсот фунтов и семь тысяч пятьсот фунтов) и у него самого при этом выступили первые капельки, ресторатор уже плавал в поту.

«Насколько же сильней, — подумал Пичем, — *действуют душевные переживания, чем чисто физические процедуры! Человеческий организм всецело находится во власти души и настроения».*

Внешний вид и поведение прочих пайщиков также свидетельствовали о сильнейшем внутреннем возбуждении. Финни (впрочем, он всегда был нюней), издав жалобный стон, ударил себя по животу, а Мун захныкал, как старая баба. Если бы банщицы присутствовали при этом зрелище, они, несомненно, подивились бы душевной слабости обычно столь властных мужчин. Впрочем, женщина, как это установлено многократными исследованиями, гораздо лучше мужчины переносит боль.

Пичем тоже почувствовал себя очень скверно при мысли о том жестоком ударе, который нанесла ему дочь своим несвоевременным браком.

Когда Истмен закончил свой доклад и вылез из ванны, первым взял слово ресторатор; на редкость глухим голосом он сказал, что если все это так, то он обанкротился и просит господ компаньонов впредь не рассчитывать на него. Обо всем дальнейшем они могут договориться с его адвокатом.

Он добавил, что его тестю семьдесят восемь лет и что он, то есть тесть, взял ссуду под свои сбережения в надежде обеспечить дочери безбедное существование. Его, Краула, детям восемь и двенадцать лет. Истмен, обтиравший мясистые ляжки, заметил, что не так

еще все страшно, но Мун резко оборвал его. Истмен обиделся.

Финни сослался на свою тяжелую (по всей вероятности, смертельную) болезнь и усомнился в том, что ему удастся собрать требуемую сумму. Истмен раздраженно заметил, что он тоже мог бы найти лучшее применение 3000 (трем тысячам) фунтов, Баронет молчал. На его воспитание было потрачено много денег.

Тем временем Кокс закончил свои гимнастические упражнения; теперь он мог всадить овцам нож в загривок. Он был одет в розовый купальный костюм и черные купальные туфли.

— Господа,— сказал он,— это еще не все. Вам сообщили цену, по которой можно приобрести приличные суда. Я думаю, вы не удивитесь, если я вам скажу, что дело не только в деньгах. Эти суда, например, нельзя купить только за деньги.

В эту минуту Краул начал хихикать. Он сидел на своем деревянном стуле совершенно уничтоженный, кивал мясистой головой и хихикал. Второй удар был для него уже не страшен, его прикончил первый.

Кокс недоверчиво поглядел на него и продолжал:

— Я склонен думать, что вы до некоторой степени потеряли доверие к себе. Но, к сожалению, не только вы, но и мы потеряли доверие к вашей КЭТС. Мой школьный товарищ, работающий в морском ведомстве, выразил пожелание, чтобы дело в дальнейшем велось непосредственно мной.

Пайщики — все, за исключением ресторатора, голые, то есть в том неприглядном виде, в каком им, согласно слову божию, надлежало предстать перед престолом всевышнего,— содрогнулись. Пичем оттолкнул толстого банщика и выпрямился. То, что сказал Кокс, было и для него новостью.

— Мы представляем себе ликвидацию этой неприятной истории так,— сказал Кокс.— Ваша компания произвела первый платеж в размере восьми тысяч двухсот фунтов, на каковые деньги были куплены эти штуки, о которых мы не станем говорить. На подмалевку вашей покупки вы истратили, насколько мне известно, пять тысяч фунтов. Правительство уплатило вам пять тысяч фунтов. Согласно договору, вы должны

заплатить мне за комиссию двадцать пять процентов с суммы, имеющей быть выплаченной правительством, что составляет двенадцать тысяч двести пятьдесят фунтов, и моему другу, получившему пока только пять тысяч фунтов, еще семь тысяч пятьсот фунтов в два срока, как вам только что изложил господин Истмен. К этому прибавьте тридцать восемь тысяч пятьсот фунтов за новые суда. Если вы сложите все эти суммы, вы увидите, что ваши расходы равняются примерно семидесяти пяти тысячам фунтов. Правительственная цена составляет сорок девять тысяч фунтов, а те предметы, о которых я не хочу говорить, потому что я не прокурор, я готов продать для вас за две тысячи фунтов. Стоят они, согласно заключению вашего собственного эксперта, двести фунтов. Но вы как-никак потратили пять тысяч фунтов на ремонт, и я лично сторонник корректного обращения. Произведя окончательный подсчет, вы убедитесь — разумеется, если я не ошибся в вычислениях, — что ваши убытки не превышают двадцати шести тысяч фунтов. Я думаю, не стоит напоминать вам, что эта сумма вполне окупается двадцатью годами тюремного заключения, которые всем вам грозят. Впрочем, господа, перед вами, разумеется, открыт и этот последний путь. Если вы пожелаете вступить на него, то я могу немедленно вернуть вам чек на пять тысяч фунтов, который вы передали мне для моего друга. Он при мне.

Более сообразительные из присутствовавших не усомнились в его словах. Все дело было блестяще продумано Коксом. Представитель морского ведомства все равно засыпался бы, несмотря на возврат чека и любое количество ложных присяг, потому что он, как ни верти, купил суда, которых в глаза не видел. Только компании это не принесло бы никакой пользы. Она продала заведомо негодные суда.

Кокс потребовал, чтобы компания выделила из своей среды уполномоченного, с которым он мог бы довести дело до конца, во всех деталях. Вплоть до окончательной сдачи правительству вполне готовых судов все должно делаться от имени компании, и только в самый последний момент, то есть тогда, когда взамен старых будут куплены новые суда, он примет на себя договор с правительством.

До этого момента все работы по ремонту старых судов должны продолжаться на случай внезапной ревизии. Таким образом, меч продолжал висеть над КЭТС до самой последней минуты.

Компания не нашла в себе сил протестовать.

Когда Кокс под конец пригласил всех пайщиков позавтракать с ним в ресторанчике неподалеку, никто не изъявил желания последовать за ним. Тогда он второпях заметил, что дольше двух месяцев он никак не может ждать сдачи судов, и ушел раньше всех.

Компаньоны решили поручить точный подсчет предстоящих расходов Истмену и Пичему, с тем чтобы, когда этот подсчет будет произведен, встретиться вновь не позднее ближайшего понедельника. Дело находилось в той стадии, когда участники обычно избегают трезвых разговоров в конторе и делают вид, что для них вполне достаточно случайного свидания.

Пичем был озабочен более чем когда бы то ни было. В недрах КЭТС он работал на Кокса. А между тем не мог даже предложить ему свою дочь. Что ожидало его впереди?

В полдень он пошел в доки. Корабли гудели, точно ульи. Повсюду стучали молотками, пилили, красили. Рабочие стояли на шатких стремянках, висели в хрупких проволочных корзинах. Пичем стоял посреди всей этой деловитой суеты и ежился. На материалах экономили до крайности: дерево, железо, даже краска — все было самое дешевое. И тем не менее дело оказалось чудовищно убыточным.

Из доков Пичем поспешил к себе на фабрику. И тут все шло заведенным порядком. Нищие сдавали выручку в конторе. Бири внимательно сверял сдаваемые ими суммы со своими ведомостями и недоверчиво выслушивал оправдания тех, кто не выработал нормы. Он улаживал пограничные столкновения и стычки с чужаками. В мастерских за длинными столами горбились девушки. Когда потребности фабрики бывали покрыты сполна, они работали на старьевщиков и белошвейные мастерские. Музыкальные мастера чинили трубы шарманок. Несколько нищих слушали новые музыкальные валики и долго выбирали подходящий. В классной комнате шли занятия. Высохшая старуха, вечером работав-

шая в уборной при ресторане, учила молодую девушку продавать цветы.

Пичем вздохнул. К чему все это, если он ежеминутно вынужден прислушиваться, не грохочут ли на лестнице шаги полицейских, явившихся за ним в контору?

Во всем была виновата его дочь.

Из-за своей неудержимой чувственности, несомненно унаследованной от матери, как и вследствие преступной неопытности, Полли отдала свою судьбу в руки более чем темной личности. Почему она сразу же вышла замуж за своего возлюбленного, было для него загадкой. Он подозревал нечто жуткое. Однако он всегда был за то, чтобы сохранять известную дистанцию между родственниками, и это мешало ему говорить с ней о ее частных делах. Кроме того, разговоры о вещах, которые ни при каких обстоятельствах не должны были иметь места, могли принести один лишь вред: такие разговоры только низвели бы невозможное на степень возможности, а это лишило бы Пичема главного оружия — его очевидной неспособности представить себе, что столь гнусный поступок мог быть совершен.

Среди ночи или под утро Пичем, как обычно, встал с кровати и побежал наверх, на галерею, посмотреть, дома ли еще Полли. Заглянув в полуоткрытое окно, он увидел на кровати смутные очертания ее тела. Она преспокойно жила дома и, как видно, даже не встречалась с мужем.

Во всяком случае, следовало как можно скорей расторгнуть этот брак. Пичему была нужна его дочь.

В том, что Кокс и теперь еще женится на ней, Пичем ни минуты не сомневался. В Саутгемптоне он убедился в слепой похотливости маклера. Этот распутник, вне всякого сомнения, был покорным рабом своих страстей.

А Мэкхит, судя по всему, не возражал против дальнейшего пребывания его жены под родительским кровом. Он не предпринял никаких серьезных шагов, беспрекословно позволил спустить себя с лестницы и, насколько Пичему было известно, нигде пока еще не распространялся о том, что он женат. Угроза лишить дочь наследства, судя по всему, подействовала. Он,

очевидно, рассчитывал на деньги. Они, верно, были нужны ему.

Его д-лавки широко задуманы и весьма ловко выкачивали сбережения у мелких и мельчайших людишек, но, с другой стороны, они достаточно примитивны — собственно говоря, не что иное, как темные, коекак оштукатуренные конуры с двумя-тремя кипами случайного товара на сосновых досках, с отчаявшимися людьми за прилавком. Откуда он доставал товары по такой дешевке, никак нельзя было выяснить.

Пичем пытался через своих нищих войти в сношения с владельцами лавок. Однако добился он немногого. Люди упорно молчали, они ненавидели нищих, а возможно, и сами мало что знали о происхождении товаров.

Несколько больший успех имели его изыскания относительно прошлого Мэкхита. Целые периоды его жизни были покрыты тем полумраком, который заставляет биографов наших знаменитых предпринимателей неожиданно становиться немногословными; чаще всего их герои внезапно и совершенно необъяснимо «подымаются» из неизвестности после стольких-то и стольких-то лет «тяжелой и самоотверженной работы», причем биографы обычно забывают указать — чьей работы.

Мелкие конкуренты д-лавок утверждали, будто господин Мэкхит в дни своей не столь уж далекой молодости привлекался к ответственности за брачные аферы. Обманутых им девушек они называли «д-невестами», но адреса их указать не могли. Эти глухие сплетни невозможно было использовать. Одно было так или иначе ясно: биография Мэкхита начиналась где-то на самом дне города. В былые — не столь уж далекие — времена методы этого удачливого господина были еще более неприкрытыми, еще более грубыми и еще более доступными для судебного преследования.

Между прочим, Пичем посетил редакцию «Зеркала» — листка, утверждавшего в свое время, что в его распоряжении большой материал против владельца д-лавок. В редакции, однако, с большим трудом припомнили все это дело и невнятно забормотали, что у них недостает документальных данных. Пичем при-

нужден был уйти, ничего толком не узнав, но унося впечатление, что они все-таки что-то знают и даже располагают соответствующим материалом.

Госпожа Пичем, в эти дни более чем когда-либо предоставленная самой себе, а следовательно, и погребу, смутно догадывалась об опасности, нависшей над домом, и, в свою очередь, ломала голову, как разлучить Полли с «лесоторговцем». Она терпеть не могла Кокса, считая его «фальшивым человеком», но он определенно был более выгодной партией.

Она строила планы, как бы накрыть Мэкхита с какой-нибудь женщиной. У него, несомненно, должны быть амурные дела; она не могла забыть, как он обнимал Полли за бедра, а ведь последнее время он жил один.

А потом ей приходило в голову, просветленную несколькими стаканчиками вишневки, что на этой стадии подобные истории с неизбежными потоками слез и примирением могут лишь укрепить отношения супругов. И она отказывалась от своих планов.

Пичем уже несколько раз подумывал о том, чтобы предложить охотнику за приданым денег, но никак не мог решиться на этот противоестественный шаг.

Он послал к Мэкхиту Бири. Лесоторговец принял его в антикварной лавке Фанни Крайслер.

Бири присел, груда сырого мяса, на краешек хрупкого стула чиппендейл [1]; он играл котелком, свесив его между толстыми коленями.

— Господин Пичем просит передать вам,— выложил он напрямик,— чтобы вы как можно скорей выпустили из игры Полли, не то плохо вам придется. Довольно она с вами цацкалась. И, что самое главное, довольно господин Пичем с вами цацкался. Если вы думаете, что пристроились к жирному пирогу, то это величайшее заблуждение, сударь. Приданого не будет. Наличных денег у нас в обрез. Если у вас другие сведения, значит, вам наплели невесть что. Кстати, мы на-

---

[1] Чиппендейл — стиль мебели (комбинация мотивов рококо, готического и китайского искусства), названный так по имени английского мебельного мастера Томаса Чиппендейла (р. ок. 1718— ум. 1779) и получивший большое распространение в XVIII—XIX веках.

пали на след нескольких баб, которые тоже могли бы назваться госпожами Мэкхит, если бы они того захотели и знали ваш адрес. Зарубите себе на носу — мы ни перед чем не остановимся, чтобы избавиться от вас. Но господин Пичем сказал, что он не хочет скандала, он предпочитает все уладить тихо-мирно; почему — мне непонятно. Я, знаете ли, взялся бы за это дело совсем иначе.

Мэкхит рассмеялся.

— Передайте моему тестю: если он испытывает затруднения, я охотно помогу ему небольшой суммой,— сказал он дружелюбно.

— Мы не испытываем никаких затруднений,— грубо сказал Бири,— а вот вы их скоро испытаете. Мы живем в государстве, сударь, где уважают законы. Еще раз повторяю: у нас нет той малины, на которую вы заритесь. Зря стараетесь, сударь! Мы бедные, почти нищие люди, но мы не позволим наступать себе на ноги. А то, знаете, и червяк может поднять голову, и притом еще как!

— Но только на улице,— возразил Мэкхит,— пускай он поднимает голову на улице, а не в моей лавке!

Бири ушел, зловеще хрюкнув. Пичем вздохнул, выслушав его отчет.

В его распоряжении было ровно два месяца; по истечении этого срока он должен был либо получить дочь в полное свое распоряжение, либо платить.

Ресторатор Краул не солгал. Выяснилось, что ему не только негде достать деньги, но что вообще спасти его может только удачный — и притом немедленный — исход сделки с транспортными судами. Он окончательно обанкротился.

Баронет, еще молодой человек, тоже открыл наконец рот и признался, что он неплатежеспособен. Он владел несколькими заложенными имениями в Шотландии, и ему грозила опека. Пичем и Истмен уговаривали его в конторе Пичема, как больную лошадь.

Баронет имел возможность жениться на деньгах. В его распоряжении была самостоятельная американка, готовая купить его древнее имя и светские манеры. Ей нравилась мебель в английских помещичьих домах, в особенности стулья.

Молодой Клайв называл ее козой и содрогался от ужаса, но Истмен реагировал весьма кисло; он сделал строгое лицо и подчеркнуто почтительным тоном осведомился о ее здоровье. Сравнение американки с разбитой на ноги лошадью он пропустил мимо ушей. Оба компаньона пригрозили молодому человеку скандалом в случае краха КЭТС и до тех пор взывали к его совести, покуда он не пообещал им пристойно обращаться с американкой.

— *Для чего,*— сказал Истмен Пичему по дороге домой,— *мы так тщательно воспитываем наших дворянчиков в колледжах, муштруем их, всячески оберегаем от растлевающего влияния науки и прививаем им аристократические манеры настолько, что они способны внушить уважение самой зазнавшейся челяди? Гобеленов не вешают в сараи. Кровных рысаков выпускают на скачки. Кровных господ выращивают тоже не для их собственного удовольствия. Одно время рынок был несколько перенасыщен нашими лордами. В настоящее время он вновь достаточно емок. Они — лучшее, о чем могут мечтать эти дочери заатлантических мясников и чулочных фабрикантов, если они хотят, чтобы возле них было нечто такое, что действительно умеет зевать по всем правилам искусства, и, помимо всего прочего, умеет держать в ежовых рукавицах низшие расы. Вы можете прочесть в любой газете, что цвет нашей страны отличается за океаном и пользуется всеобщей симпатией.*

Тем не менее Клайв по-прежнему оставался уязвимым местом КЭТС.

Назначенному на понедельник заседанию предшествовала беседа Пичема с Коксом.

Кокс выслушал сообщения о полной неплатежеспособности Краула и предстоящем банкротстве баронета без всякого волнения. Он только заметил, что предпочитает иметь дело с Компанией по эксплуатации транспортных судов как с юридическим лицом. Он посоветовал отсечь гнилые сучья от ствола, но позаботиться о том, чтобы извергнутые компаньоны держали язык за зубами, и заговорил о Полли. Она не выходит у него из головы, признался он. Памятное мрачное происшествие в Саутгемптоне внутренне переродило его. В нем, так сказать, вскрылись лучшие стороны его при-

роды. Он испытывает удивительную для него самого жажду чистоты. Полли — его идол. Она кажется ему чистым источником. Беседа с ней исцеляет его и в какой-то степени вселяет в него бодрость на целую трудовую неделю. Все это он сказал очень просто, глядя Пичему прямо в глаза.

Пичем внимательно выслушал его и понял, что им удастся без труда договориться между собой о деле с транспортными судами. Он оценил по достоинству осторожность, с какой выражался Кокс. Маклер умел быть хладнокровным.

Пичем один отправился в бани.

Прочие компаньоны уже поджидали его. Никто не купался. Все сидели одетые на деревянных табуретках, хотя воздух в помещении был невыносимо душен и влажен.

Пичем сначала доложил о крушении Краула и баронета.

Оба они сидели, опустив глаза; баронет улыбался.

— Общие убытки составляют,— продолжал Пичем,— около двадцати шести тысяч фунтов, как совершенно правильно указал Кокс; таким образом, на каждого компаньона приходится примерно три тысячи восемьсот фунтов. Компания по эксплуатации транспортных судов заинтересована в том, чтобы ликвидировать дело по возможности без шума.

Он предложил воспользоваться помощью его банка — Национального депозитного банка, к которому он готов обратиться, если ему будет поручено дальнейшее ведение дел.

Компаньоны, потея, кивнули. Краул и баронет тоже кивнули.

Пичем задумчиво поглядел на них. Потом он заговорил вновь и без всяких околичностей потребовал от Краула и баронета, чтобы те выдали долговые обязательства на свою долю убытков, а также подписали документ с подробным изложением хода событий. Они должны удостоверить, что, осмотрев старые суда и выслушав заключение эксперта о полной их негодности, они продали их правительству и приняли от последнего авансовый платеж. Этот документ будет им возвращен, как только они погасят свою задолженность, а до тех пор не будет использован против них, ибо это мо-

жет скомпрометировать всю компанию в целом; зато он гарантирует компанию от каких бы то ни было нескромностей с их стороны.

Баронет покорно подписал. Он понимал одно: теперь он безропотно должен вступить в брак с «козой». Ресторатор был вне себя.

Он заявил, что ни за что не опозорит свою жену и семидесятисемилетнего тестя. Это просто невозможно. Он не мог продать правительству неисправные суда! Его тесть был в свое время полковником. Кроме того, подписав подобный документ, он никогда уже не сможет посмотреть своим детям в их (ясные) глаза; их отец не может и не должен быть преступником. Он всю жизнь успешно боролся с соблазном неправедного обогащения. Иначе он бы разве так теперь выглядел? Честь ему и посейчас дороже денег.

— Вы разорили меня,— сказал он, подписывая бумагу и обливаясь слезами,— вы мне сломали хребет.

Сцена эта подействовала всем на нервы.

— Этот Краул,— сказал Истмен Муну по дороге домой,— не умеет терять деньги. Низкая порода! Ни малейшего понятия о чести! Посмотрите на баронета! Подписал, как подобает мужчине. Женится на жуткой особе, как подобает мужчине. Он отвечает за свои поступки. Человек, обремененный семьей, просто не должен ввязываться в борьбу за существование. Он не смеет смотреть в глаза детям? А «Красавице Анне» он посмел смотреть в глаза? «Юному моряку» по меньшей мере столько лет, сколько его тестю. А он не задумался вновь послать его в бой. А почему бы не повоевать его тестю? Я тоже не большой охотник платить. У Финни рак желудка. А разве он ропщет? Разве он бросает свой рак на чашу весов? У Пичема два пая. А разве он жалуется? Краул просто плохо воспитан. Таким людям вообще не место в Сити. Придется теперь заранее спрашивать своего будущего партнера: «А где вы воспитывались, сударь? Сможете ли вы, совершив сделку, смотреть в глаза вашим детям? Достаточно ли еще бодр ваш уважаемый тесть?» Краул даже не англичанин — для меня, во всяком случае. И этакий сброд смеет претендовать на принадлежность к господствующей расе!

Пичем чувствовал себя после заседания прескверно. Договор с правительством переходил в руки Кокса после того, как КЭТС погасит свои финансовые обязательства. А Кокс до сих пор не сказал ему ничего определенного относительно его участия в этих гигантских прибылях, даже не пообещал списать его убытки. Да, собственно, ни о каком соглашении не приходилось и мечтать, покуда между Коксом и Полли не будет заключен брачный договор.

Пичем старался не думать о том, что произойдет, если ему не удастся договориться с Коксом. Уже теперь убытки ложились всей своей огромной тяжестью фактически только еще на троих — на Финни, Муна и Истмена. Если у них не хватит средств на покупку новых судов, то неминуемо разразится катастрофа.

Больше чем когда бы то ни было он нуждался в Коксе.

Как-то вечером он заговорил о нем с Полли и попросил ее относиться к нему получше. Кокс ничего не должен знать о ее браке. Потом он вскользь упомянул о том, что он затеял вместе с Коксом одно дело с кораблями — и притом так влип, что «нас еще, быть может, продадут с молотка вместе с домом и лавкой».

Полли обвела испуганным взглядом знакомую ей с детства уютную комнату с чисто вымытым некрашеным полом, белой кафельной печкой, мебелью красного дерева и тюлевыми занавесками. Она очень любила старый дом, особенно его дворы и деревянные галереи; из-за того, что отец упомянул о каких-то кораблях, ей ночью приснилось, что их дом, состоящий, в сущности, из трех домов, утонул в море и что морские волны хлещут в его двери.

Утром она была почти уже согласна принести себя в жертву.

«В конце концов я не желаю быть причиною таких ужасов,— думала она,— чтобы меня потом упрекали в том, что я не хотела пожертвовать собой. Конечно, не так-то легко молодой девушке отдаться нелюбимому мужчине, да еще с такой внешностью, как у господина Кокса. Но семья есть семья, и быть эгоисткой некрасиво. Нельзя думать только о себе».

Понежившись еще немного в постели, она вспомнила кстати о брошке, которую она как-то видела у Кокса и которая в ее воображении была неразрывно с ним связана. Сначала ей хотелось получить эту брошку, чтобы продать ее за пятнадцать фунтов, так как ей тогда настоятельно были нужны пятнадцать фунтов. Теперь они ей больше не были нужны, но брошку ей все-таки хотелось получить.

После обеда она отправилась с отцовским письмом к Коксу. Когда отец передавал ей письмо, она сделала холодное и высокомерное лицо. Она больше не верила тому, что он говорил вчера про грозящее им разорение,— отец просто терпеть не мог Мэка.

С Коксом она тоже была очень холодна. Она еле взглянула на брошку, которая все еще лежала на письменном столе.

Тем не менее брошка произвела на нее впечатление.

Кокс уселся довольно далеко от письменного стола в качалку и подал ей несколько альбомов, переплетенных в толстую кожу. Но, пока он читал письмо, она не раскрыла их. Он встал и вышел из комнаты.

Она все-таки не раскрыла альбомов. Тем не менее, когда он вернулся в комнату, лицо ее пылало.

Дело в том, что она вдруг твердо решила заполучить брошку.

«Если он мне ее подарит,— подумала она,— все дело будет продолжаться минут пять, да и то едва ли. Даром он меня не посмеет просить при его наружности. Брошка наверняка стоит фунтов двадцать и очень пойдет к открытому платью. Разумеется, я позволю ему только поцеловать меня, в крайнем случае обнять за талию. За такую брошку это не так уж много. Другие девушки в моем возрасте принуждены делать бог знает что, чтобы иметь возможность заплатить за комнату. Мужчины прямо какие-то сумасшедшие: за такую малость — такие ценные вещи! Ну что ж, таковы они».

И она вздохнула.

Войдя в комнату, маклер решил, что она-таки заглянула в альбомы и поддалась их воздействию. Помахивая ответным письмом, чтобы поскорей высохли чернила, он подошел к ней. Увидев его лицо, она поспешно встала.

Он удостоверился в том, что сестры нет дома, и, положив письмо на стол, накинулся на Полли.

Она сопротивлялась слабо, сначала чуточку пожалела, что ей так и не удалось получить брошку, но потом покорилась, потому что он был прямо вне себя, а также удовольствия ради. Истинного блаженства она, однако, не испытала, так как в самый интересный момент вдруг вспомнила про Мэка, которому это навряд ли было бы приятно.

Когда она уходила, чернила на письме уже высохли.

Она положила его на конторку отца, поднялась к себе и сразу же принялась укладывать вещи. Спустя полчаса, не приняв никаких мер предосторожности, она вышла со своим чемоданом через лавку на улицу.

По дороге она узнала, что Мэк открыто живет с другой женщиной, с той самой Фанни Крайслер из антикварной лавки у моста Ватерлоо.

Отец и мать ждали ее до поздней ночи. Господин Пичем подошел к окну и сказал:

— *Итак, он все-таки заполучил ее. Он думает, что имеет на это право. Законы писаны не для таких, как он. Он просто забирает все, что ему нужно. Если ему припадает охота спать с моей дочерью, он просто уводит ее из моего дома и кидается на нее. Ему нравится ее кожа! Я оплатил все тряпки, какими она когда-либо пользовалась. В той мере, в какой это зависело от меня, она в жизни не видала собственного тела. Она купалась в ночной сорочке. Глупость ее матери, помешанной на мужчинах, и собственное легкомыслие, результат чтения романов, сделали из нее то, что она есть. Но что я говорю? Разве о любви тут речь? Разве способен этакий тип спать с чем-нибудь, кроме приданого? Ему нужны мои деньги, и он их забирает. Что стало с семьей, с этим тихим приютом? Где-то там гремели жизненные бури, но тут был покой. Жестокая борьба за существование не проникала сюда, где расцветало тихое дитя, лелеемое в лоне добронравия. Суета купли-продажи не доносилась в этот заповедный уголок. Бывало, когда юноша приближался к девушке и, принеся доказательства своих дарований, предлагал ей вступить с ним в брачный союз, безутешные*

родители могли быть уверены, что только любовь соединяет юные сердца, если не считать нескольких несчастных исключений. Так должно было быть и с моей дочерью. И что же случилось? Жестокие хищники! Я потом и кровью сколачиваю состояние, окруженный мошенниками, обираемый нерадивыми работниками, которые радуются жалованью, а не работе, и вдруг является какой-то Кокс, всучивает мне черт знает что и обворовывает меня. Защищая от него мою жизнь и мое состояние, я обречен видеть, как другой разбойник похищает у меня дочь. А ведь ради нее я стер себе до крови ладони. Зачем якшаюсь я с подонками человечества? Ведь это же акула! Если я стану швыряться моей дочерью, этой последней опорой моей старости, то дом мой рухнет и последняя собака убежит от меня. Грязь из-под ногтей — и ту я буду бояться отдать: мне начнет казаться, что я бросаю вызов голодной смерти.

Но Полли не вернулась ни в эту ночь, ни в последующие — до тех пор, пока ее мужа не посадили в тюрьму.

И господин Пичем так никогда и не узнал, что она не распалила похоть маклера, но, напротив, утолила ее.

В последующие дни госпожа Пичем пила больше, чем обычно, и в этом состоянии делилась своим горем с бывшим солдатом Фьюкумби, ходившим за собаками.

Он все еще не мог простить Персику истории с книгой, хотя книга давно уже была у него. Сначала он вообще не хотел брать книгу, ибо гордость его была уязвлена. Но потом он изнемог в борьбе с самим собой и как-то днем, в обеденное время, вновь завладел ею.

Его уединенные занятия прервались вследствие разговора с госпожой Пичем.

Когда озабоченная мать открыла ему, что несчастная девушка сочеталась браком с купцом Мэкхитом, он вспомнил самую тяжкую пору своей жизни, когда он, получив бессрочный отпуск из армии и потеряв свое пособие, нашел прибежище у солдатки. Она звалась Мэри Суэйер и была владелицей д-лавки. Он не-

осторожно обмолвился об этом. Вечером господин Пичем вызвал его в контору и дал ему поручение.

В Вест-Индских доках несколько десятков рабочих все еще трудились над тремя старыми, смертельно усталыми корытами, которые, по мысли господина Уильяма Кокса, до своей окончательной гибели еще должны были перекачать в новые карманы некоторые суммы из шотландского поместья средней руки, процветающей букмекерской конторы, не совсем твердо стоящего на ногах ресторана в Гарвиче, ряда доходных домов в Кенсингтоне и *крупной торговли подержанными музыкальными инструментами на Олд. Оук-стрит.* Хотя бы последняя из перечисленных фирм должна была быть спасена.

КНИГА ВТОРАЯ

УБИЙСТВО РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВКИ МЭРИ СУЭЙЕР

У акулы остры зубы,
Нипочем их не сочтешь,
У Мэкхита нож, как бритва,
Только где он, этот нож?

Возле моста через Темзу
Вдруг свалился человек,
Не чума прохожих косит —
На охоту вышел Мэк.

И Шмуль Мейер толстозадый
Вдруг скончался в цвете лет.
Деньги Шмуля сплыли к Мэкки,
Но о Мэкки речи нет.

Дженни Таулер труп опознан,
Вот лежит он, нож в груди,
По проспекту ходит Мэкки,
А убийцы не найти.

Где Альфонс, извозчик славный?
Мы увидим ли его?
Может, кто-нибудь и знает,
Мэк не знает ничего.

И пожар великий в Сохо,
Семь малюток и старик...
Средь зевак мы видим Мэкки, но
Против Мэкки нет улик.

Ах, в крови вся пасть акулы,
Коль удачен был улов.
Носит Мэкки Нож перчатки,
На перчатках нет следов.

«Баллада о Мэкки Ноже»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Coelum, non animum mutant, qui trans mare currunt [1].

ГОСПОДИН МЭКХИТ

В сознании рядового лондонца такие фигуры, как Джек Потрошитель или неизвестный убийца, прозванный Ножом, не занимали особого места. Если они время от времени и всплывали на страницах не совсем солидных газет, то все же популярность их значительно уступала популярности генералов, ведущих войну в Трансваале; правда, последние, надо сказать, представляли собой опасность для несравненно большего количества людей, чем самые усердные рыцари ножа. Однако в Лаймхаузе и Уайтчепеле Нож пользовался большей известностью, чем генерал, воюющий с бурами. Обитатели огромных каменных консервных банок Уайтчепела отлично понимали, как велика разница между подвигами посредственного генерала и их собственного героя. В его пользу говорило то, что совершаемые им злодеяния были сопряжены с гораздо большей личной опасностью, чем злодеяния официальных героев хрестоматий.

Лаймхауз и Уайтчепел имеют свою собственную историю и свои собственные методы преподавания ее. Оно начинается в младенчестве и ведется лицами самого различного возраста. Лучшие из этих преподавателей — дети, и они отлично осведомлены обо всем, что касается царствующих в этих районах династий.

---

[1] Плывущие за море меняют небо, но не душу (*лат.*).

Местные владыки не хуже владык из школьных учебников умеют карать непокорных, отказывающихся приносить им дань. Среди них также есть справедливые и несправедливые, но слабохарактерных значительно меньше, ибо им приходится иметь дело с полицией, от чего те, собственно говоря, избавлены. Разумеется, они тоже стараются показать себя с наиболее выгодной стороны: они фальсифицируют историю и создают легенды.

Многие выдающиеся люди возникают из тьмы, подобно метеорам. Препятствия, на преодоление которых другим людям, тоже не лишенным способностей, нужны десятилетия, они осиливают в несколько недель. Два-три безрассудно смелых злодеяния, совершенных со всей виртуозностью опытного специалиста,— и они уже на виду. Человек, которого лондонское дно наделило кличкой Нож, в сущности, не мог похвастаться подобной карьерой. И тем не менее он это делал. Его ближайшие соратники по мере возможности замалчивали бесславное, кропотливое начало его карьеры, безуспешные и бездарные годы ученичества.

Никто не мог, однако, точно сказать, действительно ли человек, организовавший банду, и есть Нож. Правда, он упрямо и настойчиво внушал своим людям, что он и есть пресловутый бандит Стэнфорд Силз, благодаря чему только и удалось сколотить банду, но в 1895 году в Дартмурской тюрьме был казнен некий человек, которого, правда, не он сам, но полиция упорно именовала Стэнфордом Силзом.

Злодеяния, создавшие Ножу славу, сводились к двум-трем следовавшим непосредственно одно за другим уличным ограблениям и убийствам. За них и был повешен незнакомец в Дартмуре. Как известно, народ отказывается верить в смерть своих героев, что в последние годы можно было наблюдать в связи со смертью Китченера[1] или Крюгера;[2] в силу этого многие

[1] Китченер Гораций Герберт (1850—1916) — фельдмаршал, военный министр Англии (1914—1916). Во время Англо-бурской войны 1899—1902 годов был начальником штаба, а затем главнокомандующим английскими войсками в Южной Африке. Ярый империалист-колонизатор.

[2] Крюгер Пауль (1825—1904) — бурский государственный деятель, с 1881 года четырежды избиравшийся президентом республики Трансвааль.

убийства с целью грабежа, совершенные зимой 1895 года, приписывались Ножу, хотя они никоим образом не могли быть совершены человеком, покоившимся на Дартмурском кладбище, и навряд ли — тем, кто присвоил себе его кличку и приписывал эти деяния себе.

Этот человек заставлял других злодеев уступать ему славу совершенных ими преступлений с жестокостью, коварством и непреклонностью, которые те вряд ли проявляли в отношении собственных жертв. В этом смысле он лишь немногим уступал университетским профессорам, ставящим свое имя под работами ассистентов.

Убийства эти, вероятно, были продиктованы просто-напросто голодом, ибо стояла необычайно суровая зима и безработица была очень велика. Но у человека, воспользовавшегося славою Ножа для организации своей банды, была еще одна страсть которая роднила его с людьми, принадлежащими к более близким нам, покупателям книг, сферам: как и большинство наших наиболее удачливых магнатов промышленности, писателей, ученых, политиков и т. п., человек этот любил читать газетные рассуждения о том, будто он в своей деятельности руководствуется, в сущности, не столько материальными соображениями, сколько своего рода спортивным интересом либо жаждой творчества, а может быть, даже и какой-то необъяснимой демонической страстью.

В бульварной прессе постоянно появлялись статьи, подчеркивавшие спортивный момент в преступлениях, совершаемых Ножом.

Весьма вероятно, однако, что этот демон, подобно всем прочим нашим знаменитым друзьям, перелистывал, кроме газет, также и свою чековую книжку. Во всяком случае, он своевременно понял, что лучшим объектом ограбления в конечном счете являются собственные сотрудники, а это единственная истина, действительно обеспечивающая человеку карьеру.

Сначала банда была немногочисленна, и круг ее деятельности — ограничен. Это были уличные ограбления, лишь изредка перемежавшиеся грубыми и жестокими налетами. Гораздо большей оригинальностью

отличались методы сбыта награбленной добычи. Один из них облетел мировую прессу.

Два энергичных на вид субъекта входили в шикарный ресторан, скажем в Хемпстеде, на мгновение останавливались, как бы ища кого-то, потом решительным шагом подходили к изящно одетому господину, сидевшему за одним из столиков.

— Вот он! — восклицал один из них.— Он сидит и проедает мои деньги! Меня зовут Купер, а его зовут Хок. Вот вам долговая расписка, господин судебный исполнитель! Приговор подлежит немедленному исполнению. Перстень на среднем пальце этого франта стоит не меньше двухсот фунтов, а у подъезда стоит его коляска. Она тоже не из картона сделана, и ее отлично можно продать с аукциона.

Обычно официантам приходилось удерживать обедающего, который готов был вцепиться в глотку своему бестактному кредитору. Он заявлял, что он вовсе и не отрицает своего долга, но категорически протестует против подобных способов взыскания.

Дело кончалось тем, что оба господина в сопровождении еще нескольких посетителей ресторана выходили на улицу и подвергали коляску осмотру. Вслед за этим в одной из близлежащих харчевен производился аукцион.

Должник и оба субъекта исчезали; прибыль же от продажи угнанной коляски и похищенного перстня значительно превышала сумму, которую уплатил бы за них скупщик краденого.

Это, несомненно, были новые методы. Скупщик был злокачественной опухолью воровского дела. Трудности, сопутствующие реализации добычи, были наиболее уязвимым местом этой профессии. Все попытки вывести банду на широкую дорогу разбивались об это препятствие.

К концу 1896 года Нож почти бесследно исчез из поля зрения лондонских низов, а в Сохо всплыл уравновешенный человек по имени Джимми Бекет, торговавший булыжником, а заодно и дровами. Когда сносились дома, он скупал старый булыжник и весьма точно вел свои книги.

Потом в Уайтчепеле произошло несколько крупных хищений булыжника. Среди бела дня, во время обе-

денного перерыва, на глазах у рабочих несколько подвод увезли сваленный в кучу булыжник. Никому не пришло в голову задержать их. Следы вели в склад Джимми Бекета. Но господин Бекет предъявил безукоризненные документы о происхождении принадлежащего ему булыжника.

В районе доков в один прекрасный день была украдена целая улица, на сей раз мощенная торцами. Под вечер явились какие-то люди с подводами, одетые в форму городских рабочих; они поставили рогатки в часы наиболее оживленного уличного движения, разрыли мостовую, погрузили торцы на подводы и уехали.

Скандал этот не попал в газеты только потому, что в это время в магистрате как раз производилось расследование, направленное против одной фирмы, которая в этом самом квартале вполне легальными путями, на основании старых, предусмотрительно припрятанных договоров, прибрала к рукам несколько улиц, замощенных в свое время другими, более мелкими фирмами; в результате пришлось вторично оплатить эти улицы, несмотря на то, что они были в полном порядке. Желательно было избежать проведения параллелей.

В это же время было зарегистрировано еще несколько нападений и убийств; они также приписывались банде Ножа; впрочем, ими список и закончился. Но газеты почти не обратили на них внимания, так как жертвами их были представители самых низших слоев населения. Это были, в сущности, преступники, убитые в спровоцированной свалке.

Тут уже, однако, можно было утверждать с большой уверенностью, что убийства были совершены бандой Ножа.

В этот период банда полностью перешла с вульгарных уличных нападений на налеты. Она специализировалась на крупных операциях по ограблению лавок.

Уже в 1897 году банда Ножа насчитывала в своих рядах свыше ста двадцати постоянных сотрудников. Организация ее была продумана весьма тщательно, не более чем два-три члена знали «шефа» в лицо. В нее входили контрабандисты, скупщики краденого и адвокаты. Нож (то есть человек, который так себя назы-

вал) был в свое время очень плохим налетчиком и, по слухам, сам в этом охотно признавался. Зато он оказался недюжинным организатором. Всем известно, что в наше время пальма первенства принадлежит организаторам. Они-то, по-видимому, и незаменимы.

И действительно, банде Ножа удалось в неслыханно короткий срок прибрать к рукам все, что имело какое бы то ни было касательство к ограблению лавок. Предпринимать что-либо в этой области на собственный страх и риск стало теперь более чем опасно. Банда не стеснялась входить в контакт с полицией. Все знали, что у господина Бекета есть рука в полицейском управлении.

Выдача полиции стала одним из способов укрепления дисциплины в рядах банды. Все или почти все ее сочлены, лично знавшие ее основателя, были к началу 1898 года схвачены полицией и осуждены на различные длительные сроки.

В один прекрасный день Бекет продал свой склад некоему господину *Мэкхиту,* только что открывшему в Сити несколько так называемых д-лавок, которые он намеревался снабжать дешевыми товарами.

Когда Джимми Бекет, лесоторговец, исчез из Англии,— по слухам, он переселился в Канаду,— официальным главой организации стал, как говорили в лондонских трущобах, некто *О'Хара,* совсем еще молодой, но одаренный человек.

Господин Бекет рекомендовал его господину Мэкхиту, и господин Мэкхит чрезвычайно ценил его и постоянно приобретал у него крупные партии ходовых товаров. Это означало полное вытеснение маклаков.

Организация нашла постоянного покупателя и неслыханно расцвела.

Господин Мэкхит имел возможность продавать свои товары по низким ценам, но он никогда не знал точно, какие именно товары в ближайшее время поступят к нему на склад. Выяснилось, что наиболее удобны те товары, которые в результате обработки их владельцами д-лавок меняли свой внешний облик. Так лавки из покупателей превратились в заказчиков.

На этом этапе развития возник вопрос о привлечении капитала. Дальнейшее расширение деятельности банды в области ограбления лавок и складов требова-

ло бóльших средств, чем те, что имелись в распоряжении господина Мэкхита. Его предприятие попало в те «ножницы», которых так опасаются все наши дельцы.

Нельзя было думать о расширении организации по поставке товаров, потому что имевшиеся в наличии лавки не в состоянии были бы поглотить такие крупные партии; с другой стороны, увеличение покупной способности лавок сразу обнаружило бы недостаточность поставляющей организации. При переходе на плановые поставки и плановую продажу обе организации требовали одновременного укрепления.

Уже возникали другие сети лавок, большие магазины с солидными банковскими связями. Они ожесточенно конкурировали друг с другом. Для борьбы с ними требовались гораздо большие средства, чем те, которыми располагал господин Мэкхит.

В этой-то обстановке господин Мэкхит и женился на девице Полли Пичем.

ПРОМАХ

Погожим летним вечером господин Мэкхит отправился в старом наемном рыдване в западное предместье, где проживал господин Миллер из Национального депозитного банка.

На нем был легкий серый костюм, и прогулка в открытом экипаже по окраине города сулила много приятного, но он чувствовал себя скверно. Он совершил промах, женившись на Полли.

Правда, его жена была красивее всех женщин, с какими ему приходилось иметь дело, и он был по-своему влюблен в нее, но он не был двадцатилетним юнцом и не имел ни малейшей склонности к романтике. Мэкхит все время отгонял мысль о том, что он, в сущности говоря, влип.

Господин Миллер встретил его на крыльце своего домика. Позади него стояла его жена, добродушная объемистая особа лет шестидесяти, приветствовавшая Мэкхита, как родного сына. Подали чай, и Миллер начал вспоминать давно прошедшие времена. Он рассказал несколько эпизодов из истории Национального депозитного банка.

Основатель банка служил у Ротшильдов в те годы, когда эта фирма давала свои первые серьезные бои. Фамилия его была Ток. Миллер повторил Мэкхиту историю, которую частенько рассказывал старый Ток.

Ротшильды были уже крупными дельцами и принадлежали к числу наиболее влиятельных фирм на континенте, когда шеф лондонского филиала, Натаниел Ротшильд, решил провести в жизнь одно новшество. В ту пору свирепствовала война. Коммерческие дела сводились преимущественно к финансированию определенных правительственных мероприятий; речь шла не только о военных поставках, но, разумеется, и о них тоже. Расчеты банков с крупнейшими клиентами были в большинстве случаев весьма запутаны; обе стороны при этом шли на взаимные уступки. Множество непредвиденных случайностей чрезвычайно удорожало сделки. При окончательном расчете всплывали бесчисленные комиссионные, которые большей частью выплачивались лицам, пожелавшим остаться неизвестными, и т. п. И вот старику Натаниелу, бывшему в то время еще молодым человеком, пришла в голову мысль: не попробовать ли заключать договоры таким образом, чтобы потом соблюдать их во всех пунктах? Он решил заранее высчитывать свои расходы и потом держаться договорной суммы вне зависимости от дальнейших непредвиденных платежей.

Этим путем он надеялся внедрить в финансовом мире то, что в частной жизни мы называем *честностью*.

То была смелая мысль, и прочие Ротшильды — как известно, сплошь банкиры — сначала восстали против нее. Они положительно отравляли существование главе семьи. Но он ни на что не обращал внимания и при первом же удобном случае осуществил свой смелый замысел.

Задумчиво созерцая рододендроны в маленьком садике, Миллер подробно рассказал об этом деле; это было довольно сложное предприятие, связанное с продажей партии цинка.

Во время этой спекуляции вся семья чуть было не превратилась в груду обломков. Братья даже прибегли к помощи врача по нервным болезням и однажды

сделали попытку насильно увезти Натаниела из его конторы в частное заведение для душевнобольных. С врачом им ничего не стоило сговориться. Он знал об идеях Натаниела и был посвящен во все. Это избавляло его от необходимости ставить диагноз.

Врач в сопровождении двух санитаров вошел в кабинет Натаниела и сказал:

— Не надо волноваться, господин Ротшильд. Ваши братья сообщили мне, что у вас в последнее время возникли кое-какие интересные мысли, но что вы заработались и у вас расстроены нервы. Вы сегодня же отправитесь со мной в уютный, уединенный домик в Уэльсе, выкинете на некоторое время из головы всяческие дела и будете заботиться о своем здоровье. Мы с вами будем беседовать о ваших несомненно весьма плодотворных идеях. Не возражайте! Я во всем с вами согласен и полностью понимаю вас. Вы правы, а семья ваша неправа: вы не хотите при окончательном расчете требовать с контрагента всяких накладных расходов. Это очень лояльно с вашей стороны. Не можете ли вы мне, кстати, сказать, сколько будет четырежды тринадцать?

Врачу пришлось убраться восвояси, но Натаниелу нередко приходилось туго. Все, кому не лень, обманывали его, иными словами — никто не выполнял по отношению к нему договоров, в то время как сам он принужден был их выполнять. В конце концов дело все же увенчалось успехом, хотя, как выяснилось впоследствии, его братья тоже были не так уж неправы. Судьба всей семьи фактически висела на волоске. И дело закончилось успешно только потому, что идея оказалась действительно единственной в своем роде и совершенно неожиданной. Непредвиденные расходы бывали у всех, и только Ротшильды не включали их в окончательный расчет. В некотором смысле это даже было с их стороны нечестной конкуренцией. Все правительства стали обращаться к Ротшильдам — по крайней мере до тех пор, пока прочие фирмы не раскусили их трюка. Ныне абсолютная честность при окончательном расчете есть нечто само собой разумеющееся, но кому-то это должно было прийти в голову первому. Человечество вынуждено завоевывать малейший прогресс ценой тяжких усилий.

Мэкхит напряженно слушал. Он с трудом вникал в рассказ старика Миллера; смысл его оставался для него темен.

— Из сказанного явствует,— сказал он наконец неуверенно,— что в деловой жизни нужно перепробовать все. Вы это имели в виду? Если вы хотите пробиться вперед и к концу года иметь твердый баланс, вы должны испробовать все, даже самые нелепые вещи.

Прихлебывая чай (он засунул при этом свой большой палец глубоко в чашку), он усиленно думал.

У него создалось впечатление, что Миллер сомневается в его идеях и хочет дать ему понять, что такое настоящие деловые условия. Поэтому, когда Миллер кончил, он постарался разъяснить ему некоторые свои деловые приемы.

Прежде чем начать, он осторожно извлек из бумажника две сложенные газетные вырезки — его статьи об основном принципе организации д-лавок, самостоятельности розничного торговца и т. д. Они были обведены красным карандашом; Миллеру они уже были известны.

Из кармана сюртука Мэкхит достал сигару, откусил конец, бросил его двумя толстыми пальцами на посыпанную гравием дорожку и обстоятельно раскурил сигару. У него было в запасе еще несколько соображений, не опубликованных в газете.

Его основным занятием, пояснил он, является в настоящее время изучение клиентуры.

Клиент обычно представляется владельцу лавки каким-то лишенным всяких потребностей, дрожащим над каждым медяком, недоброжелательным и недоверчивым субъектом. Он явно враждебен лавочнику. В продавце он видит не друга и советчика, всячески идущего ему навстречу, но злого человека с затаенными мыслями, стремящегося обольстить и обмануть его. С другой стороны, напуганный и отчаявшийся продавец заранее отказывается от всякой попытки завоевать доверие клиента, облагородить его, проникнуть к нему в душу, короче говоря — сделать его стóящим покупателем. Он смиренно раскладывает свои товары на прилавке и надеется только на голую нужду, которая

иногда попросту заставляет клиента купить ту или иную вещь.

В действительности же он не понимает и недооценивает покупателя. Дело в том, что по сути своей покупатель гораздо лучше, чем кажется. Только различные трагические злоключения в семье или в деловой жизни сделали его недоверчивым и замкнутым. В глубине же его души теплится тихая надежда, что кто-нибудь разгадает его подлинную сущность — широкого, щедрого покупателя! Дело в том, что он *хочет* покупать. Ведь ему столь многого недостает! А когда у него все есть, он чувствует себя несчастным. Тогда он мечтает о том, чтобы его уговорили, что ему чего-то недостает. Он ведь так мало знает!

— *Быть продавцом,* — говорил Мэкхит, постукивая чайной ложечкой по столу красного дерева, — *значит быть учителем. Продавать — значит бороться с невежеством, с потрясающим невежеством публики! Люди в большинстве своем не знают, как плохо они живут! Они спят на жестких, скрипучих кроватях, сидят на неудобных, уродливых стульях. Их взоры, их седалища постоянно испытывают страдания, они смутно чувствуют это, но окончательно постигают только тогда, когда видят иное. Им, точно детям, нужно подсказывать, что́ купить. Они должны покупать то, что им может пригодиться, а не то, что им необходимо. Чтобы добиться этого, нужно обходиться с ними приветливо, услужливо. Естественно, что человек, который ничего не покупает, кажется нам объявленным мерзавцем. «Нищий!» — думаете вы невольно, преисполняясь презрения и отвращения. Но именно эти чувства должны быть чужды продавцу. Продавец должен верить в доброе начало, которое скрыто в человеческой душе, и только ждет, чтобы его разбудили; он должен быть приветливым, всегда приветливым, хотя бы у него разрывалось сердце.*

Мэкхит незаметно для себя разгорячился. То, о чем он говорил, было самым уязвимым в его организации. Его продавцы были недостаточно приветливы. Он постоянно контролировал их через своих «закупщиков» и штрафовал владельцев лавок, не проявивших достаточной приветливости. Но это помогало редко. Крупные предприятия были в лучшем положении. Служа-

щие должны чувствовать над собой плетку, тогда они улыбаются. Когда покупатель слишком долго выбирал товар, мелкие торговцы некстати вспоминали о невнесенной плате за помещение. Когда же он уходил из лавки, ничего не купив, они делали такое лицо, словно весь мир рушился над их головой. А покупателю, разумеется, вовсе не хотелось нести ответственность за все несчастья продавца. Когда ему давали понять, что он нанес своему ближнему смертельный удар тем, что ничего у него не купил, он сердился. Надо научиться улыбаться со смертью в душе. «Я вас научу делать веселое лицо, хотя бы мне для этой учебы пришлось выпустить на вас скорпионов»,— подумал Мэкхит и большим носовым платком вытер пот со лба.

Не без юмора он продолжал говорить.

Он перечислял ряд способов возбуждения слабых и неразвитых инстинктов публики. Взять хотя бы беспорядочное расположение товаров — оно способно творить чудеса. Покупатель имеет возможность делать открытия. Он высматривает вещи, которые могли бы ему пригодиться. Через некоторое время его зрение невероятно обостряется. В поисках одного он находит другое. Под грудой материи его соколиный глаз вдруг, весьма кстати, находит мыло. Оно не имеет ничего общего с материей на передники, но разве оно от этого не менее пригодно? Нет! Он тотчас же берет на всякий случай мыло. Он не знает — может быть, оно ему когда-нибудь пригодится. Когда он дошел до этого, он уже покупатель.

Решающую роль играют, разумеется, цены. Если они очень уж отличаются друг от друга, они утомляют покупателя. Он начинает считать. А это ни в коем случае недопустимо. Мэкхит стремится создать всего несколько категорий цен. Ничто так не опьяняет покупателя и не поднимает его веру в себя, как вид огромного количества вещей, которые он может купить за одну и ту же сумму. Как, этот большой садовый шезлонг стоит так дешево? А этот сложный бритвенный прибор не дороже?

Однако цены следует разбивать по шкалам чрезвычайно осторожно. Публика пугается не столько круп-

ных сумм, сколько крупных чисел. Два шиллинга кажутся подчас слишком дорогой ценой женщине, которая охотно заплатит один шиллинг одиннадцать с половиной пенсов.

Миллер с любопытством разглядывал его своими бархатными глазами. Мэкхит воодушевился и разъяснил Миллеру основной принцип «дешевых лавок»: небольшой ассортимент и не больше трех-четырех цен. Это ничего, что некоторые товары публика сама принуждена будет комбинировать. Так, например, можно продавать садовые шезлонги, состоящие из складного стула, скамеечки для ног и зонта, по частям; они, правда, обойдутся несколько дороже указанной в прейскуранте твердой цены, но зато не выйдут за пределы трех основных цен.

Совсем маленькие лавки-мастерские, производящие обувь, белье или табачные изделия, будут работать на прежних началах и лишь пользоваться кредитом. Но те, что побольше, он намерен набить товарами до отказа. Единая цена — вот та его основная идея, которой суждено завоевать Лондон. Он думает начать пропаганду с рекламной недели.

Миллер сделал знак своей жене.

Госпожа Миллер скромно поднялась и вышла из комнаты. Миллер задумчиво покачал седой головой и, как бы подыскивая слова, поглядел на своего собеседника.

— А как относится старик Пичем к вашему браку? — спросил он, помедлив. — Примирился?

— У него не каменное сердце, — ответил Мэкхит.

— Ах, так? — сказал Миллер удивленно.

Мэкхит отхлебнул из чашки. Некоторое время они молчали. С улицы доносился крик детей: они ссорились из-за чего-то.

Миллер мягко продолжал:

— Тогда все очень просто. Вы, конечно, понимаете, что мы охотно привлекли бы вашего тестя. Главным образом — в угоду общественному мнению, для того, чтобы нас не спрашивали: а почему же его собственный тесть не участвует в деле? В конце концов он ведь должен больше чем кто-либо другой сочувствовать вашим идеям, поскольку он связан с вами узами родства. При-

ведите к нам господина Пичема, и в десять минут все будет кончено, Мэкхит.

— А если, — неожиданно резко спросил Мэкхит,— мне не пристало просить моего тестя об одолжении?

— Не волнуйтесь, Мэкхит. Нет никаких оснований волноваться. Вы должны понять, что мы обязаны быть осторожными. Банк принадлежит не нам, а крошке Ток, кстати сказать, очаровательнейшей малютке. Вы владелец лавок, но, в сущности, нас в гораздо большей степени интересует ваша идея, Мэкхит; лавки — дело второстепенное, тем более что они мало чем замечательны, не правда ли? Основной пункт во всем деле — это ваша блестящая идея: единая цена, рекламная неделя и поощрение самостоятельности мелких владельцев.

Мэкхит довольно быстро откланялся.

Он прошел часть пути пешком. Было уже темно. Он размахивал своей толстой палкой и сбивал ею ветки тисовой изгороди, обрамлявшей палисадники. Он был очень недоволен.

За день до этого Полли вышла после обеда погулять с ним по парку. Через два часа она ушла «домой». Он не осмелился удерживать ее.

Чего ради он вообще женился?

На следующий день он имел в банке еще одно собеседование с Миллером и Хоторном. Ничего, однако, не изменилось. Был только установлен окончательный срок.

Мэкхит изо всех сил старался убедить стариков в доброкачественности своих идей. Он чрезвычайно образно обрисовал их воздействие на конкурентов.

Они выслушали его благожелательно и с большим вниманием, а потом сказали, что все это покамест еще музыка будущего. Пусть он вовлечет в дело своего тестя, и тогда они поладят.

Покуда тянулись эти мучительные переговоры, Мэкхит никак не мог отделаться от впечатления, что вечер, проведенный им у Миллера, только повредил ему. По всей вероятности, его идеи показались этим старомодным господам чересчур прогрессивными. Он вновь разозлился, вспомнив дурацкую историю про Ротшильда.

На весьма естественную мысль о том, что старинный, безукоризненно честный Национальный банк мог отказаться от деловой связи с ним из-за его темного происхождения, соответствовавшего не менее темному происхождению его товаров, его навела Фанни Крайслер, да и то значительно позднее.

К обусловленному сроку Мэкхит, разумеется, не мог сообщить ничего нового. Он вынужден был признаться, что ему не удалось «договориться» с господином Пичемом. Миллер и Хоторн тотчас же скорчили крайне озабоченные мины. Они не выставили его за дверь, но неожиданно задали ему в лоб несколько неделикатных вопросов.

Они и вправду были разочарованы. Они уже примирились с его новшествами и, в сущности, горели желанием погрузить свои ветхие сети в неведомые воды.

Спустя несколько недель Мэкхит узнал, что они ведут переговоры с лавками Крестона.

Это было более чем огорчительно. Именно торговая сеть Крестона была тем достойным соперничества образцом, который витал перед духовным взором Мэкхита,— большие, солидные, хорошо расположенные лавки с богатым выбором товаров. Он рассчитывал поставить их на колени при помощи своих идей. Вместо этого он узнал, что концерн Крестона в связи с притоком капитала идет на целый ряд *новшеств*. Он объявил большую *рекламную неделю* со всевозможными сюрпризами для публики. Тут, совершенно очевидно, имел место наглый плагиат его идей — плагиат, какого Мэкхит никак не ожидал от обоих старцев и который глубоко возмутил его.

— *Что?* — бушевал он в разговоре с Фанни.— *Меня хотят обмануть? Я делаю все, чтобы стать солидным, я отказываюсь от насилия, я рабски или, во всяком случае, довольно точно придерживаюсь законов, я скрываю свое происхождение, надеваю стоячий воротничок, снимаю квартиру в пять комнат, заключаю добропорядочный, буржуазный брак по расчету, — и только я вступаю в высшие сферы, как меня обкрадывают! И это считается более нравственным, чем то, что я до сих пор делал. Это гораздо безнравственней! Мы, обыкновенные преступники, не можем тягаться с эти-*

ми людьми, Фанни. В каких-нибудь сорок восемь часов они отнимают у нас не только всю нашу добычу, собранную в поте лица, но и наш дом и наши сапоги, и при этом не нарушают ни одного закона и, по всей вероятности, еще наслаждаются сознанием исполненного долга.

Он был до глубины души потрясен обманом, жертвой которого стал, и усомнился в своих способностях. Полдня колесил он по Лондону в конном омнибусе, погруженный в мрачные размышления. Суетня входивших и выходивших пассажиров вернула ему спокойствие, а смена кварталов, смена нищеты и великолепия оживила его. Однако мысль о том, что недостаток образования подвел его, позволив какому-то незначительному банку и концерну Крестона обвести его вокруг пальца, по-прежнему угнетала Мэккхита. С большим трудом восстановил он обычное душевное равновесие.

Мэккхит вступил в один из самых тяжелых периодов своей жизни.

РУКА ДРУГА

В эти дни Фанни Крайслер была ему крепкой опорой. Она жила в Лэмбете, в небольшой квартирке с красивой старинной мебелью и отдельной комнатой для гостей.

Мэккхит подолгу сиживал в ее лавке, а вечерами она брала его к себе, потому что ему не хотелось идти домой. Он говорил, что дома ему не дают завтрака.

Возникшие было трения с Гручем, с которым у нее была давнишняя связь, она без труда уладила: она попросту не пускала его к себе в течение нескольких недель.

О браке Мэккхита она никогда не упоминала ни одним словом. Она знала, что он считает его ошибкой и почти не видится с Полли. Тем более ревностно помогала она ему наладить работу д-лавок, которая разваливалась с каждым днем.

Владельцы лавок рассчитывались очень неаккуратно или не рассчитывались вовсе. Они все время получали большие партии однородных товаров — то часы и очки, то табачные изделия и трубки — и не знали, как их сбыть.

Неприятная история с одной женщиной, которой Мэкхит по доброте душевной оборудовал лавку, наглядно иллюстрировала положение этих жалких предприятий. Речь шла об одной его старой приятельнице, некоей Мэри Суэйер.

Она узнала, что он женился, и почему-то сочла это несправедливостью по отношению к себе. Она подняла страшный шум и нашла защитников в лице людей, околачивавшихся в д-лавках и старавшихся навести их владельцев на разговор о господине Мэкхите. Эти защитники сидели в редакции газеты «Зеркало». После того как Мэкхит выбросил за дверь одного из ее сотрудников, редакция стала проявлять большой интерес к делам владельца д-лавок. Она была суеверна и твердо верила, что человек, разбивший зеркало, будет семь лет несчастен. Кроме того, «Зеркало» имело репутацию боевой общественной газеты, так как оно нападало только на богатых людей — главным образом оттого, что у других не было денег и их поэтому нельзя было шантажировать. Итак, Мэкхиту приходилось быть начеку. Как и все состоятельные люди, он должен был поддерживать репутацию безукоризненно нравственного человека. Эта репутация была ему нужна для того, чтобы удобней обманывать владельцев д-лавок.

Свидание между ним и Мэри Суэйер состоялось в антикварной лавке Фанни Крайслер в присутствии последней.

Суэйер, хорошенькая полногрудая блондинка лет около тридцати, заявила, что у нее больше нет сил бороться. Мэк извлек ее из привычной ей среды и в течение многих лет мучил своей ревностью. Сама она при этом была вынуждена — тоже в течение многих лет — смотреть, как он, так сказать, порхает с цветка на цветок. А теперь он не постеснялся окончательно опозорить ее перед всем светом, женившись на другой. За нынешнего своего мужа, находящегося в данное время на войне, она вышла с согласия Мэка и вовсе не так уж за него держится. Лавка, которую ей оборудовал Мэк,— сущее дерьмо. Муж наградил ее двумя детьми. Если она не получит хотя бы нескольких фунтов, чтобы нанять двух-трех швей, ей останется одно — броситься в воду. Ее нервы никуда больше не годятся.

Только этим объясняются некоторые откровенные высказывания, которые она себе позволила в пылу гнева.

Фанни прежде всего попыталась установить, успела ли она уже связаться с «Зеркалом». Она спросила:

— В чьем присутствии ты позволила себе эти откровенные высказывания? Это очень важно.

Но у Мэри Суэйер оказались все же достаточно крепкие нервы, и она не попалась на удочку. Она отвечала крайне неопределенно, рассуждениями общеморального характера. Она, дескать, подарила Мэку свои лучшие годы. Когда она спуталась с ним, она была юным, цветущим созданием; если не считать, что ее изнасиловали в двенадцатилетнем возрасте, в чем она ему сразу же призналась, у нее никогда ни с кем ничего не было. Теперь же, когда Мэк выбрасывает ее на помойку, она уже не в состоянии подцепить себе кого-нибудь другого. И она указала на следы, оставленные на ее лице временем и заботами о Мэке.

Когда она кончила, заговорил Мэк.

Он подчеркнул, что он сторонник полной свободы женщины. Когда женщина отдается мужчине, она это делает на свой страх и риск. Он категорически возражает против попыток читать ему мораль. Любовь — это не страхование старости. Кто уступает любви, тот разделяет удовольствие, получаемое от любви.

Мэри опять начала кричать. При чем тут полученное ею удовольствие? Как будто бы она не могла получить его с любым мужчиной, с каким-нибудь приличным человеком, готовым заботиться о женщине, которая отдала ему все? Она была продавщицей, и Мэк велел ей уйти из магазина, потому что однажды увидел, как ее шеф приказал ей влезть на стремянку и снять с полки какую-то коробку,— он хотел поглядеть на ее ноги. А теперь никто больше не хочет смотреть на ее ноги, пусть Мэк зарубит себе это на носу. Молодой человек, который так мило беседовал с ней обо всей этой гнусной истории, подтвердил ей это.

Мэкхит собрался было резко ответить ей, но Фанни предпочла осторожность. Было очевидно, что причиной вызывающего поведения этой несколько вульгарной, но, в общем, недурной женщины было только плачевное состояние ее дел.

— Как я могу сбыть это барахло? — гневно продолжала Мэри.— Не всем же покупателям нужны часы. Я решила специализироваться на нижнем белье. Не могу же я сказать госпоже Скраб, когда она требует нижнюю юбку: «У меня нет нижних юбок, а вот не возьмете ли вы часы?» Конечно, может быть, часы вам легче красть... Не перебивайте меня, я тоже кое-что соображаю, хоть я и не воспитывалась в пансионе, как новая жена Мэка... Одна я с нижним бельем не могу справиться, мне нужны одна-две швеи, а это значит — гоните деньги!

Переговоры были длинные и утомительные. Мэри боролась, как тигрица. Предложение Фанни о том, что Мэк, хотя он и не признает за собой никаких обязательств по отношению к ней, все же поможет ей расширить ее торговлю трикотажем,— но только в том случае, если она будет хранить полное молчание обо всем, что между ними было,— она выслушала, подавшись вперед, сморщив лоб, пылая недоверием.

Она жадно схватила чек, рассеянно сунула его в свою шелковую сумочку и ушла, даже не поглядев на Мэка.

— *Просто удивительно!* — говорил Мэкхит, сидя вечером в Лэмбете у Фанни.— *Эти лавки не хотят оставаться тем, что они есть. В прежнее время ты открывал дело, скажем — скобяную торговлю, и она оставалась скобяной торговлей. А ныне всякое предприятие стремится стать чем-то другим. Что ты ни делай — никто не хочет стоять на месте. Лавка, торгующая трикотажем, непременно должна стать швейной мастерской, иначе ей конец. Швейной мастерской немедленно требуется несколько филиалов. Как только у нее не хватает денег платить за помещение, она бросается открывать филиалы. То же самое происходит и с крупными предприятиями. У Крестона — целая торговая сеть, огромные магазины, но ему непременно нужно украсть у меня мои идеи и затеять что-то новое. Это не движение вперед — это бегство... А все оттого, что собственность перестала быть собственностью. В прежнее время человек владел лавкой или домом, и они были источником его доходов. А сегодня они — источники расходов, причина разорения. Как же тут может выработаться характер? Предположим, человек отва-*

жен и предприимчив. В прежнее время этого было достаточно, чтобы составить себе счастье. А сегодня он открывает какую-нибудь лавку — и гибнет. Как он ни осторожен, он все равно гибнет. Вдруг оказывается, что отвага нужна для того, чтобы платить долги, а осторожность — для того, чтобы делать долги. Когда человек на протяжении трех лет не меняет своих взглядов, это только доказывает, что его на протяжении трех лет не пускают в игру.

Фанни приготовила чай и надела пижаму.

«Кожа у нее — даже на ногах — смуглая, совсем не такая, как у Полли»,— подумал Мэкхит.

У нее была своя точка зрения на ломбарды.

Она считала, что неудавшаяся попытка добыть деньги путем брака или через Национальный депозитный банк доконала их. Она полагала, что Мэкхит должен от них отказаться.

— Моя лавка гораздо лучше,— сказала она, откинувшись на спинку шотландского кресла, скрестив ноги и держа чашку на коленях.— На ней ты должен сосредоточить все свое внимание. Груч — очень ловкий человек. Он говорит: имей он современные инструменты, он многое мог бы сделать. Ты, наверно, думаешь, что это долгий путь, но зато ты мог бы одним-двумя ударами загрести кучу денег, а там видно будет. Но только ему нужны вполне современные инструменты.

— Стало быть, опять налеты? — мрачно сказал Мэкхит.

— Да, но с современными инструментами.

Они договорились только под утро.

Прежде чем пойти в лавку, Фанни сняла белье с кровати в комнате для гостей, а вечером Груч уже сидел у них и диктовал свои условия.

Мэкхиту все это дело было не по душе. Его угнетало, что Фанни тоже считает его неспособным вести большую игру с банками. У него было ощущение, что он вновь пал ужасно низко, и на этот раз окончательно.

Несколько дней спустя Мэкхит и Груч поехали в Ливерпуль, где как раз открылась международная выставка криминалистики. Там были орудия для взлома любого, даже современной конструкции, несгораемого

шкафа. Никакая сигнализация не могла противостоять современной технике. В сущности, самые что ни на есть сложные замки могли служить препятствием только для человека с честными намерениями — специалисту ничего не стоило сладить с ними.

Вернувшись вечером в отель, они повздорили, так как Груч настаивал на французских моделях, а Мэкхит предпочитал английские.

— Мы живем в Англии, Груч, — напомнил он ему.— Англичане пользуются английскими инструментами. На что это будет похоже, если мы предпочтем французскую продукцию? Мы просто осрамим себя. Ты вообще понятия не имеешь о том, что значит нация. Эти инструменты изобретены английскими головами, созданы английским трудолюбием и, стало быть, достаточно хороши для англичан — запомни это. Ни о каких других я и слышать не хочу.

Они ждали до двух часов, а потом отправились на работу.

Вскоре они проникли в помещение и без труда совладали со сторожем. Но когда с улицы послышались шаги, у Мэкхита внезапно сдали нервы. Обливаясь потом, испуганно выпучив глаза, он топтался на месте и никак не мог найти нужную отмычку. Качая головой, Груч взял у него из рук всю связку. Эта работа, как видно, была уже не по плечу крупному финансисту.

Гручу пришлось со всем справляться одному. И он справился. На следующий день они предъявили Фанни инструменты.

В часы досуга Груч обдумал целый ряд планов дальнейшей деятельности. У него было несколько проектов на выбор.

— Это пахнет кучей денег, — говорил он благоговейно. — Это гораздо вернее, чем жениться.

Но когда Мэкхиту понадобился по одному делу совет Брауна и он поехал к нему на набережную, его там ждал неприятный сюрприз.

— Стало быть, это был Груч? — накинулся на него Браун. — Дальше идти некуда. Ты читал газеты?

Он имел все основания негодовать. Пресса страшно раздула ограбление выставки.

Она потешалась над тем, что у полиции путем взлома были украдены орудия взлома.

Браун рассердился не на шутку и проявил большую энергию.

— Я же тебя не трогаю, — жаловался он, — мог бы и ты в конце концов подумать о моей карьере. До сих пор мы с тобой играли честно. Готов признать, что я не так легко добился бы занимаемого положения, не помоги ты мне посадить кое-кого за решетку, но я рассматриваю наши отношения, возникшие еще в те времена, когда мы с тобой вместе служили в Индии, не только как чисто деловую связь. А ты готов наплевать на самые элементарные законы дружбы. Мне дорога моя должность. Если бы я не любил моей профессии, я бы ею не занимался. Я не каменщик! Мои дарования дают мне право стать со временем начальником полиции. Дело не в петличках на воротнике, как ты, может быть, думаешь. Я не перенесу, если этот осел Уильямс получит должность, с которой он никогда не справится. Сегодня же вечером инструменты должны быть у меня, и тот, кто их украл, — тоже!

Мэкхит слушал, подавленный. Он понял, что наступил Брауну на мозоль. Все, что он мог сделать, — это объяснить ему, ради чего он решился на налет.

— Если тебе нужны деньги, — сказал Браун, чуточку смягчившись, — ищи других путей. Почему бы тебе не обратиться к банку? Есть же еще банки, кроме Национального депозитного.

Мэкхит возразил, что его лавки, а равно и компания, поставляющая им товары, находятся в таком состоянии, что банки едва ли захотят финансировать их. Не имея приличной конторы в Сити, он лишен возможности что-либо предпринять.

Тут Браун показал себя с самой лучшей стороны. Без особых околичностей он предложил Мэкхиту свои собственные деньги.

— К чему все эти незаконные пути?—принялся он уговаривать Мэкхита.— Не надо этого! Коммерсант не занимается налетами. Коммерсант покупает и продает. Он этим достигает тех же самых результатов. Когда мы с тобой, Мэкки, лежали под неприятельским огнем на рисовом поле под Пешаваром, разве ты тогда встал и пошел на сикхов с дубиной? Это было бы непрофессионально, а следовательно, и нецелесообразно. Ты говоришь: твое предприятие нужно сначала привести в

такой вид, чтобы банки соблазнились им? Отлично, приведи его в такой вид! Почему ты не обращаешься ко мне? Если тебе неприятно брать деньги у друга, пожалуйста, плати мне проценты! Плати мне более высокие проценты, чем кому бы то ни было,— двадцать или даже двадцать пять процентов. Вот и получится, что еще ты мне делаешь одолжение. Я знаю, ты солидный человек. Я не хочу, чтобы ты сбивался с пути, как какая-нибудь глупая мелкая сошка, не умеющая вести дела и из-за этого начинающая воровать. И потом не стоит тебе работать с такими людьми, как этот Груч! Работай с банками, как все деловые люди! Это же совсем другой коленкор!

Мэкхит был потрясен до глубины души. Обоим друзьям, испытавшим натиск житейских бурь, стоило немало труда дать волю своим чувствам. Смущенный взгляд означал в подобной ситуации, пожалуй, больше, чем объятие.

— Узнаю тебя, Фредди,— сказал Мэкхит сдавленным голосом. — Есть люди, умеющие вовремя дать хороший совет. Но ты готов помочь и материально. Вот это и есть истинная дружба, только это — истинная дружба. Рука друга...

— Однако я требую,— прибавил Браун, впившись взглядом в Мэкхита,— я требую, чтобы ты разделался с такими людьми, как Груч и О'Хара. Если не сейчас, то, во всяком случае, когда ты чуточку выпутаешься. И если я сегодня протягиваю тебе руку помощи, то только потому, что в будущем хочу видеть тебя в другой среде. Не надо непременно сегодня или завтра. Я знаю, эти элементы тебе пока еще нужны, чтобы выкарабкаться. Но когда-нибудь нужно с ними покончить; на этом я настаиваю.

Мэкхит безмолвно кивнул; его глаза были полны слез.

Он ушел счастливый. На прощание они договорились, что до поры до времени Груча будут щадить и в качестве виновника налета будет взят другой человек. Орудия взлома Мэкхит сдал в тот же день.

Браун тоже сдержал свое слово. Ему не так легко было достать денег. Для этого ему пришлось устроить ряд полицейских облав в нескольких ночных клубах, и Мэкхит лично обнаружил следы его деятельности в

Тэнбридже у госпожи Лексер, где он обычно проводил вечера по четвергам. Девицы ужасно жаловались на вычеты из их заработка, произведенные госпожой Лексер.

Однако через неделю Мэкхит обладал уже достаточными средствами, чтобы расширить свои «закупки».

Совместно с О'Хара он разработал точный план наступления.

Помимо уже имеющихся складских помещений, было арендовано еще несколько сараев. Позаботились также и о транспортных средствах — тяжелых ломовых телегах. Для работы в провинции были обеспечены денежные средства и помещения.

О'Хара, несмотря на свою молодость, оказался весьма дельным работником. К личному участию в деле он питал то органическое отвращение, которое является залогом всех больших карьер. Мэкхит сразу же оценил в нем это качество; в этом смысле молодой человек был похож на него. Начало его карьеры терялось где-то в самых темных глубинах. Шестнадцати лет от роду он брюхатил магазинных воровок и проституток, которые принимали на себя некоторые преступления и благодаря своей беременности без труда добивались оправдания. Он не любил, однако, вспоминать былые времена и прежнюю свою профессию.

Фанни относилась к нему несколько прохладней. Он, по ее мнению, был слишком избалован женщинами.

Она не доверяла ему; кроме того, он был конкурентом Груча, а ливерпульская история сильно уронила Груча в глазах Мэкхита.

Все их совещания происходили в Лэмбете. Мэкхит постоянно уходил вместе с О'Хара. Из этого Фанни сделала вывод, что Мэкхит тоже не очень доверял мальчишке. Как-то раз О'Хара вернулся и сделал попытку остаться у нее на ночь; ей пришлось весьма недвусмысленно выпроводить его.

Особенно противно было ей в О'Хара его циничное, эксплуататорское отношение к товарищам по ремеслу. Он был настоящий безжалостный кровосос. Даже в тех случаях, когда сам он на этом ничего не выигрывал, он старался обжулить их при расчете.

Он не спал ночами, изобретая все новые способы, как выколотить из членов банды побольше денег.

Она постоянно возражала против этих его методов. Она считала их коммерчески неразумными.

В результате ливерпульской истории полицией был взят Роберт Пила. Из-за этого банда чуть было не взбунтовалась против руководства. Кое-кто уверял, что Роберт Пила был попросту выдан полиции; вспомнились другие подобные случаи, имевшие место в прошлом.

О'Хара, ухмыляясь, докладывал о бурной сцене на Нижнем Блэксмит-сквере.

Фанни резко оборвала его.

— Все это вовсе не смешно,— сказала она возбужденно.— Ничего не поделаешь — мы к этому вынуждены прибегать. Но это чрезвычайно тяжелые и прискорбные меры.

— Но ведь шеф лично посетил Роберта Пилу в тюрьме и пожал ему руку,— насмешливо сказал О'Хара, косясь на Мэкхита.

Мэкхит действительно поехал в тюрьму после ареста Роберта и обещал засыпавшемуся товарищу свою поддержку. В этих мелочах проявлялась его натура вождя.

Фанни Крайслер нашла все это попросту циничным.

В маленькой квартирке разгорелась ожесточенная ссора. Мэкхит сидел молча, зажав между губами тонкую черную сигару. Перебранка развлекала его. Он постоянно ревновал, даже когда не был влюблен. Его радовало, что О'Хара не имеет успеха у Фанни.

Фанни доказывала, что возникшее вследствие ареста Роберта Пилы возбуждение в банде до сих пор не улеглось, что из-за этого провалилось несколько дел, и после часовой перепалки с О'Хара добилась того, чтобы выдача членов банды полиции была временно прекращена. Мало того — она даже вырвала у склонного к широким жестам Мэкхита согласие поручить защиту арестованных членов банды одной солидной адвокатской фирме.

Мэк пошел еще дальше: он ввел твердую заработную плату.

— Им нужен обеспеченный заработок,— сказал он задумчиво,— положение служащих их больше устраивает; они хотят спать спокойно и не думать о том, что в конце месяца у них нечем будет платить за квартиру. Я их понимаю, хотя, впрочем, я все это представлял себе несколько иначе. Я лично рисовал себе некий нерасторжимый кровный союз — так сказать, горе и радость пополам с моими ребятами. Шеф затягивает ремень потуже, и служащий тоже затягивает ремень потуже — понимаешь, что-то в этом роде. Но они получат то, чего добиваются. Они получат твердое жалованье, ибо они, насколько я понимаю, требуют твердого жалованья. Все ясно!

Мэк предвидел, что твердое жалованье обойдется ему гораздо дешевле, так как он подготавливал ряд крупных закупок, чтобы заинтересовать в д-лавках какой-нибудь банк.

Банда восприняла весть о новой системе регулярных расчетов как свою победу, и Фанни завоевала большую популярность на Нижнем Блэксмит-сквере, ибо Груч, к вящему недовольству О'Хара, громогласно восхвалял ее. Это она заставила шефа принять весь риск на себя; ему, мол, поневоле пришлось согласиться, так как она ему нужна и он не хочет раздражать ее.

После реорганизации члены банды О'Хара превратились из самостоятельных мелких предпринимателей в служащих крупного предприятия; теперь они работали только в качестве таковых, то есть в тесном сотрудничестве с себе подобными. Среди них были специалисты, которым поручалось только задумать новое дело, другие, «коммивояжеры», занимались исключительно разведкой, третий вырабатывал план, четвертый устанавливал, куда свозить добычу, пятый заботился об алиби. В результате «закупщик», который обязан был отбирать товар и в силу этого должен был быть специалистом, без малейших затруднений проникал со своими упаковщиками внутрь помещения и шел прямым путем к полкам. Это была приятная, усовершенствованная работа; возврат к более примитивным методам был для этих профессионалов уже почти невозможен, хотя бы по чисто психологическим причинам. Несамостоятельность их работы влекла за собой то, что приходилось постоянно и регулярно загружать

их поручениями или же, во всяком случае, оплачивать. Находил ли товар сбыт или нет, их все равно нужно было содержать: проблема рынка ни в какой мере их не касалась.

— Ты теперь еще крепче прибрал их к рукам,— сказала Фанни Мэкхиту, когда О'Хара, несмотря на поздний час, ушел на Блэксмит-сквер.— Ты не грозишь им ни револьвером, ни ножом — ты просто владеешь их орудиями производства. Ты не предаешь их в руки полиции — голод заставляет их работать. Поверь мне: так лучше. Так поступают все современные предприниматели.

Мэкхит задумчиво кивнул. Побрякивая в кармане несколькими монетами, время от времени вынимая их, подбрасывая в воздух и снова ловя, он шагал, сняв пиджак, по голубому китайскому ковру, лучшему украшению квартиры.

Он уже до некоторой степени оправился от удара, нанесенного ему Полутора Столетиями, и лелеял смелые планы.

Эти планы были грандиозны, но отнюдь не являлись следствием избытка сил. Они были нужны ему, чтобы не очутиться вновь под колесами. Его дело процветало. Поток товаров хлынул в лавки. Дощатые полки были переполнены. Различные Мэри Суэйер работали до поздней ночи. Кипы кож преображались в ботинки. Шерсть превращалась в руках целых семей в джемперы. Канцелярские принадлежности и лампы, музыкальные инструменты и ковры затыкали зияющие дыры лавок.

Но Мэкхит знал, что денег, одолженных ему Брауном, хватит не больше, чем на шесть недель, а потом вся работа О'Хара будет сорвана.

Спасти положение могли только планы поистине наполеоновского размаха.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«On s'engage et puis on voit»[1].

Наполеон

«Да, но ведь ливень хлещет!» —
«Да, но пылает дом!
Лучше уж промокнуть,
Чем сгореть живьем!»

Песня американских пионеров

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ПЛАНЫ

В одном из больших домов Сити некий молодой человек снял целый этаж. Он поставил под контрактом имя лорда Блумзбери и привел в надлежащий вид четыре-пять конторских помещений. Обставил он их довольно старой и подержанной мебелью, которая, однако, придала конторе внешность старинного и чрезвычайно почтенного предприятия. Молодая дама с золотисто-смуглым цветом лица помогала ему расставлять мебель и нанимать служащих.

— Знаете,— сказала она, когда мебель прибыла и он окинул ее недовольным взглядом,— в старинных предприятиях есть какое-то своеобразное очарование. Их возраст свидетельствует о том, что их еще ни разу не уличили в чем-либо предосудительном, а это, в свою очередь, говорит о том, что они и впредь едва ли засыплются.

Самая большая комната была отведена под зал заседаний. На стеклянной двери подъезда появились

[1] Сначала подеремся, а потом разберемся (*фр.*).

большие золотые буквы: ЦЗТ. Под ними более мелким шрифтом было обозначено: Центральное закупочное товарищество.

Учредительное заседание нового товарищества было непродолжительным. Два известных в Сити адвоката, господин О'Хара, лорд Блумзбери, а также госпожа Фанни Крайслер выбрали председателем оптового торговца Мэкхита. Его заместителем был выбран лорд Блумзбери. Мэкхит познакомился с ним в одном доме в Тэнбридже, где он бывал по четвергам. Ему не стоило большого труда договориться с этим незначительным, но очень милым юношей, так как тот испытывал постоянную нужду в деньгах и находился в полной зависимости от Дженни Монт, лучшей силы госпожи Лексер. Он был очень глуп, но умел упорно молчать и улыбаться с видом чрезвычайного превосходства, для чего, в сущности, не имел никаких оснований. Он производил отличное впечатление и этим кормился.

Первым шагом товарищества было заключение двух контрактов. Согласно одному из них, господин О'Хара брал на себя обязательство поставлять ЦЗТ большие партии дешевых товаров. Согласно другому, господину Мэкхиту предоставлялось преимущественное право снабжения его д-лавок товарами ЦЗТ. Засим господин Мэкхит передал официальные бразды правления своему другу, лорду Блумзбери, и попросил господ учредителей, как и было уговорено, на первое время держать в тайне факт его председательствования в ЦЗТ. Господа учредители разошлись удовлетворенные, и контора под руководством госпожи Крайслер приступила к деятельности.

Эта деятельность состояла в переписке с несколькими агентами в провинциальных английских городах и на континенте, скупавшими для ЦЗТ товары обанкротившихся предприятий, а также в перевозке этих товаров на склады, которые помещались в Сохо. Накладные на поступавшие товары, равно как и квитанции на выплаченные суммы, хранились в отдельных, строго разграниченных папках. Поступления на склад также заносились в особые книги и проводились отдельно от товаров, предназначенных для д-лавок.

Еще и двух недель не прошло с начала деятельности конторы, как в Коммерческий банк пришли два госпо-

дина — Мэкхит и лорд Блумзбери — и изъявили желание поговорить с директорами банка.

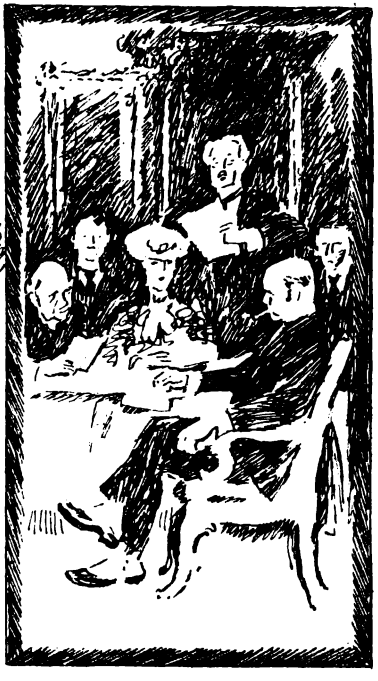
Коммерческий банк, состоявший в тесной деловой связи с доминионами, занимал относительно новое, шикарное здание на Грейт Рассел-стрит. Он финансировал всевозможные торговые предприятия, в том числе «Торговую сеть Аарона» — сильнейшего конкурента Б. Крестона — и ряд других, более мелких, провинциальных фирм того же типа.

Руководители Коммерческого банка были люди, чрезвычайно почтенные и опытные в делах розничной торговли. Они приняли Мэкхита более чем сдержанно. Как выяснилось, они были на редкость хорошо осведомлены относительно организации и положения д-лавок.

Мэкхит заранее выработал линию поведения.

— Старик Национальный не дал мне под мои склады ни гроша, потому что мы не могли предъявить им безукоризненного родословного древа,— сказал он Блумзбери, перед тем как они отправились на Грейт Рассел-стрит. — Теперь у нас есть родословное древо, а кроме того, в последнее время конкуренция сильно обострилась; поэтому никто не станет придираться к происхождению дешевых товаров. Придется сказать им, что мои товары очень дешевы, иначе они не поверят, что я верну им ссуженные мне деньги. Но для того чтобы иметь возможность предложить им тот ростовщический процент, которого они от меня потребуют, мне придется так низко расценить мои товары, что они волей-неволей вынуждены будут спросить об их происхождении или сочтут меня дураком, сознательно идущим на разорение. Они любят отчаявшихся людей. Можете мне поверить, Блумзбери, в моем положении нетрудно прикинуться отчаявшимся: я действительно погиб.

Таким образом, Мэкхит явился в Коммерческий банк не в качестве уравновешенного коммерсанта, а в качестве разоренного человека. С бледным лицом и каплями пота на лбу он признался, что стоит на краю гибели. Он разработал один проект и наивно посвятил в него Национальный депозитный банк, который постыдным образом злоупотребил его доверием. Эти люди хладнокровно украли у него его идеи и спелись с



концерном Крестона! Теперь у него на шее огромное количество товаров, которые он обязался закупить, и ЦЗТ ежедневно начисляет за эти товары непомерные проценты и плату за хранение.

У него нет денег на укрепление лавок и на кредитование их. Что касается товаров, хранящихся на складах ЦЗТ, то их можно осмотреть в любой момент.

Осмотр складов, помещавшихся на Нижнем Блэксмит-сквере, был произведен. Товаров действительно оказалось много. Были также предъявлены квитанции и накладные, исходившие частично от датских и французских фирм.

Физиономии директоров Коммерческого банка во время осмотра заметно прояснились.

Но когда Мэкхит и Блумзбери на следующий день вновь явились в банк, подле господ Генри и Жака Опперов сидел жирный мужчина с типично еврейской внешностью, господин *И. Аарон*, владелец «Торговой сети Аарона», с которым господа Опперы, по их словам, сотрудничали.

— Господин Аарон, — приветливо сказал младший Оппер, — господин Аарон, о котором вы, вероятно, уже слышали, очень заинтересован вашими идеями, господа.

Мэкхит несколько опешил.

И. Аарону принадлежало по меньшей мере два десятка крупных предприятий в лучших районах города. Между д-лавками и этими гигантами была та же разница, что между паршивым, блохастым уличным псом и огромным, выхоленным ньюфаундлендом.

Несколько минут Мэкхит размышлял; не лучше ли будет попросту выйти из комнаты. Ему достаточно было взглянуть на господ Опперов, чтобы убедиться: без Аарона они не пойдут ни на какие дела с ним. Он отчетливо почувствовал, что его опять обвели вокруг пальца; впоследствии он часто вспоминал об этом предчувствии. Но при создавшейся обстановке отступать было поздно.

Он нуждался в деньгах.

Мэкхит повторил свой рассказ, и великий Аарон весело сказал, что он ничего другого от Б. Крестона и не ожидал. По его мнению, которое он изложил в весьма забавных оборотах, Крестон, относительно еще мо-

лодой человек, совершенно лишен совести и только и думает о наживе. Несмотря на свою молодость, а может быть, и благодаря ей, он является типичным представителем той несколько уже устарелой категории дельцов, которые все свое благополучие строят на обмане публики. Он, Аарон, вовсе не моралист, безнравственность подчас даже забавляет его, но в деловой жизни он ее не ставит ни в грош. На ней далеко не уедешь.

— Ваша идея единых цен недурна, — сказал он добродушно, похлопывая Мэкхита по колену, — но ваши склады, — тут он повернулся к Блумзбери, представительствовавшему от ЦЗТ,— пожалуй, еще лучше. Как вы попали к господину Мэкхиту? Вы должны были сразу же обратиться ко мне! Понимаю, понимаю, путь ведет через господина Мэкхита. Нельзя обходить бедняжку владельца д-лавок.

Мэкхит слушал его без особого удовольствия. Шутки Аарона казались ему плоскими. Он не испытывал ни малейшего желания подпускать Аарона к складам. Ему стоило все больших усилий разыгрывать роль маленького человека, обиженного акулой Крестоном.

Аарон, казалось, веселился от души, но Мэкхит отлично видел, что при каждом упоминании имени Крестона у него слегка краснеют виски. Он явно имел зуб против Крестона.

И действительно, Крестон за последнее время что-то уж чересчур расцвел. Господа директора Коммерческого банка тоже были слегка обеспокоены этим обстоятельством. Для них Национальный депозитный банк был тем, чем для Аарона был Крестон. Эти Полтора Столетия испокон веку занимаются недвижимостью, чего ради они суются в розничную торговлю? Жалкая, скучная лавчонка с заплесневелыми несгораемыми шкафами! Коммерческий банк был мощным предприятием и не имел оснований завидовать своим конкурентам, но он был очень высокого мнения о своей роли в розничной торговле. Он был в собственных глазах непререкаемым арбитром в этой области. Он не считал нужным пускаться в рискованные предприятия, сулившие быструю наживу. Его миссией была охрана *нравственности в розничной торговле.*

Всем было ясно, что от людей вроде Мэкхита следует держаться на расстоянии, но, с другой стороны, Национальный депозитный поступил с этим сомнительным типом по меньшей мере некорректно. С первого взгляда было видно, что у него сдали нервы: он производил впечатление совершенно раздавленного человека.

Мэкхит всячески давал понять, что он горит желанием отомстить Национальному депозитному банку и концерну Крестона. Он жаждал проучить этих господ, хотя бы ценой личных жертв. Увлеченный, по всей видимости, собственным красноречием, он предложил И. Аарону свои склады по бросовым ценам, лишь бы тот расправился с Крестоном самым жестоким образом; взамен он просил одного: чтобы его д-лавки, по отношению к которым он имел ряд обязательств, тоже были вовлечены в дело,— ведь речь шла о маленьких самостоятельных людях, подаривших ему свое доверие.

Возможность использовать жажду мести, снедавшую Наполеона д-лавок и свидетельствовавшую о его коммерческой недальновидности (следствие низкого происхождения), заставила директоров Коммерческого банка и господина И. Аарона заинтересоваться его проектом.

Господин Мэкхит получил от председателя Коммерческого банка, господина Жака Оппера, приглашение провести субботний вечер и воскресенье в его резиденции Уорборн-Касле.

Для розничной торговли Уорборн-Касл был тем, чем Даунинг-стрит является для внешней политики, а Уолл-стрит в Нью-Йорке — для иной отрасли коммерции. Там сходились все «нити».

Мэкхит вернулся в контору ЦЗТ в состоянии крайнего возбуждения, и Фанни тотчас же послала за Блумзбери. Мэкхит заявил, что он понятия не имеет, как в Уорборн-Касле едят рыбу.

Они стали совещаться, каким образом устроить так, чтобы приглашение коснулось и Блумзбери. Впрочем, последний утверждал, что он тоже не знает, как в Уорборн-Касле едят рыбу. Опперы поселились там сравнительно недавно.

Фанни уладила все затруднения, поговорив с Жаком Оппером в открытую. Она явилась в Коммерческий

банк с портфелем, полным деловых бумаг, под мышкой и рассеяла все иллюзии Оппера, если таковые у него были, относительно манер ее шефа. Она сказала, что люди, привыкшие загребать деньги собственными руками, нередко загребают теми же руками и еду со своей тарелки. Если они пригласят также и Блумзбери, то у них за столом будет сидеть человек, не обладающий гением Мэкхита. Оппер пригласил Блумзбери.

Тем не менее все предприятие в последний момент чуть было не лопнуло по вине последнего. Он был не столь высокого мнения об Опперах, как Мэкхит (может быть, именно оттого, что не знал настоящей цены деньгам), и твердо решил взять с собой Дженни. Это казалось ему остроумнейшей шуткой. Он решил выдать Дженни за свою сестру и продемонстрировать с ней новый салонный танец. Он предвкушал огромное удовольствие.

Фанни с большим трудом отговорила его.

Она тщательно проверила костюм Мэкхита и отняла у него трость со стилетом.

— Она тебе больше не нужна,— сказала Фанни.

В последнюю секунду он все же купил себе замшевые перчатки натурального цвета, со швами толщиной в палец. Фанни их так и не видела. Блумзбери они доставили истинную радость.

По дороге в Уорборн-Касл Блумзбери уговорил Мэкхита ни в коем случае не отказываться от обычных своих манер; иначе Опперы перестанут считать его выскочкой. Краткая речь, в которой Блумзбери изложил эту свою точку зрения, была его единственным вкладом в предприятие, прологом к которому служило проникновение Мэкхита в Уорборн-Касл.

Визит оказался гораздо приятней, чем предполагал Мэкхит.

Они гуляли по вылощенным лужайкам и ели дичь, запивая ее старым портвейном. В библиотеке пахло старинной дорогой кожей, и Мэкхиту представилась возможность обнаружить познания, вбитые в него Фанни при помощи роскошных порнографических изданий.

Старший шеф банка господин Жак Оппер был холост и увлекался высокими материями, в первую го-

лову — биографией Ликурга. Основным работником предприятия был Генри Оппер.

Блумзбери оказался более или менее лишним. Рыбная проблема не играла никакой роли.

Мэкхит не понимал, как можно в такой обстановке говорить о делах. О деньгах вообще не было речи. Блумзбери выяснил, что великий Аарон не был приглашен только из-за того, что он, на взгляд Жака Оппера, слишком много говорил о деньгах. Жак Оппер терпеть не мог денег. Он говорил: «Все эти вещи должны быть как-то урегулированы, чтобы можно было сносно жить». Вечером, после отличного ужина, он вернулся к этой теме.

— *Разумеется, чтобы жить, нужно есть. Но оттого, что человек наелся, он еще не живет. Основная движущая сила человечества — это потребность выявить себя иными словами — обессмертить свою л и ч н о с т ь. Как и каким образом, совершенно неважно. Прирожденный кавалерист выражает себя тем, что ездит верхом. Ему ли принадлежит лошадь или кому-нибудь другому, абсолютно безразлично. Он хочет ездить верхом. А другой хочет изготовлять столы. Он счастлив, когда у него наконец есть возможность взять в руки столь любимый им кусок дерева и запереться в комнате со своими инструментами. В этом весь секрет экономики. Кто н и ч е г о не хочет, кто работает только ради денег, тот при всех обстоятельствах остается бедным человеком, даже если ему и удается заработать эти деньги. Ему недостает самого существенного. Он ничто и поэтому ничего не хочет создавать.*

Если бы не Генри Оппер, Мэкхиту так бы и не удалось перевести разговор на лавки и кредиты.

После кофе прошло еще много времени, прежде чем ему удалось изложить свои взгляды на самостоятельность мелких владельцев. Он был в ударе и попутно объяснил, каким образом этот принцип можно было бы хотя бы частично распространить на более крупные предприятия, скажем — того же Аарона.

С большой настойчивостью он приводил все новые доводы, доказывая ошибочность предрассудка, будто основой коммерческого дела является покупатель. Главный источник дохода есть и пребудет вовеки — служащий.

Покупатели существуют лишь для того, чтобы дать предпринимателю возможность извлечь прибыль из служащих и рабочих.

С другой стороны, основным инстинктом служащих является самое вульгарное своекорыстие.

— Какое дело продавцу,— воскликнул Мэкхит,— до радостей и горестей его фирмы? Покуда он получает жалованье, он равнодушно смотрит вслед убегающему из лавки покупателю. Единственное спасение — это заинтересовать его в деле. Попросту говоря, нужно решиться бросить ему что-нибудь в пасть!

— Вы имеете в виду участие в прибылях? — испуганно спросил Оппер.

— Вот именно!

— Но ведь это обойдется очень дорого,— сказал Оппер.

— Не могу с вами согласиться,— возразил Мэкхит.— Ведь тантьема выплачивается бонами на то же предприятие. Тем самым продавцы превращаются в покупателей.

Генри Оппер проворчал что-то невнятное. Зато Жак, книжный червь, внимательно и испытующе посмотрел на Мэкхита.

В общем и целом вечер прошел гладко. Разошлись сравнительно рано. Мэку не спалось. Он произнес перед Блумзбери речь о косности высших слоев общества.

— Эти люди,— говорил он, бегая по комнате с болтающимися подтяжками,— недостаточно серьезны. Когда слушаешь их, начинает казаться, что они зарабатывают деньги только ради связанных с этим занятием сильных ощущений. Это все равно, как если бы дог попавший в водоворот, стал утверждать, что он плывет к берегу только из чисто спортивного интереса. Они думают, я не знаю, что вторжение Полутора Столетий в розничную торговлю стоит им бессонных ночей. Крестон раздобыл деньги — это значит, что Аарону нужны деньги. Они вызвали меня сюда якобы для того, чтобы приглядеться ко мне поближе, а в действительности все дело, конечно, только в моих складах. Если они этого не знают, тем хуже для них. Без моих складов Аарону никогда не удалось бы снизить цены на свои товары. И сколько бы Жак ни тре-

пал языком про Ликурга или как его там зовут, этого древнего грека, он тоже навострил уши, когда я заговорил о стоимости моих товаров. Откуда я их беру, они уже больше не спрашивают. Старая поговорка: «Откуда взять, если не украсть?» — потеряла всякий смысл с тех пор, как воровство стоит таких денег. Ну, посмотрим, удастся ли мне вытянуть из них эти столь презираемые ими деньги.

Мэкхит ставил Жака значительно ниже Генри, он называл его тупицей; между тем в то самое время, как он изливался перед своим компаньоном, не кто иной, как Жак, отстегивая подтяжки, всячески отстаивал его перед своим братом, который все еще колебался.

— У этого простака есть кое-какие идеи,— говорил он.— Больше того — у него есть инстинкт. В его взглядах на необходимость соревнования между продавцами поистине есть что-то греческое. Для него все это не просто род распродажи, как для Аарона; перед его духовным взором маячат состязания колесниц. Доля в прибылях есть, в сущности, лавровый венок, уготованный победителю. Он этого не знает, но чувствует. Он требует — и совершенно справедливо,— чтобы настоящий продавец обладал ярко выраженной гармоничной индивидуальностьюΚαλο-ηαΥαυια![1] Когда он описывал такого продавца, я видел перед собой Алкивиада. Это неплохо!

Отходя ко сну, Оппер-младший видел перед собой Аароновых продавцов, которые, как Ахилл — Гектора, влекли к кассе убитых покупателей.

На следующей неделе состоялось соглашение между Коммерческим банком, концерном лавок Аарона и ЦЗТ. Отныне ЦЗТ поставляло Аарону товары по тем же ценам, что и д-лавки.

Договоры, которые Блумзбери подписывал от имени ЦЗТ, содержали поистине ужасающие пункты.

Мэкхит не решался смотреть Блумзбери в глаза.

Когда они вышли на улицу, он внезапно истерически разрыдался. Опешивший, ничего не понимающий

[1] Кало-кагатиа (*древнегреч.*) — нравственная чистота и благородство (термин, встречающийся у Ксенофонта, Аристотеля, Демокрита и других древних авторов).

Блумзбери доставил его в ближайшую чайную. Там они заказали себе бутерброды. Лишь постепенно к Мэкхиту вернулось самообладание.

— За ту цену, что нам платит Аарон,— сказал Мэкхит Блумзбери, когда они вышли из чайной,— мы не можем красть товары. Долго мы не продержимся. Мы в лучшем случае проведем одну рекламную неделю вроде Крестоновой, а это все, что нужно от нас братьям Оппер. Они хотят как можно скорей разделаться с нами. Мы для них недостаточно чистоплотны. Поглядите-ка на этот дом, Блумзбери! Мрамор и бронза! Я никогда не понимал, почему публика носит свои сбережения в дома, которые столько стоили и продолжают стоить. По-видимому, люди думают, что фирмы, заводящие у себя мрамор и бронзу, уже не нуждаются в деньгах, стало быть, их деньги будут там в сохранности.

Старенький, маленький Национальный депозитный был ему более по вкусу. Его невзрачные конторы как бы говорили: мы мало зарабатываем на наших клиентах.

Он с горечью вспомнил о Национальном депозитном банке, этой коварной старой амфибии. *Без* Национального депозитного означало *против* Национального депозитного. А между тем в Национальном депозитном хранилось приданое его жены. Горькое чувство овладевало Мэкхитом всякий раз, как он об этом думал. Он говорил себе, что ему предстоит борьба с этим приданым, которое он должен был — так уже своеобразно сложились обстоятельства! — уничтожать всеми средствами ради спасения своей шкуры. Это должна была быть борьба без пощады, она могла кончиться только уничтожением противника.

Мэкхит чувствовал, что надвигаются тяжелые времена.

Немало средств стоило превратить ЦЗТ в приманку для Коммерческого банка. Но если бы ему позволили теперь заняться его несчастными д-лавками, он, во всяком случае, полностью обеспечил их товарами и они вступили бы в полосу неслыханного расцвета. Вместо этого случилось самое худшее: ему пришлось объединиться с Ааронóм — конкурентом, и притом конкурентом неизмеримо сильнейшим! Он добывал

товар, чтобы его у него украли! Он опять не продвинулся ни на шаг вперед! Если счастливый случай не спасет его, он погибнет окончательно. Мэкхит напоминал человека, стоящего босиком на раскаленной плите. Человек все время подпрыгивает, чтобы переменить место, хотя плита раскалена повсюду одинаково. Передышка наступает только в ту секунду, когда его нога находится в воздухе.

Так или иначе, в настоящий момент Мэкхиту удалось раздобыть кое-какой капитал для своих д-лавок. Появилась возможность расширить их сеть и вновь открыть им кредит. Вся задолженность по зарплате «закупщикам» О'Хара была выплачена.

Мэкхит произнес речь принципиального значения перед собравшимися в Ньюгете владельцами д-лавок. Он начал с заявления, что он твердо решил целиком посвятить себя им, то есть д-лавкам. Чтобы разгрузиться, он, мол, отказался от закупок и передал их одному весьма мощному товариществу — ЦЗТ. Эта организация имеет в своем распоряжении всевозможные товары, которые, впрочем, обойдутся дешево только в том случае, если их будут покупать крупными партиями. Это нужно еще и для того, чтобы лишить ЦЗТ возможности снабжать другие лавки по столь выгодным ценам. А д-лавки сами по себе не могут поглотить все запасы ЦЗТ.

Он продолжал:

— *Как вы, вероятно, уже слышали, Объединенные д-лавки вчера вступили в тесный деловой контакт с лавками Аарона. Центральное закупочное товарищество с ограниченной ответственностью, которое будет впредь снабжать вас, господа, будет обслуживать также и концерн лавок Аарона. Что означает этот сенсационный шаг мощного концерна Аарона? Господа, он означает победу, р е ш и т е л ь н у ю п о б е д у д-лавок. И что еще важнее — победу и д е и д-л а в о к. Что это за идея? Господа, это идея — дать продукцию современной индустрии бедным и беднейшим слоям населения. П р е д с т а в и т е л ь м а с с, с р е д н и й ч е л о в е к — это звучит не очень почетно. Господа, это глубочайшее заблуждение! Именно масса решает все. Де-*

лец, который смотрит свысока на грош, на заработанный потом и кровью грош рабочего человека, совершает тяжкую ошибку. Этот грош нисколько не хуже любых других денег. А дюжина — это в двенадцать раз больше, чем один. Вот в чем заключается идея д-лавок. И эта идея д-лавок, ваша идея, одержала полную победу над могущественным концерном Аарона с его десятками крупных предприятий. Отныне и концерн Аарона открывает свои двери беднейшим слоям населения и тем самым ставит себя на службу идее дешевизны и социального прогресса. Среди вас есть маловеры — где их нет, этих нытиков и критиканов? Они будут говорить втихомолку: чего ради могущественный концерн Аарона будет сотрудничать с нами, мелкими людишками? На это мы должны ответить прямо: разумеется, не ради прекрасных глаз д-лавок. Куда мы ни взглянем, в природе ничто не совершается без материального интереса! Там, где один говорит другому: «Я к тебе хорошо отношусь, давай вместе и т. д.», — там надо держать ухо востро! Ибо люди — всего только люди, а не ангелы, и они, разумеется, прежде всего заботятся о собственном благе. Из человеколюбия никто ничего не делает! Сильный порабощает слабого, и в нашей совместной работе с концерном Аарона возникает тот же вопрос: дружба — дружбой, но кто из нас сильнее? Стало быть, борьба? Да, господа, борьба! Но борьба мирная! Борьба во имя идеи! Здравомыслящий делец не боится борьбы. Ее боится только слабый, который будет раздавлен колесом истории! Концерн Аарона примкнул к нам не потому, что наши глаза показались ему прекрасными, а потому, что он не мог поступить иначе, потому, что ему внушила уважение упорная, настойчивая и жертвенная работа д-лавок, и эту работу мы должны и дальше крепить. Наша сила в нашем прилежании и в нашей неприхотливости! Все знают: мы не жалеем своих рук. И поэтому я тоже принял решение отдать все мои силы вам и д-лавкам — не из материальных побуждений, но оттого, что я верю в идею, и оттого, что я знаю: самостоятельная розничная торговля есть нерв всей торговли и, кроме того, золотое дно!

Эту речь слушало около пятидесяти человек мужского и женского пола, не считая представителей прессы; она произвела сильное впечатление. Среди слушателей было немало истощенных или казавшихся истощенными людей, но призыв к собственным силам, как известно, редко остается без отклика.

Мэкхит имел все основания быть довольным своим успехом, но он покинул собрание вместе с Фанни Крайслер, и Полли каким-то образом узнала об этом.

Однажды вечером — было уже довольно поздно — он встретил ее в Нанхеде, у своего дома. Она узнала его адрес в одной из д-лавок и уже несколько часов подряд ждала его у решетчатых дверей. Она вела себя довольно смирно и сразу же сказала, что она без него больше не выдержит.

Отпирая дверь, он подготовил ее к тому, что переехал на новую квартиру и что из всех комнат покамест обставлена только одна. Причину переезда он объяснил ей наверху, когда она села на единственный в комнате стул, поставив перед собой чемодан.

Он очень серьезным тоном сказал ей, что отношение к нему ее отца поставило его в крайне тяжелое положение. Он, мол, честно признается ей, что рассчитывал на приданое или по крайней мере на расширение своего кредита.

— Я надеюсь,— сказал он,— ты не разочарована, что вышла замуж за человека, знающего цену деньгам. Я всю жизнь работал как вол. Теперь, когда я наконец вижу берег, мне нужны деньги, чтобы окончательно упрочить мое благополучие. Такой человек, как я, не имеет права жениться вслепую. Он обязан держать себя в руках. Его жена должна быть ему помощницей. Когда я почувствовал, что люблю тебя, я все же не потерял голову и спокойно спросил себя: подходящая ли она для тебя жена? Мой инстинкт ответил мне: да. А попутно наведенные мною секретные справки подтвердили, что мой инстинкт меня не обманул. Еще Киплинг сказал: «Больной умирает, а здоровый борется».

Ввиду вышесказанного он все же и теперь бестрепетно взирает на создавшееся положение.

Словом, он продал ту квартиру. Они устроятся здесь, если она не предпочтет вернуться к отцу, чье

враждебное отношение в настоящий момент в силу изложенных причин крайне ему неприятно.

Она чуточку поплакала, а потом рассказала о домогательствах господина Кокса, против которых она совершенно беззащитна. Он сразу же понял, что она хотела сказать. Когда же она сообщила ему, что беременна, что у нее под сердцем уже шевелится маленький Мэкхит, он проявил себя с самой лучшей стороны.

Он тотчас же разрешил ей остаться.

Его тон изменился, Мэк стал немногословен и обращался к ней с оттенком превосходства, что очень ей нравилось.

Вполне счастливая, она призналась ему, что каждую ночь ждала, не придет ли он. На галерею не так трудно взобраться. Неприятно пораженный, он возразил, что не считает для себя возможным карабкаться ночью на галерею к своей собственной жене.

Она согласилась с ним.

Он долго еще лежал подле нее без сна, закинув руки за голову, устремив взор на занавески, за которыми смутно брезжил рассвет.

«Я назову его Диком,— мечтал он,— *я научу его всему. Я поделюсь с ним всем, что я знаю. А знаю я много. Немало такого, до чего я должен был добираться ценой мучительного умственного напряжения, он узнает от меня просто, без всяких усилий. Я возьму его за ручку и расскажу ему, как нужно руководить концерном и выколачивать деньги из людей, из этих продувных, ненадежных, отлынивающих от работы типов. «Если кто попробует слизать кашу с твоей тарелки, бей его ложкой,— скажу я ему,— и притом бей так долго, покуда он не поймет. Если ты увидишь приоткрытую дверь, сейчас же просунь ногу в щель, а потом — валяй что есть мочи, пролезай внутрь! Только не робей, не стой на месте и не жди, чтобы жареные рябчики сами упали тебе в рот!» Все это я буду внушать ему терпеливо, но строго. „Твой отец был неученый человек, но ни один профессор истории не мог бы научить его стаскивать шкуру с людей! Занимайся науками, но никогда не забывай, кто дал тебе эту возможность. Деньги на твое учение твоему отцу приходилось вытаскивать — пенни за пенни — из карманов не очень-то покладистых людей. Умножай же*

этот капитал! Умножай твои знания, но расширяй и базу!"».

Он заснул с глубокой складкой на лбу, но весьма довольный Полли.

Начиная со следующего утра она исправно ходила за молоком, училась жарить баранью печенку по его вкусу и помогала ему обставлять квартиру.

О Фанни Крайслер она не заговаривала ни в эту ночь, ни в следующую. Мэкхит сначала опасался скандала со стороны Фанни Крайслер, с которой он за последнее время еще больше сблизился, но, к счастью, ее отношение к нему нисколько не изменилось, хотя он теперь по вечерам уходил домой. Он не хотел сердить ее: она оказывала ему большую помощь в ЦЗТ. Он устроил ее туда, так как был уверен в ее физической привязанности к нему.

Она была ему нужна.

На заседании, состоявшемся в конференц-зале Коммерческого банка, украшенном панелями красного дерева, было постановлено дать Крестону решительный бой спустя месяц после его рекламной недели, о которой было сообщено с большим шумом, начать рекламную неделю лавок Аарона и д-лавок, уже сейчас оповестив о ней население.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дана нам голова,
Но что нам делать с ней?
Прокормит наша голова,
Пожалуй, только вшей.
Уж не оттого ли,
Что мы слишком хороши
Для земной юдоли,
Для греха и лжи?

Без отдыха трудись,
Не покидай поста,
Но как ни бейся, ни трудись,
Не выйдет ни черта!
Дело в том, что люди
Вовсе уж не так дурны,
И мечтой о чуде
Их сердца полны.

Несись за счастьем вскачь
В душевной простоте,
За счастьем все несутся вскачь,
Оно ж ползет в хвосте.
Дело в том, что люди
Слишком уж наивны и просты
И мечты о чуде —
Лишь одни мечты.

«Песнь о несбыточности человеческих стремлений»

КРУГОМ БИТВЫ

Господину Пичему тоже приходилось туго.

Он трудился денно и нощно, пытаясь свалить с плеч корабельную аферу. Изо всех сил он стремился назад, к своему основному делу — оптовой торговле нищетой.

Вечная боязнь очутиться на старости лет под мостом, сознание, что он обманут более хитрым, более беспощадным, более приспособленным к жизни конкурентом,— все это привело его к мысли о необходимости расширить свое предприятие, которое и возник-

ло-то из притеснения и обмана. Он привык из горестей своих тоже извлекать прибыль.

Иногда он задерживался на заднем дворе возле собачьих конур и беседовал с Фьюкумби так, словно тот был его компаньоном. Одноногий сначала удивился, а потом понял, что господину Пичему все равно, с кем говорить,— что с ним, что с собаками,— потому что он на него даже не смотрел.

— *Я прочел в газете,*— говорил он, например,— *что за последнее время развелось слишком много нищих. А между тем на каждые два километра приходится всего-навсего по одному нищему, причем это всегда один и тот же человек. Исходя из количества нищих, можно подумать, что нужды вообще нет. Я часто спрашиваю себя: где же, в сущности, бедняки? Ответ гласит: повсюду. Они — массовое явление, и потому-то их не видно. Кроме того, существуют целые города, огромные города, населенные только ими; но и там они прячутся. Там, где опрятно и красиво, они не показываются. Они избегают хороших улиц. В большинстве случаев они работают. Это самая лучшая маскировка. Никто не замечает, что они не в состоянии купить ничего, что могло бы утолить их голод, ибо они не ходят в лавки — они там все равно ничего не могут купить. Целые народы медленно вымирают на задворках. Их уничтожение происходит в современных, то есть почти незаметных формах (не говоря уже о том, что оно анонимно!). Их истребляют, но истребление это длится годами. Суррогаты пищи, да и те в недостаточном количестве, зараженные жилища, ограничение всех жизненных функций — нужно много времени, чтобы все это свалило человека. Человек невероятно вынослив. Он отмирает удивительно медленно, по частям. Он еще очень долго похож на человека. Только в самый последний момент он открывает карты и сразу гибнет. Такой своеобразный вид постепенного угасания не позволяет явственно ощутить эту массовую, безмерную гибель. Я часто задумывался над вопросом: как использовать эту нужду, эту подлинную нужду? Это было бы неслыханно прибыльное дело! Увы, оно невозможно. Ну как использовать сам по себе несомненно душераздирающий взгляд, каким смотрит мать с больным ребенком на руках на воду, стекаю-*

щую по стене ее каморки? Таких матерей вы найдете сотни тысяч, но как вы их приспособите к делу? Не станете же вы устраивать экскурсию в кварталы бедноты, как на поля сражений! А сорокалетний мужчина, пришедший к выводу, что он износился и не в силах больше бороться за существование,— не сам он, а окружающий мир растратил его силы, — ведь это зрелище, несомненно, может перевернуть нутро, но оно не становится достоянием общественности. С точки зрения деловой он, стало быть, бесполезен. Вот вам два примера из тысячи.

Господин Пичем внезапно потерял охоту говорить. Он рассеянно махнул Фьюкумби рукой, чтобы тот занялся своим делом, и ушел все с тем же озабоченным, беспокойным выражением лица.

Говорил он и так:

— Нищенство — своеобразная штука. Сначала мне было трудно поверить в это дело. А потом я заметил, что то же чувство страха, которое принуждает людей брать, заставляет их давать. Конечно, нет недостатка и в сострадании, но без сострадания гораздо легче заработать горячий обед, чем с состраданием. Мне, например, ясно, почему люди, прежде чем подать нищему милостыню, не приглядываются повнимательней к его увечьям. Они знают наверняка: там, где они нанесли удар, должна быть рана. Как может не быть разоренных там, где они делали дела? Если они заботились о своей семье, как же могли другие семьи не очутиться под мостом? Все заранее убеждены, что вследствие их собственного образа жизни по всему миру должно ползать несметное количество смертельно раненных и нуждающихся в помощи. Так к чему же еще проверять? Из-за какого-то жалкого пенни, которым они и так готовы пожертвовать?

В другой раз он сказал только:

— Не думайте, что я не кормлю моих собак досыта оттого, что я дурной человек: мое дело пострадает, если у них будет сытый вид.

А однажды он сделал Фьюкумби за его спокойную мину следующий выговор:

— У вас чересчур довольный вид! Я требую от моих людей, чтобы они выглядели униженными и оскорб-

ленными: всякий охотно заплатит, чтобы избавиться от этого отвратительного зрелища.

Он, несомненно, испугался бы до смерти, если бы до его сознания дошло, что подобные разговоры с подчиненными свидетельствуют о тяжелом душевном заболевании; ибо он знал, что больные не могут рассчитывать на пощаду.

Оказалось, что достать деньги на покупку саутгемптонских кораблей Кокса не так легко.

Миллер из Депозитного банка только замахал руками, когда Пичем заикнулся о пятидесятитысячном кредите. Ему не хотелось обижать постоянного клиента, и он сослался на свою ответственность перед семилетней владелицей банка. Он по уши увяз в делах с крупными концернами — под величайшим секретом: с концерном Крестона. Узнав, что Пичем нуждается в деньгах, он изобразил на лице испуг; в действительности же он испугался еще сильнее, чем это казалось.

У Пичема было на личном счету в Национальном депозитном банке около десяти тысяч фунтов. Но он ни за что не хотел их трогать. Да их бы и не хватило.

Финни утверждал, что ему необходима операция, и постоянно грозился завтра же лечь в клинику. Один Истмен продолжал бороться, но и он не мог похвастаться успехами.

А тут еще пришло известие, что Хейлу из морского ведомства грозит скандал.

Кокс собственной персоной явился к Пичему и сидел в крохотной конторе за обитой жестью дверью, покуда ходили за Истменом.

Он сообщил следующее.

Вот уже несколько дней, как Хейл получает письма шантажного характера. Года два тому назад полиция, производя облаву в гостинице для свиданий, накрыла его жену с одним из его друзей. Автор шантажных писем утверждал, что у него имеется дневник этого друга, из которого явствовало, что Хейл обо всем узнал — и не сделал никаких выводов. Более того — он и по сей день поддерживает с этим другом деловые отношения...

Маклер долго и пристально смотрел в глаза Истмену, к которому он главным образом и адресовался. Тот обратил к Пичему измученное лицо.

Пичем опять казался тяжелобольным.

— Сколько стоит дневник? — спросил он с трудом, стараясь не смотреть на Кокса.

— Тысячу,— не задумываясь сказал Кокс.

— Она у него есть. КЭТС заплатила ему девять тысяч.

Это сказал Истмен.

А Кокс терпеливо ответил:

— У него нет ничего. Его жена много тратит на туалеты. Иначе она не нашла бы друзей даже для свиданий в гостинице. Остаток денег, полученных от КЭТС, ему придется истратить: необходимо замять дело. Он в трагическом положении.

— А если он не заплатит? — спросил Пичем.

— Ему придется подать в отставку. Как это ужасно, что у людей, с которыми имеешь дела, есть еще и личная жизнь! Хейл, попав в беду, тотчас же обратился ко мне, потому что я его лучший друг. О помощи он и слышать не хотел. «Это твоя чиновничья спесь,— сказал я ему.— Твои затруднения — это мои затруднения». Господа, надо что-то предпринять. Такой человек, как Хейл, не должен погибнуть из-за пустяков. Это было бы просто негуманно! И кроме того, господа, мы обязаны помочь Хейлу из чисто эгоистических соображений.

Уходя из лавки, Кокс на секунду задержался.

— Мамзель Полли, как видно, все еще не вернулась из Шамони? — спросил он и, примяв свой борсалино, придал ему залихватский и вызывающий вид.

— Нет,— хрипло сказал Пичем.

Коксу наврали, будто Полли уехала в Швейцарию заканчивать образование. Чтобы придать этой лжи правдоподобие, Пичем уже подумывал, не купить ли ему несколько открыток с видами Шамони. Потом он отказался от этой мысли. Рано или поздно, но не раньше, чем все будет улажено, придется раскрыть Коксу всю эту грязную историю. Поэтому не стоило наворачивать чересчур много лжи.

Кокс не упускал случая осведомиться о Полли.

На следующее утро Пичему предстояло увидеться

с Хейлом и Коксом в бане. Все свои дела с КЭТС Кокс неукоснительно проводил в банях Фэзера, и притом непременно в понедельник, не считаясь с потерей времени.

Там он встретился с Хейлом за полчаса до прихода Пичема.

Они медленно разделись без помощи банщиц.

Хейл, сорокалетний толстяк, заговорил:

— Я всегда был против твоих эскапад с Эвелин, ты это знаешь, Уильям. Ты добился того, что Рэнч с ней рассорился. Рэнч устраивал ей из-за тебя жуткие сцены, это целая эпопея. Всякое психическое потрясение на несколько дней выводит ее из строя. А я прямотаки места себе не нахожу, когда ей не по себе. Ведь я так ее ценю! И потом: гостиница для свиданий! Это у тебя просто какая-то болезненная черта! Удивляюсь, как она еще не схватила крапивной лихорадки. В гостинице для свиданий, где каждые два часа меняют белье и потому простыни, безусловно, должны быть сырые! Но ужаснее всего самый факт — гостиница для свиданий! Я не знаю женщины впечатлительней Эвелин. Это белье, несомненно, доставляло ей какое-то извращенное наслаждение. А ведь она обычно так естественна. Это-то в ней и очаровательно! Я тебе этого никогда не прощу, и, видит бог, дело тут вовсе не в последствиях — мне на них наплевать, я ведь не такой человек. Но клянчить у этих лавочников тысячу фунтов! До чего же мне это противно! Какое им дело до моей личной жизни? Они могут с полным правом сказать мне сударь, мы делаем с вами дела, но ваши личные расходы мы не намерены оплачивать. Охотней всего я бы ушел в отставку, пока не поздно. В конце концов я чиновник!

Кокс посмотрел на него и сказал:

— Да, в конце концов ты чиновник.

— Хотелось бы мне знать, каким образом попал твой дневник к этому Гону,— пробурчал Хейл, складывая носки на табурете.

Они полезли в деревянные ванны.

Хейл принимал грязевую ванну, в корыте Кокса плавали тонизирующие травы.

— *Подумай только,*— грустно продолжал Хейл, разлегшись в ванне,— *к какой щепетильности в вопро-*

сах чести обязывает нас, чиновников, служба! Обделывать кое-какие делишки нам не возбраняется. Я не стану распространяться о том, чем мы до сих пор занимались в морском ведомстве, Великобританию мы вообще оставим в стороне, я ничего об этом не знаю и, как англичанин, не хочу знать. Но ты только подумай, какие дела обделывает у себя в стране господин фон Бисмарк! Вот поистине великий человек! Он наживает состояние, и при этом страна его благоденствует. Нас, государственных деятелей, не всегда судят справедливо. Люди видят только те или иные мероприятия и судят по ним. А кто из них знает, что к чему? Говорят: та или иная дипломатическая акция была неправильна, но ведь это говорят только потому, что о ней судят по внешнему успеху или неуспеху. Какой грубый подход! А кто знает, какова ее цель? Когда кайзер послал телеграмму президенту Крюгеру [1], *какие акции поднялись тогда и какие упали? Разумеется, об этом спрашивают только коммунисты. Но, между нами, не только они: и дипломаты тоже. Правда, все это довольно элементарно, но не так далеко от истины. Самое главное и заключается в том, чтобы научиться мыслить элементарно. Элементарное мышление — это мышление великих людей. Политика — это продолжение коммерции иными средствами. Именно поэтому мы должны заботиться о том, чтобы наша личная репутация была безупречной. Если история с гостиницей выплывет наружу, меня со стыдом и позором выгонят из министерства, и никакие заслуги мне не помогут. Но в конце концов у меня есть чувство чести, и оно не позволяет мне якшаться с этими толстосумами.*

Тут его речь была прервана приходом Пичема. Все трое приняли паровую ванну.

Когда они легли на койки, чтобы остыть, и подложили под головы влажные от пара полотенца, Пичем начал. Он говорил тихо, как больной, да, в сущности, он и был болен.

— Нельзя сказать, господин Хейл, чтобы нашей совместной работе сопутствовала удача. Вопреки на-

---

[1] Приветственная телеграмма, которую император Вильгельм II во время Англо-бурской войны послал Крюгеру (см. прим. на стр. 146), привела к обострению англо-германских отношений.

шим ожиданиям, вы, как нам довелось услышать, сочли невозможным приобрести для правительства наши суда, и мы потерпели большие, более того — огромные убытки.

Хейл что-то пробурчал. Он лежал вытянувшись и хлопал себя маленькими толстыми ладошками по пухлой груди.

Пичем продолжал все так же тихо и с трудом:

— Все мы — мелкие людишки. Наши деньги заработаны потом и кровью. Вы, я надеюсь, испробовали все средства?

Пичем повернул голову и посмотрел на статс-секретаря. Тот молчал. Вид у него был не слишком импозантный. Кокс совершил ошибку: его не следовало демонстрировать без платья: нагишом это был просто жирный, неинтеллигентный человек, меньше всего крупный чиновник. Какая-то мелочь в его внешности бросилась в глаза Другу нищих.

Тон Пичема вдруг изменился — чуть заметно, но тем не менее ощутимо.

— Мы слышали от господина Кокса, что вы обременены личными заботами, неблагоприятно отражающимися на вашей работе? Нас это очень огорчает. Может быть, для вашей работы было бы полезно, если бы мы разгрузили вас от этих забот?

Хейл опять что-то пробурчал. Он испытывал потребность взглянуть на Кокса. Беседа протекала не так, как он ожидал.

— Вы знаете,— продолжал Пичем,— что нам не посчастливилось с этими транспортными судами. При ближайшем рассмотрении они оказались не столь исправными, как нам их описывали. Мы слышали также, что и у вас в связи с этим имеются основания опасаться различных неприятностей. Мы можем себе представить, что вы из-за личных забот окажетесь недостаточно вооруженным для борьбы с этими неприятностями. Тут я позволю себе упомянуть и о моих личных делах: я рассматриваю господина Кокса как моего будущего зятя.

Кокс лениво повернулся и с некоторым удивлением взглянул на Пичема. Он внезапно вспомнил разговор в лавке Пичема, когда тот спросил его, за сколько он, Кокс, выпустит его из этого дела. Пичем произвел на

него тогда странное впечатление, о котором он, впрочем, скоро забыл.

Тем временем Пичем продолжал:

— Мы должны попробовать,— сказал он очень спокойно,— все-таки использовать старые суда.

Никто ничего не ответил. Теперь Пичем понял то, чего он еще не знал в Саутгемптоне: эти господа сами рассчитывали использовать старые суда.

Кокс фальшиво рассмеялся.

— Ах, так! — сказал он. — За эту поганую тысячу вы хотите в последнюю минуту всучить правительству ваши старые лоханки?

Теперь молчал Пичем.

— На этом настаивает КЭТС? — неожиданно резко спросил Кокс.

Пичем лежа повернул к нему голову.

— Нет, — сказал он, — я.

Несколько минут спустя Хейл начал жаловаться на лондонский туман. Пичем поддержал его. Они разошлись по кабинкам. Об остальном они договорились, выйдя из бань. Кокс не сказал больше ни слова.

Наконец-то, после многих месяцев блуждания впотьмах и жутких страхов, Джонатан Джеремия Пичем понял все.

Когда он готовился к беседе со статс-секретарем, он, разумеется, ни минуты не рассчитывал, что ему удастся отклонить ни на чем не основанные денежные претензии Хейла или хотя бы добиться от него какой-нибудь незначительной встречной услуги. Только по старой привычке, как всякий коммерсант, которому нестерпима мысль, что он должен что-то дать, ничего не получая взамен, только ради соблюдения формальных условностей, он ломал себе голову: чего бы ему потребовать от Хейла? Совершенно открыто давать деньги *ни за что* — такого унижения он не мог вынести! Так мало-мальски толковый делец пытается уговорить своего разорившегося коллегу, чью гибель он должен предотвратить из соображений общественного характера, чтобы тот хотя бы уступил ему свой страховой полис; или же велит нищему за ту черствую корку, что он ему дал, вырыть по крайней мере яму в саду, которую он

прикажет засыпать следующему нищему. А когда Хейл ответил ему молчанием, Пичем страшно разволновался. Он вдруг *прозрел.*

Прозрел для новых страданий!

Правительству будут сданы не новые саутгемптонские суда, несущие ему, Пичему, разорение, а старые, никуда не годные. Кокс и этот мерзкий Хейл безжалостно выжимают из слабой, больной, простодушной Компании по эксплуатации транспортных судов все, что из нее можно выжать; новые суда они либо купят, либо нет — правительственный заказ тут ни при чем; КЭТС придется оплатить их при любых условиях. И все это было задумано с самого начала!

Пичема привело в ужас, что Кокс не посвятил его в этот план. Во всем остальном Кокс относился к нему как к будущему тестю.

В то же время он больше всего в данный момент боялся, что Кокс потеряет всякое терпение по отношению к Полли. Но Кокс не проявлял нетерпения.

Когда Пичем по поручению КЭТС принес Коксу предназначенные Хейлу деньги, он робко перевел разговор на свою дочь. Кокс сначала отмалчивался, а потом заверил его, что не намерен торопить Полли. Он хочет, чтобы его любили не ради денег, а ради него самого. И пускай господин Пичем не беспокоится. Как бы мамзель Полли ни относилась к нему, господин Пичем всегда останется для него ее отцом. Ему приятно хотя бы раз в жизни, имеющей столько теневых сторон, принести себя в жертву более глубокому и чистому чувству.

Господин Кокс принадлежал к распространенной категории людей, не стесняющихся никаких слов:

Пичем выслушал его с каменным лицом и в тысячный раз принял решение во что бы то ни стало выдать свою дочь за Кокса.

Речи Кокса показались ему чересчур эфемерными, а мотивы его чересчур благородными, чтобы можно было им поверить. Как-никак в деле с транспортными судами Кокс доказал, что он не брезгует деньгами господина Пичема.

После обстоятельного совещания на Олд Оук-стрит было решено сделать еще одну попытку. Может быть,

нужно было нанести удар Мэкхиту в деловом отношении?

В самый разгар большой рекламной распродажи Мэкхиту донесли, что в его лавках и около них собираются толпы нищих. Они роются в товарах и не скупятся на критические замечания. Громко ругаясь, они расшвыривают все, что есть в лавках. Они становятся по двое и по трое у входа и делятся впечатлениями о завали, которой там торгуют. Ввиду того, что покупателям, желающим попасть в лавку, приходится протискиваться между ними,— а они невероятно грязны,— многие просто уходят домой. Мэкхит лично объехал лавки и полюбовался на посланцев своего тестя. Сначала он решил было обратиться за помощью в полицию, но потом ему пришла в голову более остроумная идея, и он велел владельцам лавок в пятницу, в наиболее оживленные часы, вывесить в витринах написанные от руки плакаты, гласившие:

ЗДЕСЬ ДАЖЕ НИЩИЙ МОЖЕТ КУПИТЬ ДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЙ ТОВАР

Вся эта история попала в газеты, и популярность д-лавок только возросла.

Господин Пичем промахнулся еще раз.

Но сколько бы трудностей ни предвидел его зять, одну он все же проглядел. Встрече господина Пичема с некоей высокопоставленной особой из морского ведомства, имевшей место в банях Фэзера и стоившей ему столько денег, суждено было роковым образом отразиться на смелых замыслах его зятя. Перед взором господина Пичема теперь неотступно маячили три набитых солдатами ветхих ящика, плывущих в открытом море. Грандиозная сделка!

РАСПРОДАЖА

Мэкхит делил свое время между О'Хара и Фанни Крайслер. Он обычно встречался в парикмахерской с О'Хара и двумя другими обитателями Блэксмит-сквера: Фазером и Гручем, старыми громилами. Зайдя в какой-нибудь ближайший трактир, они разрабатывали планы наиболее крупных налетов. У Мэкхита по-преж-

нему бывали остроумные идеи, и он обладал непревзойденными организаторскими способностями, но совещания с Фанни Крайслер в конторе ЦЗТ доставляли ему гораздо большее удовлетворение. Для скупки обанкротившихся лавок, более отвечавшей требованиям современности, была необходима не меньшая изворотливость.

В этой роли он чувствовал бы себя как рыба в воде, если бы не навязал себе на шею контракта с Аароном.

Интимные беседы в конторе ЦЗТ между Мэкхитом, Фанни Крайслер и О'Хара нередко заканчивались гробовым молчанием.

Они начали осторожно продвигать товары ЦЗТ в лавки Аарона. О'Хара лихорадочно подстегивал переведенных на жалованье «закупщиков». Но уже стало ясно, что ЦЗТ, бывшее для д-лавок почти неисчерпаемым источником, не справится с огромными поставками, каких требовала рекламная неделя, тем более что теперь приходилось снабжать и лавки Аарона, почти вдвое превосходившие мощностью д-лавки.

Уже через несколько дней запасы наиболее ходовых товаров заметно сократились.

Мэкхит казался еще более подавленным, чем обычно. С ужасом думал он о том дне, когда вынужден будет признаться господам Аарону и Опперам, что столько раз обсуждавшееся решительное сражение с Крестоном вообще не может состояться. А потом в его голове постепенно созрел чрезвычайно рискованный план. Лежа ночами рядом с Полли, он час за часом обдумывал грозное положение, в котором очутился. Он становился дальновидней, и ему легче думалось, когда он слышал ее ровное, доверчивое дыхание. Именно в эти часы он принимал самые смелые решения.

Однажды утром, ничего не сообщив Фанни и О'Хара, он пошел к Аарону и сказал ему следующее:

— Мы не должны рассчитывать только на рекламную неделю. Надо позаботиться о том, чтобы Крестон выдохся еще до начала кампании. Лучше всего, если мы уже теперь начнем снижать цены. ЦЗТ все равно, когда выбрасывать товары на рынок — теперь или потом. А у Крестона ничего еще не готово.

Аарон посмотрел на него затуманенным взором. Что-то ему не нравилось в Мэкхите. Для разбойника у

него был чересчур обывательский вид, для обывателя — чересчур разбойничий. К тому же у него была голова редькой и слишком мало волос. Аарон придавал значение таким вещам.

В конце концов он все-таки согласился. Его жена в последнее время ходила с госпожой Мэкхит по магазинам и очень хорошо отзывалась о чете Мэкхит. От нее Аарон узнал, что они отказывали себе во всем. Мэкхит по вечерам сам проверял счета по хозяйству. Он утверждал, что нужно беречь каждый грош.

Кроме того, Мэкхит нашел поддержку в лице старшего Оппера. Последний принял деятельное участие в пересмотре личного состава лавок Аарона. Он был одержим мыслью об олимпийских играх и бескорыстно прославлял Мэкхита как творца этой идеи. Продавцам был обещан процент с оборота, теперь они были заинтересованы в деле не меньше, чем владельцы лавок. Игры были в разгаре.

Рекламу усилили. Завоз товаров значительно увеличился, ассортимент был расширен. Тесные кладовые д-лавок также были завалены до отказа. Посетители покупали одни вещи и присматривались к другим. Соблазненные низкими ценами, они уносили все, что можно было унести. Большие надписи цветным карандашом на оберточной бумаге возвещали, что здесь представляется единственный и неповторимый случай покупать лишние вещи. Люди выходили из лавок крадучись точно воры, полные тайного страха, как бы владелец лавки в последнюю минуту не опомнился, что он взял за свои товары вместо шиллинга пенсы.

Мэкхит работал не покладая рук. Он лично ходил из лавки в лавку, поддерживал владельцев советами, а также бонами и товарами. Но главным его занятием было добывание огромных партий дешевых товаров, частично из Дании, Голландии и Франции. Его Центральное закупочное товарищество под руководством О'Хара работало день и ночь.

Относительно нескольких партий было установлено, что они добыты путем налетов. Обвинение это коснулось д-лавки из Малбери-стрит, принадлежащей Мэри Суэер. Краденые товары были опознаны нищими. Мэкхит изъял их из продажи, сдал в полицию вместе с некоторыми подозрительными товарами из

других лавок и даже сплавил в тюрьму двух-трех мелких налетчиков.

Тем не менее он долго не мог успокоиться. Он догадывался, что его тесть еще не сказал последнего слова. Судя по всему, Пичем ждал удобного случая.

— Ненависть твоего отца,— говорил Мэкхит Полли,— противоестественна. По-видимому, этот Кокс еще больше прибрал его к рукам. Он не перестает травить меня. Мне даже нехорошо делается, когда я о нем думаю. Я полагал, что он в конце концов примирится с совершившимся фактом. Я ведь, в сущности, только сколачиваю себе и тебе сносное существование.

Вскоре, однако, его дела вступили в фазу бурного развития, и он совершенно забыл об этой неприятности.

Концерн Аарона и д-лавки объявили в крупных газетах, что они делают скидку семьям призванных на войну и предоставляют вдовам солдат особые льготы при сдаче в аренду новых лавок. Этот шаг был встречен всеобщим одобрением. Цены сбивались всеми доступными способами.

Лавки Крестона вскоре почуяли бешеную конкуренцию и принуждены были также снизить цены. Национальный депозитный банк напрягал все свои силы. Миллер и Хоторн ночи напролет сидели с Крестоном над книгами. Кампания поглощала чудовищные суммы. Полтора Столетия не решались смотреть друг другу в глаза. Они чувствовали в полной мере свою ответственность.

Чтобы довести их до крайности, Мэкхит подослал к ним посредников с предложением возобновить переговоры. Из этого они должны были сделать вывод, что Коммерческий банк, поддерживающий Аарона и д-лавки, постепенно выдыхается и братья Опперы втихомолку ищут путей к Крестону.

Они и в самом деле сделали этот вывод и вновь снизили цены на мелкие товары.

Соответственно и Аарону и Мэкхиту пришлось еще раз снизить цены. А между тем рекламная неделя обоих концернов должна была вот-вот начаться.

Публика давно уже сообразила, что между Аароном и Крестоном завязался решительный бой. Она по-

няла также, что ей дана возможность покупать по дешевке. Она ринулась покупать, но многие хозяйки ждали еще большего снижения цен. Они алчно блуждали по лавкам и сравнивали цены.

Аарон уже приступил к подготовительным работам по переоценке товаров. И тут он научился уважать своего нового компаньона. Всякий раз, как он видел его голову, похожую на редьку, он спрашивал себя, способен ли этот человек написать короткое письмо без орфографических ошибок, но считать тот умел вне всяких сомнений. Как выяснилось впоследствии, он и еще кое-что умел.

ЦЗТ готовилось к большой рекламной неделе, которая должна была затмить все, что до сих пор делалось в этой области. Лавки Аарона забирали все товары, какие бы оно им ни поставляло, и даже не говорили спасибо. Прибыль, правда, была невелика, так как неслыханно низкие цены уже теперь почти исключили всякую возможность заработка; но ведь речь шла только об окончательном разгроме конкурента. Во всем, что касалось рекламной недели, Аарон всецело полагался на чудотворное ЦЗТ. Его возможности были, повидимому, неограниченны.

На самом деле это было совсем не так.

Когда выяснилось, что запасы тают с каждым днем, у Мэкхита, находившегося в лавке Фанни, разыгрались нервы. Он, рыдая, кричал, что его грабят, что он попал в лапы разбойников с большой дороги. Он делает все, что в его силах, но с него попросту снимают шкуру. Он больше не в состоянии жить на вулкане. Нельзя же в конце концов требовать от него большего, чем может сделать человек!

Непосредственной причиной этого припадка был разговор с Жаком Оппером, который назвал предстоящую рекламную неделю олимпиадой и отпустил Генри Опперу фантастическую сумму на газетную рекламу.

Фанни обложила Мэка компрессами и натерла его до пояса арникой. Половину ночи он плакал и обвинял ее в том, что она тоже относится к нему как к боксеру, который ради общего удовольствия жертвует своим здоровьем.

Как и многие великие люди, он приходил в ужас от собственных планов накануне их осуществления. Так,

Наполеон упал в обморок, когда давно задуманный и разработанный им во всех деталях государственный переворот начался.

Это настроение часто сменялось приливами бодрости.

Временами он оживлялся, водил Фанни в шикарные рестораны в Сохо и хохотал вместе с ней, представляя себе, какие мины скорчат Аарон и Опперы, если его великий *план* осуществится.

Фанни смеялась вместе с ним, но не знала, в чем, собственно, заключается его план. Он давно уже ни с кем, даже с ней, не делился своими намерениями.

Обычно все же преобладало угнетенное настроение. Люди О'Хара пытались использовать положение и начали предъявлять всевозможные требования.

Однажды,— дело было в сентябре,— О'Хара вызвал Мэкхита на Нижний Блэксмит-сквер.

Это было нечто неслыханное. Мэкхит никогда не показывался на Нижнем Блэксмит-сквере. Из всей банды О'Хара только сам О'Хара, Фазер и Груч знали его издавна — еще в те времена, когда он именовался Бекетом.

Тем не менее Мэкхит поехал. Как видно, дело было нешуточное. Он встретился с О'Хара в парикмахерской.

Они молча пошли в трактир по соседству.

О'Хара попросил простить его за беспокойство и сказал, что он хотел бы поговорить с Мэкхитом втайне от Фанни Крайслер.

В банде, сказал он, происходят какие-то непонятные вещи, причем Фанни играет в происходящем довольно странную роль. Банда недовольна новыми методами работы. Твердые ставки кажутся ей слишком низкими. Он, О'Хара, немедленно предпринял решительные шаги, но Фанни всюду, где только можно, оказывает ему противодействие и препятствует всем его мероприятиям. Очевидно, она заодно с Гручем, который, несомненно, помогает ей подстрекать банду. Кстати, он с некоторых пор опять поселился у нее в Лэмбете.

Мэкхит был ошеломлен этим известием. Он не сомневался в преданности Фанни.

По словам О'Хара, она компенсировала сокращение жалованья, проведенное в банде с момента объявления похода против Крестона, процентным вознаграждением за счет ЦЗТ. Но банде и этого мало. Вот уже несколько дней, как работа идет ненормально. Зарегистрировано несколько случаев саботажа, отдельные группы и вовсе не выходят на работу. О'Хара спросил, не жалуются ли д-лавки на сокращение поставок.

Мэкхиту ничего не было известно о жалобах. Напротив, владельцы д-лавок как раз в настоящее время особенно преисполнены надежд.

— Значит, она приобретает товары где-нибудь в другом месте! — возбужденно сказал О'Хара.— И вам она вообще ничего не говорила о том, что тут делается?

Мэкхит поводил пальцем по луже пролитого на стол пива и посмотрел искоса на О'Хара своими водянистыми глазами. Он спросил из буфета пару крепких сигар и послал О'Хара на Райд-стрит, где, по словам того, как раз происходило совещание членов банды.

О'Хара ничего не знал о легальных операциях ЦЗТ Мэкхит считал, что закупки ЦЗТ, подкрепленные оправдательными документами, его абсолютно не касаются.

Вернувшись, О'Хара сообщил, что ему ничего не удалось добиться. Они ему ответили, что Фанни Крайслер знает все их требования.

Он в сотый раз пожаловался на то, что Мэкхит, отменив выдачу полиции строптивых членов банды, совершенно лишил его власти.

Они вместе поехали к мосту Ватерлоо, но лавка Фанни была уже закрыта. Они нашли ее в Лэмбете. У нее сидел Груч.

Разгорелся ожесточенный спор, во время которого Мэкхит молчал. Косо поглядев на Груча, с которым он поздоровался очень холодно, он прошел в соседнюю комнату и достал из ампирного шкафчика коробку с сигарами. Он сделал это нарочно, чтобы показать, что он здесь свой человек; Фанни была этим несколько смущена.

В дальнейшем выяснилось, что Фанни действительно считает требования банды справедливыми. Банда снова настаивала на пересмотре условий работы.

Она опять хотела работать на собственный риск и получать за каждую партию товара.

— Им чрезмерно понизили ставки,— закончила Фанни.— Они больше не хотят сидеть на жалованье.

— Но ведь это временная мера,— снизошел Мэкхит до ответа,— товары должны подешеветь. Когда мы выбьем Крестона из седла, мы вновь повысим цены, а следовательно, и ставки.

О'Хара ударил кулаком по столу:

— Они просто хотят использовать конъюнктуру. Вот и все!

— Им невозможно объяснить все подробности нашей кампании против Крестона,— настаивала Фанни,— да она их и не касается. Они не знают, для чего все это делается и когда это кончится. Они хотят получать то, что им причитается.

— Это некрасиво с их стороны,— сказал Мэкхит с рассеянным видом.— Сперва они настаивали на твердых ставках, как у чиновников, теперь подавай им опять самостоятельный заработок. Где же тут сплочение народа вокруг своего вождя? Они все время мечутся из стороны в сторону. То им то подай, то это. Вчера — твердые ставки, сегодня — участие в прибылях. Это ни к чему хорошему не приведет. Какое уж тут горе и радость пополам!

— Брось ты постоянно твердить о сплочении, о горе и радости пополам! — нетерпеливо сказала Фанни.— Ведь на самом деле получается: тебе радость, а им горе.

— Но ведь могут наступить трудные времена,— настаивал Мэкхит.— Кто тогда будет за все отвечать?

— Уж они как-нибудь сами ответят. Не будь, пожалуйста, таким чувствительным!

— Хорошо,— неожиданно отрезал Мэк.— Они получат то, что хотят. Передай им, пусть они тебе скажут спасибо, Фанни.

И он встал.

Фанни внимательно посмотрела на него.

— Значит, они опять могут сдавать товар по своему усмотрению?

— Да. Но я буду заказывать.

Он снял шляпы О'Хара и Груча с вешалки в передней и подал их все с тем же отсутствующим видом. Груч был, по-видимому, несколько озадачен.

— Я хочу еще кое о чем с тобой поговорить,— небрежно сказал Мэкхит Фанни, и оба посетителя удалились недовольные.

Фанни проводила их вниз. Когда она вернулась наверх, Мэкхит стоял у окна; лицо его не выражало ничего определенного. Он отдернул портьеру и смотрел вниз на улицу.

— Может быть,— сказал он спокойно,— Груч вернется посмотреть, горит ли еще свет. Пойдем-ка лучше в спальню!

Он пошел вперед. Спальня примыкала к гостиной и тоже выходила окнами на улицу. Мэкхит подождал, пока Фанни прошла в спальню, и потушил свет в гостиной.

— Хватит света в спальне,— сказал он,— ты должна быть экономной. Процентное вознаграждение банде будет выплачиваться за твой счет.

Он сел на кровать и указал на кресло, обитое материей в цветах. Фанни села, обиженная и взволнованная. Обычно он не подчеркивал столь резко своих хозяйских прав.

— Ты ревнуешь? — спросил он внезапно.

Она посмотрела на него недоуменно. Потом рассмеялась.

— Я хотела спросить тебя о том же, Мэк. Ты смешон.

— Тогда расскажи, что ты знаешь о моем плане,— проворчал он недовольно.— Все!

Она удивилась: ей вообще ничего не было известно о его плане. Она просто полагала, что нужно прилично обращаться с людьми. Она старалась избегать скандалов и придерживалась взгляда: живи и жить давай другим. Возможно, она потому встала на эту точку зрения, что в банду входил Груч.

Когда Мэкхит изложил ей свой план, она была явно удивлена. Он поверил, что она не имела о нем понятия. Но он уже увлекся и рассказал ей все. Она, как никто, умела слушать его.

В позиции Крестона и Национального депозитного банка было множество уязвимых мест. Он предвидел

для себя огромные возможности. Как-никак одним из главных клиентов Полутора Столетий был господин Пичем, и как-никак господин Пичем был его тестем. Но сначала он хотел «выяснить отношения» со своими союзниками Аароном и Коммерческим банком.

— Я не могу честно и безоговорочно, как мне бы этого хотелось, бороться с ними бок о бок, покуда у меня есть ощущение, что они меня обманывают. Это ощущение постоянно стоит между нами. Когда я как следует проучу их, мы гораздо легче поймем друг друга и наладим приличные отношения.

Он решил в ближайшие же дни приостановить снабжение как лавок Аарона, так равно и своих собственных. Этим маневром он рассчитывал поставить Аарона и заправил Коммерческого банка в затруднительное положение: накануне победы над Крестоном, так сказать «с добычей в зубах», они останутся без товаров, необходимых для решительного сражения, и поймут, что они всецело зависят от него. Тогда ЦЗТ сможет возобновить контракты и диктовать новые сцены. В самый разгар ожесточенной борьбы, за несколько дней до большой рекламной недели, Аарон не захочет остаться с пустыми складами на руках. А если Аарон согласится платить нормальные цены, тогда можно будет отказаться от нынешних сомнительных методов закупки. Поэтому новое условие, заключенное сегодня вечером с людьми О'Хара, было для Мэкхита совершенно непредвиденной счастливой случайностью. Его тянуло к порядочной жизни.

— Я должен создать себе семейный очаг,— сказал он просто.— Я уже в том возрасте, когда человеку следует иметь текущий счет в банке.

По мере того как он говорил, его настроение улучшилось. Он бодро шагал по комнате, энергично попыхивая сигарой.

Он так старался разъяснить Фанни свои замыслы, что даже перестал сердиться на нее за Груча. Судя по тому, как она поощряла мятежные настроения банды, он решил, что она сама разгадала кое-что из его планов.

От всего, что он рассказал ей, она пришла в такой восторг, что ему стоило большого труда уйти от нее.

Только по дороге домой, в Нанхед, он вспомнил про Груча и про то, что тот опять живет у Фанни. Он решил все-таки как следует приструнить Фанни. Она стала проявлять чрезмерную самостоятельность.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Спустя несколько дней состоялось заседание ЦЗТ с участием Мэкхита.

Заняв председательское место, Мэкхит предложил присутствующим запастись сигарами: о виски с содовой он тоже позаботился, так как заседание должно было, по-видимому, потребовать большой затраты сил.

Затем, перекатывая свежую сигару из одного угла рта в другой, он не без удовольствия разложил на зеленом сукне стола все материалы к предстоящей рекламной неделе, подготовленные им совместно с великим Аароном. Они были весьма объемисты и носили исчерпывающий характер.

— Мы работали над этим четыре дня. Прошлое воскресенье я возил их в Уорборн-Касл. Жак Оппер сказал, что это будет олимпиада, которую лондонские деловые круги запомнят надолго.

Мэкхит говорил медленно, растягивая слова. Он откинулся на клеенчатую спинку кресла и спросил Фанни, сможет ли ЦЗТ своевременно собрать нужное количество товаров. Приведенные им цифры были колоссальны.

Фанни усмехнулась и сказала, обернувшись к Блумзбери, который ничего не понимал и смущенно смотрел на обоих адвокатов:

— Ни в коем случае. Наши возможности исчерпаны. Мы можем дать максимум одну треть. Кампания начата слишком рано.

— Это скверно,— сказал Мэкхит и посмотрел в потолок.

— Треть мы все-таки могли бы дать,— отважно предложила Фанни.

— Это никак не соответствует нашему гигантскому плану, с которым, по словам Жака Оппера, могут сравниться разве только древнегреческие олимпийские игры,— с непроницаемым видом возразил Мэкхит.— Треть! Моя точка зрения такова: нужно либо удовлет-

ворительно выполнить взятые на себя обязательства, либо не выполнять их вовсе. Но являются ли, в сущности, обязательства, взятые нами на себя, обязательствами и в юридическом смысле, а не только моральными?

— Мы сделали все, что могли,— коротко сказала Фанни.

— Скверно! — сказал Мэкхит и поглядел в потолок.

— Договаривайте до конца,— сказал один из адвокатов, по фамилии Риггер, которому эта комедия казалась совсем не такой забавной, как Мэкхиту.— Следовательно, вы хотите бросить Аарона на произвол судьбы.

— Что значит — я хочу? Я вынужден! В конце концов это отразится и на моих д-лавках,— недовольно сказал Мэкхит.— Они чрезвычайно тяжело пострадают. Я не могу сделать для них исключение. Крестон проведет свою рекламную неделю, а мы спасуем — это достаточно скверно. Но у нас ничего больше нет. Я не зря советовал вам позаботиться о виски. Мы исчерпали все наши возможности и должны благодарить судьбу, если ЦЗТ вообще уцелеет после такого кризиса. Перейдем к делу. Мне хотелось бы избежать прямого объяснения с Аароном. Приток товаров должен сокращаться постепенно. Это дело требует организации. Если мы не сумели как следует организовать приток товаров, то организуем по крайней мере их убыль. И вот что еще, господа. Ни на минуту не забывайте: больной умирает, а здоровый борется. Такова жизнь.

— Займемся более насущными вопросами,— коротко резюмировал Риггер. Он не знал, что сказать, все это ему очень не нравилось.

Но Мэкхит еще не кончил.

— Для наших друзей из д-лавок это — тяжелое испытание,— медленно продолжал он, переложив сигару в левую руку, чтобы взять правой карандаш,— но, к сожалению, мы бессильны облегчить его. Многие из них запоздали со взносом процентов и затягивают расчеты, а между тем именно теперь, когда наступают столь тяжелые времена, мы сами нуждаемся в каждом пенни, отданном нами взаймы. Пора подумать о взыска-

нии долгов. Мы поддержали их, открыв им кредиты, пусть они теперь поддержат нас, покрыв эти кредиты; это не более чем справедливо. Нам нужны резервы, чтобы выдержать кризис. Не следует также забывать, что если мы рухнем, они погибнут все до одного.

Тут даже Фанни испугалась. Она не думала, что дело зайдет так далеко. Для чего Мэку резервы? На что он может надеяться, если д-лавки будут разорены? Аарон покачнется, но устоит. Крестон, его враг, одержит блестящую победу (хотя бы и временную, как рассчитывает Мэк), но ведь маленькие лавки погибнут, как мотыльки-однодневки.

Тем временем Мэкхит уже взялся за дело. Он заполнил своими каракулями бесчисленное количество листочков. О'Хара почувствовал себя в своей стихии.

Все впятером точно установили, каким путем следует сократить поступление товаров в лавки, и Мэкхит настоял на том, чтобы к д-лавкам был применен тот же голодный режим, что и к лавкам Аарона. Ему не хотелось выслушивать вполне резонные жалобы Аарона и Коммерческого банка.

Это решение было проведено немедленно. В самый разгар распродажи начались перебои в поставке товаров.

Слепо веря в неограниченные возможности ЦЗТ, Аарон не заключил с ним новых твердых договоров, где была бы оговорена неустойка на случай непредставления товаров. Аарон и его банк были ошарашены и прежде всего осведомились, как снабжаются д-лавки. Им сообщили, что д-лавки, так же как и они, изнемогают от нехватки товаров.

И в самом деле, владельцы д-лавок штурмовали контору ЦЗТ в Сити, где неукоснительно любезная госпожа Крайслер изо дня в день заговаривала им зубы.

По возвращении домой они находили письма за подписью господина Мэкхита с просьбой урегулировать задолженность.

Приглашенный директорами Коммерческого банка для объяснений, Мэкхит сделал вид, что он совершенно потерял голову и болен душой. Он достал сигару, покачал головой и положил ее обратно в портсигар, как бы желая этим показать, что в столь тяжелые дни ему не до курения.

— Я болею душой,— промолвил он.— Мои лавки в ужасном состоянии. Бедняги владельцы сильно потратились на предварительную рекламу. Они по большей части сами писали плакаты, а теперь в лавках пусто, как в мышиной норе. Покупателей сколько угодно, а товаров нет! И это — накануне первого октября, когда нужно платить за аренду! Кроме того, многие наняли людей на время распродажи. Но мне просто не хочется говорить обо всем этом. В конце концов это — только материальные убытки. Гораздо тяжелее для меня моральная сторона дела. Блумзбери был моим личным другом. За что он меня так обидел? Я считаю его поступок нечестным не с деловой, а с чисто человеческой точки зрения.

Мэкхит решительно и последовательно проводил эту линию. Он и не думал скрываться от своих друзей из д-лавок; напротив, по-прежнему навещал их. Он с серьезной миной объяснял им, на что ему нужны деньги, сидел, нисколько не чванясь, в задних комнатах, сажал себе на колени ребят и всячески старался вселить в отчаявшихся владельцев лавок хотя бы частицу своей веры в будущее и твердость духа.

Он беседовал с женщинами об их нуждах и открывал перед ними все новые и новые, неизвестные им источники экономии. С мужчинами он беседовал отдельно.

— Я очень тяжело переживаю эту историю, но стараюсь не показывать виду,— говорил он.— В эти трудные дни будьте опорой вашей жене!

Он знал этих маленьких людей. Их поначалу мрачные лица не отпугивали его. От них требовались выдержка и присутствие духа. «Выживают только сильные»,— говорил он, испытующе вглядываясь в их блуждающие глаза. Этот взгляд они потом долго не могли забыть.

История учит нас, что именно эти слои тяготеют к воззрениям, одобряющим торжество сильного над слабым.

Впрочем, с Полли он в эти дни говорил тем же тоном. Он требовал от нее жесточайшей экономии. Он будет голодать вместе со своими людьми, говорил он ей очень серьезно. Он покупал себе скверные сигары

и меньше курил. Он даже стал выписывать одной газетой меньше.

— Верность за верность! — говорил он. — Я требую от них многого. Я требую невозможного. Как спартанская мать сказала сыну, идущему на битву: «Или со щитом, или на щите», так я говорю моим друзьям из д-лавок: «Или с товарами на полке, или зубы на полку». А это значит, что я должен быть верен им в час испытаний. Теперь ты понимаешь, почему я сократил твои расходы на хозяйство?

Он попробовал объясниться с Жаком Оппером, но Оппер неожиданно оказался весьма нелюбезен. Он сухо сказал, что, по его мнению, неудачник так же мало заслуживает снисхождения, как и глупец. Милость к павшим есть слабость.

Мэкхит нашел греческую философию несколько жестокой.

ПОДАРКИ

У Мэкхита оказались на руках большие запасы холста и шерсти. Незадолго до решения ЦЗТ сократить снабжение лавок он путем ограбления текстильной фабрики в Уэльсе приобрел большую партию холста и теперь не знал, куда его деть.

Газеты были опять полны известий о войне в Южной Африке.

Не только в Лондоне шли ожесточенные бои, но и в Южной Африке; и здесь и там борьба интересов вовлекала в свой водоворот неимущие слои населения,— вспомните хотя бы о всех этих Томах Смитах и Мэри Суэйер из д-лавок, отчаянно искавших в эти дни товаров.

Необходима была помощь.

Образовались благотворительные комитеты. Дамы из высшего общества ринулись в них. Стар и млад состязался в рвении. В светских домах и школах холеные ручки щипали корпию для раненых. Для храбрых воинов шили рубашки и вязали носки. Слово *жертва* приобрело новый смысл.

Мэкхит устроил Полли в несколько комитетов. Он выгодно продал свой холст, а также и шерсть.

Полли проводила все вечера в импровизированных белошвейных мастерских, где дамы за чашкой чая шили мужские рубашки. У всех были серьезные лица, и разговоры проходили под знаком жертвы.

— Как они обрадуются этим красивым белым рубашкам! — говорили дамы.

Приглаживая ногтем большого пальца швы, они беседовали о величии Англии.

Чем старше были дамы, тем они казались кровожадней.

— С этими бандитами, убивающими наших томми из-за угла, слишком нежничают,— говорила почтенная старая дама, сидевшая рядом с Полли.— Их надо просто ловить и расстреливать, чтобы они поняли, что значит задирать Англию. Это вообще не люди. Это дикие звери. Вы слышали, что они отравляют колодцы? А наши всегда ведут честную игру. И совершенно напрасно! Стоит ли церемониться с этим сбродом? Как вы находите, дорогая моя?

— Наши солдатики,— вздохнула еще более старая дама в больших очках,— идут в бой прямо-таки с неслыханным мужеством. Под градом пуль они маршируют, как на учебном плацу. Им совершенно безразлично, убьют их или нет. Один газетный корреспондент провел анкету. Все ответили одно и то же: нам жизнь не дорога, лишь бы Англия гордилась нами.

— Они выполняют свой долг,— строго сказала первая,— выполним же и мы свой.

И они стали шить еще прилежней.

Две молодые девицы захихикали. Щеки у них пылали, и они старались не глядеть друг на друга, чтобы не прыснуть. Матери сердито окликнули их.

Одна из дам,— ей не было и двадцати лет,— спокойно сказала:

— Когда читаешь в газетах, что там творится, и вспоминаешь этих красивых мальчиков в солдатских мундирах, становится тяжело на душе.

Обе девицы прыснули. Они ни на секунду не прекращали борьбы с собственным легкомыслием, отчаянно давились, строили, трясясь всем телом от смеха, похоронные гримасы и корчились от напряжения, стараясь быть серьезными.

Другая молодая дама пришла им на помощь.

— Не знаю,— завела она новый разговор,— когда я вижу наших бравых томми в пропотелых, изодранных мундирах и вспоминаю все бои и испытания, через которые они прошли, мне хочется поцеловать их — таких, какие они есть,— немытых, потных, окровавленных. Правда!

Полли бегло посмотрела на нее.

«До чего же прав мой отец! — подумала она, еще ниже склонив свое круглое лицо над шитьем.— После побед нужно посылать за подаянием оборванных, жалких, израненных солдат, а после поражений — щеголеватых и чистеньких. В этом все дело!»

Разговор перешел на подарки.

Дамы посылали на фронт пакетики с табаком, шоколадом и записками; все это было перевязано хорошенькими лиловыми и розовыми ленточками.

— Больше всего табаку на шиллинг дают у Аарона на Миллер-стрит,— оживленно рассказывала одна барышня.— Он, может быть, не так хорош, но пусть будет похуже, зато побольше, так они просят.

Солдаты присылали благодарственные письма; барышни всем показывали их. В них попадались очаровательные орфографические ошибки, и они свидетельствовали о возвышенных чувствах.

— Жалко, что нельзя посылать письма при рубашках и носках,— сказала барышня, покупавшая на Миллер-стрит.— Это было бы еще приятней.

Старуха в очках внезапно повернулась к Полли и сказала дрожащим от ярости голосом:

— Когда я думаю о том, что этот чистый английский холст вскоре, быть может, окрасится кровью британского юноши, я готова своей рукой убить этих злодеев!

Полли испуганно поглядела на старую даму: ее высохшая рука с иголкой дрожала, нижняя челюсть бессильно отвалилась.

Полли стало дурно, и она вышла.

Ахая и охая, дамы заговорили о ней.

— Она в интересном положении,— шептала одна другой.

Когда Полли, все еще немного бледная, вернулась в комнату и молча подсела к шьющим кровопийцам, одна из них — с большими кроткими глазами — сказала:

— Надеюсь, это будет мальчик. Англии нужны мужчины.

Потом заговорили на другую тему. Толстая женщина в цветастом шелковом платье (все знали, что ее муж — адмирал) сказала:

— Поведение низших классов вызывает восхищение. Я состою еще в одном комитете, где щиплют корпию. Не мешало бы и вам туда заглянуть. Очень приятное общество. Так вот, в прошлый вторник приходит туда одна совсем простая женщина, по лицу видно, что дома у нее хоть шаром покати, и дает нам чисто вымытую, штопанную-перештопанную рубашку. «У моего мужа есть еще две,— говорит она.— Я читала, что на фронте очень много тяжелораненых». Когда мой муж услышал о ней, он сказал: «Это — британская мать. Любая герцогиня могла бы у нее поучиться».

Она гордо обвела всех взглядом.

— Каждый на своем месте и каждый по своим возможностям,— сдержанно сказала важная старуха, сидевшая рядом с Полли.

Полли сообщила мужу, что несколько светских дам пригласили ее к себе в гости. Он был очень доволен, что ему удалось так выгодно сплавить свой товар, и посоветовал ей и впредь принимать самое близкое участие в деле помощи британским воинам.

«ГОСПОДИН ИКС»

Всякий раз, как Мэкхит встречал господ Аарона и Опперов, он жаловался на вероломство своего бывшего друга Блумзбери; однако он чувствовал, что ему следовало бы еще резче подчеркнуть свою зависимость от Центрального закупочного товарищества. В особенности трудно было рассеять недоверие Коммерческого банка. Благодаря внезапным перебоям в поставке товаров он окончательно попал в руки ЦЗТ, и эти руки ни в коем случае не должны были оказаться руками господина Мэкхита.

Ввиду этого Мэкхит созвал еще одно, строго конфиденциальное совещание ЦЗТ. В протоколах он именовался господином Икс. Он одобрил проект весьма вежливого, выдержанного в строго юридических тонах

письма господину Мэкхиту в Нанхеде, в котором ЦЗТ вежливо, но твердо указывало на то, что цены, установленные заключенными в свое время сделками, рассматривались им исключительно как цены рекламные. Запасы на складах ЦЗТ в настоящее время несколько истощились, но, как только позволят обстоятельства, товарищество возобновит поставки в полном объеме. Разумеется, на основе новых цен.

Ко всеобщему замешательству, часов около девяти, когда все вопросы были уже исчерпаны, Блумзбери встал и, запинаясь, спросил, не нанесет ли это мероприятие ущерба владельцам д-лавок.

Вмешательство Блумзбери поистине оказалось для всех неожиданным.

Был тихий вечер, собеседники мирно сидели вокруг большого стола. Окна были открыты настежь, так как стояла теплая погода, и при свете газовых фонарей можно было разглядеть зелень каштанов на противоположной стороне улицы.

Мэкхит тотчас же вынул сигару изо рта и произнес краткую речь, обращенную преимущественно к его другу Блумзбери: он подчеркнул, что для владельцев д-лавок эта мера действительно чревата некоторыми временными лишениями, но ведь всякий коммерческий, да и вообще всякий успех всецело зависит от умения в нужный момент приносить *жертвы*. Больной умирает, а здоровый борется. Так было и так будет. Пришла пора владельцам д-лавок доказать, *чего они стоят*. Попутно он предложил Фанни Крайслер с величайшим вниманием следить, кто из них выстоит и кто сдастся. Закупщикам О'Хара предстоит такое же *решительное испытание*.

Он, со своей стороны, принимает на себя всю *ответственность*. Каждый владелец д-лавки, выкинутый Фанни Крайслер на улицу, выкинут им самим. Кто в него не верит, тот не может с ним работать.

Но тут встала Фанни Крайслер и, не глядя на Мэкхита, сухо и деловито сообщила о тяжелом положении владельцев д-лавок. То, что с ними делается, нельзя назвать иначе, как хладнокровным убийством. Большинство из них не продержится и месяца. Она спрашивает себя и присутствующих: выгадает ли товарищество, если погибнут д-лавки?

Кончила она словами:

— Если мы сейчас же не окажем им помощи, катастрофа неизбежна.

Мэкхит ответил сухо и как бы с удивлением: во-первых, погибнут в худшем случае владельцы д-лавок, а не сами д-лавки, а это большая разница; во-вторых, товарищество не в таком положении, чтобы опекать вдов и сирот. Кроме того, он придерживается точки зрения: «Падающий пусть падает», и даже: «Падающего толкни».

На этом совещание закончилось. Был субботний вечер сентября двадцатого дня.

О'Хара был недоволен заключительной речью Мэкхита; склонность Мэка к позе постоянно раздражала его. Стоило ли ради какого-то Блумзбери прикидываться, будто ты веришь в свои слова?

Но, даже оставшись с О'Хара с глазу на глаз, Мэкхит никогда не снимал маски. Ему претили циничные разговоры, и он о самых сомнительных вещах говорил тоном честного дельца. Стыдливость О'Хара постоянно страдала от этого его тона.

Тем не менее он пунктуально выполнял все, что ему было предписано, и храбро отражал натиск закупщиков, которые вот уже несколько недель опять сидели без работы, на этот раз за свой собственный счет. Товары перестали поступать вовсе. А письмо ЦЗТ, предъявленное Мэкхитом Коммерческому банку без всяких комментариев, произвело необычайно сильное впечатление.

В каких-нибудь два-три дня мелких владельцев д-лавок охватило величайшее смятение. Все они имели ряд личных обязательств по отношению к домовладельцам, все повыдавали векселя, частью в оплату товаров, частью за инвентарь. За весьма короткий промежуток времени было открыто около полудюжины д-лавок, еще не успевших как следует стать на ноги. Мелкие владельцы, естественно, были теперь уверены, что их предали большим лавкам. Их охватило полное отчаяние.

С этого момента служащим господина Пичема нередко доводилось ловить на улицах владельцев д-лавок или их родственников, пытавшихся просить милостыню.

С тех пор как они были выброшены агентами Мэкхита на улицу, их *самостоятельность* еще более возросла. Их *независимость* приняла прямо-таки невыносимые размеры, они не имели даже постоянного жилища. *Усердие* довело их до того, что они весили не более ста фунтов.

Пичем тоже не видел в них никакого проку, ибо не меньше двух месяцев должно было пройти, чтобы они окончательно утратили чувство *гордости.*

Аарон и Опперы стояли перед загадкой. Первое время они говорили с Блумзбери очень резким тоном, но накануне рекламной недели стали необычайно кроткими. Лавки Аарона привыкли к дешевым товарам ЦЗТ, как к кокаину. Они им были необходимы.

Мэкхит не пошел в Коммерческий банк, когда там происходило объяснение с Блумзбери. Он продолжал внушать Аарону, что он окончательно порвал с Блумзбери и уже несколько недель не показывается в конторе ЦЗТ. Аарон и оба Оппера, которые, кстати сказать, с некоторых пор стали относиться к Аарону гораздо менее сердечно, чем в былые времена, очень ухаживали за лордом; а тот, воткнув в ротик толстую импортную сигару, думал о Дженни и обещал сделать все, чтобы уладить «трения». Решено было до поры до времени не отказываться от рекламной недели. Блумзбери высказал предположение, что ЦЗТ вскоре оправится и возобновит поставки. Собеседники расстались, обменявшись сердечным рукопожатием. Все они почувствовали, что по-человечески сблизились. Разговор коснулся также и повышения цен.

Жак Оппер даже пригласил Мэкхита провести субботний вечер и воскресенье в Уорборн-Касл.

На этот раз Мэкхит взял с собой Полли. Фанни пришлось пустить в ход все свое красноречие, чтобы удержать туалет Полли на среднем уровне: Мэкхит хотел, чтобы она была одета как герцогиня; это было бы, пожалуй, еще хуже, чем привезти с собой Дженни, о чем в свое время мечтал Блумзбери.

Госпожа Оппер приняла Полли весьма любезно. Полли говорила не слишком много и не слишком

мало и только удивлялась, что Опперы так громко чавкают за столом.

У старшего шефа банка, господина Жака Оппера, она имела особый успех; она всегда пользовалась успехом у мужчин солидного возраста.

Гуляя с Мэкхитом по парку, банкир указал на древние корявые дубы, между которыми пробивалась свежая травка, и промолвил:

— Видите, дорогой Мэкхит, они стоят поодиночке, на большом расстоянии друг от друга. Им хорошо, не правда ли? Я, знаете ли, люблю иметь дело с людьми удачливыми. Этим деревьям повезло. Не стоит говорить, что они тут ни при чем, что за ними ухаживали садовники. У них чудесный вид!

Мэкхит молча шел с ним рядом; он дал себе слово быть удачливым.

К сожалению, в эту столь гармоническую атмосферу вкрался диссонанс: Мэкхит получил от старшего инспектора Брауна извещение о том, что последний более не может противиться аресту своего друга. В ответ на запрос о причине ареста — запрос, стоивший Мэкхиту больших усилий,— он получил сообщение, что на него пало подозрение в убийстве розничной торговки Мэри Суэйер.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Господа, сегодня я мою грязные стаканы
И гну спину, белье стирая,
И я каждому молча кланяюсь, получая пятак;
Видят все мои лохмотья и наш пакостный кабак,
И никто не знает, кто я такая.
Но однажды вечером всполошится вся гавань
И пронзительный крик разбудит всех,
И, услышав мой веселый смех на кухне,
Скажут мне: «Что за дурацкий смех?»
И фрегат трехмачтовый,
Сорок пушек по борту,
Бросит якорь у нас.

Мне кричат: «Вытирай стаканы, детка!»
И в ладонь мне пятак суют.
Я беру от вас подачки и стелю вам кровать,
Но никто на ней сегодня не будет спать,
И никто не знает, как меня зовут.
Но однажды вечером всполошится весь город,
Загудит и проснется сонный порт.
У окна стоять я буду, и, меня увидев,
Скажут: «Что смеется этот рыжий черт!»
И фрегат трехмачтовый,
Сорок пушек по борту,
Даст по городу залп.

Господа, в ту ночь вам будет не до смеха:
Рухнут крыши на голову вам,
Рухнут стены домов, гремя и звеня,
Лишь одна гостиница уцелеет от огня,
И все спросят робко: «Кто остался там?»
И к гостинице сбегутся ночью толпы,
Спросят: «Почему она не сожжена?»
И, увидев утром, как я выхожу из дома,
Люди скажут: «Тут жила она».
И фрегат трехмачтовый,
Сорок пушек по борту,
Черный выкинет флаг.

А наутро молодцы мои в город войдут,
И город задрожит от страха,
И выволокут всех, в кандалы закуют
Мои молодцы, и ко мне приведут
И спросят: «Всех прикажешь на плаху?»
В это утро будет очень тихо, и спросят
Палачи: «Кому умереть?»

И ответ мой будет очень краток: «Всем!»
И когда покатятся головы, я буду
Приговаривать: «Опля!»
И фрегат трехмачтовый,
Сорок пушек по борту,
Унесет меня вдаль.

«Мечты судомойки»

ЕЩЕ РАЗ 20 СЕНТЯБРЯ

Трикотажная лавка Мэри Суэйер помещалась на Малберри-стрит, неподалеку от моста Ватерлоо. Придя к Мэри в гости, Фьюкумби застал ее с двумя детьми в тесной каморке за лавкой, где обычно проводили свободное время все владельцы д-лавок. Торговое помещение было несколько больше обычного, и занавеска разделяла его на две половины. В той половине, что была ближе к улице, стоял прилавок; в задней, при свете газа, работали две хилые швеи. В жилую комнату свет проникал со двора через крошечное окно. На швейную мастерскую его не хватало, несмотря на то что дверь, соединявшая ее с отапливавшейся каморкой, постоянно была открыта.

Мэри жилось плохо. Муж почти ничего не присылал ей из Мафекинга. Он был женат второй раз — развелся из-за нее с первой женой и теперь ему приходилось содержать две семьи.

Мэри запуталась в долгах. Чека, который ей дал Мэкхит, хватило ненадолго. К тому же Мэри была довольно неаккуратна и неважно вела дело. Швеям она почти ничего не платила,— впрочем, и работа их немногого стоила,— но Мэри любила благотворительствовать и подкармливала их всякий раз, как они доставали свои черствые, скудно намазанные маргарином бутерброды, которые часами жевали за работой. У Мэри была страсть всем нравиться и всех поражать своей щедростью. Она даже давала деньги взаймы.

На витрине ее лавки была наклеена бумажка, на которой было написано: «эта лавка принадлежит жене фронтовика». Покупателям она охотно рассказывала про своего мужа, застрявшего в Мафекинге, и демонстрировала вырезанные из «Таймс» стратегические схемы, иллюстрировавшие положение осажденного города. Из-за прилавка она казалась хорошенькой; вся беда была в том, что товар ее раскупался женщинами,

а не мужчинами, а то бы ее дела шли гораздо лучше. Впрочем, и тогда ей не следовало бы вместо одной пары нижнего белья по недосмотру или из-за своего равнодушия заворачивать две. Такие промахи подрывают доверие потребителя.

Фьюкумби иногда заходил сюда по вечерам, после закрытия лавки, чтобы поболтать с Мэри, покуда она, уложив детей, убирала помещение.

Она рассказывала ему, что плакат на витрине доставляет ей много неприятностей. Лавочники, торговавшие по соседству, упрекали ее в том, что она прибегает к недобросовестным методам конкуренции. То, что ее муж — солдат, говорили они, не имеет никакого отношения к ее чулкам, которые и без того продавались по слишком дешевым ценам. С патриотической точки зрения такие плакаты также недопустимы. Жена английского солдата вынуждена взывать к милосердию покупателей — на что это похоже? Фьюкумби придерживался того же *мнения*.

Полли она почти не интересовалась, о Мэке говорила очень мало. В конце концов она уже несколько лет почти не встречалась с ним.

С тех пор как она наняла швей, дела ее пошли чуть лучше. Торговля оживилась.

А потом в снабжении товарами начались перебои. С собрания, на котором Мэкхит объявил о слиянии д-лавок с лавками Аарона, она вернулась домой крайне встревоженная. Все, что он говорил, в конечном счете означало, что продажные цены будут еще более снижены, а покупать товары придется по тем же ценам, по которым их покупают большие лавки Аарона. Интересы неимущего лондонского населения были ей чужды. На красноречие Мэка она смотрела примерно так же, как на свойство зимних туч осыпать землю снегом; оно было для нее чем-то вроде того, чем является для корабля разрушительная сила штормовых волн.

Все лавки начали систематически снижать цены. Концерн Крестона тоже распродавал свои товары по бросовым ценам. И вот осенью,— в тот самый момент, когда публика охотно купила бы у нее шерсть и трикотаж,— у нее вышли вся шерсть и весь трикотаж. Она получила печатное извещение, рекомендовавшее ей экономить запасы, так как новых поступлений в бли-

жайшее время не предвидится. И сразу же потеряла голову.

Мэри больше не могла сопротивляться. Заботы и нездоровый образ жизни ослабили ее. К тому же она слишком рано вступила в борьбу за существование. Частые и небрежные аборты подкосили ее здоровье. Обычно на третьем десятке человек вступает в лучшую пору своей жизни, но только при одном условии — если он не держит д-лавки в Сохо. Таких мужчин и женщин, как Мэри, было много и в Лондоне и повсюду.

Сначала она попыталась добиться свидания с Мэком. Разумеется, ей это не удалось. Фанни Крайслер изо дня в день заговаривала ей зубы. В конце концов Мэри пригрозила, что обратится к помощи «Зеркала», если Мэк не примет ее.

Но и это не подействовало, и в один прекрасный вечер она отправилась в сопровождении Фьюкумби в редакцию «Зеркала».

Приняли ее там очень приветливо и обещали заплатить за материал против Наполеона д-лавок. Редакция очень интересовалась происхождением товаров. Но как раз об этом Мэри ничего не знала. Товары доставлялись Центральным закупочным товариществом — и дело с концом. Зато она сообщила, что Мэкхит и Нож — одно и то же лицо. Газетчики выслушали ее с раскрытым ртом и разразились гомерическим хохотом. Когда она, окончательно смутившись, сказала, что он прикончил Эдди Блэка, они дружелюбно и иронически похлопали ее по плечу и пригласили поужинать.

Она ушла в отчаянии. Фьюкумби обо всем доложил Пичему. Это был его первый отчет.

Пичем стоял в своей тесной, мрачной конторе, сдвинув котелок на затылок. Он задумчиво поглядел на солдата. Толстого цербера он удалил из комнаты. Этот Мэкхит был все же его зятем.

Сообщение Фьюкумби нельзя было никак использовать. Слухи о том, что Мэкхит и Нож — одно и то же лицо, ему уже передавали его нищие. Он, разумеется, не был настолько глуп, чтобы бежать с таким материалом в полицейское управление. Его бы там просто высмеяли. То, что этот человек вынырнул с самого дна, безусловно соответствовало истине, но что именно он и есть Нож, казалось невероятным даже Пичему.

Но если бы это и было так, подобные разоблачения нисколько его не интересовали. Пусть другие занимаются выяснением явно *неправдоподобной* правды. Правда — ничто, правдоподобие — все.

— *Всякому известно,* — неоднократно говорил Пичем, — *что ничто так не помогает имущим людям скрывать свои преступления, как неправдоподобие этих преступлений. Политики только потому и могут брать взятки, что публике их продажность обычно рисуется чем-то более тонким и сложным, чем это есть в действительности. Если бы кто-нибудь осмелился показать эту продажность в ее подлинном виде, то есть как нечто крайне элементарное, все воскликнули бы: «Что за элементарный мошенник!» — имея при этом в виду разоблачителя. А между тем действуют именно самые элементарные вещи, хотя бы оттого, что они неправдоподобны. Господин Гладстон мог бы со спокойной совестью поджечь Уэстминстерское аббатство и утверждать, что это сделали консерваторы. Никто, разумеется, ему бы не поверил, ибо консерваторы, по мнению всего света, имеют возможность добиться того, чего они хотят, гораздо более тонкими средствами, но, с другой стороны, никто не стал бы обвинять в поджоге и господина Гладстона. Где же это слыхано, чтобы министры бегали с керосиновыми бидонами! Совершенно очевидно, говорит мелкота, что люди имущие не залезают своим ближним прямо в карман. И, ведь в самом деле, есть какая-то разница между деятельностью Ротшильда, прибирающего к рукам банк, и обыкновенным налетом на банк. Это же всякий понимает! Но я знаю: люди, совершающие крупные преступления, едва ли не единственные люди, имеющие возможность совершать и мелкие преступления, не опасаясь быть пойманными, и они этой возможностью широко пользуются.*

Тем не менее он велел Фьюкумби поддерживать знакомство с Мэри Суэйер и постараться добыть у нее более интересные сведения.

Вот отчего солдат стал часто посещать ее в эти дни. Они целыми вечерами болтали. Она смутно чувствовала, что где-то в высших сферах происходят события, несущие ей разорение и гибель.

Мэкхит уговорил Мэри вложить в д-лавки весь ее крошечный капитал, а теперь отказывается помочь ей. То, что она не получает больше товаров, казалось Мэри не столь важным. На нет и суда нет. Но Мэкхит должен был по крайней мере помочь ей заплатить аренду.

— Я — бремя на совести этого человека,— говорила она.— Против судьбы не пойдешь, Фьюкумби! Моя судьба называется господин Мэкхит и живет в Нанхеде. Иногда у меня появляется желание наброситься на него и молотить его кулаками по лицу. Ах, как бы мне этого хотелось! Хоть бы мне приснилось, как я наказываю его за низость! Я все мечтаю, чтобы мне это приснилось, но мне это никогда не снится. Я чересчур устаю за день.

В другой раз она пожаловалась:

— Я ведь дрожу над каждым пенни. Люди говорят, что я слишком многим отпускаю в кредит, что я слишком доверчива. Это совсем не так. Если я не буду отпускать в кредит, у меня вообще никто не станет покупать. Ведь мои клиенты — самая что ни на есть мелкота. Те, что богаче, ходят в большие магазины, там больше выбора. Хуже всего, что он открыл на Клайтстрит еще одну д-лавку. Он мне перебил хребет. Это уж слишком!

Новая лавка не давала ей покоя, день и ночь маячила перед ней. Все чаще и чаще она заговаривала о том, что ей одна дорога — в воду.

Фьюкумби следил за ней, когда она убирала картонки и ставила их на полки; ей при этом всякий раз приходилось приподыматься на носках и вытягиваться. Он сидел на краю колченогого стула с дырявым соломенным сиденьем: между его спиной и спинкой стула было навалено еще несколько картонных коробок. Однако он спокойно курил свою короткую трубку, которую ему посчастливилось спасти оттуда, где ему пришлось оставить ногу, и вел мудрые речи.

— *У тебя нет талантов,*— говорил он медленно,— *тебе нечего продавать. Была у тебя кое-какая грудь да свежий цвет лица, но ты их быстро разбазарила. Ты отдала их по дешевке, хотя, может быть, дороже за них бы и не заплатили. От человека сейчас требуют очень многого. Есть люди, прямо-таки перегруженные*

талантами, притом самыми ходкими; они еле тащат на себе свой товар. Стоит только поставить справа и слева по стенке — и пожалуйста: лавка готова, можете торговать. Ты не принадлежишь к числу этих людей, и я к ним не принадлежу. Такие, как мы с тобой, торгуют на берегу моря соленой водой. У нас талантов меньше, чем у курицы зубов. Я все-таки нашел себе пристанище, правда, тоже не навсегда. Это скорей всего просто случайность. Я до сих пор еще точно не знаю, чего ради меня там кормят, и все время ищу способа стать незаменимым. Я уже думал, может быть, что-нибудь по части собак. Но ведь за ними может ходить каждый. Надо придумать что-то такое, чтобы люди говорили: «А где же Фьюкумби? Сейчас же позовите его. Без него — как без рук, вся работа стоит. Ну, слава богу, вот он наконец!» Я долго искал, но ничего не нашел. Когда нет таланта, нужно что-то придумать. Нужно стараться быть полезным вдвойне и втройне.

Придя к этому заключению, он начинал беспокойно ерзать на стуле и выспрашивал ее про Мэкхита; он непременно должен был собрать о нем точные сведения, иначе его уволят.

Но он только возбуждал в ней недоверие, и она ничего ему не говорила.

Обычно она вела только самые общие разговоры.

Как-то она пошла к гадалке вместе с одной старухой, тоже владелицей д-лавки,— она познакомилась с ней на совещании, на котором Мэкхит говорил о слиянии с концерном Аарона. Впоследствии она часто рассказывала Фьюкумби об этом посещении.

Гадалка была из недорогих.

— Должно быть,— сказала Мэри,— она и гадает хуже дорогих.

Гадалка жила на задворках, на пятом этаже, и принимала в кухне. При этом она даже не садилась. Очень быстро и «точно наизусть» она отбарабанила все, что требовалось; «карты она тоже разложила кое-как», должно быть, она гадала просто по руке.

— У вас закаленный в житейских бурях характер, — сказала она старухе, которую привела к ней забота о ее лавке,— вы привыкли навязывать окружающим вашу волю, вы Козерог. Вы энергично и уве-

ренно держите в руках руль вашей жизни и в конечном счете восторжествуете. Вы должны, однако, остерегаться двух страстей, бушующих в вашей душе, и не должны чрезмерно доверять даме, имя которой начинается на букву Б. Она может помешать вашему счастью. В июне будущего года будьте особенно осторожны, потому что Сириус будет находиться под знаком Весов, что для вас неблагоприятно. Но я не вижу других опасностей, которые могли бы вам угрожать. Один шиллинг, дамочка!

Мэри все это запомнила от слова до слова, она даже чуточку посмеялась над гадалкой. Тем не менее она не прочь была узнать и свою судьбу, но старухе стало дурно, потому что она с утра ничего не ела.

— Хочется знать, как и что, — говорила Мэри, — а где узнаешь?

После неудачной попытки связаться с «Зеркалом» Мэри в пятницу утром опять побежала в антикварную лавку Фанни Крайслер. Фанни пришла в ужас от ее вида и на все утро оставила ее у себя: она рассчитывала, что Мэк зайдет к ней. Но Мэк не зашел, и в полдень обе женщины отправились к нему на дом в Нанхед, хотя Фанни знала, что Мэку это будет неприятно.

Полли приняла их довольно любезно. Она пригласила их в гостиную и, надев передник, побежала на кухню разогреть чай. Все это она делала с подчеркнутой деловитостью, свойственной всем молодым хозяйкам, для которых возня с кухонной посудой еще содержит в себе нечто сексуальное.

Фанни строго-настрого запретила Мэри говорить о делах. Они, мол, будут ожидать Мэка. Но не успела Персик подать чай, как Мэри залилась слезами. Ей уже нечего было ожидать.

Она рассказала почти все, что можно было рассказать, умолчала, разумеется, о бессмысленных обвинениях, из-за которых даже «Зеркало» чуть не лопнуло от смеха; но зато она выложила все, что могла свидетельствовать об обязанностях Мэка по отношению к ней.

Полли с любопытством разглядывала ее. Она даже не успела сесть и все время держала в руках чайную посуду.

Дело было ясное: Мэкхит заманил эту женщину в одну из своих дешевых лавок и бросил там на произвол судьбы. Гораздо милосердней было бы с его стороны проломить ей череп дубиной, как только он ею пресытился.

Чайная посуда чуть дрожала в руках Полли, когда она отвечала Мэри. А сказала она ей приблизительно следующее.

О делах она не берется судить. То, что ее муж (мой муж) «заманил» Мэри в д-лавку, кажется ей не очень правдоподобным. Вероятно, он ей просто подарил лавку. Что он обрек ее там на голодную смерть, звучит прямо-таки смешно, и подобное обвинение она, как жена Мэка, попросту отметает. Ведь не одна Мэри владеет д-лавкой! И не собирался же Мэк «обрекать на голодную смерть» всю эту массу людей, владеющих д-лавками! Все это в достаточной степени неправдоподобно. Что же до остального, то тут она должна сказать ей как женщина женщине: по ее мнению, все то, что Мэк полагал нужным и полезным делать до брака, ее не касается. Все же ей хотелось бы высказаться и по этому поводу, опять-таки как женщине: когда женщина сходится с мужчиной, она обычно знает, чего ради она это делает. Она действует на собственный страх и риск. И это не дает ей права требовать от мужчины, чтобы он ее потом всю жизнь содержал. А то у каждого мужчины было бы к тридцати годам не меньше полдюжины семей. И вообще не всегда другие виноваты в том, что человек очутился под колесами.

Изложив все это, она довольно резко поставила поднос на стол. Воцарилась тишина. Суэйер перестала плакать и ничего не выражающим взглядом смотрела на стоявшую перед ней молодую женщину. Фанни тоже была удивлена. Она резко встала.

Мэри как бы очнулась и тоже встала, хотя и не так порывисто. Очень медленно, неуверенными руками она поискала на столе свою сумку.

Тем временем Полли опять взялась за чайник и начала разливать чай. Она еще не успела поставить чайник на стол, как обе женщины ушли.

Фанни не хотела отпускать Мэри. Но та покачала головой и села в проходивший трамвай. У нее было какое-то растерянное выражение лица, и трамвай (Фан-

ни сразу же это заметила) пошел не в сторону Малберри-стрит, где помещалась ее лавка. Она уже не управляла своими мыслями. Ей оставалось жить только 27 (двадцать семь) часов.

Весь остаток дня Фанни разыскивала Мэкхита. Они встретились только на следующее утро: он на минуту забежал к ней в лавку, обеспокоенный и возмущенный вчерашним посещением, о котором ему рассказала жена. Он накинулся на Фанни и стал допытываться, что произошло. Фанни, не моргнув глазом, рассказала ему все. Она прямо-таки не находила слов, до того ей не понравилось поведение Полли. Она вдруг почувствовала, что и она сама — всего только служащая. Поведение Мэка ей тоже не понравилось.

Она заговорила о новой лавке на Клайт-стрит и о том, что Мэри Суэйер окончательно выбилась из сил. Она все время твердит, что утопится.

Он злобно посмотрел на Фанни, когда она сказала, что Мэри Суэйер ждет его на Малберри-стрит, и выбежал из лавки. В тот день должно было состояться второе заседание наблюдательного совета ЦЗТ. До заседания у него было множество дел.

Спустя несколько часов он отправил посыльного с запиской, в которой он назначал Мэри Суэйер свидание около семи часов в одном трактире неподалеку от Вест-Индских доков. Ему, как видно, пришло в голову, что она слишком много знает.

Придя около пяти часов на Малберри-стрит, Фанни с облегчением увидела, что лавка еще открыта. Мэри сидела за прилавком; прочтя записку от Мэкхита, она кивнула. В лавке находился какой-то мужчина с деревянной ногой.

Ровно в шесть Мэри заперла лавку, отпустила швей и затем уложила детей в кровать. Потом она пошла вместе с Фьюкумби по направлению к Вест-Индским докам. Таким образом, в последние часы своей жизни она все же не была одна.

По дороге солдат пытался втянуть ее в разговор. Но она отвечала односложно. Возле трактира она отослала его. Зря он ее провожал. А между тем ей ничего не стоило, как ему казалось, дать ему какие-нибудь сведения, которые укрепили бы его положение у господина Пичема.

Как впоследствии показал хозяин, Суэйер около двух часов прождала в пустом трактире. Потом, не дождавшись Мэкхита, она пошла по направлению к докам. Она сказала хозяину, что пойдет навстречу господину, который назначил ей свидание. Но ей уже некому и нечему было идти навстречу.

Несколько часов спустя тело ее было выловлено из воды полицейским и двумя докерами.

ГОСПОДИН ПИЧЕМ НАХОДИТ ВЫХОД

Ввиду того, что Мэри Суэйер попросила Фьюкумби на обратном пути зайти к ней, чтобы присмотреть за детьми, и дала ему ключ, ему пришлось остаться ночевать у нее, иначе она не могла бы попасть домой.

Наутро ее принесли. В лавку тотчас же сбежались соседи, так что солдату удалось уйти незамеченным. Труп положили на прилавок — на кровати в жилой комнате были навалены картонки из-под трикотажа.

От Фьюкумби Пичем своевременно узнал о смерти Мэри Суэйер и успел принять соответствующие меры. В первую голову он постарался выяснить действительную обстановку происшествия.

Он послал на разведку не менее тридцати нищих, которые принялись собирать сведения не только в Вест-Индских доках, но и на Малберри-стрит, в антикварной лавке Фанни Крайслер и Нанхеде.

Люди Пичема были на Малберри-стрит, когда туда впервые явилась полиция.

Он узнал, что докеры около девяти часов видели особу женского пола, которая быстро шла по направлению к реке. После обеда Фьюкумби, зашедший на Малберри-стрит за детьми, чтобы переправить их к Фанни Крайслер, принес записку, в которой Мэк назначал Мэри свидание. Ребенок Мэри сжевал один угол этой записки. К вечеру у Пичема не оставалось сомнений, что тут имело место самоубийство.

Чтобы окончательно в этом удостовериться, он потратил целых два дня на справки, касавшиеся Мэкхита. Где он находился в момент происшествия, оказалось невозможным установить, но одно было совершенно очевидно: он в тот вечер не виделся с Мэри Су-

эйер. И все же одного его намерения встретиться с ней было на крайний случай уже достаточно, чтобы предъявить ему обвинение.

Твердая уверенность в том, что Мэкхит действительно непричастен к смерти Мэри Суэйер, была совершенно необходима, потому, что, будь он в этой смерти повинен, он, несомненно, имел бы безупречное алиби. Он мог иметь его и так, к этому нужно было быть готовым. Но, во всяком случае, он его себе не подготовил. А естественное алиби при всех обстоятельствах менее правдоподобно и убедительно.

Итак, Пичем пригласил хорошего адвоката, который взял на себя защиту интересов осиротевших детей Мэри Суэйер и передал в прокуратуру весь материал. Пичем имел возможность вмешаться в дело в качестве попечителя о бедных.

Адвокат по фамилии Уоллли был вполне согласен с господином Пичемом во всем, что касалось алиби господина Мэкхита. Он сказал:

— Исходя из имеющегося у нас материала, я, как и вы, совершенно уверен в полной непричастности вашего зятя к смерти Мэри Суэйер. Вследствие этого я и мысли не допускаю, что у него есть алиби. Он, несомненно, будет нести чушь, вроде «ясиделвресторане» или «ябылвтеатре», или даже «янемогукомпрометироватьдаму». Последняя отговорка, насколько я понимаю, при создавшемся положении вещей особенно соответствовала бы вашим интересам. Настоящее алиби нужно создать, а создать его можно только в том случае, если в самом деле совершено преступление. Оно является составной, более того — основной частью преступного деяния. Возьмите хотя бы такую область, как политика. Когда, например, объявляется война, всегда имеется в запасе алиби. Не говоря уже о государственных переворотах. Виноват всегда тот, на кого напали. У напавшего всегда есть алиби.

Материал, переданный в прокуратуру, состоял из собственноручной записки Мэкхита, показаний бывшего солдата Джорджа Фьюкумби и показаний двух уличных нищих, которые могли присягнуть, что в субботу около девяти часов вечера они видели Мэкхита в обществе опознанной ими Мэри Суэйер в районе Вест-Индских доков.

ГОСПОДИН МЭКХИТ НЕ ЖЕЛАЕТ ПОКИДАТЬ ЛОНДОН

Мэкхит был арестован только в четверг на следующей неделе. Получив извещение Брауна; он вызвал жену в гостиницу, расположенную в восточной части города. О'Хара привел ее, и они поужинали втроем. О'Хара успел уже кое-что предпринять, но он слишком поздно узнал о случившемся. Фанни, как это ни странно, ничего ему не сказала, а между тем она не могла не знать о смерти Суэйер.

О'Хара успел до этого побывать у Брауна. Браун тоже слишком поздно узнал, что все случившееся имеет отношение к Мэкхиту. Следствие вел Бичер из Скотленд-Ярда, неистовая ищейка из тех, что, напав на след, ни за что не бросит его. Бичер сразу же предположил самоубийство; опрос других владельцев д-лавок, а также ряд помещенных в «Зеркале» статей о последних мероприятиях Мэкхита, поставивших д-лавки в весьма стесненное положение, давали достаточно оснований предположить самоубийство. Но после решительных показаний Пичема, переданных адвокатом Уолли, Бичер предъявил незаконченное письмо Мэри Суэйер, найденное среди вещей покойницы. В этом письме Мэри признавалась, что она анонимно посылала куда следует имевшиеся у нее газетные вырезки, касавшиеся Ножа, и просила адресата отнестись к ней «хоть чуточку приличней». Письмо начиналось с обращения: «Дорогой Мэк».

О'Хара даже мог точно указать время, когда умерла Мэри: это произошло около девяти часов вечера. Как только он об этом заговорил, Мэкхит быстро поглядел ему в глаза. Девять часов — это было очень невыгодное время. В девять часов Мэкхит присутствовал на заседании правления ЦЗТ. Не только то, о чем говорилось на этом заседании, но и самое пребывание Мэкхита в конторе ЦЗТ ни в коем случае не должно было стать предметом огласки, иначе все мероприятия последних дней были обречены на провал. Блумзбери — добродушнейший щенок, но он наверняка не станет лгать суду и утверждать, что собравшиеся играли в бридж.

Итак, Мэкхиту оставалось только исчезнуть и отсидеться за границей до тех пор, пока Браун не замнет следствия или пока не будет закончено дело с Коммерческим банком. О'Хара считал, что Мэкхит должен вместе с Гручем и Фанни уехать в Швецию и заодно организовать там «закупки».

Что до здешних дел, то О'Хара требовал, чтобы ему была выдана доверенность, но Мэкхит предпочел выдать ее Полли; они еще немного поспорили, и О'Хара ушел.

Полли слушала с бледным лицом, ни о чем не спрашивая. Она поняла, что все происшедшее — дело рук ее отца. Что касается Мэри, то Полли была убеждена, что та утопилась только для того, чтобы отомстить Мэкхиту. Но прежде всего она ни за что не хотела отпустить Мэка в Швецию с Фанни Крайслер.

После обеда они молча пошли домой. Когда она, раздеваясь, гневно заговорила о предстоящей поездке Мэка с Фанни, он рассмеялся и тут же обещал оставить Фанни в Лондоне. Он утверждал, что Фанни путается с Гручем. Но подозрения Полли не рассеялись. Она верила Мэку во всем, но только не в том, что было связано с женщинами.

Поздно ночью он проснулся, услышав ее всхлипывания. Несколько минут она бормотала что-то невнятное, а потом, взяв с него слово, что он не рассердится, призналась, что около недели тому назад ей приснился глупый сон. Ей снилось, что она спит с О'Хара. Всхлипывая, она спросила Мэка, очень ли это скверно с ее стороны. Похолодевший от ужаса Мэк лежал неподвижно.

— Видишь,— сказала она,— теперь ты на меня сердишься. Лучше бы я тебе ничего не рассказывала, лучше никогда ничего не рассказывать. Разве я виновата, что мне снятся сны? И, кроме того, это продолжалось очень недолго, и еще неизвестно, был ли это О'Хара. Может быть, это был вовсе не он. Я решила, что это он, только когда проснулась, и очень испугалась. Я ведь ни с кем, кроме тебя, не хочу спать. Но за сны свои я не отвечаю. А потом я подумала: ты не поймешь и еще, не дай бог, вообразишь, что я интересуюсь О'Хара, а на самом деле ничего подобного. Он мне совсем не нравится. Ну, скажи, что ты не сер-

дишься, Мэк! Я такая несчастная! Зачем мне это приснилось? Если бы ты не уезжал, я бы тебе вообще ничего не сказала. И мне с тех пор больше не снились такие глупости, ни одного разу. А если и снились, то только про тебя.

Мэк долго лежал, не отвечая. Потом, не обращая внимания на ее попытки прижаться к нему, он, лежа неподвижно, как чурбан, отрывисто и хрипло стал допрашивать ее: как все было (точно)? Происходило ли это в кровати? Легли ли они на кровать специально с этой целью? Обнимал ли он ее только или произошло еще что-нибудь? Принимала ли она участие? Сразу ли она поняла, что это О'Хара? Почему она, когда ей под конец, по ее собственным словам, стало все ясно, не перестала? Испытывала ли она удовольствие? Почему, если она не испытывала особенного удовольствия, она не перестала в тот самый момент, когда узнала О'Хара? Что она понимает под словами «не особенное удовольствие»? И так далее и тому подобное, покуда Полли, устав от слез, не заснула.

В конце концов они, разумеется, помирились, и Мэкхит обрадовался, когда она с новой силой потребовала, чтобы он не брал с собой Фанни Крайслер. Он стал уговаривать ее вернуться к родителям. Он ссылался на то, что там она будет ему полезней, чем где бы то ни было. Она будет сообщать ему обо всех планах ее отца, направленных против него. Они заснули успокоенные.

Уже на следующее утро они простились друг с другом. Уходя, Мэк опять надел свои замшевые перчатки, но захватил и трость со стилетом. Его поезд уходил поздно вечером, но у него было еще много дел в городе. У людей О'Хара наверняка было неважное настроение, и нужно было повидать также Аарона или же кого-нибудь из Опперов.

Однако в первую очередь Мэк отправился к Гону, которому он в свое время передал материал против маклера Кокса, компаньона Пичема. Материал до сих пор еще не был опубликован. Гона не оказалось дома. По словам домашних, он ушел в редакцию «Корреспондента». Он действительно был там; его окружали газетчики, пытавшиеся выудить у него сведения о

предстоящих скачках. Когда Мэкхит вошел, в комнате воцарилась странная тишина.

— Ого! — сказал один из газетчиков довольно дружелюбно.— Мэкхит! Вы, наверно, хотите поместить в нашей газете протест против вашего ареста? Неужели вас арестуют здесь? Это очень мило с вашей стороны!

Гон, который сидел в центре, жуя не меньше полфунта резины, сразу понял, что Мэкхит ни о чем еще не знает, и достал из кармана газету.

Мэкхита уже разыскивали. Его портрет и фамилия были помещены во всех утренних выпусках. Бичер дал интервью и сообщил о письме покойницы.

Гон взял Мэкхита под руку и увел его из редакции.

Они зашли в трактир.

- Материал против Кокса, пояснил Гон, является, в сущности, материалом против Хейла из морского ведомства, ибо речь идет о жене последнего. Кампания откроется в самые ближайшие дни.

Он умолчал о том, что использовал переданный ему материал исключительно в целях крупного вымогательства. Господину Пичему этот материал стоил огромных денег. Приданое Полли не стало от этого больше.

Мэкхит еще раз внушил ему, что он отнюдь не хочет открытого скандала: он хочет только как следует запугать всю компанию, сгруппировавшуюся вокруг Кокса. Гон обещал сделать все, что в его силах, и попросил Мэкхита дать интервью.

Они вместе составили его.

Интервью успело попасть в вечерний выпуск. Крупный оптовик Мэкхит был крайне изумлен обвинением, предъявленным ему полицией.

«Я купец,— было сказано в интервью,— а не преступник. У меня есть враги. Беспримерный успех и расцвет моих д-лавок заставил их зашевелиться. Но я не имею обыкновения нападать на моих противников с ножом в руках. Я стараюсь победить их неустанными заботами о благе моих клиентов. Не пройдет и нескольких дней, как все направленные против меня обвинения падут на головы тех, кто их распространяет. Я надеюсь, что никто из моих деловых друзей — представителей розничной торговли, чье процветание мне дороже всего, не усомнится во мне. С Мэри Суэйер я

был знаком очень мало. Насколько мне известно, она владела небольшой д-лавкой где-то в районе Малберри-стрит. Я соприкасался с ней не больше, чем с десятком других владельцев д-лавок. Она, по-видимому, сама лишила себя жизни. Я, как и всякий честный коммерсант, считаю это весьма прискорбным событием. В настоящий момент причин для депрессии более чем достаточно, деловым людям это известно лучше, чем кому бы то ни было. Материальное положение г-жи Суэйер было, очевидно, особенно тяжелым».

После интервью Мэкхит поехал в Коммерческий банк. Там он встретил Генри Оппера.

Утренние газеты уже подняли шум вокруг его имени, и Оппер был, как видно, весьма этим подавлен. Он молча выслушал Мэкхита и сказал:

— Вы ни в коем случае не должны садиться в тюрьму. Виноваты вы или не виноваты, но только не тюрьма. Уезжайте за границу! Вы можете руководить вашим предприятием оттуда. В ЦЗТ сидят ваши друзья, мы тоже, если хотите, последим, чтобы все было в порядке. Только сейчас же уезжайте! Аарон уже был здесь. Он вне себя.

Мэкхит ушел, погруженный в глубокое раздумье. Горячность, с какой Оппер уговаривал его уехать, не понравилась ему. Он отправился на Нижний Блэксмитсквер и зашел в убогую парикмахерскую. В низком, провонявшем табачным дымом помещении царило большое оживление. Здесь околачивалась добрая половина всех лондонских подонков. Нигде в другом месте нельзя было собрать столько нужных сведений, сколько здесь.

Все кресла были заняты. Мэкхит присел на скамью и стал ждать своей очереди. Перед ожидающими стояла большая медная чашка, куда можно было сплевывать окурки сигар и жевательную резину.

Мэкхит не нашел ни одного знакомого лица.

Маленький плутоватого вида человек довольно громко рассказывал о таможенной волоките в каком-то датском порту.

— Они не желают, чтобы к ним ввозили дешевку,— жаловался он,— мы, мелкота, не должны покупать себе брильянты. Это же просто подлость! Уголь и картошку — куда ни шло, а как только нашему брату

захочется завести себе брильянты, нам начинают вставлять палки в колеса. В конце концов поневоле скажешь: «Не хотите — как хотите!»

Мэкхит обратил внимание на этого человека: он ему понравился.

Парикмахер, бесформенный гигант с крошечной головкой, на которой была сооружена целая выставка парикмахерского искусства, скользнул по Мэкхиту, когда тот садился на скамью, хитрым взглядом. Он заранее условился с Мэкхитом заговорить о нем; так он и сделал. Вся парикмахерская стала судить и рядить об убийстве Мэри Суэйер.

Все сошлись на том, что крупный оптовик не может иметь отношение к смерти Суэйер.

— Такие люди этим не занимаются,— с апломбом сказал контрабандист.— У них есть другие дела. Разве вы представляете себе, что́ им приходится делать в течение дня? Она ему угрожала? Чем она могла ему угрожать? Что бы она ни сказала, ее все равно арестовали бы за оскорбление ее величества и нарушающую все полицейские правила глупость.

— Говорят, что у него нет алиби! Да, он, верно, назначил десять фунтов награды всякому, кто покажет, что не видел его, когда совершалось преступление! Нет уж, бросьте, если на то пошло, то он возьмет бинокль и станет следить, кто расхохочется, когда полиция придет забирать его.

Мэкхит не стал дожидаться, пока до него дойдет очередь. Зажав под мышкой свою толстую палку, он прошел пешком два-три квартала, пока не очутился перед ветхим одноэтажным домиком, в котором помещался склад угля. На черной доске были мелом написаны цены на уголь.

Мэкхит прочел: «Антрацит — 23» — и пошел дальше. Постучав тростью в дверь дома номер двадцать три, он вошел. Иногда антрацит стоил двадцать три, иногда двадцать семь или даже двадцать девять, в зависимости от того, где в данный момент помещалась штаб-квартира банды. Настоящие цены на уголь, как Мэкхиту однажды объяснил О'Хара, тоже зависели от целого ряда обстоятельств, не имевших, в сущности, ничего общего с углем. Да угольщик и не торговал никаким антрацитом.

Тяжелыми шагами Мэкхит прошел через два двора, образованные сараями, и, свернув в третий, вошел в освещенную контору, расположенную на уровне двора.

Груч и Фазер сидели на столах красного дерева, уставленных пивными бутылками, и Груч диктовал письма кокетливо одетой юной особе. В смежных помещениях заколачивали ящики.

При появлении шефа Груч встал, а Фазер не тронулся с места.

— Это хорошо, что вы изредка сюда заглядываете, хозяин,— хмуро сказал Фазер.— Тут ни черта не ладится! Одно только озорство и нежелание работать.

Мэкхит молча снял с грубо сколоченной полки толстый фолиант и сел на подлокотник кресла ампир, видавшего лучшие дни и лучшее общество. Официальная контора ЦЗТ помещалась в Сити. Тут был склад. Связь между этими двумя учреждениями осуществлялась только обходными путями.

Пока Фазер восседал на столе, Мэкхит не хотел говорить. Поэтому Груч начал докладывать.

Безделье чрезвычайно неблагоприятно отражается на состоянии умов. Часть складов еще полна. О'Хара разрешил людям работать на собственный риск, покуда снова не понадобится товар. Но он не дал им орудий производства. Они собственность фирмы. А со старыми, примитивными инструментами квалифицированные специалисты не хотят или не могут работать. Кроме того, необходимы подводы, хотя бы для налетов на лавки. И прежде всего — точный план совместной работы. Словом, люди разлагаются. Они сидят без дела и грызутся.

Мэкхит рассмеялся.

— Они ведь, кажется, считали, что жизнь служащего с обеспеченным заработком для них недостаточно хороша. Им захотелось опять носиться по морским волнам, быть вольными птицами,— сказал он небрежно.— Они постоянно ропщут и даже не удивляются, когда им удается добиться того, чего они хотят. Когда я добиваюсь того, что мне нужно, я всегда опасаюсь неприятных сюрпризов.

— Они бы многого добились, если бы у них были инструменты,— грубо сказал Фазер.

— Да, если бы,— нехотя ответил Мэкхит.

Фазер еще раз перешел в наступление:

— Куайт хочет откупить у нас новое сверло. Он говорит, что деньги у него есть, а, кроме него, никто с этим сверлом не умеет обращаться.

— Я не продаю инструментов! — с досадой сказал Мэкхит.— Кстати, столы у меня тоже не для того поставлены, чтобы на них сидели.

Он взял план склада, аккуратно начерченный на картоне, и кивком удалил из комнаты конторщицу.

— Почему сараи до сих пор набиты товаром? Мы же решили очистить все, кроме номера двадцать третьего.

Груч посмотрел на Фазера, который с ворчанием слез со стола.

— О'Хара ничего нам не сказал,— ответил он, не сводя глаз с Фазера.

Мэкхит ничем не обнаружил своего удивления. Чтобы выиграть время, он стал перелистывать какой-то каталог.

Потом он спокойно продолжал:

— Сараи, начиная с номера двадцать девятого, должны быть очищены. Возможно, что в ближайшие дни О'Хара придется показать кое-кому пустые склады.

— А куда деть товары? Там больше всего табаку и лезвий для бритв. Их необходимо некоторое время подержать на складе — они еще слишком свежи. И бирмингемская партия тоже там. Газеты до сих пор еще пишут об этой истории статьи в километр длиной. И, кроме того, там есть кожа и шерсть, д-лавки в них здорово нуждаются.

— Все нужно убрать. Из этой партии ничего не должно поступить в продажу. Лучше всего сжечь все дочиста! Сараи застрахованы.

Груч по-настоящему испугался.

— А может, ребята сами могли бы использовать эти вещи? Они ужасно разозлятся, если должны будут сплавить их неизвестно куда. В конце концов они все добыли собственными руками.

Мэкхиту стало скучно.

— Если не ошибаюсь, им за все было заплачено. И за вывоз я тоже буду платить по часам. Я не хочу,

чтобы этот товар попал на рынок. Пускай они покупают себе табак хотя бы в тех же д-лавках. И вот что еще: все бумаги будет подписывать моя жена, а не О'Хара. Все?

Он встал и натянул перчатки. Груч задержал его.

— Ханимейкер каждый день к нам ходит. Он готов взять любую работу. У него не выгорело с секретным замком.

— Замок оказался недостаточно секретным или слишком секретным?

— Замок был в порядке. Но фабрика обжулила его на патенте.

Мэкхит опять рассмеялся. Ханимейкер был во время оно видной фигурой в своей области, первоклассным взломщиком. Когда он начал сдавать физически — в те времена спортом еще не занимались, — он пустился в изобретательство и сконструировал секретный замок. В это изобретение он вложил весь свой опыт, опыт человека, прожившего большую жизнь, любознательного и предприимчивого. И этот человек в конечном счете был облапошен известной фабрикой, которой он предложил свое изобретение.

— Я дам ему д-лавку, — сказал Мэкхит и ушел ухмыляясь.

Но на душе у него было невесело.

Решения не выполнялись. Аарон в любую минуту мог потребовать, чтобы ему показали склады. Фанни, уверенная в том, что они очищены, как было условлено, не нашла бы нужным отказать ему, а между тем они были набиты доверху.

Выйдя на улицу, Мэкхит минуту постоял в нерешительности, соображая, куда ему пойти — к Фанни Крайслер или к госпоже Лексер в Тэнбридж. Сегодня был четверг. Он решил, что с Фанни он еще успеет поговорить на вокзале, где она будет ждать его, а в Тэнбридже, по всей вероятности, застанет Брауна — Браун, как и он, ходил туда по четвергам. Обычно они там играли в шашки.

Общение Мэкхита с тэнбриджскими дамами в заведении госпожи Лексер нуждалось, по его собственному мнению, в оправдании: он находил его в специфике своей профессии. В этом доме он легче, чем где бы то ни было, мог узнать все, что ему было нужно, про

личную жизнь членов банды. Эти чисто деловые визиты он иногда использовал и в видах развлечения, на которое он, как холостяк, несомненно, имел некоторое право; что касается этой интимной стороны дела, то Мэкхит, как он сам неоднократно повторял, ценил свои регулярные, отличавшиеся педантичной точностью посещения одной и той же тэнбриджской кофейни главным образом потому, что они стали для него традицией, а уважение к традициям и охрана их, как известно, являются едва ли не основной целью буржуазного уклада. Свои физиологические потребности Мэкхит, отдав дань увлечениям молодости, охотно удовлетворял там, где он имел возможность сочетать с ними те или иные радости домашнего или делового порядка, то есть с женщинами, обладающими кое-какими средствами либо состоящими с ним, подобно Фанни, в деловых отношениях.

Мэкхит сознавал, что его брак повредил ему в тех кругах, с которыми была связана его деятельность в области товарозаготовок. Смерть Мэри Суэйер, безусловно, произвела дурное впечатление на некоторых людей. Они, несомненно, сидели теперь и говорили: «Мэк заелся. Он думает, что он может уже плевать на все».

Едва ли нашлись люди, которые могли бы засвидетельствовать под присягой, что он всю жизнь именовался Мэкхитом, но, с другой стороны, никто не мог бы доказать, что он тогда-то и тогда-то под тем-то и тем-то именем учился в школе, там-то и там-то был портовым рабочим или конторщиком, там-то и там-то — плотником. Так или иначе, в любую минуту мог возникнуть слух, что он — самый заурядный обыватель, и тогда понадобилась бы дорогостоящая и чреватая последствиями кровавая баня большого масштаба, чтобы восстановить тот полумрак, в котором человек только и имеет возможность обрастать жирком. А он действительно оброс жирком и был склонен преимущественно к интеллектуальной работе.

Итак, он отправился в Тэнбридж, чтобы кое-что разузнать и повидаться с Брауном.

В нижние залы он даже не заглянул и сразу поднялся по скрипучей лестнице на кухню. Две-три девицы пили там кофе. Толстая баба в панталонах гладила

белье. У окна играли в мельницу. Тощая носатая девица штопала гору чулок. Все были полуодеты, только на одной был цветастый халат.

Когда Мэкхит вошел, его приветствовали дружным «алло». Все успели прочесть газеты. На гладильной доске лежало интервью, которое он дал Гону. Всем импонировало, что Мэкхит, несмотря ни на что, явился сюда, блюдя свой четверг.

Брауна еще не было.

Мэкхиту подали кофе. Не снимая перчаток, он небрежно потянулся за газетой.

— Сегодня вечером я уезжаю,— сказал он, углубившись в нее.— Мне сразу пришло в голову: как глупо, что как раз сегодня мой четверг! Это ужасно — иметь укоренившиеся привычки. Но не могу же я ради полицейских ищеек отказываться от моих старых привычек! А то я уехал бы днем. Отчего это Браун не идет?

Снизу, из комнат, раздался звонок. Толстая баба поставила утюг на маленькую чугунную подставку, накинула ситцевый пеньюар и вышла к гостю. Через пять минут она вернулась, послюнила палец, проверила, достаточно ли еще горяч утюг, и вновь принялась гладить.

— Мэри Суэйер, надо думать, не *твоя* работа, — сказала она, как ему показалось, презрительно.

— А что? — спросил он, внимательно посмотрев на нее.

— Мы решили, что ты теперь такими делами гнушаешься.

— Кто решил? — с интересом спросил Мэкхит.

Толстая баба успокоила его:

— Не надо волноваться, Мэк. Мало ли что болтают.

Мэк обладал превосходным чутьем. Он почувствовал, что в воздухе пахнет гарью. Внезапно его охватило отвращение.

Сидя в грязной кухне и молча наблюдая за толстой бабой, которая не переставала гладить, он задумался над своим положением так глубоко, как давно уже не задумывался.

Почва, на которой он столько лет стоял и боролся, с некоторых пор начала ускользать из-под ног. Этот

сброд, поставлявший ему товары, не хотел подчиняться его моральному авторитету.

Мэк внезапно вспомнил целый ряд характерных мелких черточек, на которые он на протяжении нескольких недель почти не обращал внимания. Тогда-то и там-то его категорические и тщательно продуманные распоряжения не были выполнены с достаточной точностью; а потом верхушка организации пыталась скрыть от него допущенные ею небрежности. В частности, после прекращения «закупок» ему приходилось слышать — от того же Груча — о «недовольстве» внизу. Этот сброд не годился для широко задуманных операций.

А теперь еще вдобавок выяснилось, что О'Хара просто игнорирует важнейшие распоряжения.

Да и вообще поведение О'Хара с некоторых пор изменилось. Сегодня он потребовал, чтобы доверенность была выдана ему. А когда ее получила Полли, он не очень настойчиво возражал. Почему?

Горячая волна недоверия неожиданно захлестнула Мэкхита.

«Полли! — подумал он. — Что у них там такое, у Полли с О'Хара? Полли получила доверенность. А что она с ней будет делать?» И вдруг он понял, почему его с самого начала так мучило то, что произошло, когда они возвращались домой с пикника на Темзе.

«Женщина, позволяющая так с собой обращаться при поверхностном знакомстве, — сказал он себе с горечью,— *вообще не может быть настоящей подругой мужчины на жизненном пути. Она чрезмерно чувственна. А ведь это дает себя знать не только в эротической области, но в первую очередь, как оказывается, в деловой. Что она будет делать с доверенностью своего законного супруга, если она не отвечает за собственные ноги? Вот тут-то и выясняется, какое серьезное значение имеет верность жены».*

Как быстро оба они примирились с его предстоящим отъездом! Ни намека на «ятакпотебебудускучать». Еще бы! Ведь она — рассудительная женщина. Спасибо за такую рассудительность!

Окончательно расстроившись, Мэкхит встал и поплелся в «канцелярию». Это был ряд довольно просторных комнат с жесткой конторской мебелью, ма-

ленькими столиками, на которых лежали папки, и обыкновенными диванами; комнаты сдавались и без дивана — в этом случае его заменял стол с зеленой промокательной бумагой. Дом этот имел одно большое удобство: тут можно было попутно заниматься деловой корреспонденцией. Девицы были все до одной опытные стенографистки. Дом посещался преимущественно деловыми людьми.

Мэкхит охотно продиктовал бы несколько писем. Но только Дженни была в курсе его корреспонденции и знала его привычки,— ей достаточно было двух-трех заметок, чтобы составить для него письмо. А Дженни не было. Она уехала с Блумзбери к морю. По-видимому, здесь все относились благожелательно к столь блестящему ее возвышению.

Мэкхит, стоя у стены, приподнял заслонку в обоях и прислушался к голосу, диктовавшему в соседней комнате:

— «...в силу этого не можем понять вашу точку зрения. Либо вы сдаете «Сантос» по восемьдесят пять с половиной франков Антверпену, либо вы снижаете назначенную вами неслыханную цену («неслыханную» подчеркнуть!), и тогда мы берем на себя все таможенные расходы.

Мэкхит угрюмо вернулся в кухню и сел с тем же недовольным видом.

Он все еще ждал Брауна. От беседы с Брауном зависело, уедет он из Лондона или нет. Все было подготовлено для его бегства. Груч будет ждать его на вокзале — надо полагать, вместе с Фанни. Но вот прошло еще полчаса, стемнело, зажгли газ. Заведение постепенно оживлялось, а Брауна все не было. Мэкхитом никто больше не интересовался. Он уныло сидел на кухне и клевал носом.

Положение складывалось так, что он не мог уехать.

Сначала надо вновь прибрать к рукам ЦЗТ, а затем ликвидировать его. Ну что это за обеспеченное существование, когда человек, преследуемый полицией, не может даже спокойно уехать!

Что касается крупных дел с Коммерческим банком, то он, окруженный сплошь ненадежными людьми и жуликами, несомненно мог бы гораздо лучше руководить ими из тюрьмы, чем из-за границы.

Острая потребность быть солидным охватила его. Некоторая доля честности и уважения к заключенным договорам, наконец — просто вера в людей были все-таки необходимы, когда речь шла о более или менее крупных делах. «Разве бы честность ценилась так высоко,— спрашивал он себя,— если бы можно было обойтись без нее? Ведь, в сущности говоря, весь буржуазный уклад держится на ней. Нужно сначала выжать из своих служащих все, что возможно, а потом заняться честными и пристойными делами. Если нельзя верить собственному компаньону, то как сосредоточиться на делах?»

Наконец, часов около семи, явился Браун.

Этот дом был самым удобным местом для их деловых встреч. Тут за Брауном никто не следил. Было бы величайшей бестактностью пробраться сюда вслед за чиновником Скотленд-Ярда. В конце концов его частная жизнь никого не касалась!

Браун сразу же стал осыпать его упреками.

— Почему ты все еще тут? — кричал он, бегая по комнате, как пойманный тигр.— Я ведь велел передать тебе, что твои дела очень плохи. Следствие ведет Бичер, а Бичер — самый ненадежный из всех моих чиновников. Когда он нападает на след, его уже не удержать, он совершенно забывает о дисциплине. Он готов арестовать собственного партнера по картам. Сегодня днем судебные власти осматривали труп. Бичер произнес речь, и они установили факт насильственной смерти. В основном подозрение падает на тебя. Самое скверное в деле — шантажное письмо этой самой Суэйер: она же прямо угрожала тебе разоблачениями о Ноже. Что ей было известно?

— Ничего,— сказал Мэк; он сидел на диване и перелистывал вечерние газеты.— Она только догадывалась.

— А этот Фьюкумби?

— Служащий моего тестя, отставной солдат. Судя по всему, он в последнее время подобрался к Мэри Суэйер.

Браун что-то записал на манжете.

— О'Хара сказал, что у вас есть алиби, но вы не можете предъявить его.

— Да. Протокол заседания наблюдательного совета. Никто не должен знать, что оно состоялось.

— Единственное спасение в том, что докеры, встретившие Суэйер, видели ее без спутника. Но твоя записка, назначающая ей свидание,— это нечто ужасное! И она приобщена к делу.

Браун опять раскричался. Мэкхит должен немедленно уехать, сию же минуту!

Мэкхит укоризненно взглянул на него.

— Я ожидал от тебя другого, Фредди,— заметил он сентиментально.— Я ожидал, что ты иначе отнесешься ко мне, если я обращусь к тебе в тяжелую минуту, когда все травят и предают меня. Памятуя о нашей дружбе, я рассчитывал, что ты скажешь мне: «Вот тебе прибежище, Мэк. Отдохни здесь! Если ты потерял честь, то я тебе по крайней мере дам возможность спасти свое состояние».

— Что это значит? — вскинулся Браун.

Мэкхит с грустью посмотрел на него.

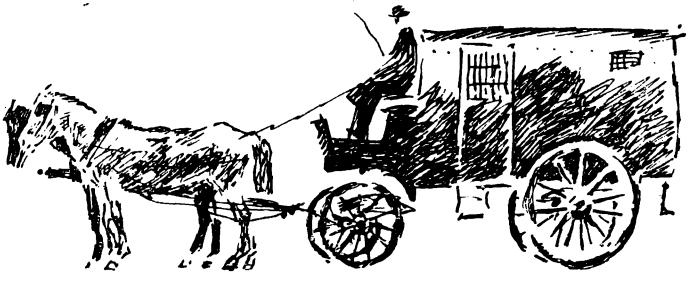
— Я не могу руководить из-за границы моими делами. Как ты себе это представляешь? Оппер говорит, что моя репутация погибла, если я сяду в тюрьму; но я понял, что они ограбят меня до нитки, если я уеду за границу. Я должен остаться на посту. Я должен сесть к тебе в тюрьму и вновь заняться делами. Мне, как старой кляче, суждено умереть в упряжи, Фредди.

— Это невозможно,— пробурчал Браун, довольно, впрочем, нерешительно.

— Подумай о том,— напомнил ему Мэк, понизив голос,— что множество маленьких людей доверило мне мою судьбу. В том числе и ты. Твои сбережения тоже пропадут, если я уеду из Лондона. Ну ты, скажем, перенесешь эту потерю; но есть другие, для которых она равносильна гибели.

Браун опять что-то пробурчал.

— Во всем виноват мой тесть,— пожаловался Мэк,— он меня терпеть не может. Я никогда как следует не обращал внимания на его козни. Это, знаешь, как с больным зубом. Вдруг он начинает давать о себе знать. Не обращаешь внимания. Думаешь — может быть, пройдет. Хочется забыть о нем. И вдруг в одно прекрасное утро всю щеку разнесло, точно опару!



Около часу просидели они вместе, и Браун, пригорюнившись, рассказал все, что ему было известно о виновнике всех бед, господине Пичеме.

Господин Дж. Дж. Пичем для полиции не случайный знакомец. Его торговля музыкальными инструментами уже неоднократно бывала предметом забот и серьезных разговоров в полицейском управлении. Впервые — еще двенадцать лет назад. Уже тогда была сделана попытка ливидировать его предприятие, не увенчавшаяся успехом. Браун рассказал Мэку, как это было.

— Мы имели точные сведения о том, что делается в его лавке, и он знал, что мы готовимся нанести ему удар. Он явился в управление. Он произнес увертливую и бесстыдную речь о том, что нищета имеет право издавать зловоние, и тому подобное. Мы, конечно, приказали ему убираться вон и продолжали действовать. Вскоре мы заметили, что он тоже зашевелился. В ту пору в Уайтчепеле, в одном из самых гнусных его кварталов, как раз собирались открыть памятник какому-то филантропу, который занимался в этом районе разными глупостями по части борьбы с алкоголизмом,— если не ошибаюсь, он раздавал даром лимонад через нанятых им и тоже каким-то образом спасенных девиц. На открытии памятника, огромной белой махины, должна была присутствовать королева. Мы кое-как привели этот район в порядок. В своем естественном виде, в каком он толкал своих обитателей на злоупотребление алкоголем, он никак не был приспособлен к приему королевы. Несколько гектолитров краски сделали чудеса. Мы превратили это позорное пятно в некое подобие озелененной улицы. На месте свалок были разбиты детские площадки, полуобвалившиеся дома приобрели уютный вид, самые скверные места мы прикрыли гирляндами. Из логовищ, где обитало по двенадцать, по пятнадцать человек, свисали флаги в восемь метров длиной; я еще помню, как жильцы жаловались, что древки флагов занимают слишком много места в их каморках,— ведь эти люди даже не стыдятся тех помойных ям, в которых они ютятся! Из одного публичного дома мы выселили всех его обитательниц и повесили над его дверью вывеску: «убежище для падших женщин»; в сущности, он и

был им. Короче говоря, мы сделали все, что было в наших силах, чтобы придать району благообразный, спокойный, более или менее человеческий вид. И вот во время предварительного осмотра его самим премьером произошел скандал. Из-за новеньких цветочных горшков, украшавших окна свежевыкрашенных домов, вынырнули знакомые омерзительные хари профессиональных нищих господина Пичема. Их были сотни и тысячи. И покуда премьер ехал по улице, они пели национальный гимн. А детей этого квартала мы даже не пытались как-нибудь приукрасить; тут уж никого не обманешь: их тощих тел, искривленных рахитом, не прикрыть никакими бархатными костюмчиками! Импортировать же детей наших полицейских не имело смысла,— все равно в их ряды контрабандой пробрался бы какой-нибудь местный ребенок и на вопрос розового толстяка премьера, сколько ему лет, ответил бы, что ему не пять, как можно было бы предположить по его росту, а шестнадцать. У самого памятника стояли недоразвитые подростки; из их глазных впадин ухмылялись все пороки человечества. Они кучками выходили из какого-то кабака, держа в руках воздушные шары и леденцы. Словом, осмотр кончился оглушительным провалом, и мы выдали господину Пичему полицейское разрешение. Мы сочли за лучшее больше с ним не связываться. И этот человек — твой тесть! Это дело нешуточное, Мэк.

Браун, в самом деле, был озабочен. Он готовился к тяжелой борьбе. Браун обладал множеством отрицательных свойств, но он был хорошим товарищем. Он служил вместе с Мэком в Индии. Мэк мог рассчитывать на его верность.

— *Верность,*— не раз говаривал в тесном кругу начальник полиции, этот старый рубака,— *верность вы найдете только среди солдат. А почему? Ответ весьма прост: без верности солдату не обойтись. Про верного человека говорят: с ним можно красть лошадей. В этом-то все и дело! Солдат должен иметь возможность красть лошадей вместе с товарищем. Где не крадут лошадей, там нет верности. Ясно? Когда человека гонят в штыковую атаку — обычно без достаточных оснований,— когда человека заставляют рубить, колоть и душить, то он должен быть уверен, что бок о бок с*

ним идет верный товарищ, что рядом с ним — штык, который будет за него колоть, рубить и душить. Только в подобных положениях проявляются высшие добродетели. Для солдата верность вообще есть составная часть его профессии. Он верен не только одному определенному товарищу. Он ведь не может сам выбирать себе взвод. Поэтому он должен быть верным вообще. Штафирки этого не понимают. Они не понимают, как это какой-нибудь генерал может быть верным сначала своему государю, а потом республике, как, например, маршал Мак-Магон. Мак-Магон всегда будет хранить верность. Если падет республика, он опять будет верен королю. И так до бесконечности. В этом-то и заключается верность, только в этом!

Когда Мэкхит уходил, Браун уже более или менее примирился с решением своего друга сесть в тюрьму. С облегчением отправился он диктовать письмо начальнику тюрьмы.

Они договорились, что Мэк сам явится в полицейское управление. Но когда он садился в омнибус, в его мозгу опять возникли мысли о Полли, которые втайне мучили его уже несколько часов. Он изменил свое намерение и поехал в Нанхед.

Он приехал домой около восьми часов. С удивлением увидел он, что в комнате Полли горит свет. А между тем она давно уже должна была находиться в родительском доме.

Перед садиком совершенно открыто разгуливали два сыщика.

Еще в одном окне вспыхнул свет. Полли, как видно, хозяйничала на кухне. Стало быть, она собиралась ночевать тут.

Мэкхит решительно двинулся к подъезду. У садовой калитки его задержали. Он кивнул, когда сзади на его плечо легла рука. Агенты разрешили ему поговорить с женой.

Полли действительно стояла у плиты. Она тотчас же поняла, кто такие спутники Мэка, но была крайне удивлена, что он не уехал из Лондона.

— Ты все еще не у родителей? — сердито спросил он, стоя на пороге кухни.

— Нет, спокойно ответила она,— я была у Фанни Крайслер.

— Ну и?..— спросил он.

— Она едет в Швецию,— сказала она.

— А я не еду,— мрачно сказал он,— собери мне белье.

Он отправился в тюрьму, охваченный страшной тревогой, главным образом из-за Полли.

На следующее утро по поручению господина Пичема его посетил Уолли. Он заговорил о разводе и дал Мэку понять, что в случае его согласия можно было бы добыть оправдательный материал.

— На что вам этот процесс? — спросил адвокат.— Ваше предприятие процветает. Дайте развод — и никакого процесса не будет. Мы располагаем материалом, который может решить все. Господин Пичем хочет вернуть себе дочь — вот единственное, что ему нужно.

Мэкхит резко отклонил это предложение. Он подчеркнул, что его брак — брак по любви.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ах, они друзья приличий,
Не мешай им только впредь,
Коль они чужой добычей
Пожелают завладеть.

«Песенка начальника полиции»

ЛИСТЬЯ ЖЕЛТЕЮТ

Однажды ранним утром Полли Пичем, в замужестве госпожа Мэкхит, вернулась в отчий дом. Несмотря на ранний час, она раздобыла одноконный экипаж. Проезжая мимо городского парка, она заметила, что листва на дубах уже пожелтела.

Внизу, в лавке, ее поразило царящее там волнение. Ее мать, окруженная бледными от бессонной ночи швеями, ссорилась с Бири. На Персика она еле взглянула. Кто-то отнес наверх ее багаж и через некоторое время подал ей утренний кофе.

Ожидали обыска и уже в течение семи часов прятали все, что можно было спрятать. Невостребованные безногими костыли, тележки особой конструкции с потайными ящиками для ног и прежде всего солдатские мундиры вывозились из лавки. Картотека была перенесена в недоступные подвальные помещения.

С полуночи были разосланы гонцы: им велено было передать нищим, чтобы те утром не выходили на работу.

Только-только успели переправить парикмахерскую в соседний дом, как в полдень явилась уголовная полиция.

Она разыскивала в первую очередь солдата Фьюкумби, который утром, несмотря на вызов, не явился в полицию. Но солдата не нашли. Как пояснил госпо-

дин Пичем, он был накануне вечером уволен за непослушание.

Дом или, вернее, три дома напоминали, по словам Бичера, лисью нору; в них помещались столярная и портняжная мастерские, специально обслуживавшие нищих и поражавшие своими размерами.

Фьюкумби действительно переехал на несколько дней в маленькую портовую гостиницу. Ему запретили выходить из комнаты, но с ним был его том «Британской энциклопедии».

Собаками занялась Персик, довольная тем, что нашла себе работу. Отца она увидела только на следующий день. Он держал себя с нею так, словно она вовсе не уходила из дому.

Но после обеда явился Кокс, и когда он, поговорив с господином Пичемом, вышел из конторы и столкнулся в прихожей с Полли, надевавшей шляпу, он приветствовал ее с глубоким чувством.

— Однако,— сказал он проникновенно. — Персик расцвел! Вот что значит юг!

Он схватил ее за обе руки и стал умолять, чтобы она сыграла ему на рояле.

Позади него, у обитой жестью двери, стоял господин Пичем и смотрел на Полли таким умоляющим взглядом, что она, не сказав ни слова, поднялась с маклером наверх и сыграла ему «Монастырские колокола».

Когда маклер исчез и Полли уже собралась уходить, она увидела отца в гостиной на втором этаже. Он сидел не шевелясь и смотрел в слепое окно.

Кокс сообщил ему, что дело с кораблями должно быть закончено в две недели.

Маклер впервые намекнул, как он себе представляет ликвидацию этого дела. Сначала Пичем должен внести всю требуемую сумму, а потом будет заключен брачный контракт, который дополнительно урегулирует денежные взаимоотношения между Пичемом и Коксом. Таким образом, Пичем получит обратно все, что он сам потерял на этом деле, а Кокс удовлетворится барышом в виде приданого Полли.

Сначала внести всю сумму полностью! Это было ужасно!

Когда госпожа Пичем вернулась домой, ей пришлось уложить мужа в постель. Он еле говорил и с величайшим трудом поднялся по лестнице. Ночью он совсем уже собрался умирать. Его жене пришлось вылить ему на грудь в области сердца полбутылки арники. Он даже призадумался, не позвать ли врача!

На следующее утро он, еле волоча ноги, обошел дворы, где каждый камень был им оплачен; теперь ему предстояло отдать их за разбухшие, гнилые деревянные колоды, обманным образом ремонтировавшиеся за его счет в доках. Чудовищно выгодное дело для тех, кто его задумал!

С расстояния пяти шагов, засунув руки в карманы, сдвинув котелок на затылок, он невидящим взглядом смотрел на свою дочь, которая ухаживала за собаками, стоя между двумя искалеченными деревцами с почти совсем уже желтой листвой.

Неужели же ему так и не удастся извлечь из нее барыш и избежать страшного разорения? Если бы ему вернули Полли и дали возможность предложить ее Коксу! Только связанный крепчайшими семейными узами, этот опустившийся, преступный, грязный продавец несчастья возьмет его в долю. Только омерзительная похоть такого человека способна толкнуть Пичема на этот шаг. Быть может!

А этот Мэкхит предпочел сесть в тюрьму и влипнуть в сквернейший процесс, лишь бы не выпустить свою добычу!

Пичем ломал себе голову, каким образом принудить его к разводу.

Что, если пойти к нему и сказать:

«Известно ли вам, что вы ограбили бедного человека? Вы, вероятно, думаете: бедный — тем лучше! С бедным можно делать все что угодно. Но вы заблуждаетесь, милостивый государь! Вы недооцениваете могущества бедных людей! Вы, может быть, не знаете, что в нашем государстве они пользуются теми же правами, что и богачи? Что слабый нуждается в защите, потому что в противном случае он попадает под колеса? Подумайте хорошенько: у него нет ничего, кроме этого равноправия!»

Часами придумывал он подобные речи. Но он не мог найти ни одного по-настоящему убедительного

аргумента. Он понимал, что ничто, абсолютно ничто, кроме физического насилия, не может заставить мало-мальски разумного человека отдать то, что он захватил.

Все утро Пичем боролся с собой. Потом из муки и слабости возникла мысль прибегнуть к крайнему средству — предложить зятю деньги.

Маленький засаленный человек, подпольный адвокат из восточной части города, явился от его имени к Мэкхиту.

Со второй фразы он прямо предложил ему денег, если господин Мэкхит даст согласие на развод.

— Сколько? — спросил Мэкхит, недоверчиво усмехаясь.

Адвокат пробормотал что-то о нескольких сотнях фунтов.

— Передайте моему тестю, — промолвил Мэкхит, разглядывая его, как интересное насекомое, — я слишком уважаю отца моей жены, чтобы серьезно отнестись к подобному предложению. Я не могу допустить, что мой тесть, в самом деле, верит, будто его дочь отдала руку и сердце человеку, способному продать ее за пятьсот фунтов. Адвокат смущенно поклонился и ушел.

Спустя несколько дней господин Мэкхит очутился в таком положении, в котором он, пожалуй, отнесся бы внимательней к предложению подобного рода, если бы названная сумма была увеличена вдвое.

Но маленький засаленный человек больше не появлялся. Такие предложения повторяются в жизни не часто.

МЫСЛЬ СВОБОДНА

Мэкхита поместили в камеру, расположенную в пустынном коридоре. В свое время она служила палатой для большого количества больных и была просторна и высока. Света в ней тоже было достаточно, так как она имела два настоящих окна.

Браун приказал устлать пол камеры большим красным ковром. На стене висел даже портрет королевы Виктории.

Мэкхиту было разрешено выписывать газеты, но он неохотно читал их: все они были полны трогательных описаний Мэри Суэйер, которая преподносилась читателю как замечательная красотка. Еще неприятней были репортерские описания лавки и убогого жилища, в котором она провела последние полгода своей жизни.

О нем самом писали только несолидные листки, да и те избегали прямых обвинений, предпочитая туманные намеки.

Ему было разрешено читать какие угодно книги, за исключением порнографических, так как время от времени его навещал тюремный священник. Зато он в любое время мог получить Библию.

Посетителей было мало, но не потому, что тюремное начальство возражало против свиданий. О'Хара питал глубочайшее отвращение к этому дому. Он очень не любил встречаться со старыми знакомыми. Ему еще предстояло провести немало лет в подобном заведении. Фанни Крайслер тоже редко показывалась.

Что касается деятельности банды и положения д-лавок, то Мэкхит всецело зависел от сведений, доставляемых ему Полли. Вместе с О'Хара она занималась делами — преимущественно по вечерам — в кабинете Мэка в Нанхеде. Заключение Мэка все же оказалось серьезной помехой для дела.

Сильней всего Мэкхита угнетало, что Аарон не подавал признаков жизни. В конце концов он был его компаньоном. Мэкхит ломал себе голову над вопросом: чем вызвана неприязнь к нему великого Аарона? Самый факт заключения Мэка в следственную тюрьму не мог быть причиной охлаждения Аарона. В деловой жизни и не то еще бывало.

Постепенно он пришел к выводу, что со стороны Аарона и Опперов ему грозят крупные неприятности. Процесс, в который он был втравлен тестем, мог оказаться причиной разрыва между ними. А с другой стороны, при первой попытке предъявить следствию свое алиби он разоблачил бы себя перед своими компаньонами в качестве главного заправилы «нейтрального» ЦЗТ.

Тихими ночами, лежа в своей камере, он искал выхода. Помыслы его все чаще и чаще обращались к Крестону. Нельзя ли как-нибудь прибрать к рукам Крестона или хотя бы заключить с ним союз?

«Мой компаньон Аарон, — думал он, — не находит нужным навестить меня в столь тяжелую для меня минуту. Я считал его своим другом, — некоторые мелкие разногласия между нами, несомненно, были бы с течением времени улажены, — а Крестон был мне врагом. Существует старая истина: если в дружбе наступает охлаждение, нужно *своевременно* нанести удар, чтобы оказаться первым. В борьбе никогда не следует так уж твердо помнить, кто твой союзник и кто противник. Подобная позиция чревата роковыми последствиями, как и всякое предвзятое мнение. Быть может, мой подлинный, данный мне природой союзник — Крестон, в то время как Аарон — враг? В процессе развития дел это может, так сказать, обнаружиться в любую минуту. Что может быть ужасней, чем эта постоянная необходимость принимать ответственнейшее решение?»

Он с горечью думал о том, что только невозможность завладеть приданым Полли заставила его вступить на тот путь, где его ожидало столько забот.

Воображаемая Полли возникала перед ним в углу камеры. Не она ли все-таки та крупная ставка, которая спасет его?

Новый план постепенно созревал в голове Мэка.

Полли иногда провожала его к следователю.

— Самое скверное — это то, — сказал он ей однажды, когда они ехали по туманным улицам в тряском пароконном экипаже, с двумя полицейскими за перегородкой, — что О'Хара ведет двойную игру. Несмотря на мой категорический приказ, он не очищает складов. Ты не знаешь, что он задумал?

— Нет, — несколько испуганно ответила она.

— Может быть, ты его прощупаешь? — спросил он, стараясь при беглом свете фонарей разглядеть ее лицо. Другая совместная поездка вновь вспомнилась ему. Это воспоминание было крайне неприятно, так как он думал об О'Хара. Неприятно было и то, что она просто не ответила на его вопрос.

Мэкхит сомневался в ее верности. Он снова и снова говорил себе:

«Она, безусловно, верна мне, хотя бы уже потому, что беременна. Она на это не пойдет. Это было бы слишком гадко и прежде всего неумно с ее стороны. Я ведь наверняка догадаюсь, и что ей тогда делать? Стало быть, она на это не пойдет, она не так глупа. Она знает, что я расшибу — вот именно расшибу — ее за самый невинный проступок. Я могу дойти до того, что назову ее шлюхой. «Что, — скажу я, — я сижу тут, а ты не можешь потерпеть три недели? Ты, шлюха, вот и все!» Она вся задрожит. «Не говори этого, — захнычет она, — не может быть, что я такая!» — «Нет, ты шлюха, — скажу я. — Ты носишь ребенка под сердцем и позволяешь себе блудить? Это — предел! Девка из гавани — и та себе такого не позволит. Меня трясет от физического отвращения, когда я о тебе думаю!» И все это она должна будет выслушать. Ни одна женщина не пойдет на это. Да я и в самом деле совершенно серьезно не желаю, чтобы она путалась с другими. Как женщина она просто воск в руках мужчины. Этот акт оставляет глубочайший след в психике. После этого она потеряет для меня всякую ценность. Любой мужчина сможет требовать от нее что угодно. Она просто-напросто подведет меня под нож. А между тем я именно теперь не могу без нее обойтись. Все-таки хорошо, что она от меня забеременела. Небось теперь не станет шляться. Она просто лишена этой возможности. Я ей нужен физически. В подобном состоянии женщина не подпускает к себе постороннего мужчину, хотя бы по чисто биологическим причинам. Биологические причины всегда самые веские».

Она и в самом деле была очень нежна с ним в эти дни и больше не заговаривала ни о Фанни Крайслер, ни о поездке в Швецию. Он приказал Фазеру ходить за ней по пятам и подавлял мучительные мысли о том, что Фазер, быть может, действует заодно с О'Хара, главным объектом его подозрений, потому что он нуждался и в Полли и в О'Хара. Ибо близилось решительное сражение. А он был поставлен в необходимость наносить наиболее сокрушительные удары из тюрьмы!

Он, несомненно, находился в прескверном положе-

нии. Ему было совершенно ясно, что он должен забыть о своих личных чувствах, покуда не приведет в порядок свои дела.

При помощи Полли он рассчитывал разлучить Национальный депозитный банк с Крестоном. Подъезжая к тюрьме, он наскоро объяснил ей, как ей следует действовать.

Она должна пойти в Национальный депозитный банк к Миллеру, передать ему привет от отца, потом чуточку помяться — так, словно ей трудно начать говорить,— потом залиться слезами и спросить старика, как ей быть: ее муж намерен в ближайшее время забрать из банка деньги ее отца — ее приданое — и полностью вложить его в свою розничную торговлю. Пичем в самые ближайшие дни посетит банк. По всем данным, ей посоветуют умолить отца не отдавать ей приданого. На это она должна ответить, что отец прямо-таки влюблен в ее мужа, и, плача, уйти.

Она столь охотно выразила согласие, что он несколько смягчился и даже посвятил ее в причины этого мероприятия.

Он объяснил ей, что банк, по всей вероятности, тотчас же попытается наладить с ним отношения. Тогда он потребует, чтобы банк перестал так рьяно поддерживать Крестона. И в результате Крестон, надо полагать, приползёт к нему на коленях. Отчаянная борьба с конкурентами, должно быть, и без того сильно ослабила его.

Тон, каким Мэк говорил о своих делах, произвел на Полли сильное впечатление.

Она ясно видела: он твердо решил во что бы то ни стало создать им обоим обеспеченное существование.

«Я плохая жена,— думала она.— *Он борется ради меня, а я путаюсь на стороне. Правда, все это не имеет никакого значения и не затрагивает моих сокровенных чувств, и если я даже и сплю время от времени с другими мужчинами, оттого что я не могу выдержать, когда мне целуют руки, я в конце концов ничего у него не отнимаю, потому что потом кажусь ему нисколько не менее соблазнительной, и если даже это и приятно, особенно с О'Хара, и, в сущности, никого не касается, то все же это с моей стороны нехорошо и со временем*

отразится на моей наружности,— от этого появляются такие резкие морщины».

Она ушла взволнованная и дала себе слово немедленно порвать с О'Хара, с которым ее в конечном счете связывает только плотское влечение, тем более что он в последнее время скверно отзывался о Мэке и намекал на свои планы стать самостоятельным.

В тот же вечер в ресторане, где они обычно встречались, она сообщила ему о своем решении. Он рассмеялся и предложил ей заняться текущими делами у него на дому: он кое-кого увольняет, и ему нужна ее подпись.

— Хорошо,— сказал он,— давай кончим. Ты вольна принимать какие угодно решения. Никто не может заставить тебя делать то, чего тебе не хочется делать. Я не из тех, кто насильно заставляет женщину любить себя,— это ни к чему хорошему привести не может. Если возникнет хоть малейшее сомнение, лучше сразу же кончить. Но может ли это помешать тебе зайти ко мне и уладить текущие дела? Что общего имеют они с нашей связью? Неужели же двое взрослых людей не могут побыть вместе в одной комнате и не наброситься друг на друга? Имеются психологические и моральные соображения против сексуального общения между нами — следовательно, сексуального общения не будет. Все это очень просто. Неужели же окажутся правы жалкие мещане с их грязным недоверием и мерзкими подозрениями? Мы оба — свободные люди!

Он учился когда-то в гимназии и очень хорошо умел говорить. Она пошла к нему, и они сделали свою работу. Потом они улеглись в кровать — психологические и моральные соображения были против этого поступка, но сексуальные были за него. Тем не менее они надолго после этого перестали встречаться.

Наутро Персик пошла к Миллеру в Национальный депозитный банк.

Она имела свежий и отдохнувший вид и была в отличном настроении. После грехопадения ее никогда не мучила совесть — только до него.

Миллер принял ее в своем кабинете. Она передала привет от отца, потом чуточку помялась — так, словно ей трудно было начать говорить,— потом залилась слезами и выложила все, что ей вдолбил Мэк.

— Мэк,— сказала она всхлипывая,— такой честолюбивый! Он во всем хочет быть первым. А для этого ему, ясное дело, нужны деньги, деньги и деньги. Он поддерживает такое количество людей. Эту Суэйер он тоже поддерживал. Это было просто подло с ее стороны, что она так его оклеветала! И я не могу хватать его за руки, когда он тянется к моему приданому,— у него ведь такая широкая натура!

Миллер испугался сильней, чем она ожидала. Старик весь посерел, услышав, что деньги Пичема будут сняты со счета. Он пролепетал что-то про Хоторна и вышел в соседнюю комнату. Через четверть часа она ушла, не дождавшись его.

В тот же вечер Полтора Столетия явились в камеру Мэка. Он был одет как обычно и сразу же распорядился подать стулья и предложил им сигар.

Камера была вполне удобным местом для переговоров. Красный ковер был, правда, убран. Какая-то газета сообщила о комфорте, каким пользуются в тюрьме крупные дельцы. На следующий день двое полицейских скатали и вынесли ковер. Но портрет королевы по-прежнему висел на стене.

Браун делал все, что было в его силах. Он всегда вовремя получал от Мэка причитавшиеся ему комиссионные и был от природы благодарным человеком. Он не был политиком: он оставался верен данным обязательствам.

«Можно быть свободным и в стенах тюрьмы,— сказал Мэкхит Хоторну, с удовлетворением оглядывая камеру.— *Свобода — это явление духовное. Кто ею обладает, у того никто и никогда ее не отнимет. Как это сказал поэт? В цепях свободен! Есть люди, которые не свободны и за воротами тюрьмы. Тело можно заковать в цепи, дух — никогда. Мысль свободна!*

— Господа,— открыл наконец Мэкхит совещание, шагая взад и вперед по камере.— Ваше посещение поразило меня. Превратности жизни, ее вечные приливы и отливы не так давно разъединили нас. Мы расстались, как дорожные попутчики, говорящие друг другу: «До сих пор мы странствовали вместе. Здесь наши пути расходятся. Но не будем грустить! Скажем друг другу бодрое «до свидания»! Вы, я слышал, связались с Крестоном — я обратился к Аарону. Каждый из нас

вернулся к своим делам, имеющим одну цель — ревностное служение клиентуре. Не так ли?

Миллер закашлялся, а Хоторн, имевший совсем пришибленный вид, подхватил нить разговора.

— Господин Мэкхит,— тихо сказал он,— ваша точка зрения на то, что произошло, делает вам честь. Сколь многие могли бы понять нас превратно в тот момент, когда мы по зрелом размышлении склонились на сторону Крестона. Национальный депозитный банк принадлежит дитяти. Мы опекуны и не можем руководствоваться нашими личными симпатиями, как другие, более самостоятельные люди. Мы слышали, что вы хотите взять обратно некоторые суммы, доверенные вашим уважаемым тестем нашей фирме?

— Совершенно верно,— ответил Мэкхит,— эти деньги нужны мне для проведения кое-каких коммерческих операций, навязанных моим лавкам борьбой с конкурентами.

Хоторн и Миллер переглянулись.

— Не концерн ли Крестона принуждает вас к проведению этих операций? — спросил Хоторн чуть ли не шепотом.

— Возможно,— сказал Мэкхит.

— Мы крайне сожалеем об этом,— сказал Хоторн, а Миллер кивнул.

— Охотно верю,— ввернул Мэкхит.

Хоторн был несколько смущен.

— Если взглянуть на дело с высшей точки зрения, господин Мэкхит,— сказал он,— то покажется почти естественным, что более жизнеспособные предприятия пожирают более слабые. То же самое происходит и в природе. Мне незачем вам об этом говорить.

— Незачем,— сказал Мэкхит.

— Когда вы не так давно вновь вступили с нами в переговоры, мы пришли к заключению, что настал момент предложить вам нашу помощь.

Мэкхит обрадовался.

— Я знаю. Вы удвоили ваши старания. Вы немедленно сунули в концерн Крестона все деньги, какие у вас были и каких у вас не было.

Мэкхит остановился. Последнюю фразу он сказал совершенно случайно, не задумываясь. Все же он ожи-

дал протеста, но, к крайнему своему изумлению, не дождался его.

Одного взгляда на Полтора Столетия было достаточно, чтобы понять все.

Они растратили доверенные им деньги!

Мэкхит лишь на секунду прервал свою речь; он продолжал беззаботным тоном:

— Вы, так сказать, продали вашу последнюю рубашку, а к сожалению, заодно и чужую; не так ли?

Хоторн уронил голову на грудь. Миллер невидящим взглядом уставился в «глазок» камеры.

— Чего вы от нас требуете? — хрипло вымолвил Хоторн.

— Всего! — весело сказал Мэкхит. — Почти всего: стало быть, не так уж много. Я вынужден взглянуть на это дело с довольно низменной точки зрения. Подождите-ка! Разберемся, что получается.

Он тщательно выбрал из ящика толстую, длинную гавану, откусил ее кончик, дунул в нее, покатал толстую, приятную на ощупь сигару в толстых губах и раскурил ее. То было дивное, блаженное мгновение в его жизни, вознаградившее его за многие другие, менее приятные. Голубое облако дыма выплыло из его рта.

— Подождите-ка,— сказал он. — Вы растратили деньги моего тестя. Вы в ваши сто пятьдесят лет взломали несгораемый шкаф. Деньги эти дали Крестону возможность выбрасывать свои товары ниже себестоимости. Этим ходом он рассчитывал погубить Аарона и мои д-лавки. Значит, сначала ограбление, а потом убийство. На большой дороге делают как раз наоборот. Там сначала убивают. Впрочем, если бы мы погибли, вы все равно бы нас сожрали! Фу! Право же, Хоторн, во всем этом слишком много биологии!

— Чего вы от нас требуете? — спросил Хоторн и внезапно посмотрел на своего противника снизу вверх бесстрашными голубыми глазами.

«Это первые честные люди, каких я вижу на своем веку, — подумал Мэкхит, — единственные».

— Видите ли,— медленно сказал он,— я мог бы требовать многого, но решил столь же многое предложить вам. Для этого я считаю наиболее удобным вступить в ваш банк в качестве, скажем, директора-распорядителя. Но еще до того мы сделаем следующее: мы

разойдемся с Крестоном, поскольку он, с высшей точки зрения, от природы слабее нас. Бессмысленное и безнравственное разбазаривание с трудом нажитого имущества прекращается. Мы потребуем возврата наших денег, чтобы он как следует почувствовал, до чего он слаб. По всей вероятности, он тогда ощутит потребность в более твердом руководстве. Как вам нравится мое предложение?

Миллер встал, Хоторн смотрел на него снизу. Миллер скользнул по нему удивленным взглядом, но тот не двинулся с места. И тут многое изменилось для Миллера. Он начал стареть. Его спина согнулась, у него выпали зубы, поредели волосы, прибавилось мудрости.

— Только ради фирмы,— пробормотал он,— я согласен.

— Да будет так,— сказал Мэкхит.

Полтора Столетия скорбно удалились. Они обещали приготовить все бумаги, необходимые для вступления оптового торговца Мэкхита в Национальный банк. Кроме того, они обещали закрыть кредит Крестону.

Несколько дней Мэкхит ждал, чтобы Крестон приполз на коленях; это неминуемо должно было произойти, Крестон не имел никакой возможности провести предстоящую рекламную неделю без помощи банка. В результате ожесточенной конкуренции последних недель его склады, несомненно, были опустошены.

Но Крестон не пришел к Мэкхиту.

Вместо этого в ЦЗТ начали твориться какие-то темные и непонятные дела.

С Нижнего Блэксмит-сквера в следственную тюрьму поступали лишь отрывочные и неточные сведения. О'Хара все еще не показывался. На распоряжения Мэкхита, по-видимому, никто вообще не обращал внимания.

Полли тоже не могла сказать ему ничего определенного. Она все время ходила туда, и все время ей заговаривали зубы. О'Хара утверждал, что он занят инвентаризацией. Он никак не мог закончить ее.

Когда Полли, которая сама уже начала беспокоиться, еще раз пошла туда, она натолкнулась на подводы, груженные ящиками и товарами; в темных и тесных воротах лошади чуть было не задавили ее. О'Хара в конторе не оказалось, а Груч почему-то страшно

смутился. Он не мог сказать, куда отправляются ящики.

Полли ушла домой взволнованная. Она давно уже окончательно рассорилась с О'Хара, так как не могла допустить, чтобы он нарушил интересы Мэка. На следующее утро она ругательски ругала его своему мужу, кричала, что он нечист на руку, ворует товары и тайком сплавляет их, что он даже пробовал вытянуть у нее ключи от шкафа, где хранятся орудия взлома; он, как видно, обработал кое-кого из ребят и собирается вместе с ними действовать самостоятельно.

Мэкхит успокоил ее. Он попросил ее сходить к Миллеру.

Ей чрезвычайно польстило, что он посвящает ее в свои дела. Она вошла в банк с таким видом, словно на минуту завернула сюда с прогулки, и покуда Миллер докладывал ей, расхаживала по комнате, заложив руки с ридикюлем за спину и разглядывая гравюры на стенах.

Она узнала, что закрытие кредита сначала очень испугало Крестона, но что теперь он надеется обойтись вообще без кредита. Он недавно приобрел большую партию товара по неслыханно низким ценам и рассчитывает заработать на рекламной неделе солидный куш.

Мэкхиту это известие не понравилось.

По его поручению Полли, посетив банк вторично, потребовала, чтобы Миллер лично осмотрел эти удивительно дешевые товары, прежде чем пролонгировать вексель.

Во время осмотра Миллера сопровождала Фанни Крайслер, которую Мэк опять решил привлечь к более близкому участию в делах. Она установила, что новая партия, приобретенная столь дешево и обеспечившая Крестону успех его рекламной недели, состоит из товаров, хранившихся дотоле на Нижнем Блэксмит-сквере.

Явившись к Мэку в его камеру, она не сразу решилась сообщить ему об этом. Она так долго говорила о посторонних вещах, что он в конце концов прикрикнул на нее. Он понял все, прежде чем она успела закончить первую фразу.

О'Хара изобрел доходнейший способ очистить склады от товаров. Он кормил ими конкурентов.

Мэкхит пришел в дикую ярость.

— Измена накануне боя! — орал он.— И это в то время, как я сижу здесь, скованный по рукам и ногам! А почему я здесь сижу? Почему я терплю все эти грязные подозрения? Одно мое слово, и я мог бы преспокойно выйти на волю! Почему я не произношу этого слова? Потому что моя обязанность — довести дело до конца и не отдать знамени противнику! Потому что я думаю о всех человеческих жизнях, которые погибнут, если я заговорю! Потому что мой девиз: верность за верность! А со мной так поступают! Что я скажу маленькому человеку — владельцу д-лавки, если он спросит меня, куда я его веду? Он сидит в полупустой дыре, без товаров, у него не внесена арендная плата, в витрине все еще висит объявление о дешевой распродаже, а за спиной — голодающая семья, у которой нет сырья для работы. И все же он не падает духом, он не устает бороться, он полон надежд, верит в меня, вдохновлен великой общей идеей! А эта тварь всаживает мне нож в спину! Я сделаю из него котлету!

Он пробежал в тот день по своей камере немало километров. Но тем не менее на следующее утро он не принял никаких мер против О'Хара.

— Всему виной его нерешительность,— говорила Фанни Гручу.— Как это скверно, что Мэк — человек настроения: когда он разочаровывается в людях, он на несколько недель теряет способность вести какую-нибудь твердую линию. Он всецело отдается мировой скорби. И только через некоторое время постепенно возвращается к своему плану.

— А есть у него вообще какой-нибудь план? — допытывался Груч.— Я хочу сказать — настоящий план, а не только случайные идеи. Иногда я начинаю бояться: а что, если ему больше не придет в голову ничего из ряда вон выходящего? Тогда он конченый человек!

— В него надо верить,— спокойно сказала Фанни.

Вывоз товаров с Райд-стрит продолжался. Мэкхит не принимал никаких мер, чтобы приостановить его.

Вместо этого он пригласил на совещание обоих

адвокатов из наблюдательного совета ЦЗТ вместе с Фанни и настаивал на точном выполнении решений от 20 сентября, согласно которым задолженность д-лавок ЦЗТ должна быть неукоснительно взыскана. По всей видимости, в его голове возник новый план.

Он старался собрать как можно больше наличных денег. Фанни Крайслер помогала ему, сидя в ЦЗТ. Она обладала общественной жилкой, и превращение сети д-лавок в груду развалин было ей не по сердцу. Но она понимала, что теперь речь идет о жизни и смерти. Она выжимала из мелких лавочников все, что из них можно было выжать. И только гораздо позднее поняла, чего этим добилась.

Однажды вечером, устав от конторской работы в ЦЗТ, она на минуту заглянула в свою антикварную лавку. Несмотря на то, что деловой день давно уже кончился, в лавке еще горел свет. В ней находилось несколько человек, в том числе адвокат Риггер. Ее приказчик как раз предъявлял им торговые книги.

Риггер сухо сообщил ей, что господин Мэкхит намерен продать лавку. Он, казалось, был удивлен, что ей до сих пор ничего об этом не известно. Она разрыдалась.

Мэкхит в самом деле забыл ей об этом сообщить. Он был до такой степени уверен в ней, что ему, в сущности, ничего бы не стоило походя сказать ей, что ему в данный момент нужны деньги, вложенные в ее предприятие. Антикварная лавка была одним из его самых доходных подсобных предприятий. К сожалению, он не сказал ей ни слова, хотя она была у него в тот же день утром.

Она ушла домой в полном расстройстве.

Ввиду того, что она несколько дней не являлась к Мэку, несмотря на повторные вызовы, он написал ей грубое письмо. Он, разумеется, не мог не догадаться, что́ произошло, но даже не подумал просить прощения. У него были другие заботы. Он считал полезным при случае дать ей понять, что в конце концов она не больше, чем *служащая*.

Мэкхит начал разворачивать широкую деятельность, хотя в последнее время к нему применялся более строгий режим. В течение нескольких дней свидания с ним добивались всевозможные люди; однако, по-

лучив пропуск, они не пользовались им и уходили из приемной. А потом в «Зеркале» появилось сенсационное сообщение о том, какое количество людей получили разрешение повидаться с Мэкхитом. Брауну поэтому пришлось ограничить свидания. Так господин Пичем время от времени подавал признаки жизни.

Но деловые операции Мэкхита не терпели ограничений.

У него разболелись зубы, и Браун позволил ему ездить к зубному врачу. Зубоврачебный кабинет имел два выхода. В то время как полицейские дежурили на площадке лестницы и в приемной, Мэкхит принимал в самом кабинете немалое количество нужных ему людей.

Сидя в зубоврачебном кресле, обмотав шею салфеткой на тот случай, если бы вошел полицейский, он вел переговоры с бесчисленным количеством ухмыляющихся женщин и девиц.

Полли также нуждалась во врачебной помощи. Она сидела за письменным столом зубного врача, который тем временем поглощал свой завтрак. Она записывала в книжечку фамилии посетительниц и суммы, выданные им Мэкхитом. Деньги она доставала из принесенного ею небольшого портфеля. Это была дань, собранная с д-лавок. В ее взыскании принимало участие несколько судебных исполнителей.

Женщины, прежде чем уйти, выдавали ей расписки. Все они смеялись. Полли тоже смеялась. Это было очень веселое дело.

Правда, в «Зеркале» опять появился заголовок: «АКУЛЫ СИТИ ЧИНЯТ СЕБЕ ЗУБЫ». Но тем временем все, что нужно было сделать, было сделано.

Мэкхит чувствовал себя очень бодро.

Он вызвал Груча с Нижнего Блэксмит-сквера и, покуривая сигару — все в том же зубоврачебном кабинете,— спросил его, какое количество сотрудников ЦЗТ, по его мнению, пресытилось своим ремеслом. Он намерен дать им возможность поработать в другой области.

В данный момент ему нужно столько-то людей (желательно, чтобы среди них были и женщины), которых он в определенный день бросит на закупку различных товаров. Подробности он сообщит дополнитель-

но. Кто проявит себя толковым работником, получит от него д-лавку на особо выгодных условиях. В ближайшее время ЦЗТ едва ли сможет давать какие-либо поручения или приобретать товары сколько-нибудь сомнительного происхождения. В лавках, которым предстоит большой расцвет, они смогут начать новую жизнь. Он лично будет счастлив, если ему удастся приучить некоторое количество дельных людей (другие его не интересуют) к более полезной в социальном отношении деятельности.

Потом он произнес перед затихшим, ошеломленным Гручем речь.

— *Груч,*— сказал он,— *вы старый налетчик. Налеты — ваша профессия. Я не хочу сказать, что она устарела по внутреннему содержанию. Это было бы чересчур смело. Но по форме, Груч, она отстала. Вы мелкий ремесленник, этим все сказано. Вы принадлежите к вымирающему сословию, этого вы и сами не станете отрицать. Что такое отмычка по сравнению с акцией? Что такое налет на банк по сравнению с основанием банка? Что такое, милый Груч, убийство человека по сравнению с использованием его как рабочей силы? Несколько лет тому назад мы, изволите ли видеть, украли целую улицу; она была замощена торцами, мы сорвали их, нагрузили ими подвалы и уехали. Мы думали, что совершили невесть какой подвиг. А в действительности мы только задали себе лишнюю работу и при этом подвергли себя опасности. Вскоре за тем я узнал, что гораздо проще стать городским гласным и немножко поинтересоваться распределением подрядов. Вы берете подряд на ремонт любой улицы и, ничем не рискуя, обеспечиваете себе отличный заработок. В другой раз я продал не принадлежавший мне дом; в то время в нем никто не жил. Я вывесил плакат: «Продается, справки у NN». NN — это был я. Детские штучки! Безнравственность в чистом виде, иными словами — не вызванное необходимостью предпочтение незаконных путей и средств! Не лучше ли сколотить немного денег, отремонтировать несколько ветхих домишек на одну семью, продать их в рассрочку и дождаться, когда у покупателей выйдут все деньги? И дома опять ваши, и повторять эту комбинацию можно сколько угодно раз! И полиция ни при чем! Возьмите*

теперь наше ремесло: под покровом ночи мы вламываемся в лавки и выгребаем оттуда товары, которые мы рассчитываем продать. К чему? Если лавки прогорят оттого, что они торгуют по слишком высоким ценам, мы получим нужный нам товар наизаконнейшим порядком — путем простой покупки, и потратим на него гораздо меньше, чем мы бы потратили на налет. И если для вас это важно, мы, в сущности говоря, совершили ту же кражу, все равно что налет, ибо те товары, что находились в прогоревших лавках, тоже были в свое время похищены у людей, изготовивших их, у людей, которым было сказано: рабочая сила или жизнь! Нужно работать легально. Этот спорт нисколько не хуже! Мне, бывало, тоже случалось, возвращаясь из Бельгии, проходить по сходням с пластырем на носу мимо двух-трех господ в мягких шляпах,— пластырь так меняет физиономию! — но что все это по сравнению с игрой в ЦЗТ? Детский лепет! В наше время надо пользоваться мирными методами. Грубое насилие вышло из моды. Не стоит, как я уже сказал, подсылать убийц, когда можно послать судебного исполнителя. Мы должны строить, а не разрушать, то есть мы должны наживаться на строительстве.

Прищуренными глазами он изучал Груча. Он рассчитывал привлечь его к работе, чтобы, таким образом, помириться с Фанни.

— Я собрался,— продолжал он,— ликвидировать товарищество и уволить всех сотрудников, в том числе и вас. Но последнего, может быть, удастся избежать. А что касается остальных, то как вы думаете, кто из них обладает достаточными средствами, чтобы приобрести д-лавку, принимая во внимание, что большое количество этих лавок вскоре не будет иметь владельцев? Составьте мне список. Я думаю, мне таким способом удастся еще кое-что выколотить из ребят. Не имеет смысла с места в карьер выбрасывать их на улицу. Можете, кстати, спросить Фанни, кого она считает надежным,— она ведь питает к ним симпатию. Понимаете, Груч, я хочу переменить галс. Я вызвал вас сюда потому, что вы человек гибкий. Ведь есть и такие люди, которые не понимают веяний времени и которых по справедливости раздавит колесо истории.

Груч терпеливо слушал и явно старался понять веяния времени. Потом он пробормотал что-то насчет О'Хара.

— О'Хара? — с сожалением сказал Мэкхит.— Он только о бабах думает. Я уверен, что его оправдательные документы на товары совсем не такие безукоризненные, какими они должны быть. В один прекрасный день его делами заинтересуется полиция, и что тогда?

Он договорился с Гручем. С тех пор Груч несколько лет подряд осторожно и честно руководил закупками в южной части Лондона.

РЕКЛАМНАЯ НЕДЕЛЯ КРЕСТОНА

Ясным осенним утром Крестон открыл свою рекламную неделю единых цен.

Уже с семи часов, за два часа до открытия, перед железными шторами лавок дежурили толпы покупателей. Ничего подозрительного в этих толпах не было — бросалось в глаза разве только большое количество мужчин.

К открытию прибыли господа Хоторн и Миллер из Национального депозитного банка. Вместе с Крестоном, тощим, жилистым, долговязым мужчиной, они сидели в конторе центрального магазина. Старики невероятно нервничали. Крестон сохранял полное спокойствие. Он очень тщательно подготовился к кампании. Его служащие работали накануне до поздней ночи, переоценивая все товары и разбивая их по ценам на четыре основные группы. Ровно в девять часов двери распахнулись, и покупатели хлынули в лавки.

С первой же минуты во всех лавках Крестона одновременно начало твориться нечто удивительное и малоприятное.

Покупатели вели себя как-то странно.

Только-только проникнув в помещение, они уже опрометью бросались к прилавкам. Никто не выбирал. Ажиотаж начинался у полок, расположенных поближе к выходу, и постепенно распространялся на более отдаленные. Покупатели без разбора хватали партии одних и тех же товаров, запихивали их в кошелки и даже в мешки, оплачивали довольно крупными кредитками и поспешно удалялись, чтобы через несколько минут вернуться вновь.

Крестон очень скоро заметил, что происходит нечто странное. Это не были нормальные покупатели, это не были те недоверчивые, придирчивые, враждебно настроенные люди, которые долго выбирают, прежде чем связать себя навеки. Они энергично работали локтями, грудью оттесняли разборчивых покупателей от прилавков и буквально терроризировали их.

Продавцы, заинтересованные на сей раз в прибыли (это было новшество), обливались потом, стараясь удовлетворить спрос. Покупатели с бранью вырывали у них товар из рук. Только у касс они становились придирчивы. Они требовали квитанций с печатью и указанием цены проданного товара.

Крестон вызвал полицию. Полиция явилась и установила факт чрезвычайно большого наплыва покупателей; она также узнала среди них ряд темных личностей, старых своих знакомых, но не нашла никаких законных оснований для вмешательства. Не могла же она разгонять резиновыми дубинками людей, которые хотели купить за наличные деньги то, что им было необходимо.

Крестон, тем временем объехавший все свои лавки и повсюду увидевший ту же самую картину, решил закрыть их на несколько часов. Но когда газетные репортеры потребовали у него объяснений, он вновь открыл их.

Весь день до позднего вечера Полли и Груч, сидя в маленькой распивочной, регистрировали закупленные товары. Их было очень много.

Крестон прочел в вечерних газетах, что его рекламная распродажа имеет бурный успех и что в один день были раскуплены все его огромные запасы.

И действительно, лавки его напоминали поле ожесточеннейшей битвы. Казалось, что огромное полчище саранчи пожирало все дочиста. Он не мог объяснить себе этот маневр конкурента.

Вечером, в то время как к складам на Нижнем Блэксмит-сквере подкатывали ручные тележки и подводы с купленным товаром, Мэкхит принял у себя в камере О'Хара.

— Я люблю самостоятельность и инициативу,— сказал он ему спокойно.— Это ты замечательно придумал — продать Крестону всю неходовую заваль. Без

оправдательных документов нам никогда не удалось бы сбыть ее. Теперь они у нас есть. Я приказал вновь откупить у него все. Где деньги?

О'Хара был ошарашен. Он недолго увиливал. У него были крестоновские векселя, и он тут же сдал их Мэкхиту. Документов, свидетельствующих о происхождении товаров, Крестон от него не получал и не требовал.

О'Хара не делал никаких попыток внести ясность в происшедшее, очевидно, удовлетворившись разъяснением Мэкхита. Он зависел от Мэкхита, а Мэкхит зависел от него. Мэкхит совершенно случайно заговорил на эту тему; не заговори он, весьма возможно, что О'Хара сам бы ее коснулся. Никто не мог бы доказать противное. Было бы низостью подозревать что-либо иное. Право же, это было бы крайней низостью.

После того как О'Хара ушел,— перед уходом он еще немного посидел, не произнеся, впрочем, ни слова,— Мэкхит вызвал к себе Брауна.

Они пили грог и курили. Мэкхит сидел сгорбившись на койке и носком башмака приподымал ковер, вновь положенный на пол по распоряжению Брауна. Он не знал, с чего начать. Наконец он начал издалека:

— Скажи-ка, ты помнишь, что ты говорил мне этим летом, когда мы с тобой беседовали о ливерпульских инструментах? Ты указал мне правильный путь. С течением времени я все лучше и лучше понимал твою мысль. Я должен окончательно разделаться с остатками моего прошлого. Это становится мне с каждым днем яснее. Лежа по ночам без сна, я вспоминаю твои слова и борюсь с моим худшим *я*.

Воцарилась проникновенная пауза. У Брауна был довольно испуганный вид.

— Не забывай, что я, кроме того, одолжил тебе некоторую сумму денег и до сих пор не получил ее обратно,— сказал он с беспокойством.

— Мне бы не хотелось,— горестно ответил Мэкхит,— говорить в настоящую минуту о деньгах, Браун. Ты их получишь, это так же верно, как то, что меня зовут Мэкхит.

— Мне бы хотелось, чтобы ты бросил шутить, Мэк! — разозлился Браун.

Мэкхит невозмутимо продолжал:

— Я так хорошо помню твои слова, как если бы ты сказал их вчера. «Ты должен избавиться от этого О'Хара,— сказал ты.— Ты должен создать себе другую среду». Ты дал мне время на размышление. Ну что ж, я все продумал.— Он строго поглядел на Брауна.— В моем закупочном товариществе имели место злоупотребления. Подозрение падает на моего служащего О'Хара, ты его знаешь.

— Тебя обжулили?

— Нет, не совсем так. Но товары, сданные моим лавкам, а в последнее время также и концерну Аарона, по всей видимости, темного происхождения. Отсутствует целый ряд оправдательных документов. Я должен расследовать все до конца, иначе расследованием займется Аарон и оно обернется против меня. Понимаешь?

— Понимаю. Но этот О'Хара — отъявленный негодяй. Он наверняка запутает тебя.

— А может быть,— сказал Мэкхит мечтательно,— может быть, он меня все-таки не запутает. На часть товаров у него все же есть оправдательные документы. Только не на все. А те накладные, что у него есть, хранятся в ЦЗТ. Они в руках у Фанни.

— Ах, вот как,— пробормотал Браун.

— Да,— с удовлетворением сказал Мэкхит.

— А я тут при чем? — спросил Браун, несколько успокоившись.

— Быть может, ты еще что-нибудь про него разузнаешь. Надо найти что-нибудь такое, что можно было бы и предъявить и в случае чего взять обратно, в зависимости от того, будет он вести себя разумно или нет.

— Отчего же, это можно,— сказал Браун.— Я сам терпеть не могу предателей.

— Его образ жизни тоже вызывает омерзение,— добавил Мэкхит.— Я долго наблюдал, как он ведет себя с женщинами. Правда, я постоянно прощал его за его заслуги, но в доме у него не мог заставить себя бывать. А теперь мое терпение истощилось.

Они еще немного посидели и покурили. Потом Браун ушел.

Мэкхит стал медленно укладываться спать. Он был озабочен.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Где утонул жеребенок,
там была вода.

Старинная пословица

УБИЛ ЛИ ГОСПОДИН МЭКХИТ МЭРИ СУЭЙЕР?

Дело Мэри Суэйер с каждым днем доставляло Мэку все больше забот.

Уолли, адвокат Пичема, созвал общее собрание владельцев д-лавок. Засев в задней комнате ресторана четвертого разряда, они замышляли всевозможные козни.

Процесс раскрыл перед обществом истинное положение дел в д-лавках. Толстый Уолли призывал собрание организовать союз пострадавших розничных торговцев. Он сообщил, что обвиняемый в убийстве делец занимает в следственной тюрьме княжеские хоромы, устланные персидскими коврами.

Долговязый чахоточный сапожник указал на своеобразную «дружбу» Мэкхита с убитой и, пылая негодованием, потребовал расследования взаимоотношений между работодателями и служащими женского пола.

— Здесь имеет место злоупотребление служебным положением! — воскликнул он.

Более умеренные призывали к спокойствию.

Одна старуха предложила отсрочить все расчеты с господином Мэкхитом до того момента, как будет вынесен судебный приговор, и даже попробовала свалить на него октябрьскую арендную плату. Однако у нее нашелся всего-навсего один единомышленник, одобривший это мероприятие. Пусть, сказал он, господин Мэкхит видит, что они потеряли веру в него.

Представители умеренного крыла без особого труда одержали победу. Было решено не касаться экономических вопросов, не имеющих, в сущности, никакого отношения к делу и способных только скомпрометировать возвышенные моральные установки собравшихся. Решение это было принято единогласно. Старуха тоже голосовала за него.

Об экономических вопросах больше не говорилось. Маленькие люди очень склонны объяснять постигшую их катастрофу причинами высшего порядка.

Было принято решение ограничиться протестом против беззащитности розничных торговцев и требованием беспощадных мер против убийцы, «к какому бы сословию он ни принадлежал».

Тем не менее собрание это имело для Мэкхита весьма неблагоприятные последствия. Против него были теперь настроены все.

В газетах появились фотографии осиротевших детей. На одной из них был виден плакат: «Эта лавка принадлежит жене фронтовика».

Особенно далеко зашел Пичем. Он расставил у целого ряда д-лавок своих нищих, истощенных субъектов с табличками на груди, гласившими: «Покупая здесь, вы покупаете в *моей* лавке». Владельцы лавок не принимали против них никаких мер, и газеты немедленно сфотографировали и нищих.

Они же поместили заголовки, набранные в разрядку:

УБИЛ ЛИ МЭКХИТ МЭРИ СУЭЙЕР?

В довершение всего Мэкхит был принужден добиваться прекращения следствия, не открывая своего алиби.

Все зависело от того, удастся ли создать правдоподобную версию о самоубийстве Мэри Суэйер.

Он поставил на колени Полтора Столетия, он имел в руках материал против Крестона. Но на формальности, связанные с его вступлением в банк, требовалось довольно много времени, а использовать материал против Крестона он мог, только сидя в правлении банка.

Без алиби же он мог обойтись только при условии создания абсолютно правдоподобной версии о самоубийстве Суэйер. С другой стороны, самоубийство бросало тень на репутацию д-лавок.

В ночь накануне рассмотрения дела судом присяжных к Мэкхиту явился совершенно подавленный Браун и сообщил ему, что докеры, видевшие Мэри на берегу незадолго до ее смерти *в полном одиночестве,* как сквозь землю провалились. Браун сделал все, что было в его силах, чтобы найти их. По-видимому, кто-то убрал их со сцены. Уолли, ухмыляясь, заявил шефу полиции, что оба свидетеля дали, по всей вероятности, ложные показания и теперь боятся, что их заставят присягать. Мэкхиту нетрудно было догадаться, кто убрал этих свидетелей. Вероятно, они жили в той же гостинице, что и Фьюкумби.

— *Ах,*— сказал он Брауну, который слушал его со страдальческим видом,— *на что мне твоя преданность, когда в этом деле нужно умение? Ты напоминаешь мне старого добряка Скиллера, у него тоже постоянно были самые лучшие намерения, а между тем он за всю жизнь не сумел управиться ни с одним человеком, потому что был бездарен. Он готов был перегрызть горло любому врагу, но всякий раз слишком поздно догадывался, кто его враг. Четыре ночных сторожа в банке были ему нипочем, но, к сожалению, он постоянно забывал дома орудия взлома! И ты такой же! И ты такой же! В память о нашей старинной солдатской дружбе ты, ни минуты не колеблясь, сожжешь в печке компрометирующие меня материалы. Но я, к сожалению, не уверен, что ты не забудешь при этом сжечь какие-нибудь две-три страницы! Это большой недостаток, Фредди! Вы, чиновники, несомненно преданы государству и тем, в ком оно заинтересовано, но все несчастье в том, что государственной службы обычно добиваются только люди, не способные отстаивать себя, предлагать свой товар на открытом рынке труда! Вот почему нам приходится иметь дело с судьями, которые воодушевлены самыми лучшими намерениями, но не обладают достаточной смекалкой. Они в любой момент готовы применить к беднякам и коммунистам наистрожайшие законы, но им чрезвычайно редко удается по-настоящему угробить их, раз навсегда заткнуть*

им глотку,— короче говоря, свить им веревку! С другой стороны, они отлично видят, что тот или другой обвиняемый — человек их круга, более того — они симпатизируют ему, но — просто из неспособности правильно истолковать и применить закон, из педантичной, инертной приверженности к мертвой букве — они совершенно не в состоянии вызволить человека из беды, а если они его и вызволят, то из-за их неловкости вся наша судебная машина кажется после этого искалеченной. А между тем машина эта превосходна и абсолютно целесообразна, нужно только уметь разумно и логично пользоваться ею, и ни один волос не упадет с нашей головы. Чтобы оправдать нашего брата, вовсе не нужно извращать законы — нужно лишь применять их! Ах, Фредди, ты ко мне отлично относишься, я это знаю, но ты не очень способный человек!

Они засиделись далеко за полночь, вспоминая добрые старые времена и совместные подвиги. Лишь незадолго до ухода Браун осмелился сообщить своему другу, что даже служащая Фанни Крайслер намерена выступить на суде против него. На предварительном следствии она подтвердила факт встречи Мэка с Мэри в ее лавке.

Суд присяжных заседал в приветливом, светлом зале. Председатель, маленький, худой человечек с большими голубыми глазами, как нельзя лучше подходил к светлой, солнечной комнате с белыми гардинами и оштукатуренными стенами.

Показания судебного врача и уголовного агента отняли не много времени. Очень скоро суд занялся личностью Мэкхита, который подозревался в убийстве розничной торговки Суэйер.

Уолли, получивший гонорар от Пичема, защищал в качестве гражданского истца интересы детей Суэйер. Мэкхита защищали Риггер и Уайт. На вопрос о роде занятий обвиняемый ответил:

— Оптовый торговец.

Когда речь зашла о судимости, Мэкхит допустил небольшую ошибку. Он не мог припомнить, чтобы его когда-либо привлекали к суду, и он сказал:

— Наказаниям не подвергался.

Уолли немедленно набросился на него:

— А не был ли на вас, обвиняемый, три года назад наложен штраф в размере одного фунта?

— Не помню,— сказал Мэкхит, неприятно пораженный.

— Так. Вы не помните! Вы не помните, что вы нарушили полицейский час. Вы нарушили полицейский час, но вы этого не помните. Позвольте в таком случае напомнить вам: у вас есть судимость.

Риггер ядовито рассмеялся:

— Штраф за нарушение полицейского часа! Надо полагать, что это единственное наказание, которому вы когда-либо подвергались, Мэкхит!

Уолли поспешил встать:

— Дело не в составе преступления, а в том знаменательном обстоятельстве, что подсудимый пытается скрыть совершенное им преступление и понесенную за него кару. Именно ничтожность преступления доказывает, что для Мэкхита сокрытие подобных вещей, которые могли бы скомпрометировать его в глазах общества, стало второй натурой. Следствие это покажет.

Риггер заявил протест против подобных попыток воздействия на суд, но Уайт дернул его за рукав. У этого толстяка была своя тактика защиты, которую он никак не мог согласовать с методами Риггера. Он решил настаивать на самоубийстве Мэри Суэйер, а Риггер — на умерщвлении ее неизвестными злоумышленниками. Но ни тот, ни другой не собирались предъявлять алиби.

К сожалению, Уолли, как стало ясно из первого же его выступления, по-видимому, получил приказ вести процесс со всей решительностью.

Оба докера, встретившие около девяти часов одинокую женщину, направляющуюся на набережную, разумеется, отсутствовали, зато нищие, видевшие покойную в обществе обвиняемого, были налицо. Один из них, старик по имени Стоун, дал следующие показания:

— Я очень точно помню спутника той женщины. Это как раз он и есть. Мы приглядываемся к людям. Этот вот — из тех, кто три раза пороется в карманах,

прежде чем вынуть пенни. Да и пенни-то они дают, только если с ними дама. Он так долго искал монету помельче, что я ему сказал: «Поезжайте-ка лучше домой и перероЙте всю вашу квартиру. Может, у вас там завалилось за диван фальшивое полпенни». Я как сейчас помню — так я ему и сказал. У него, видать, карманы были набиты пачками кредиток. А дал он в конце концов все-таки пенни.

Весь зал расхохотался. Риггер достал из портфеля газетный лист и передал его присяжным. То был снимок с витрины, где висело извещение о скидке семьям фронтовиков, покупающих в д-лавках.

— Этот снимок опубликован нашими противниками,— с раздражением сказал Риггер,— но я вас спрашиваю: разве человек, лишенный социальных чувств, поступит подобным образом?

Уолли оставил за собой право в дальнейшем подробнее остановиться на социальных чувствах господина Мэкхита и установил лишь то существенное для суда обстоятельство, что господин Стоун запомнил обвиняемого по упомянутой мелкой черточке. Разумеется, он, будучи миллионером, имеет всяческое право подавать нищим хотя бы пуговицы от брюк; небезразлично, быть может, только одно — откуда он их берет.

Это был первый выпад против деловых методов Мэкхита, и тот сильно встревожился. Он резко сказал:

— Пуговицы изготовляются на фабриках.

— Весь вопрос в том,— отпарировал Уолли,— получают ли те, кто изготовляет эти пуговицы, за свою работу сполна.

Тут Риггер вскочил и спросил, потерпит ли суд коммунистическую пропаганду.

Судья успокоил обе стороны. В показаниях свидетеля, сказал он, существенно лишь то, что он отождествляет обвиняемого с человеком, который в день убийства сопровождал Мэри Суэйер.

Риггер пообещал впоследствии вернуться к личности свидетеля и напомнил, что его показаниям противостоят показания двух докеров. Он вызвал комиссара уголовной полиции, допрашивавшего в свое вре-

мя этих докеров. Оказалось, что они действительно говорили об одинокой женщине.

— О какой женщине? — поинтересовался Уолли.

Комиссар вынужден был признаться, что фотография убитой не была предъявлена докерам.

Уолли поднялся, торжествуя.

— Отличные свидетели! — крикнул он.— Они видели в районе доков одинокую женщину! Можно подумать, что одинокие женщины там большая редкость.

Он подал знак, и из свидетельской комнаты вышла особа, явно принадлежавшая к низшим слоям общества. Она сообщила, что по профессии она проститутка и работает в районе доков. В ту субботу она вышла вечером марьяжить на набережную, но не нашла фрайера. Доки — скверный район. Она лично работает в доках только потому, что там плохое освещение, а она больна рожей.

Риггер спросил ее, не опасен ли этот район для одиноких прогулок ввиду наличия в нем уголовных элементов.

Она сказала:

— Для нас — нет.

— Тамошние женщины,— пояснил Уолли,— не носят при себе крупных ценностей.

— Но существуют ведь убийцы на сексуальной почве,—настаивал Риггер.

— Для нас они повсюду,— невозмутимо ответила свидетельница.

Риггер поинтересовался, сильна ли конкуренция между проститутками, не существует ли между женщинами вражды из-за клиентов. Ведь мужчины, населяющие этот район, какими бы темными делами они ни занимались, все же представляют собой объект заработка для местных проституток.

— У каждой свой участок,— сказала свидетельница.

— И кроме того, у вас есть защитники?

— У меня нет.

— Почему?

— Я слишком мало зарабатываю.

— Ну, что вы! С паршивой овцы хоть шерсти клок. Не пытайтесь втирать нам очки. Защитник существу-

ет не только для охраны от клиентов, но и для борьбы с другими проститутками, захватывающими чужой участок, не так ли?

— Может быть,— сказала свидетельница.

— Я пытаюсь установить это обстоятельство,— напыщенно заявил Риггер, обращаясь к присяжным,— так как считаю возможным, что Мэри Суэйер была лишена жизни при обстоятельствах, явствующих из показаний свидетельницы.

Уайт напал на него с тыла.

— Мы же знаем,— пробормотал он, нагнувшись над бумагами,— каким образом Суэйер была лишена жизни. Бросьте это!

Свидетельницу отпустили. Все присутствующие вынуждены были признать, что она вполне могла быть той самой «одинокой женщиной», которую видели докеры. Значит, Мэкхит мог сопровождать настоящую Суэйер, как это утверждали нищие.

При сильном возбуждении представителей печати Уолли вызвал Фьюкумби, исчезнувшего без следа после первого же учиненного ему допроса.

Риггер тотчас же спросил его, где он все это время находился.

Уолли ответил за него:

— Он находился под особой охраной. Мы стремились оградить его от каких бы то ни было случайностей. Как-никак, госпожа Суэйер пала жертвой подобной случайности.

Фьюкумби спокойным тоном изложил все, что ему было известно о покойной. Мэкхит вызвал ее на свидание. Она осталась ждать его, а он, Фьюкумби, ушел. Она, по-видимому, рассчитывала добиться от него материальной поддержки. Возможно, что она также намеревалась припугнуть его, так как кое-что о нем знала.

Риггер встал.

— Не боялась ли госпожа Суэйер обвиняемого?

— То есть как это?

— Не опасалась ли она, что он с ней что-нибудь сделает, например, столкнет в воду?

— Вряд ли! Тогда она не пошла бы на свидание с ним.

— Совершенно верно, Фьюкумби. В таком случае она не пошла бы на свидание с ним. Стало быть, она ничего не говорила о своих опасениях?

— Нет.

Тут поднялся толстяк Уайт. Пронзительным фальцетом он спросил, действительно ли госпожа Суэйер так-таки не боялась господина Мэкхита? Не опасалась ли она, например, каких-либо экономических санкций с его стороны?

Бывший солдат ответил не сразу. Помедлив, он спокойно сказал:

— Конечно, она понимала, что в деловом отношении он не станет особенно с ней церемониться. В этом смысле она его боялась.

— Совершенно правильно,— сказал Уайт и сел с победоносным видом.

Уолли слушал ухмыляясь.

— Есть и третье соображение, не правда ли?— вмешался он.— Желание получить материальную поддержку и испытываемая ею нужда могли оказаться сильней, чем страх перед физической расправой! Вы только что убедились, сколь мало считаются, скажем, уличные женщины с грозящими им опасностями! Господа, я защищаю здесь интересы двух сирот. Из показаний господина Фьюкумби мы можем заключить, что эта мать подавила свой страх, когда дело шло о куске хлеба для ее детей.

Вслед за этим Мэкхит подтвердил, что записка с вызовом Мэри Суэйер на свидание была написана им. Почерк же Мэри Суэйер был ему, по его словам, неизвестен. Он и в самом деле не знал ее почерка, иначе он в свое время опознал бы автора того письма о Ноже, которое так долго таскал в бумажнике.

Председатель объявил перерыв на обед. Полли поспешила к мужу; кроме них, в комнате находились только оба адвоката. Сидя в углу, они спорили о методах защиты.

Мэк и Полли съели по сандвичу. Он был чрезвычайно удручен ходом дела. Между прочим, он спросил, что означало дурацкое замечание Уолли: «Весь вопрос в том, получают ли те, кто изготовляет эти пуговицы, за свою работу сполна».

— Это прямо-таки неслыханное бесстыдство,— возмущался Мэк.— Он, конечно, хотел этим сказать, что мои товары — краденые. Допустим, я продаю пуговицы. Допустим, я их с этой целью покупаю, скажем, у обанкротившихся мелких фирм. По сути дела, это то же самое, как если бы я их крал; ведь я не плачу за них полной цены! А если бы я даже и платил этим фирмам полную цену? Не они же изготовили пуговицы! Они украдены у тех, кто их изготовил, то есть у пуговичников, даже если допустить, что последние получили то или иное вознаграждение. Сполна они за свою работу, естественно, не получили — иначе откуда взялась бы прибыль? Я говорю прямо: я не вижу особенной разницы между воровством и «закупкой». Уолли мне за это заплатит. Он нанес мне моральный ущерб!

Полли была с ним вполне согласна.

За это время она похорошела еще больше. Летом она много плавала и загорала, разумеется,— в защищенных от нескромных взоров местах из-за беременности. С рук ее еще не сошел легкий загар; впрочем, выше локтей они были белы — в этом нетрудно было убедиться, когда короткие, широкие рукава ее блузки соскальзывали к плечам. Белизна эта производила очаровательное впечатление, и она это знала.

После перерыва первой по ходатайству Уолли была допрошена Фанни Крайслер.

Под глазами у нее были тени, и она нервничала. Ликвидация антикварной лавки сильно подействовала на нее.

Она ограничилась сообщением о том, что покойная Суэйер обращалась к господину Мэкхиту за денежной ссудой на основании их прежних дружеских отношений.

— Но ведь она, кажется, намекала, что ей кое-что известно про обвиняемого?

— Она, вероятно, имела в виду обстоятельства, сопровождавшие ее замужество,— поспешно ответила свидетельница.— Господин Мэкхит играл в этом деле роль, огласка которой могла бы быть ему неприятна.

— Что вам известно о Ноже? — неожиданно спросил Уолли.

Она заметно побледнела под вуалью.

— Ничего,— с трудом выговорила она.— Только то, что было в газетах.

— Но ведь Суэйер угрожала обвиняемому разоблачениями и при этом упоминала о Ноже.

Фанни вновь овладела собой. Она сказала равнодушно:

— Теперь я уже не помню. Она болтала всякий вздор, так как была очень возбуждена и считала себя обиженной. Несомненно, ему было просто неприятно, что она намеревалась предать огласке их отношения.

Уайту вдруг захотелось узнать, каково было материальное положение покойной.

— Положение было неважное, но не хуже, чем у других владельцев лавок. В настоящее время все лавки переживают кризис.

— Вы служите у обвиняемого? — спросил Уолли.

— Да.

— Быть может, защита выставит на предмет выяснения деловых методов Мэкхита свидетелей, не находящихся у него на службе? — иронически сказал Уолли.

Уайт рассердился.

— Коллега,— сказал он внушительно,— по-видимому, полагает, что в Англии не осталось больше людей, говорящих правду вне зависимости от их материальной заинтересованности. Должен сказать, это очень грустно.

— Что именно грустно? — спросил Уолли не без удовольствия.— Что в Англии не осталось больше таких людей или что я так полагаю?

Судья остановил его движением руки. Тогда Уолли принялся допрашивать одного из редакторов «Зеркала».

Когда тот без обиняков заявил, что покойная отождествляла господина Мэкхита с пресловутым злодеем Ножом, Риггер вздохнул с облегчением.

— Надеюсь, теперь всякому разумному человеку, то есть всякому, кто не читает газет, станет ясно, сколь плачевно шаток фундамент, на котором строится обвинение! — воскликнул он.— Господин Мэкхит и Нож —

одно и то же лицо! Наши коммерсанты, оказывается, носят при себе потайные фонари и взламывают несгораемые шкафы! Господа, всем нам известно, на что способна зависть. Но ведь должны же быть какие-то границы! Все обвинение строится на том, что господин Мэкхит, один из известнейших наших коммерсантов, вовсе не коммерсант, а преступник, убийца! Ибо в противном случае все обвинение не имело бы никакого смысла! Если он не убийца, а всем известный владелец д-лавок, то у него нет никаких оснований опасаться «разоблачений» со стороны особы, о нравственности которой мы не хотим говорить ничего дурного, поскольку она умерла! Это абсурд!

Риггер грузно сел.

Уолли обернулся к обвиняемому.

— Господин Мэкхит, как вы объясняете угрозы покойной по вашему адресу?

Мэкхит медленно поднялся. Он казался искренне смущенным.

— Господа,— сказал он, обводя взглядом всех присяжных поочередно,— я нахожусь в несколько затруднительном положении. Я могу говорить об этом деле только как *мужчина с мужчинами.* И в качестве такового я должен признаться, что чувствую себя не вполне свободным от вины. Быть может, вы в состоянии сказать про себя, что вы лично всегда вели себя по отношению к женщинам *корректно,* что вы не сделали ни одного упущения, не причинили никакой боли, хотя бы даже бессознательно. Я не могу сказать этого про себя. Я не имел, как это называется, «отношений» с бедным созданием, что носило некогда имя Мэри Суэйер и погибло от руки злодея, а может быть, и от своей собственной руки, как полагает мой защитник господин Уайт. Но, быть может, она имела какое-нибудь отношение ко мне? Я, выражаясь по-деловому, был ее шефом, в прошлом мне пришлось два-три раза повстречаться с ней, и кто знает — может быть, я пробудил в ней какие-то надежды. Господа, кто из нас, мужчин, знает, сколько грехов — быть может, невольных — он совершил в этом смысле? Вам, несомненно, известно не хуже, чем мне, сколь трудно подчас бывает шефу сохранить в отношении своих служащих женского пола нужную *дистанцию.* Кто станет упрекать бедных

девушек, обремененных в большинстве случаев тяжелой работой и не имеющих почти никаких радостей в жизни, в том, что они чуточку влюбляются в своих шефов, представителей высшего класса, людей более культурных, чем окружающая их среда? А от этих чувств до тайных надежд и от этих надежд до горького разочарования — всего лишь один шаг! Позвольте мне ограничиться тем, что я сказал.

Почти все вечерние газеты поместили эту речь, набрав ее в разрядку. «Достойные и человечные» взгляды владельца д-лавок вызвали всеобщее сочувствие. Только одна пролетарская газетка обливала Наполеона д-лавок грязью. Однако ее не стоило принимать всерьез, так как она, вопреки всякой спортивной этике, не признавала за своим противником никакого права на человеческое достоинство и к тому же заканчивала свой отчет призывом к насильственному свержению всего существующего общественного строя.

Краткой речью господина Мэкхита судебное заседание еще не было исчерпано.

— Согласно показаниям свидетельницы Крайслер, вы принимали свои отношения с покойной Суэйер настолько всерьез, что даже давали ей деньги? — спросил Уолли, удовлетворенно поглядывая на судью.

Судья был маленький, высохший человек, старавшийся делать вид, будто речи сторон не производят на него ни малейшего впечатления.

Мэкхит тотчас же ответил.

— Господа, я мог бы сказать, что при известных обстоятельствах, если проситель находится в стесненном положении, мы даем денег, не дожидаясь угроз, а иногда и вопреки им. Я этого не скажу. Я скажу только, что мне было важно избежать осложнений вроде визита этой несчастной в редакцию «Зеркала». Впрочем, визит этот все же впоследствии состоялся. Деловой человек обязан избежать даже тени подозрения. О том, какое значение я придавал угрозам, свидетельствует хотя бы факт, что я оставил их без внимания и не пошел в трактир «Жареная рыба».

— Но вы вызвали туда Суэйер?

— Из жалости. Я бы и пошел туда из того же чувства жалости, но меня задержали дела. Если бы я от-

носился к этим угрозам серьезно, никакие дела, разумеется, не могли бы удержать меня.

Уолли оживился.

— А в чем заключались эти дела? Если вы были заняты деловыми переговорами, то у вас должно быть алиби.

Мэкхит посмотрел на своих адвокатов. Потом он сказал:

— По причинам делового характера я не хотел бы посвящать суд в эти переговоры, если это не очень нужно.

— Быть может, это окажется нужным,— сухо сказал судья.

Но Риггер и Уайт покачали головами и вызвали свидетеля защиты — хозяина «Жареной рыбы».

Он сообщил, что покойная долго сидела одна в его заведении, поджидая кого-то и все сильней волнуясь; уходя, она не надела шляпы, а держала ее в руках. После ее ухода никто о ней не осведомлялся.

Уолли спросил, можно ли заглянуть в трактир с улицы.

Ответ гласил: да.

Имеется ли в трактире какой-либо иной выход, кроме того, что ведет на набережную и на Деф-стрит, где она неминуемо должна была встретиться с человеком, назначившим ей свидание и опоздавшим?

Ответ гласил: нет.

Уолли резюмировал: обвиняемый мог перехватить свою жертву у самой «Жареной рыбы» или встретить ее на обратном пути.

В зале начали зажигать большие газовые светильники — стояла уже поздняя осень, и смеркалось рано.

Уолли помедлил, пока не закончилась эта процедура, и затем продолжал:

— Только что защита не без юмора спрашивала, чем могла угрожать мелкая лавочница крупному коммерсанту. Я позволю себе в этой связи допросить одного свидетеля.

В зал вошел празднично одетый мужчина с длинными, свисающими руками. Он занимался сапожным ремеслом в доме напротив лавки Мэри Суэйер и показал, что покойная однажды сказала ему: она-де зна-

ет, откуда берутся доставляемые ей товары. Сказала она это таким тоном, что ему, свидетелю, осталось только предположить, что товары эти весьма темного происхождения.

Мэкхит встал. Он хотел сию же минуту возразить. Но Риггер дернул его за рукав и шепнул ему что-то. Мэкхит сел, и Риггер попросил председателя объявить краткий перерыв. Он-де устал от всей этой бесконечной болтовни и хочет уговорить своего подзащитного раскрыть алиби.

Председатель дал согласие.

Но в коридоре Мэкхит очень энергично заявил адвокатам, что он пока еще не может предъявить алиби.

Оба адвоката указали ему, что в таком случае судебное следствие кончится для него в высшей степени неблагоприятно и что ему будет предъявлено обвинение в убийстве.

Впрочем, Уайт все еще надеялся, что ему удастся доказать факт самоубийства. У Риггера больше не было сил возражать ему.

После пятнадцатиминутного перерыва заседание возобновилось.

Адвокаты Мэкхита доложили суду, что их подзащитный, к сожалению, не имеет возможности указать, где он находился в момент смерти Суэйер. Причина его молчания — чисто деловая. Судья принял это заявление довольно сдержанно. Затем Уайт заявил, что, по его убеждению, Суэйер вообще не была убита, а сама наложила на себя руки. Он-де попытается убедить в этом суд.

Уайт вызвал своих свидетелей и допросил их. Все они были владельцами д-лавок. Он предложил им рассказать об их материальном положении.

Они исполнили его просьбу и единогласно заявили, что положение у них отчаянное. Один даже сказал: «Дело приняло такой оборот, что впору повеситься». Окончательно безвыходным положение стало после того, как приостановилось поступление товаров. Уайт поблагодарил их и вызвал соседей Суэйер с Малберри-стрит. Он спросил их:

— Что вам известно о деловых качествах покойной госпожи Суэйер?

— Ровно столько, сколько обычно известно соседям.

— Хорошо ли она вела дело?

— Она была прилежна.

— Точна в денежных расчетах?

— Не очень. Если кому приходилось туго, то она отпускала товар в кредит.

— Стало быть, она не была деловым человеком в обычном смысле этого слова?

— Кто показывал ей рваные носки, тому она давала новые. Надо было только прийти к ней в сырую погоду.

— Стало быть, не деловая женщина?

Свидетель промолчал.

— Господа,— сказал Уайт,— вы видите: если эта несчастная женщина в самом деле добровольно покончила счеты с жизнью, в чем мы лично уверены, то показания, только что выслушанные вами, лишний раз доказывают, к чему приводят мягкосердечие и человеколюбие.

Судья усмехнулся.

Допрашивали пожилую свидетельницу.

— Расскажите,— предложил ей господин Уайт,— что говорила вам покойная о том, как она получила во владение лавку.

Старуха обстоятельно высморкалась. Вероятно, ей хотелось показать свой красный носовой платок.

— Ей эту лавку все равно что подарили.

— Я думал, она за нее заплатила.

— Гроши. У нее же ничего не было. Ее муж — солдат.

— Но кое-что у нее все-таки было? И те деньги, что у нее были, она отдала за лавку?

— Так она по крайней мере говорила.

— А сумму она называла?

— Да, кажется, фунтов восемнадцать или девятнадцать. Больше у нее наверняка не могло быть. Ни за что на свете!

— Но эта сумма у нее была? И ее она отдала, не так ли?

— Ей хотелось, чтобы у нее в жилой комнате было чисто, ради детей. Это очень на нее похоже — чтобы

снаружи все блестело, она готова была тратить все деньги.

— А она бы потеряла их, эти восемнадцать или девятнадцать фунтов, если бы ее выселили за невзнос платы или задолженность за товар?

— Ясно. Сами понимаете.

— И что бы ей тогда оставалось делать?

— Ничего.

Старуха все время держала носовой платок в руках, точно собиралась чихнуть. Наконец она его сложила.

Заседание тянулось чрезвычайно медленно. Выяснялись детали. Ничего нового не обнаруживалось. На вопрос, что именно им известно о причинах краха их предприятий, владельцы лавок в один голос ответили: повсюду упали цены. Крестон тоже продает по бросовым ценам. Причин этого никто не знает. Определить их так же трудно, как определить, много ли дождей будет в этом году. Хуже всего, что прекратился приток товаров; но произошло это, как видно, потому, что по дешевке их негде достать. Господин Мэкхит прилагал все усилия, чтобы раздобыть товары, он сам уговорил их увеличить штаты и усилить рекламу, поэтому все запасы и кончились так быстро. Но ему ничего не удалось достать, а закупочное товарищество бросило его на произвол судьбы.

В конце концов Уайт (Риггер окончательно онемел) подытожил все, что подтверждало факт самоубийства.

Поддерживать лавку, в которую госпожа Суэйер вложила все свои сбережения, оказалось больше невозможно. Это в конце концов достаточно веский повод для самоубийства.

— *Господа!* — воскликнул защитник.— *Мэри Суэйер не нуждалась в убийце! Для всякого, кому известны условия, в которых ей приходилось жить, ее смерть не является неразрешимой загадкой. Человек, знакомый с условиями жизни беднейших розничных торговцев, должен признать — кто принужден вести подобную жизнь, тот не может не сказать себе в один прекрасный день: довольно! Для того чтобы покончить с такой жизнью, не нужно обладать особенной*

решимостью. Такое подорванное долгами, абсолютно безвыходное существование (как и во множестве подобных случаев) ничем уже не может прельстить человека. Посмотрите на пристанище этой женщины. (Я сознательно не называю его жилищем! Да и вы бы не решились назвать его так.). Посмотрите на детей этой женщины! Нет, не надо на них смотреть, просто взвесьте их. Вживитесь в будни этого создания и не думайте, что для него существовали воскресенья! И в этой конуре ей еще угрожает опасность! В эту дверь стучатся кредиторы! Нет, Мэри Суэйер не нуждалась в том, чтобы ее убивал господин Мэкхит,— Мэри Суэйер сама наложила на себя руки.

Если кто-нибудь возразит, что Суэйер была человеком жизнерадостным, то можно ответить, что этой жизнерадостности давно уже в помине не осталось из-за скверного положения дел, а также, быть может, из-за личного разочарования в господине Мэкхите, отказавшем ей в материальной поддержке. Нисколько не удивительно, что Суэйер — вероятно, искренне веря в свою правоту — возлагала всю ответственность за происшедшее на господина Мэкхита. Мелкие дельцы плохо разбираются в законах, управляющих торговлей. Когда наступает полоса кризиса, они обычно сваливают всю вину на крупных дельцов. О том, что эти крупные дельцы точно так же зависят от определенных закономерных, зачастую не поддающихся учету процессов экономического порядка, мелкие дельцы не подозревают. В данном случае разразился именно такой кризис, и мелкие маломощные предприятия погибли.

Уолли перебил его как раз в тот момент, когда ему больше нечего было сказать.

Он принужден, заявил Уолли, вновь задать тот самый вопрос, который час тому назад почти уж побудил господина Мэкхита к тому, чтобы раскрыть свое крайне интересное алиби. По Сити ходят слухи, что происхождение товаров, поступающих в д-лавки, покрыто мраком неизвестности. Господин Мэкхит, насколько ему известно, утверждает, что товары эти поставляются неким ЦЗТ (Центральным закупочным товариществом), так не будет ли господин Мэкхит любезен рассказать об этой фирме?

— Нет,— ответил Риггер, посовещавшись с Мэкхитом,— господин Мэкхит не желает касаться этого вопроса.

Так или иначе, сказал он, ЦЗТ — зарегистрированная фирма, в правлении которой заседают представитель высшей знати и два адвоката. Эта фирма действительно в последнее время не выполняла своих обязательств по отношению к господину Мэкхиту. Но это личное дело господина Мэкхита и товарищества, оно не может служить предметом судебного разбирательства. Он останавливается на этом только для того, чтобы рассеять впечатление, будто господин Мэкхит был единственным виновником материальной катастрофы Мэри Суэйер.

Коллега Уайт, продолжал Риггер, уже обрисовал суду крайне неблагоприятное положение д-лавок. Положение это в последнее время действительно было неблагоприятным, но не по вине г-на Мэкхита, а по вине ЦЗТ, внезапно прекратившего поставки.

Риггер сослался на ряд свидетелей, видевших своими глазами, как господин Мэкхит в критический момент, зайдя в лавку, сам засучивал рукава и помогал не только словом, но и делом.

Мэкхит вновь попросил слова.

— Тут говорилось, — сказал он, — что госпоже Суэйер жилось очень плохо. Поэтому, дескать, не исключена возможность самоубийства. Мне хотелось бы добавить, что мы, работники д-лавок, действительно исчерпали все наши силы и возможности. В неустанном стремлении служить публике мы подвергаем себя лишениям, которые могут вынести только сильнейшие. Мы торгуем несообразно дешево. Наши заработки столь мизерны, что мы поистине прозябаем. Быть может, мы слишком фанатично добиваемся возможности предложить мелкому покупателю доброкачественный товар по доступной цене. Должен признаться: в последние дни, когда на меня сразу обрушилось столько бед, я не раз спрашивал себя, выдержим ли мы. Быть может, все-таки поднять цены? Можете мне поверить: смерть моей сотрудницы глубоко потрясла меня.

Судья холодно посмотрел на лихорадочно скрипевших перьями репортеров, еще раз спросил Мэкхита, не раскроет ли он свое алиби, получил отрицательный ответ и отпустил присяжных в совещательную комнату.

Ровно через десять минут они вернулись и огласили результат совещания: по мнению присяжных, Мэри Суэйер умерла насильственной смертью, и все обстоятельства дела говорят о том, что убийство совершил коммерсант Мэкхит.

Вечерние газеты были полны «делом Мэкхита». Набранные жирным шрифтом заголовки гласили: «мрак, окружающий смерть Мэри Суэйер, рассеивается» и «в каком таинственном месте находился коммерсант в час смерти своей бывшей подруги?».

Через неделю после судебного разбирательства Фанни Крайслер навестила Мэкхита — впервые со дня его заключения в следственную тюрьму — и сообщила ему, что Аарон и Коммерческий банк проявляют по отношению к ЦЗТ необычную сдержанность.

Аарон во время одного из своих посещений пробормотал что-то насчет «связи между убийством этой, как ее там, и прекращением поставок». На Райд-стрит подозрительные личности — по-видимому, агенты сыскного бюро — неоднократно осведомлялись относительно складов ЦЗТ.

Вчера Жак Оппер, президент Коммерческого банка, вызвал ее к себе и без обиняков потребовал предъявления оправдательных документов на все последние партии, сданные концерну Аарона.

Мэкхит помрачнел. После некоторого раздумья он поручил ей озаботиться приобретением новых оправдательных документов и на всякий случай произвести еще несколько закупок в кредит в Бельгии.

Уходя, она сказала:

— Если твой процесс затянется, все рухнет. Надеюсь, ты это понимаешь.

О ее личных делах не было сказано ни слова.

Была последняя неделя октября.

Дела господина Пичема и господина Мэкхита близились к развязке.

«Красавица Анна», «Юный моряк» и «Оптимист», нарумяненные и затянутые в корсеты, ждали только приказа, чтобы доверить свои дряхлые тела морской стихии, «Оптимист» отчетливо чувствовал, что наступают его последние дни. Пичем мысленно видел свою дочь, стоящую в подвенечном уборе перед алтарем с маклером Коксом. Мэкхиту она рисовалась в ином виде и ином окружении. У д-лавок не осталось больше никаких надежд, зато прибавилось мудрости и знания жизни. Маклеру Коксу недолго еще суждено было заполнять свои дневники диковинными значками. Об убийстве розничной торговки Мэри Суэйер было исписано столько казенной бумаги, что интерес к нему пропал. А солдату Фьюкумби оставалось жить не больше шестидесяти дней.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ПРИЯТНО ЖИТЬ, КОГДА ТУГА МОШНА!

Все те, кто строго следует морали
И весь свой век стремится к высшей цели
(Давно все эти чувства надоели!),
Бедняги, как они не угадали!

Обедов жирных им не подают,
Им достается то, что попостней.
Они седьмую заповедь жуют,
Забыв, что мясо не в пример вкусней!
Неприхотливость людям не нужна!
Приятно жить, когда туга мошна!

Не так уж это скверно — пресмыкаться
И круглый день гоняться за наживой,
Потом помыться в бане, выпить пива
И, сев за стол, как следует нажраться!
Вы морщитесь? Для вас лишь тот хорош,
Кто вечно мается и духом чист?
А я весь этот вздор не ставлю в грош,
Я, слава богу, не идеалист!
Проблема счастья мне давно ясна:
Приятно жить, когда туга мошна!

«Баллада о приятной жизни»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ultima ratio regis [1].
Надпись на прусских пушках

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕШЕНИЯ

Когда в комнате, кроме господина Пичема, находилось еще пять-шесть дельцов, его почти никто не замечал. Оттого, что ему приходилось торговаться, за каждый грош со всеми, с кем он соприкасался, он раз навсегда избрал себе для этих людей маску жестокого, не поддающегося ни на какой обман дельца. Однако если человек считает всех своих ближних обманщиками, то это далеко еще не значит, что он верит в себя. Господин Пичем отнюдь не обладал сильным характером. Отчаянный, быть может, даже преувеличенный, страх перед неустойчивостью всех человеческих дел, глубоко вкоренившаяся уверенность в коварстве и неумолимости города, где он жил (равно как и всех прочих городов), вынуждали его с особенной поспешностью применяться к любому вновь возникающему требованию окружающего мира. Его сограждане видели в нем только Дж. Дж. Пичема, владельца мастерских «Одежда для нищих», но сам он в любую минуту готов был открыть какое угодно другое предприятие, лишь бы оно сулило ему бóльшую наживу, бóльшую безопасность или по крайней мере хотя бы временное спокойствие. Это был маленький, тощий, невзрачного вида человек; но и наружность его не была, так сказать, окончательной. Если бы дело приняло неблагоприятный для маленьких, тощих, невзрачного вида людей оборот, то господин

[1] Последний довод короля (*лат.*).

Пичем, без сомнения, серьезно задумался бы, как ему превратиться в упитанного оптимиста среднего роста. Дело в том, что малый рост, худоба и невзрачность были с его стороны как бы нащупыванием почвы, своего рода необязательным предложением, которое в любой момент могло бы быть взято назад. В нем было что-то убогое, но это-то убожество и было залогом незаурядных деловых успехов. Он торговал человеческим убожеством, в том числе и своим собственным. Однако опасности вроде тех, с какими ему пришлось в последнее время столкнуться в борьбе за существование, возвышали его над самим собой. Когда его, с одной стороны, пугала перспектива потерять все состояние, а с другой — пришпоривала надежда на большие барыши, он за какие-нибудь три недели превращался в тигра, даже внешне. В те дни, когда он по приказанию Кокса подводил итог коммерческой деятельности КЭТС, лицо его стало мясистым и зверским.

В жилете, засунув руки за пояс брюк, принял он Хейла, прибежавшего занять сто фунтов, которые он накануне проиграл в карты. Пичем не дал ему ни гроша.

Товарищество явно агонизировало.

После разгово́ра с Хейлом Пичем созвал еще одно общее собрание. Пришли все до одного. Обычно молчаливый Мун заявил, что он больше не желает заседать в банях. Он пришел раньше всех и встречал каждого члена товарищества в отдельности на пороге. Он кричал на всю улицу, что ему надоело шляться в это гнусное заведение. В результате последнее собрание товарищества состоялось в ближайшем ресторане.

Пичем доложил о попытках шантажа со стороны Хейла, подчеркнул необходимость уступить этим атакам и не скрыл от собравшихся, что они и в дальнейшем должны быть готовы к подобным маневрам. Что до него лично, пояснил он, то его терпение истощилось. Он просит немедленно подвести общий баланс, подсчитать, кто сколько должен, и дать ему полномочия на единоличную ликвидацию всего дела. Если никто не станет вмешиваться, он гарантирует, что ликвидация будет произведена безболезненно.

Его предложение было принято.

Крайнюю твердость проявил Пичем и во взыскании

задолженности, размеры которой были установлены для каждого пайщика в отдельности.

У баронета он взял векселя, которые навеки или по крайней мере на много месяцев обрекли его делить ложе с американкой. Баронет сделал еще одну, последнюю попытку спастись, заявив, что он гомосексуалист, но Пичем не обратил на это внимания.

Истмен заплатил сравнительно безропотно,— ему это было нетрудно: он только повысил квартирную плату в своих домах, расположенных в северной части города и населенных преимущественно рабочими, которым переезд в другой дом обошелся бы слишком дорого.

Муна, как это ни странно, пришлось подвергнуть специальной обработке. Он был букмекером, и только после того как толпа нищих окружила его контору, а частью даже проникла внутрь (у некоторых были плакаты: «Кто принимает ставки — у того есть деньги, у кого есть деньги — тот может платить!» и «Тут я ставил»), Мун соблаговолил внести восемьсот фунтов и обеспечение на остальную сумму.

Краул в последнюю минуту вышел из игры.

Однажды утром он явился на Олд Оук-стрит и вызвал Пичема. Они совместно обсудили положение. Краул заметил: «В таком случае я пущу себе пулю в лоб». Пичем дал ему адрес конторы Кокса. Он считал, что Коксу не мешает лично убедиться, к чему привели его происки.

В тот же день ресторатор проник в контору Кокса, расположенную в Сити, и заявил имеющемуся налицо служебному персоналу, что маклер назначил ему тут свидание и что он будет ждать его. Он тщетно ждал свыше двух часов; впрочем, как выяснилось впоследствии, Кокс понятия не имел об этом свидании. Когда канцелярская девица изъявила желание запереть контору, он пробормотал что-то невнятное, отвернулся к вешалке, где стояли зонтики, и выстрелил из револьвера себе в рот. Дома жена его нашла на письменном столе запечатанный конверт с надписью: «Моей жене. Вскрыть в восемь часов вечера, если к тому времени я не вернусь». Письмо содержало всего-навсего две строчки:

«Дорогие мои! Бессовестные преступники разорили меня. Простите, хотел, чтобы было лучше. Альберт Краул, ресторатор».

Больше всего хлопот доставил Финни.

Узнав о самоубийстве Краула, он решил немедленно лечь на операцию. Однако Пичем своевременно разгадал его намерения. Он тотчас же ринулся к Финни на квартиру. Оказалось, что Финни уже отправился в клинику. Пичему пришлось прибегнуть чуть ли не к физическому насилию, чтобы вырвать у домоправительницы адрес клиники. Он накрыл Финни за полчаса до операции.

Ярость его не знала границ; однако Финни тоже позеленел от бешенства и тут же решил уволить свою домоправительницу. Пичем кричал так, что со всей больницы сбежались сестры. Он сказал старшей сестре:

— Этот человек не заплатит вам даже за плевательницу у его кровати! Он и на операцию-то лег только из-за того, что ему предстоят крупные платежи. Вот тут у меня в бумажнике лежит газетная вырезка — сообщение о самоубийстве ресторатора Краула, который пытался выкрутиться из дела почти таким же способом, как этот вот почтенный господин! Все газеты будут удивляться, в какие авантюры пускается ваш хирург! Впрочем, возможно, что он увеличит этим приток самоубийц в клинику!

С такими гнусными методами Финни не мог бороться, и перед тем, как его покатили в операционную, он заплатил.

За какую-нибудь неделю Пичем составил себе довольно точное представление о суммах, какие еще возможно было выжать из КЭТС.

Гибель Краула была для Мэкхита сигналом тревоги.

Фанни принесла ему утренние газеты с сообщением о самоубийстве ресторатора в конторе маклера Кокса.

С некоторых пор Мэкхит пустил Фанни по следу Пичема. Деловое сотрудничество его тестя с маклером Коксом все больше и больше интересовало его. По словам Полли, отец признался ей, что вследствие проис-

ков Кокса он близок к полному разорению. Самоубийство Краула пролило некоторый свет на закулисную сторону всего этого дела.

От той же Полли Мэкхит узнал, что в вечер самоубийства Краула Кокс явился к ее отцу и около получаса бушевал в конторе. Он будто бы обвинял Пичема, что тот под него подкапывается. Пичем и Кокс, очевидно, боролись не на жизнь, а на смерть — не то друг против друга, не то совместно против кого-то третьего.

В полдень Фанни пришла опять. Она уже успела побывать на дому у самоубийцы.

Она узнала очень многое. Вдова Краула, некрасивая, заплаканная особа, совершенно не владела собой. За какие-нибудь пять минут она выложила Фанни все свои горести, взвалив ответственность за смерть бывшего ресторатора на господа бога и на все человечество.

Фанни с возмущением рассказывала, как она орала в присутствии своего престарелого отца: «Что я теперь буду делать с этой развалиной? Все его сбережения тоже пропали, а он уже ходит под себя!»

Мэкхит, возмущенный подобной бестактностью, покачал головой. Он был, однако, крайне встревожен.

Как выяснила Фанни, КЭТС, очевидно руководимая теперь Пичемом, находилась в очень затруднительном положении. Кокс, по всей вероятности, окончательно прибрал к рукам Пичема. «Примерно как ты — Хоторна», — сказала Фанни. В самые ближайшие дни компании понадобятся значительные суммы; собственно говоря, она уже несколько недель нуждается в них. Правда, Пичем, по-видимому, надеялся каким-то образом избежать платежей, которые ему едва ли под силу. Только этим и можно объяснить, отчего он до сих пор не забирает своего вклада из Национального депозитного банка.

Мэкхиту было известно, что Пичем рассчитывал всучить маклеру свою дочь. Поскольку ему это не удалось, он теперь, несомненно, истекал кровью. Стало быть, он в любую минуту мог явиться в Национальный депозитный.

Сам Мэкхит все еще никак не мог попасть в правление банка. Вот-вот должны были уладиться все фор-

мальности. Все зависело от того, удастся ли ему выгадать время; теперь он должен был держаться за приданое и отказываться от жены — по крайней мере, на некоторое время. Полли он все равно не потеряет. Что бы там ни было, она от него беременна, и это ее, несомненно, привяжет к нему.

Он должен во что бы то ни стало довести свое дело до конца!

В тот же вечер он вызвал к себе Уолли, адвоката Пичема, и дал согласие на развод.

Кокс по-прежнему бывал у Пичемов; в последнее время он даже приводил с собой сестру; обе семьи находились в самых близких отношениях. Девица Кокс была в восторге от госпожи Пичем и ее дочери. Пожилые дамы играли в гостиной в вист, а Полли тихо трудилась над вышивкой, изображавшей лорда Нельсона при Трафальгаре. Вечером маклер заходил за сестрой и на несколько минут подсаживался к дамам. По обыкновению, он просил Персика сыграть ему что-нибудь на рояле. Играла она очень хорошо. К тому же у нее был славный голосок, и, когда она играла, тюлевые рукава ее блузки соскальзывали к плечам, открывая полные руки.

Глядя, как она играет на рояле, он понимал, отчего ему как-то даже пришло в голову жениться на ней. У нее были крупные достоинства.

«Неужели,— записывал он в своем дневнике,— то, что мужчина уже однажды обладал женщиной, в самом деле играет такую большую роль? Так ли уж много значит это первое, обычно далеко не совершенное объятие? Поневоле приходится признать, что мужчине свойствен некий инстинкт повелителя, заставляющий его находить высшее наслаждение в порабощении женщины, в победе над ней! Иначе чем же можно объяснить это удивительное безразличие после акта обладания? Это чувство возникает даже и в тех случаях, когда речь идет о женщине, которую ты не лишал невинности. Или же соображения экономического порядка в самом деле играют такую роль в душевной жизни человека? Неужели же то обстоятельство, что эта Пичем в настоящее время уже не может считаться выгодной партией, поскольку отец ее потер-

пел большие убытки, в самом деле оказывает влияние на мою духовную сущность?

В конечном счете причиной этих убытков был я сам... Но, как видно, инстинкт не спрашивает, кто виноват, а интересуется лишь голыми фактами... Так или иначе, я отмечаю в себе ощущение полной отчужденности».

Такого рода ощущения следовало всячески скрывать от Пичема.

Он скрывал их. Букеты гвоздики, которые он посылал на Олд Оук-стрит, с каждым разом становились все пышнее.

В конце сентября он узнал, что дочь господина Пичема уже полгода состоит в браке с неким Мэкхитом. Он удивился, ничего не сказал и погрузил эту весть на дно своей души.

А потом покончил с собой Краул, и у Кокса появился отличный официальный повод быть в дурном настроении. У него и в самом деле появились из-за этого большие затруднения. Из соображений делового характера он состоял в одном светском клубе; после газетной заметки о происшествии в его конторе ему пришлось выйти из состава членов клуба. Еще неприятней было то, что в случае открытого скандала с кораблями его имя оказалось бы нерасторжимо связанным с этим делом.

Самоубийство Краула позволило Коксу не церемониться с Пичемом. Тем не менее он продолжал вместе с сестрой посещать госпожу Пичем и Полли. Этого было достаточно, чтобы успокоить Пичема относительно дальнейших намерений Кокса. Когда же вспыхнула забастовка докеров, Кокс и Пичем, объединенные общей работой, вновь сблизились.

При помощи всевозможных уловок Пичем несколько раз подряд снижал заработную плату докеров. В одно прекрасное утро из двухсот человек на работу вышло только пятеро. Остальные выстроились у ворот и отгоняли рабочих, приходивших наниматься.

Это было неприятно, более того — опасно. Разумеется, можно было, сославшись на забастовку, отсрочить окончательную сдачу кораблей. Но в минуту

откровенности, вызванной общими заботами, Кокс поведал Пичему, что правительство, в сущности, никогда не горело особенным желанием приобрести у КЭТС суда для перевозки войск. Оно имеет в своем распоряжении достаточный тоннаж. Однако Хейлу случайно стало известно, что в высших инстанциях не будут возражать против дополнительного приобретения транспортных средств. Когда договор был уже заключен, Хейл, главным образом во избежание неприятных расследований, добился через своих друзей распоряжения верховного командования о перевозке на вновь приобретенных судах небольшой воинской части. Эта часть, разумеется, могла быть перевезена и на других судах. Однако имущественное право Кокса на приобретение саутгемптонских судов, которое необходимо иметь под рукой до полного завершения рискованного предприятия, на днях истекало. Хейл окончательно вышел из повиновения и в любую минуту мог вновь начать свои шантажные маневры. Пичем делал все для того, чтобы работы возобновились. Прежде всего он снюхался с общественными организациями и заговорил о «вымогательстве со стороны рабочих в тяжелый для нации момент». Он уже помышлял о вмешательстве вооруженных сил.

Он приказал мастерским в срочном порядке приступить к изготовлению военных мундиров. В первую голову он замыслил организовать большую демонстрацию инвалидов войны против забастовщиков. Старые, пострадавшие на войне солдаты защищают интересы всей нации в целом! Это, несомненно, должно было произвести сильное впечатление, в особенности на страницах газет.

В этот напряженный момент Уолли принес известие о том, что Мэкхит в конце концов дал согласие на развод. Наконец-то, судя по всему, рухнуло ужасное препятствие, мешавшее Пичему окончательно застраховать себя от происков Кокса и, таким образом, все же обернуть в свою пользу злосчастное предприятие, которое уже несколько месяцев лишало его покоя.

И вот тогда-то его дочь, узнавшая из уст отца о предстоящем разводе, бросила ему в лицо: «Я беременна».

Он был вне себя.

— И все-таки ты разведешься, — крикнул он ей в ответ, — ты разведешься и пойдешь к врачу! Ты что же, думаешь, я позволю тебе разорить меня? У меня в конце концов тоже есть нервы, и я не позволю топтать себя ногами! Если вы окончательно сорветесь с цепи, я возьму и лягу в постель, повернусь лицом к стене, и пускай все пропадает пропадом. Тогда можете отправляться в ночлежку, сволочи!

В эти дни он не глядел ни налево, ни направо. Как собака-ищейка, он шел по следу.

Он знал слишком мало.

Знай он, что маклеру давно известно о злосчастном браке его дочери, знай он хотя бы, что́ произошло во время последнего посещения его дочерью квартиры г-на Кокса, он действовал бы иначе.

Полли в тот же вечер поспешила в тюрьму к мужу.

Он, разумеется, тотчас же сказал ей, что все это делается только для вида. Бракоразводный процесс длится столько времени! В конце концов достаточно выставить суду только один неосновательный повод, и в последнюю минуту все расстроится. Подать заявление о разводе все же придется, так как ее отец совсем его затравил и фактически держит в руках.

— Он может отправить меня на виселицу, и он это сделает — ты его знаешь!

Полли, не задумываясь, ответила, что в таком случае она должна пойти к врачу и избавиться от ребенка. В припадке отчаяния, сказала она, она призналась отцу, что беременна.

Мэкхит испугался. Этого он не предусмотрел. Упавшим голосом, не глядя на жену, он сказал, что это, разумеется, не годится, он не станет жертвовать своим ребенком, разве только в самом крайнем случае.

Эта проблема и в самом деле мучила его до поздней ночи, после того как Полли ушла вся в слезах и он остался один в камере. Мэкхит был хорошим семьянином, и он радовался предстоящему рождению сына; он даже начал верить, что именно забота о крошке толкнула его на все эти предприятия.

«Ах, — думал он, — *чего ради мы маемся, если в один прекрасный день приходит конец и нам даже не на кого оставить дело? Чего ради я сижу здесь, в этой камере, если не ради сына? Откуда у меня взялись бы силы все это перенести? Взяв его маленькую ручку в свою руку, я поведу его по лавкам, которые некогда будут принадлежать ему, и скажу: «Сын мой, не забывай: то, что ты видишь, стоило большого труда и прилежания! Твой отец работал из последних сил, чтобы оставить тебе все это. Он работал не только ради себя; он не требует благодарности, он в ней не нуждается, но он напоминает тебе обо всем этом для того, чтобы ты знал, как тесно мы, твой отец и ты, связаны между собой. Придет день, и твой отец умрет, а ты будешь работать дальше, памятуя о нем, о том, который... словом, так много сделал для тебя...» Так я скажу ему, и он поймет меня. Я назову его Диком».*

Сообщение Полли в самом деле произвело на него сильное впечатление. Только на следующий день он решился передать Полли, чтобы она шла к врачу, — это действительно необходимо. Он надеялся, что она оттянет этот визит сколько возможно, по крайней мере на два-три дня. К тому времени он рассчитывал придумать что-нибудь такое, что сделало бы операцию ненужной. Но на всякий случай она должна быть к ней готова и не должна давать отцу поводов к подозрению.

Он действительно не имел права отказываться от передышки, которой он добился ценой согласия на развод, чтобы иметь возможность нанести решительный удар Национальному депозитному банку.

Он вновь стал наседать на Хоторна и Миллера, требуя от них скорейшей реорганизации банка.

Сначала им пришлось полчаса ждать его в приемной. Так распорядился сам Мэкхит. Они сидели, несказанно подавленные, среди родственников заключенных — измученных заботами, или опустившихся, или же измученных заботами и опустившихся особ обоего пола.

Мэкхит заорал на своих посетителей, что вся эта волынка ему надоела, он не понимает, откуда у них

берется наглость затягивать его вступление в их грязную лавочку.

Потом они совместно обсудили все, что касалось Крестона. Крестон довел до конца свою распродажу, ни у кого не попросив денег. Он все еще не переставал удивляться маневру конкурента, откупившего у него все товары. Правда, цены были значительно ниже среднего уровня...

Широко разрекламированная «неделя» д-лавок и лавок Аарона доставляла ему немало забот, так как покупатели с нетерпением ожидали ее. О предстоящем переходе банка в руки Мэкхита он ничего не знал.

И вот Мэкхит велел сообщить ему, что кое-какие партии товаров, приобретенные во время его распродажи, вызывают подозрение. Судя по описаниям, это те самые товары, что были похищены в Бирмингеме. Он просит Крестона предъявить оправдательные документы.

Крестон явился к нему.

Это был сухопарый господин, ростом в метр девяносто, питавший отвращение к мясным блюдам, духовенству и Аарону. Он был очень напуган.

Мэкхит принял его весьма сдержанно:

— Господин Крестон, вас привело ко мне чрезвычайно неприятное дело. Должен признаться, я не поверил своим ушам, когда мне сообщили, что во время вашей распродажи были сбыты значительные партии товара сомнительного происхождения. Надеюсь, у вас есть оправдательные документы?

У господина Крестона не было оправдательных документов.

Товары эти, заявил он, были куплены оттого, что они были дешевле, и еще оттого, что он после изнурительной борьбы с конкурентами нуждался в товарах. Никаких документов он не получил. У него был такой растерянный вид, словно он, вопреки глубочайшему внутреннему убеждению, съел свежую мясную котлету.

Мэкхит обошелся с ним сурово. Елейным голосом он заговорил о честных методах конкуренции и о мудрости закона, карающего укрывателя и продавца краденого не менее строго, чем вора. Если он, Мэкхит, во

время своей предстоящей распродажи и будет сбывать эти товары, то он в любой момент сможет предъявить оправдательные документы, а именно квитанции Крестона. А вот у Крестона никаких документов нет. Засим он коротко и жестко сообщил ему, что на днях вступает в правление Национального депозитного. В заключение он перечислил условия, на которых лавки Крестона могли бы войти в концерн, руководимый господином Мэкхитом и снабжаемый ЦЗТ.

Долговязый господин Крестон чуть не свалился со стула, услыхав, что его конкурент завладел банком, который держал его, Крестона, в руках. Он сравнительно быстро оценил положение вещей.

Надзирателю было приказано принести бумагу и карандаши. Они писали какие-то цифры и тыкали в них сигарами. Мэкхит укрепил на стене камеры зеленоголубой план Лондона; выкуривая одну толстую гавану за другой, он при помощи красного карандаша обводил жирными кружочками городские районы, подчеркивал названия площадей, вычерчивал по всему городу и пригородам сложную сеть линий. То была схема распределения д-лавок (дешевых лавок Крестона).

Некоторые из предприятий Крестона предстояло слить, ликвидировать, превратить в звонкую монету. Мэкхит безжалостно вычеркивал их красным карандашом. Его банку нужны были «свои» деньги.

— Не забудьте, — говорил Мэкхит Крестону, — что банк принадлежит ребенку. Его состояние расточалось безответственными людьми. Даже вклады посторонних лиц не избегли общей участи. С этим нужно покончить. Мне придется взять на себя ответственность за дела банка перед его малолетней владелицей. Я не склонен разводить сантименты, но не допущу, чтобы про меня говорили, будто я граблю детей. Дети — будущее Англии, об этом ни на минуту не следует забывать.

Цены необходимо постепенно поднять. В рекламу следует ввести слово «качество».

Мэкхит рассказал Фанни о своей беседе с Крестоном и набросал его портрет.

— *Это был как бы безмолвный диалог. Я спросил его: «Вы отвечаете за то, что вы сделали?» Он поспеш-*

но ответил: «Нет».— «Ага, значит, вы не намерены любой ценой отстаивать вашу самостоятельность?» — спросил я его тогда. «Нет, любой ценой не намерен»,— ответил он. «Стало быть, вы предпочитаете потерпеть поражение и склонить выю под мою пяту?» — «Вот именно, — ответил он, — мне это обойдется дешевле». Он отнюдь не то, что принято называть сильным характером, а вполне разумный человек. В наше время едва ли имеет смысл кичиться своей индивидуальностью.

Миллера и Хоторна ждало новое огорчение. Мэкхит заявил им, что он принужден требовать от Миллера письменного признания в том, что он, Миллер, на собственный страх, не ставя в известность Хоторна, в целях спекуляции растратил вклад Пичема. У банка как такового должно быть чистое имя.

Миллер был окончательно раздавлен. Он прислонился своей старой головой к спинке стула и заплакал. Потом взял себя в руки, выпрямился и сказал со сдержанным достоинством:

— Я не могу это сделать, господин Мэкхит. Я никогда в жизни не подпишу бумагу о том, что растратил на спекуляции доверенные банку деньги. Знаете ли вы, что это значит: *доверенные?* Вы отдали мне ваше состояние, заработанное тяжким трудом. Вы сказали: «Господин Миллер, вот мое состояние. Это все, что у меня есть. Я отдаю его *в верные руки,* берите его и распоряжайтесь им по вашему *разумению и по совести!* Я доверяю вам! Я честный человек, и вы честный человек». А вы предлагаете мне сказать: «Их нет. Я-то тут, а денег нет». Никогда — слышите, господин Мэкхит? — я этого никогда не скажу.

— Но ведь вот же вы тут, господин Миллер, а денег все-таки нет!

— Да! — сказал господин Миллер и сел с таким выражением лица, какое бывает у удивленных детей.

Посидев еще минут пять (никто за это время не произнес ни слова), он ушел, покачивая головой и что-то бормоча про себя.

Через два часа старик Хоторн принес бумагу. На ней красовалась подпись Миллера, ясная и четкая, точно выведенная рукой школьника.

Взволнованным голосом Хоторн попросил Мэкхита хотя бы на первое время оставить Миллера в банке,— разумеется, без оклада,— так как старик просто не знает, что сказать жене и соседям.

Мэкхит удовлетворил эту просьбу.

В тот же день Мэкхит торжественно вступил в Национальный депозитный банк.

Многопудовая тяжесть свалилась с его души. Теперь пусть Аарон и Опперы узнают, что председателя ЦЗТ зовут Мэкхитом, ибо директора Национального депозитного банка тоже зовут Мэкхитом. И компаньона Крестона тоже зовут Мэкхитом.

После обеда Полли пошла к госпоже Краул.

Ее послал отец. Она давно уже выполняла некоторые поручения, которые он ей давал в качестве попечителя о бедных.

Госпожа Краул была очень растрогана корзиночкой с едой и бутылкой сидра, принесенными ей Полли. Она поплакалась на КЭТС, которая конфисковала всю мебель, не бывшую «предметом первой необходимости», и на своего отца, грустно слушавшего ее речи.

— Что мне с ним делать? — горевала она.— Он хуже малого ребенка; дети — те хоть не гадят в комнатах. Мой муж промотал его деньги, и у нас вообще ничего не осталось.

— Если бы вы хоть *что-нибудь* наскребли, госпожа Краул,—сосредоточенно сказала Полли,—я, может быть, уговорила бы моего мужа устроить вас в одну из его д-лавок. Там бы вы по крайней мере были сама себе хозяйка. Но для этого нужен хоть какой-нибудь основной капитал.

Она была очень мила с госпожой Краул. Покуда она сидела здесь с пустой корзиночкой на коленях, в безотрадной комнате, казалось, было светлее.

Госпожа Краул колебалась. Тусклым взором, стараясь не смотреть на старика, обвела она свою жалкую мебель. Потом вдруг сказала:

— У меня осталась одна надежда. Есть у него сестра; может быть, она согласится вложить кое-какую мелочь — больше у нее нет — в какое-нибудь абсолютно верное дело...

Она обернулась к старику:

— Как по-твоему?

Старик не ответил. Он скорее всего ничего не понял; у него, видно, уже все путалось в голове.

Обе женщины еще несколько минут поговорили об этом деле.

Уходя, Полли твердо обещала выпросить у мужа лавку для госпожи Краул. Однако не успела она спуститься с лестницы, как уже забыла о данном ею обещании. Ею владела страсть нравиться всем людям без исключения.

Как только она вернулась домой, ее позвали в контору отца. Отец сухо сообщил ей, что муж дал согласие на аборт. Он прислал некоего Груча, который сообщил об этом самому Пичему. А ей он прислал записку; она лежит у нее в комнате.

Полли прочла записку; она была потрясена. Как мало значил для Мэкхита его сын! Потому что для него это его сын, раз он понятия не имеет о Смайлзе. Это отвратительно! Она была до того расстроена, что заявила матери: она сегодня же пойдет к врачу; она знает подходящего врача, стоить это будет пятнадцать фунтов.

Госпожа Пичем предложила сначала испробовать хинин. В первый день следует принять три таблетки, во второй — четыре и так далее — до семи. Принимать больше было рискованно, но надо было проделать весь курс до конца и не выплевывать принятое, несмотря на звон в ушах, сердцебиение и тошноту. Однако Полли дала ей понять, что она уже не на первом месяце беременности. Таким образом, оставался один исход — вмешательство врача.

Они пошли к нему сразу после чая. Врач, как видно, не узнал Персика: у него была чересчур большая практика. Кроме того, он на этот раз договаривался с матерью, а для него пациентами были те, с кем он торговался о гонораре. Он сидел, окруженный своим оружием, поглаживая роскошную, мягкую, не вполне свободную от бактерий бороду, и говорил:

— Милостивая государыня, я позволю себе обратить ваше внимание на то, что принятое вами решение находится в дисгармонии с существующими законами.

Он так искусно владел своим голосом, что упомянутая им дисгармония казалась небесной музыкой. Но госпожа Пичем сухо перебила его:

— Да, я знаю, цена — пятнадцать фунтов.

Тридцать лет совместной жизни с господином Пичемом и обильное потребление горячительных напитков раскрыли перед ней тайники человеческой души.

— Тут дело не в пятнадцати фунтах. Я, кстати, не понимаю, откуда взялась эта сумма: операция обойдется несколько дороже, — елейным голосом ответствовал доктор. — Это вопрос совести.

— Вы говорите: операция обойдется дороже? Во сколько же она обойдется? — спросила госпожа Пичем.

— Ну, скажем, в двадцать пять фунтов, милостивая государыня. Но прежде всего вам придется окончательно и бесповоротно решить, действительно ли вы готовы уничтожить зарождающуюся жизнь, иными словами — действительно ли в этом есть безусловная, настоятельная необходимость, как, скажем, у моих неимущих пациентов, которые просто не имеют материальной возможности содержать детей, что, разумеется, ни в коей степени не оправдывает врачебное вмешательство как таковое, но хотя бы объясняет его с человеческой точки зрения... Не так ли?

Госпожа Пичем внимательно посмотрела на него и сказала:

— Именно о такой необходимости и идет речь, господин доктор.

— Ну, это, конечно, дело другое,— сказал доктор, так как госпожа Пичем и ее дочь поднялись.— Тогда попрошу вас пожаловать ко мне завтра в три часа дня. Гонорар — на месте, чтобы не посылать счета на дом. Честь имею кланяться, милостивая государыня.

Дамы пошли в кафе и съели по пирожному. Так как возвращаться домой было еще рано, они зашли в кинематограф.

Это был один из тех убогих балаганов, где сеансы идут без перерыва. Зрительный зал имел форму длинного полотенца. Крошечный экран был словно иссечен дождем, и люди на нем двигались, точно в пляске святого Витта.

Фильм назывался: «Мать, твой ребенок зовет тебя!»

Начинался он с того, что некая молодая знатная дама одевалась на бал. С помощью горничной она зашнуровала на себе корсет в метр длиной и нацепила на шею и на уши несколько фунтов брильянтов. Она полюбовалась собой в стенном зеркале и пошла в детскую. Дочь ее, трехлетняя малютка, лежала в кроватке: она была больна. Врач, серьезный бородатый господин, стоял возле кроватки и щупал ребенку пульс. Он сказал молодой матери несколько слов, по-видимому, весьма серьезных, но та легкомысленно рассмеялась, небрежно обняла малютку и упорхнула.

В проходе между стульями стоял толстяк-комментатор.

— Легкомыслие и жажда наслаждений,— сказал он несколько хриплым басом,— побуждают юную мать бросить на произвол судьбы смертельно больного ребенка и ринуться в пучину пьянящих развлечений.

На экране появился неслыханно пышный и роскошно обставленный зал, в котором довольно многочисленное общество занималось танцами.

— Высший свет в вихре наслаждений,— одновременно пояснил бас.

Вошла юная мать. Лакей в коротких штанах доложил о ее приходе. Мужчины повскакали с мест. Подали шампанское. Юная мать сидела между кавалерами на изящной бархатной козетке. Время от времени она шла танцевать и переходила из объятий в объятия.

— Незаметно летят часы...— информировал публику комментатор.

Потом на экране опять появилась детская. Малютке, по-видимому, стало значительно хуже. Она сидела в постельке и простирала ручонки к покинувшей ее маме. Внезапно она откинулась на подушки.

— О,— сказал бас,— она умирает! О, она падает навзничь! Все кончено!

Опять бальный зал. Запрокинув голову, юная мать осушала бокал шампанского. Вдруг задняя стена зала стала прозрачной: показалась детская; умершая маленькая девочка, такая же прозрачная, поднималась из кроватки, пока не приняла вертикального положения. У нее была пара крылышек за плечами, потому что теперь она была ангелочком. Она понеслась к своей

молодой матери в бальный зал, иными словами — вынырнула из задней стены, полетела к мраморному столику, за которым пировала презревшая свой долг молодая женщина, опустилась у самого столика на пол и растаяла в воздухе.

— Мысленно,— прогрохотал бас,— охваченная ужасом мать видит свое мертвое дитя. В облике ангела — о, как трогательно! — оно прощается с ней навеки!

Молодая мать упала в обморок. На несколько секунд ее еще показали в гардеробе.

— О, только бы не опоздать! — шепчет несчастная, лихорадочно накидывая что-то на себя.

Потом опять появилась детская, в которую вбежала женщина. Она упала на колени перед кроваткой, обняла мертвую дочку и заломила руки. Все присутствующие бросились утешать ее, но она, как видно, не могла подавить боль и угрызения совести.

Бас закончил, задыхаясь:

— О, поздно! Счастье больше не с тобой! Его не возвратишь горючею слезой!

Обе женщины, потрясенные до глубины души, не сводили глаз с экрана. Возле кассы они купили себе шоколаду, но уже в самом начале мелодрамы сжевали весь свой запас. Так захватил их фильм.

Когда малютка, брошенная легкомысленной матерью, умерла в одиночестве, Полли ощутила болезненный укол в груди. В темноте она схватила мать за руку, и у обеих женщин выступили слезы на глазах, когда скончавшаяся малютка со светлыми локонами прилетела в бальный зал, простирая ручонки.

Они вышли из кинематографа, глубоко растроганные этим произведением искусства.

— Я не поведу тебя туда завтра! — взволнованно сказала госпожа Пичем, выйдя на улицу.

Теперь и Полли не могла себе представить, как она смела думать об убийстве своего ребенка. Чем она отличалась от той преступно легкомысленной матери в бальном зале?

Только поздней ночью обе женщины освободились от чар искусства.

Госпожа Пичем в нитяных чулках поднялась в светелку Полли и сказала, присев на край кровати:

— Завтра с утра ничего не ешь. А то тебя вырвет после наркоза.

Полли всю ночь снилась докторская коллекция оружия.

Господин Пичем был очень занят.

В тот вечер он принимал у себя адвоката Уайта и Фанни Крайслер. Пичем настаивал на том, чтобы его зять теперь назвал женщину, которая на суде могла бы подтвердить под присягой факт прелюбодеяния. Он хотел действовать наверняка.

Мэкхит предложил взять одну девицу из публичного дома госпожи Лексер в Тэнбридже, и толстяк Уайт привел ее на Олд Оук-стрит. Она вела себя весьма непринужденно, но господин Пичем дал этой свидетельнице отвод. Он заявил, что не намерен унижать свою дочь в глазах всего света, а на самом деле, вероятно, опасался, что показания проститутки не будут приняты во внимание судом.

Узнав об этом, Мэкхит страшно разозлился.

— Как он себе это представляет, мой почтенный тесть? — орал он. — С каким количеством баб он мне еще прикажет спать?

Тем не менее он изъявил согласие выставить в качестве свидетельницы Фанни Крайслер.

Правда, он уже проник в правление банка, но разорение Пичема все еще было ему нежелательно: он теперь рассматривал его как клиента. Если бы этот клиент как-нибудь справился со своим противником, не прикасаясь к банковскому вкладу, банк был бы очень доволен.

В эти дни Мэкхит неоднократно задумывался: не развестись ли ему в самом деле с Полли?

В разговоре с Гручем, которого он с обычной своей бестактностью привлек к обсуждению кандидатуры Фанни Крайслер, он изложил свои мысли в следующих выражениях:

— Могут произойти события, которые разлучат меня с моей женой. Быть может, самым правильным было бы с моей стороны окончательно порвать с ней. Но даже если я теперь и признаю факт моей связи с Фанни, это еще ни в какой степени не означает раз-

рыва с моей женой. Так или иначе, она от меня беременна и не станет поддаваться любому капризу и бросать меня из-за какого-то пустяка. Только самые серьезные основания могут заставить женщину в ее положении покинуть мужа. Это — преимущество, которое дает нам их беременность. Вот когда они по-настоящему привязываются. Природа, Груч, хитрая штука! Она везде возьмет свое. А почему? Потому что она изворотлива.

Груч сидел, скорчившись, на матраце, курил и задумчиво кивал.

— *У моей жены,* — задумчиво продолжал Мэкхит, — *есть только одна возможность насолить мне: если она избавится от ребенка, которого носит под сердцем. Но это было бы с ее стороны так безжалостно, что мне потом было бы уже все равно — разрыв так разрыв! Я сказал ей: пускай сама решает. Я не говорил ни за, ни против. Я дал ей понять, что все зависит от нее. Это для нее серьезное испытание — испытание ума и сердца. Откровенно говоря, я не знаю, выдержит ли она его. Быть может, сейчас уже все кончено — я этого не знаю. Я даже не знаю в данный момент, носит она еще под сердцем моего ребенка или нет. Я предпочитаю не спрашивать. Я делаю вид, будто меня это вообще не интересует. Но придет время, и я спрошу: «Где твой ребенок? Что ты с ним сделала? Был ли он тебе так дорог, что ты ни за что на свете не захотела расстаться с ним, или, может быть, наоборот?» И эта минута решит все.*

Груч опять кивнул, а Мэкхит в это мгновение на самом деле поверил в то, что говорил. Это было в высокой степени свойственно ему — отдавать категорические приказания, а потом взваливать всю ответственность на тех, кто их выполнял.

Итак, Уайт привел Фанни Крайслер к Пичему. Тот принял их, стоя в своей маленькой конторке.

Фанни вела себя очень естественно и, как всегда, производила впечатление дамы. Она заявила, что охотно окажет господину Мэкхиту услугу, о которой он ее просит. Она ничем не связана и равнодушна к сплетням и пересудам.

— Стоп! — резко перебил ее Пичем.— Уж не прикажете ли понять вас в том смысле, что вы готовы

принести ложную присягу, лишь бы оказать господину Мэкхиту услугу? Это нас никоим образом не устраивает!

Фанни удивленно взглянула на адвоката; тот смущенно уставился в угол убогой каморки.

— Вы хотите,— сказала она (из всех трех сидела только она; теперь она закурила сигарету),— чтобы я вам сказала, действительно ли я жила с вашим зятем?

— Вот именно,— подтвердил господин Пичем.

Она рассмеялась не без приятности. Потом она повернулась к Уайту:

— Не знаю, Уайт, в интересах ли господина Мэкхита, чтобы я об этом говорила.

Она сознательно не назвала Уайта господином, желая подчеркнуть, что она стоит на той же ступеньке социальной лестницы, то есть принадлежит к числу клиентов Уайта.

— В интересах господина Мэкхита или не в интересах,— сварливо сказал господин Пичем,— но я это должен знать. И моя жена — тоже, если вы не возражаете. Это дело не шуточное!

Он отворил обитую жестью дверь и позвал жену. Та, очевидно, находилась где-то поблизости. Она явилась в ту же секунду. Сложив руки на животе, она принялась с любопытством разглядывать гостью. Она не была дамой.

— Мисс Крайслер,— представил ей Пичем гостью, которая тотчас же положила на стол свой мундштук, но не изменила позы и по-прежнему неопределенно улыбалась.— Мисс Крайслер сообщила мне, что она до последнего времени, то есть и после женитьбы господина Мэкхита, находилась в интимной близости с ним. Так?

— Совершенно верно,— сказала Фанни Крайслер очень серьезно. Желая быть вежливой по отношению к посторонней женщине, она небрежно добавила:— Я управляю одним из магазинов господина Мэкхита и являюсь его постоянной сотрудницей.

После этого она встала, уложила мундштук в сумочку, кивнула и вышла. Уайт открыл ей дверь, смущенно улыбаясь.

Впервые за много месяцев Пичем в ту ночь спал спокойно.

Он решил на следующее же утро окончательно объясниться с Коксом, открыть ему грехопадение Полли и тут же сообщить о согласии Мэкхита на развод. Саутгемптонские корабли незачем было покупать, деньги, за исключением доли Пичема, были полностью собраны.

Но утром, когда он брился, готовясь посетить Кокса, тот ворвался к нему и заорал, размахивая каким-то письмом:

— Что же это вы со мной делаете, сударь? Вы уговариваете меня жениться на вашей дочери! Вы несколько месяцев подряд сводите меня с ней! Таким образом вы обеспечиваете себе привилегированное положение в нашем предприятии и лишаете меня возможности принять против вас те же меры, что и против остальных мошенников, к числу которых вы принадлежите. А сегодня утром я узнаю, что ваша дочь давным-давно замужем и ведет бракоразводный процесс, а муж ее — преступник, сидящий, как мне сообщили, в тюрьме. Вы с ума сошли, сударь!

Пичем стоял с намыленным лицом, с бритвой в поднятой руке перед маленьким зеркалом, подвешенным к оконной задвижке. Помочи его свисали на пол. Он глухо застонал.

— Это ваш ответ, сударь?—ледяным тоном продолжал Кокс. — Это все, что вы мне имеете сказать? Вы хрюкаете? Вам нельзя отказать в дерзости, сударь!

Пичем опустил бритву. У него было будничное лицо, но в этот миг на нем появилось выражение такой сильной боли, что оно стало почти красивым.

— Кокс, — сказал он глухим голосом, — послушайте, Кокс. Как вы можете так говорить?

И выражение боли было столь неподдельным, что Кокс сразу же выложил самое главное:

— В течение двух часов — *двух часов,* Пичем! — вы сдадите деньги, собранные для КЭТС, и притом у меня в конторе. И постарайтесь не попадаться мне больше на глаза, иначе вы через шесть часов будете сидеть в тюрьме рядом с вашим милейшим зятем!

Он вышел, выпрямившись, и у порога столкнулся с

Полли и ее матерью, прибежавшими на шум. Проходя, он сказал вызывающим тоном:

— Добрый день, госпожа Мэкхит!

Госпожа Пичем поспешила в контору. Увидев мужа, который стоял у окна, бледный, как смерть, она сразу поняла все.

— Мы покамест еще не пойдем к врачу,— сказала она дочери спустя четверть часа.

Пичема точно обухом по голове ударили. Он твердо рассчитывал на вожделение маклера. Он верил в него именно потому, что ему, пуританину, оно казалось таким грязным. Он твердо рассчитывал, что в душе Кокса похоть возьмет верх над материальными интересами, и поэтому презирал его. Он его недооценил...

После шаха, объявленного Коксом, события начали развиваться бешеным темпом.

Пичем отправился в банк, где его просьба немедленно выдать ему деньги была встречена всевозможными отговорками. В нем зашевелилось подозрение, и он потребовал личного свидания с Миллером. Его заставили ждать, и он ворвался в кабинет. В этот же самый момент в противоположную дверь вбежал запыхавшийся Хоторн. Одного взгляда на Полтора Столетия было достаточно: Пичем понял все или почти все.

Короткая беседа внесла полную ясность.

Ему придется иметь дело с господином Мэкхитом, если он хочет получить обратно свои деньги. Со вчерашнего дня господин Мэкхит является директором-распорядителем банка и в данный момент находится в тюрьме.

Пичем оставил стариков и побежал в контору Кокса; было уже одиннадцать часов.

Кокс молча выслушал его доклад. Потом он сухо сказал:

— Даю вам срок до завтра, до двенадцати часов. В двенадцать вы принесете мне деньги или обеспечение. Вы ведь говорите, ваш зять — директор банка. Сейчас же отдайте мне договор с правительством и бумагу, в которой Краул и баронет признают правонарушения, допущенные ими, а следовательно, и прочими компаньонами.

Пичем еще раз пошел домой и принес Коксу все документы. Он был словно в трансе. Потом он опять

вернулся домой и заперся у себя в конторе. Он ничего не ел, в два часа он послал за Фьюкумби в гостиницу.

Бывший солдат, казалось, располнел. Но цвет лица у него был нездоровый. Покуда Пичем говорил, отвернувшись, по обыкновению, к угловому слепому окну, одноногий стоял у обитой жестью двери, не двигаясь, держа фуражку в больших руках.

Пичем сказал ему вкратце следующее.

Фабрику за последнее время постиг ряд неприятностей. Придется значительно сократить производство и уволить часть служащих. Среди прочих будет уволен и Фьюкумби.

Господин Пичем задержался на грозной проблеме безработицы:

— Я отлично отдаю себе отчет, что это значит — выбрасывать на улицу своих служащих. Особенно страшны в этих случаях моральные последствия. Типичный безработный обычно сразу же теряет моральную точку опоры. Только в самых редких случаях он находит в себе силы уберечь свои нравственные устои от разлагающего влияния голода и холода. Его вера в себя рушится. Он приходит к заключению, что он — обуза для общества. В этом душевном состоянии он легко становится жертвой безответственных агитаторов, стремящихся превратить его во врага существующего порядка. Все это я знаю, но что я могу сделать?

Тем не менее есть возможность избежать немедленного и безусловного увольнения части служащих, в том числе и Фьюкумби. По Лондону шляется некий господин Уильям Кокс, носящий в кармане одну бумажку, которая ему не принадлежит. Этого Кокса необходимо убрать и притом не позднее завтрашнего утра. Тому, кто этим займется и тем самым предотвратит увольнение большого количества служащих, обеспечено алиби. Исполнитель, покончив с делом, должен просто-напросто немедленно отправиться в такое-то место и провести там ночь.

— Это чисто коммерческое дело, — философски закончил господин Пичем.— *Это продолжение коммерции другими средствами. Вы солдат. Вспомните о войне: когда коммерсанты исчерпывают все свои возмож-*

ности, на сцене появляется солдат. Что и говорить, обычно мы, коммерсанты, прибегаем к иным, более мирным методам. Но это всего лишь означает, что в наше время, кроме хорошо отточенного ножа, есть еще и иные средства добиться желаемого. К сожалению, бывают и исключения!

Солдат знал маклера Кокса. Ему приходилось носить Коксу письма.

После беседы Фьюкумби с господином Пичемом госпожа Пичем столкнулась с солдатом во дворе. Он в последний раз попался ей на глаза, и потом она охотно рассказывала, какое жуткое впечатление он на нее тогда произвел. Он долго стоял между веревками, на которых сушилось белье, и смотрел на собак. Однако он не подошел к ним, хотя они были некормлены и уже начинали скулить.

— Бог знает, какие кровавые мысли копошились в эту минуту в его голове,— говорила она, вздыхая.

В действительности же у него в голове, вероятно, вообще не было никаких мыслей — разве только мысль о том, сколько стоит защищенная от дождя, но не от холода, конура с толевой крышей, которая служила ему пристанищем. Недолго пришлось ему пожить в ней. Он так и не успел осилить полутома «Британской энциклопедии».

Когда он выходил из музыкальной лавки на Олд Оук-стрит, в правом заднем кармане его брюк лежал нож; решения он еще не принял.

Почти в то же самое время состоялось свидание госпожи Полли Мэкхит с господином О'Хара на квартире последнего.

Госпожа Мэкхит, сильно волнуясь, рассказала, что она только что нашла у себя в комнате письмо от мужа, в котором он сообщал ей, что ей незачем беспокоиться. До развода дело никогда не дойдет («никогда» было подчеркнуто), в нужный момент он просто обвинит маклера Кокса в прелюбодеянии с ней, у него есть достаточно материала, разоблачающего развратный образ жизни Кокса. Как бы ни был Кокс неповинен в данном конкретном случае, у него после этого пропадет всякая охота разводить Полли с Мэкхитом.

Она показала письмо; оно было написано наспех, карандашом.

О'Хара был, судя по всему, не очень поражен.

— Кокс в качестве свидетеля! — повторила Полли.

— Ну так что же? — спросил О'Хара, даже не поднявшись с кушетки.

Он только что пообедал и читал спортивный отдел «Таймс».

— Ну так что же? Я этого не хочу!

— Ты изменяла с ним мужу?

— Конечно, нет!

— Отчего же ты тогда не хочешь, чтобы он выступил в качестве свидетеля?

— Оттого что не хочу! Тебе этого достаточно? Я этого не хочу — стало быть, его нужно убрать, пока еще не начался процесс.

— Если я тебя правильно понял, ты хочешь, чтоб его пришили?

— Нет, этого я, конечно, не хочу.

Воцарилось молчание. О'Хара опять погрузился в чтение газеты.

— Ну, так что же? — спросила Полли.— Брось газету! Как ты себя ведешь? Я же тебе задала вопрос!

— Ах, да! — сказал О'Хара.— Правильно. Его нужно убрать. А что, собственно, произойдет, если его не уберут?

— Тогда я сама назову человека, с которым я *изменяла* мужу,— сказала Полли медленно и решительно.

— Вот как? Тогда ты сама назовешь человека...

— Можешь не ухмыляться! У тебя это не выходит. Я ни за что не появлюсь в зале суда рядом с такой комической фигурой, как этот Кокс. Если уж я изменяла мужу, то с относительно приличным мужчиной. Ты видел когда-нибудь Кокса? Это старый козел, а не мужчина, с которым изменяют мужу. Ты тоже не бог весь что, но у тебя хоть внешность приличная. Для суда тебя хватит!

О'Хара был неприятно поражен. Его немалый опыт общения с женщинами подсказывал ему, что Полли весьма серьезно намеревается назвать его имя в случае крайней необходимости, то есть в том случае, если маклера не уберут вовремя. Но для него это было рав-

носительно преждевременному разрыву с его шефом Мэкхитом, крушению всех его планов, а может быть, и еще чему-нибудь похуже. О'Хара знавал Мэкхита еще в ту пору, когда тот назывался Бекетом. Он не всегда был толст и миролюбив.

О'Хара тщательно сложил газету и сел на кушетку.

— А ну-ка, заткнись,— сказал он грубо,— довольно трепать языком. Ступай.

Он понял, что настало время платить. Полли ушла, чтобы не раздражать его еще больше. Она была одета по моде тех времен: шляпа с колесо величиной, крашеные перья, газовая вуаль, зонтик и корсет, выпячивавший зад. Она в этот день нарядилась очень тщательно и разглядывала себя в каждой витрине. Это давало ей возможность одновременно проверять, кто из мужчин на нее оглядывается и кто за ней идет. Она направлялась к мужу в тюрьму.

С Мэком она была очаровательна. Она кокетливо присела на койку, закинула ногу на ногу и, дырявя зонтиком воздух, похвалила Мэка за то, что он остановил свой выбор на Коксе. Этот выбор сведет процесс на нет. Она войдет в зал суда, ткнет зонтиком в маклера, скажет: «Вот с этим человеком я жила?» — и просто расхохочется. Она заливалась смехом, рисуя эту сцену.

Мэк по-прежнему был мрачен. Миллер из Национального депозитного банка прибежал к нему в панике и сообщил о посещении Пичемом банка. Этот Кокс представлял собой серьезную опасность для Пичема и его состояния. Полли ему, как видно, было недостаточно. Но если Пичем не справится с Коксом, то лопнет банк, в котором он с таким трудом добился директорского поста. Мэкхит болезненно ощущал свою роковую связь с тестем и испытывал даже некоторое желание поговорить с ним так, как говорит иной зять со своим тестем, когда благосостоянию семьи угрожает опасность.

Он до такой степени нервничал, что не мог вынести присутствия Полли и вскоре отослал ее домой. Она ушла не раньше, чем он ее поцеловал.

Вскоре после этого у него состоялась весьма серьезная беседа с одним из его людей — Реди. Беседа касалась Кокса. Реди был лучшим из его убийц.

Тем временем Кокс шел вниз по Харроу-стрит, по направлению к Вест-Индским докам. Пичем сказал ему, что он намерен устроить демонстрацию против забастовщиков. Он одел своих людей в солдатские мундиры. Они будут изображать старых солдат, возмущенных своекорыстием докеров, препятствующих доставке британских солдат на театр военных действий. На Олд Оук-стрит изготовлялись плакаты с надписями: «Вы мешаете нашим товарищам воевать!» и «Смотрите, чем пожертвовали *мы!*»

Маклеру хотелось посмотреть на свалку. Впрочем, по словам Пичема, ничего особенного не ожидалось; важней всего было то, что он уговорился с газетами раздуть это дело.

В Лаймхаузе у пристани маклер повстречался с Бири. Управляющий Пичема казался очень возбужденным и сообщил ему, что до обеда Пичем отменил было демонстрацию, после обеда опять назначил ее; однако всех участников не удалось своевременно оповестить, так что в результате получится довольно плачевное зрелище. Бири убежал, подавленный, спасать, что еще можно было спасти.

Кокс свистнул. Значит, Пичем сначала забастовал, а потом возобновил работу.

Чем ближе он подходил к докам, тем больше народу попадалось на его пути. На всех углах стояли люди, но еще большее количество их шло, как и он, по направлению к докам. Казалось, что все чего-то ожидали. На его расспросы ему ответили, что у доков собрались на демонстрацию инвалиды войны.

Толпа становилась все гуще.

Было как раз время, когда должна была заступить новая смена. Те рабочие, которые не присоединились к забастовщикам, покидали доки. Так как до сих пор не произошло еще ни одного столкновения, администрация отказалась от мысли увезти штрейкбрехеров с места работы на лодках. Им пришлось следовать между двумя шпалерами забастовщиков.

Из района доков явственно доносился какой-то шум.

Пройдя еще несколько кварталов, маклер опять встретил Бири. Он пробирался сквозь толпу, сплошной массой устремлявшуюся к докам. Несколько минут они стояли рядом, стиснутые толпой.

— *Все-таки демонстрация получилась довольно внушительная,*— возбужденно рассказывал управляющий.— *Наших людей в ней не больше трети, но вы не поверите: пришли настоящие инвалиды! Все улицы впереди забиты ранеными солдатами, самыми что ни на есть настоящими. На это мы, разумеется, никак не рассчитывали. Нашим людям мы платим за участие в демонстрации — оно и понятно, что они пришли. Кроме того, сами они не нюхали пороху. Но те, что явились по доброй воле,— настоящие солдаты! Они всерьез обвиняют докеров в том, что те не желают приносить жертвы нации! Вы слышите, как там орут? Это не рабочие орут на штрейкбрехеров, а солдаты — на бастующих рабочих, притом солдаты с продырявленной шкурой. Сначала мы хотели нанять настоящих инвалидов. Господин Пичем утверждал: они получают столь ничтожную пенсию и терпят такую нужду, что за несколько пенни пойдут на все, даже на демонстрацию в пользу войны. Но потом мы отказались от этой мысли, потому что наши собственные люди показались нам надежней. А теперь выясняется, какую оплошность мы совершили бы, если бы дали им денег! Они пошли бы даром! Человеческую глупость трудно переоценить! Эти люди без рук, без ног, без глаз все еще стоят за войну! Это пушечное мясо всерьез считает себя нацией! Уму непостижимо! С ними еще многое можно сделать, поверьте мне! Вот и у нас есть такой тип, некто Фьюкумби, без одной ноги. Но он совершенно неспособен на такие вещи! Впрочем, он уже вкусил от мирной жизни, а те, там, впереди, как видно, еще нет. Просто невероятно! Я всегда говорил: только бы побольше войн, за время войны шансы на наживу возрастают прямо-таки чудовищно; на свет божий вылезают инстинкты, о которых раньше никто понятия не имел,— надо только уметь использовать их, и тогда любое дело у вас выгорит без всякого капитала. Просто прелесть!*

Толпа разделила их.

По восемь, по десять человек в ряд, заполняя всю

улицу, отжимая случайных участников к стенам домов, демонстранты упрямо шли вперед, распевая патриотические песни. Все они были в большей или меньшей степени изувечены. Одни ковыляли, за недостатком практики еще неумело опираясь на костыль, пустая штанина болталась на ветру. У других рука была на перевязи, а куртка накинута на плечо; в сгущающихся сумерках грязно-белые повязки казались флагами. В этом диком шествии были и слепые; их вели товарищи, воображавшие себя зрячими. Публика показывала на них пальцами, точно на трофеи, добытые в бою. Другие жертвы катились в колясочках, так как ноги они возложили на алтарь отечества. С тротуаров им кивали и отпускали шуточки по поводу их увечий; они отвечали смехом. Чем страшнее были эти человеческие обломки, тем в больший восторг приводил публику их патриотизм. Это была просто какая-то нечестная конкуренция, ибо как мог, например, однорукий тягаться с человеком, потерявшим обе ноги?

Все эти люди шли с песнями, по колено в грязи, из последних сил стремясь поскорей добраться до чудовищных нищенских берлог Лаймхауза; они изрыгали военные песни, отравляя воздух запахом карболки и своим голодным дыханием.

В ногу с людьми в мундирах шагали штатские — по большей части франтоватые молодчики, державшие себя весьма независимо.

И вся эта толпа хотела одного: чтобы ремонт кораблей был как можно скорей закончен, чтобы их как можно скорей грузили свежим мясом, здоровыми людьми, с двумя руками, двумя ногами, со зрячими глазами. Эти калеки, обломки, отбросы больше всего и прежде всего хотели, чтобы их полку прибыло. Несчастье обнаруживает поистине непреодолимый инстинкт размножения.

Говорили, что демонстранты хотят пробиться к ратуше и потребовать строжайших полицейских мер против бастующих.

Кокс решил идти домой. Тем временем уже совсем стемнело. Осень вступила в свои права.

Повсюду еще стояли кучки, обсуждавшие событие. Большинство жителей этих кварталов было, разумеется, на стороне рабочих. Высказывая различные до-

гадки, они, в общем, довольно правильно оценивали положение вещей. Они, как видно, не принадлежали к «народу Лондона», о котором толковали большие газеты.

Маклер пошел быстрее. Он был несколько встревожен — в нем всегда поднималась тревога, когда он видел большое скопление народа или узнавал о нем. Он завернул в маленький грязный трактир и спросил виски. Ему принесли пойло, которое показалось ему отвратительным, и он подумал: «Ну и вкус у этих людей!»

Выйдя на улицу, он столкнулся с каким-то человеком, который что-то пробормотал и убежал прочь. Судя по стуку деревяшки, у него не хватало ноги.

Это столкновение испугало Кокса. Ему пришло в голову, что в таком районе у него могут быть неприятности из-за его элегантного костюма.

«В сущности, даже непонятно,— подумал он,— почему нас попросту не убивают на улице. В конце концов нас совсем не так много. Если бы я мог рассчитывать только на защиту Пичема, мне пришлось бы солоно. Да и я тоже, откровенно говоря, не стал бы проливать за него кровь. Самая скверная черта подонков, населяющих эти кварталы,— что они не питают ни малейшего уважения к человеческой жизни. Они думают, что любая жизнь стоит не дороже их собственной. К тому же они заранее ненавидят всякого состоятельного человека, потому что он превосходит их в духовном отношении».

Дойдя до ближайшего угла, он услышал позади себя шаги и обернулся. Страшный удар обрушился на его голову. Он молча повалился.

Он упал на булыжник, дополз до стены дома, получил второй удар по голове и лежал до тех пор, пока его не подобрал полицейский патруль. Полицейские подняли его и отнесли в участок; оттуда его отправили в морг, где он тремя днями позже был опознан своей сестрой. Она похоронила его на кладбище Бэттерси. На надгробном памятнике, изображавшем сломанную колонну, была высечена надпись: «Уильям Кокс. 1850—1902».

Фьюкумби весь вечер выслеживал маклера. Он видел, как Кокс, выспавшись после обеда, вышел из своего дома; все было в точности так, как ему говорил господин Пичем. Но вскоре он заметил, что маклера преследуют еще несколько человек.

У Фьюкумби не было никаких твердых намерений. Полученное задание ему совсем не нравилось. Но его привели в движение, и он должен был идти.

Несколько месяцев относительно сытой и спокойной жизни развратили его, а еще в большей степени — дни, проведённые в портовой гостинице. Он не хотел возвращаться в холодное уличное ничто, из которого он возник, а в особенности теперь, на пороге зимы.

В толпе он несколько раз совсем близко подходил к маклеру, но не чувствовал никакой охоты напасть на него.

Пока маклер был в трактире, Фьюкумби даже потерял свой нож. Он строгал им деревянные перила, к которым прислонился, и нож упал в канаву. Он хотел уже пойти за ним, но увидел, что маклера нет у стойки, и стремительно побежал через улицу.

Столкнувшись с маклером у входа в трактир, он испугался так, словно тот замышлял на него нападение, а не наоборот.

Преследование возобновилось.

Теперь Фьюкумби окончательно установил, что за маклером, кроме него, охотились по крайней мере еще двое. Они шли на некотором расстоянии друг от друга, но как только улицы пустели, неизменно появлялись вновь.

После того как Фьюкумби потерял нож, у него не осталось никаких надежд прикончить маклера; но он об этом не думал. Шагая все дальше, он заговорил сам с собой.

«Фьюкумби, я принужден уволить вас, — сказал он себе. — *Вы мне больше не нужны. Вы спросите: «Что же мне делать?» Я вынужден ответить вам: «Не знаю». Перспективы у вас весьма ограниченные. Прежде чем попасть ко мне, вы пытались стать нищим. Вы говорили себе: «Я потерял ногу. Без ноги я не могу заняться никаким делом, которое меня прокормило бы». Вы рассчитывали, что все эти каменщи-*

ки, упаковщики, рассыльные, возчики и уж не знаю, кто еще,— одним словом, прохожие — будут потрясены тем, что вы больше не можете класть кирпичи, упаковывать мебель, править лошадьми и что они, растроганные вашим бедственным положением, поделятся с вами куском хлеба! Какое заблуждение! Знаете, что сказали бы люди, если бы у них вообще хватило времени или низости выразить свое мнение о вас и о том, что с вами случилось? Они бы сказали: «Одним меньше! Подумаешь, велика важность — одним меньше, а тысяча осталась! Легче нам от этого не будет. Вот если бы стало тысячей меньше! Если бы нашим работодателям пришлось повсюду бегать и спрашивать: «Кто возьмется перенести мне мебель?» Знаете ли вы, чего только не делают, чтобы выбросить людей на улицу? Большую часть того, что вообще делается, Фьюкумби! Это прямо-таки основная работа многих людей! Ведь живут люди не тем, что они хотят перетаскивать мебель, а тем, что они не хотят ее перетаскивать, и, стало быть, их нужно приманивать, просить, оплачивать. Но для этого нас непременно должно быть мало, меньше чем требуется. Если нас будет достаточно, немедленно начнется свалка и всяческое свинство. Ты очутился на улице, мой друг. Очень хорошо, что ты сразу же потрудился стать более симпатичным. Но надо трезво смотреть на вещи! Будем надеяться, Фьюкумби, что, поскольку вы пользуетесь всеобщей симпатией, вас не станут открыто преследовать, если вы будете вести себя тихо. В нынешних условиях это тоже достижение. Но вы считаете, что вам должны сочувствовать. Наивный человек! Люди, идущие по мосту Бэттерси, вам посочувствуют? Эти зачерствелые, закоренелые, способные перенести любое бедствие (в том числе и ваше) люди Бэттерси! Как вы думаете, через что должен пройти человек, чтобы как следует закалиться, по-настоящему очерстветь? Ведь не природа же награждает его этими качествами — их надо приобрести! Не рождается же человек мясником! Посмотрите на эти жевательные инструменты! На свои собственные — в зеркале, если вам угодно! Уверяю вас, чтобы размолоть пищу, хватило бы и вчетверо меньших челюстей. Но прежде чем начать жевать, нужно откусить, а как вы думаете — многие ли

из этих жевательных инструментов достаточно мощны, чтобы произвести этот столь важный, столь многое решающий укус, опрокидывающий, обессиливающий, убивающий жертву? Немногие, сударь, весьма немногие! У вас нет ноги! А больше вам нечего предложить? Вы голодны! И это все? Какое бесстыдство! Это все равно, как если бы кто-нибудь попытался на улице привлечь к себе внимание своим умением стоять на одной ноге. Да ведь таких ловкачей тысячи! Тут надо придумать что-то более интересное. Вы несчастны! Ну что ж, на вашу беду, есть люди еще более несчастные. Где уж вам конкурировать с другими! Конкуренция, милостивый государь! На ней зиждется наша цивилизация, если вам это еще не известно. Отбор способнейших! Подбор передовых! Как они могут быть передовыми, если им некого будет опережать? Значит, слава богу, что вы существуете: вас можно опередить. Все стадии развития живых существ, населяющих эту планету, мы мыслим себе только в виде конкуренции. Иначе вообще не было бы никакого развития. Откуда взялась бы обезьяна, если бы бронтозавр оказался приспособленным к конкуренции? Вот у вас, скажем, нет ноги. Ладно, это вы можете в крайнем случае доказать. (Хотя нужно еще найти человека, который согласился бы принять ваши доказательства. Ага! Об этом вы не подумали?) Но ведь у вас есть другая нога, она у вас в целости и сохранности. А руки? А голова? Нет, мой милый, все это не так-то просто. Какой же это отбор? Это простонапросто лень, признак низшей расы и упрямство! В сущности говоря, вы просто вредитель. Не извлекая из этого лично никакой выгоды, вы самим фактом своего существования вредите другим, более способным, более нуждающимся. «Как? — скажут люди.— Такое количество несчастных? Ну как тут помочь? С чего начать?» Совершенно ясно: чем больше на свете несчастья, тем меньше стоит о нем беспокоиться. Ведь оно стало почти общим явлением. Естественным состоянием! Мир несчастен — так же, как дерево зелено. Убирайтесь!»

Стемнело.

Во время этого монолога солдат рассвирепел. Дойдя до ближайшего угла, он уже стал размышлять, как

бы ему подобраться к маклеру. И в это самое мгновение он увидел, как худой человек в длинном пальто несколькими быстрыми шагами нагнал маклера и ударил его по затылку мешком, набитым песком, или чем-то другим тяжелым.

Фьюкумби испугался, но маклер тут же приподнялся с земли. Он пытался доползти на четвереньках до стены ближайшего дома — очевидно, для того, чтобы прислониться к ней.

Солдат несколько секунд всматривался в него. Потом он быстро перешел улицу и остановился подле маклера, который все еще полз.

Он медленно сунул руку в карман куртки, потом в задний карман брюк. Но ни тут, ни там, против его ожидания, не оказалось ножа. Почти с удивлением осмотрел он свою пустую ладонь. Потом, прислонившись к стене и устремив холодный взгляд на ползущего человека, который теперь завернул и, кряхтя, пополз в переулок, он начал отстегивать свою деревяшку. Она держалась на кожаном ремешке. Наконец ему удалось отстегнуть ее, и в то время, как он, прыгая на одной ноге, с силой ударил ползущего, который даже не оглянулся, по спине и по голове, он прохрипел, по-видимому, все еще вспоминая, как трудно было отстегнуть деревяшку:

— Проклятая нога!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

СИЛЬНЫЙ БОРЕТСЯ

Полли вместе с матерью в своей маленькой розовой светелке шила приданое для ребенка, когда Бири крикнул ей с порога, что отец зовет ее.

Она побежала вниз, не выпуская из рук иголки и нитки.

Господин Пичем, одетый для выхода, коротко сообщил ей, что он желает вместе с ней обойти д-лавки.

Они пошли по Олд Оук-стрит по направлению к центру. Был солнечный осенний день. Листва пожелтела, и по каналу плыли каштаны.

Пичем молчал, ему не о чем было говорить с дочерью. Тем не менее она сочла эту прогулку вдвоем благоприятным признаком и, так как прозрачный, золотой осенний воздух скрашивал даже эти нищенские кварталы, чувствовала себя превосходно.

От О'Хара не было никаких вестей. Господин Кокс на Олд Оук-стрит больше не появлялся. Отец ее стал заметно спокойнее. Казалось, напряжение несколько ослабло.

На Бэк-стрит они зашли в первую лавку. Дородная женщина торговала там кухонной посудой и различными инструментами. Она была знакома с Полли и поэтому хоть и ворчливо, но все же отвечала на вопросы Пичема.

Она сказала, что в последнее время ей привозят совсем мало товара. Если бы ее муж не был жестянщи-

ком и не занимался починкой садовых инструментов и ламп, они уже давно умерли бы с голоду. Впрочем, им теперь обещали регулярно поставлять жестяные изделия.

Плату за помещение они кое-как вносят — правда, с опозданием. Они не первые владельцы лавки: до них тут торговали другие. Их предшественник оставил в лавке весь инвентарь, с тем чтобы они погасили его задолженность хозяину помещения.

— Это только начало, — пояснила Полли, когда они пошли дальше. — Все эти лавки существуют не больше полугода, и арест Мэка был для их владельцев тяжелым ударом. Но дела идут все лучше. Тем, кто устоит, обеспечено безбедное существование.

Пичем ничего не ответил.

Они молча прошли несколько улиц.

К следующей лавке, которую они посетили, примыкала сапожная мастерская. У владельца было человек шесть детей, старшие работали в мастерской.

Кожа, по их словам, еще и теперь поступала в достаточном количестве. Даже в самую тяжелую пору, когда другие лавки на протяжении нескольких недель не получали ничего, им забрасывали небольшие партии кожи. Правда, попадался брак, а куски вымерялись целиком, так что они принуждены были оплачивать и негодный товар.

Сам владелец, к сожалению, был болен. Кроме того, в чулане, где они работали, приходилось круглый день жечь свет, который обходился недешево.

— Все-таки это лучше, чем работать на фабрике,— сказала хозяйка. — Там вообще ни черта не заработаешь.

Пичем кивнул и спросил, кто устанавливает цены на готовую обувь — не фирма ли, поставляющая сырье?

Ответ гласил: да, и притом слишком низкие.

Когда они вышли на улицу, Пичем спросил дочь:

— А они вообще когда-нибудь отчитываются?

Полли сказала, что, насколько ей известно, они получают новые партии товара только после того, как отчитались в старых. Она боялась, что лавки очень не понравились ее отцу, так как он упорно молчал.

В третьей лавке они никак не могли приступить к расспросам, так как владелец сразу же заговорил о беспорядках в доках.

— *Всех этих коммунистов,* — сказал он, — *нужно повесить. Они бьют оконные стекла, как будто фабриканты нам их отпускают даром! Они ненавидят нас, потому что у них ничего нет, а у нас кое-что есть. Им никак не удается выплыть, и поэтому они хотят, чтобы все тонули с ними вместе. К чертям труд, прилежание, все! Пускай хорошему работнику живется не лучше, чем плохому! Это же сущие антихристы! В нашем доме тоже есть несколько человек из их братии. Пить они не пьют, зато делают вещи похуже! Они всё готовы вытащить у человека — табуретку из-под задницы, только дай им волю! Точно мы не достаточно бились и маялись! Одну ошибку сделал господин Мэкхит: не надо было ему связываться с этим евреем Аароном! Он от него еще натерпится!*

Пока он болтал, Пичем осмотрел лавку. В грубо сколоченных застекленных ящиках лежали дешевые часы. Раскупались главным образом будильники. Торговали тут и трикотажем и даже табаком. Вывеска гласила: «Мелочная торговля».

У супружеской четы, которой принадлежала лавка, был нездоровый вид. Муж был уже третьим владельцем — третьим, пытавшимся встать на собственные ноги. Судя по его внешности и по внешности его жены, попытка эта стоила им немалых усилий.

У него были раболепные манеры, мало вязавшиеся с его массивной фигурой. Жена молчала и угрюмо поглядывала на посетителей.

— Почти все лавки таковы, — робко сказала Полли, когда они вышли. — Ты хочешь осмотреть и остальные?

Они проехали немного в конном омнибусе и заглянули еще в несколько лавок.

Перед одной из них Пичем остановился и с непроницаемым выражением лица уставился на тротуар. Владелец лавки нарисовал мелом на тротуаре элегантного господина в цилиндре и присовокупил к рисунку список цен. Эта техника была знакома Пичему.

Светло-русый, сравнительно молодой еще человек, стоявший за прилавком, на котором были разложены костюмы, сказал им:

— Знаете ли, тут *можно* заработать! Оборот не так уж мал. Если нам опять дадут дешевое сырье, разрешат чуточку повысить цены и избавят нас от конкуренции крупных магазинов, можно будет жить. Как-никак мы встаем в пять утра и ложимся не раньше десяти-одиннадцати вечера. Ведь *должно* же когда-нибудь получиться... Как по-вашему?

В другой лавке они натолкнулись на смену хозяев. Выезжавшие, по-видимому, оттягивали отъезд до последней минуты. Они все еще стояли с детьми и мебелью в крошечной оштукатуренной каморке, в то время как новые владельцы уже выгружали свои пожитки с подводы на тротуар.

Дети ревели, расстроенные родители шлепали их. Вошли новые владельцы — рослые, спокойные люди с молчаливым ребенком. Женщина сейчас же начала расспрашивать, сколько надо платить за газ и действительно ли тут сухо.

Выезжавшие ругались, а новички явно конфузились. Они поняли, что совершили ошибку, начав расспрашивать прежних хозяев, и уже больше ничего не хотели слушать. Но те не могли остановиться.

— Разумеется, к тому, что они говорят, нельзя относиться серьезно, — пояснил новый владелец, обращаясь к Полли и ее отцу и слегка краснея. — Они озлоблены. Выходит так, что все виноваты в их несчастье, только не они сами.

А жена его сказала презрительно:

— Фабричные! Они едут в Ланкашир наниматься на прядильную фабрику. И зачем только такие люди берутся за самостоятельное дело? Фабрика — самое подходящее для них место.

Все же она тревожно поглядывала на большое пятно от сырости, которое ей торжествующим жестом показала прежняя хозяйка. Когда они осматривали помещение, пятно было заставлено платяным шкафом.

Полли и ее отец ушли, не дождавшись, когда уляжется суматоха. Они поехали домой.

Полли больше не пыталась заговорить: она была уверена, что это не имеет смысла. Но еще не дойдя до дому, она не удержалась и завела речь о том, что, в конце концов, эти люди по крайней мере самостоятельны и умеют это ценить. Они не хотят иметь над собой никакого начальства. Они предпочитают работать до поздней ночи.

Она не знала, слушает ли ее отец. Но он слушал очень внимательно.

На следующий день Пичем отправился в Национальный депозитный банк. Там он работал несколько часов вместе с Миллером. О связи Мэкхита с Аароном тот мог сообщить очень немногое, но Пичем давно уже понял, что спасти банк может только его зять. Уже то, как Мэкхит завладел им, показывало, что он парень не промах.

В общем и целом, д-лавки произвели на Пичема хорошее впечатление. Организованы они были неплохо. Этим способом из людей можно было кое-что выжать.

Полли совершенно напрасно опасалась, что ее отца неприятно поразит нищенский вид лавок. Он хорошо знал, что нищета — это оборотная сторона благосостояния. Что такое благосостояние одного человека, как не нищета другого?

— *О всех этих благодетелях человечества я и слышать не хочу,* — нередко говаривал он. — *Я отлично помню, как в один прекрасный день все газеты подняли истошный крик: лондонские трущобы, дескать, недостойны называться человеческим жильем — они негигиеничны! Целый квартал был снесен с лица земли, а обитателей его переселили в красивые, солидные и гигиеничные дома в Стоктоне-на-Тайне. Все время велся точный статистический учет; через пять лет при сравнении записей оказалось, что смертность в трущобах равнялась двум процентам, а в новых домах — двум и шести десятым процента. Все были очень удивлены. А все дело в том, что новые квартиры просто-напросто стоили на четыре — восемь шиллингов в неделю дороже и их обитателям, чтобы покрыть этот излишек, приходилось экономить на еде. Об этом наши*

реформаторы и благодетели человечества не подумали!

Талант зятя произвел на Пичема сильное впечатление. То и дело отрываясь от бумаг и скользя рассеянным взором по развалине Миллеру, он спрашивал себя, не была ли их вражда в конечном счете обычной враждой двух поколений. Он недооценил Мэкхита, считал его преступником. А между тем Мэкхит был исключительно трудоспособным и, несомненно, дальновидным дельцом.

В тот же вечер Пичем встретился с адвокатом Уолли у него на квартире.

Они беседовали в просторной, роскошно обставленной комнате, с богатыми лепными украшениями на стенах и множеством экзотических ковров. В углу, неподалеку от огромного письменного стола, стояли широколиственные растения в серых эмалевых горшках.

— Вы пришли по поводу бракоразводного процесса? — несколько холодным тоном спросил Уолли.—По правде сказать, мне становится не по себе, когда я о нем думаю. Супружеская измена господина Мэкхита установлена и признана им. Привлечение господина Кокса (одного из ваших деловых друзей, если я не ошибаюсь) в качестве свидетеля супружеской измены вашей дочери, само собой, лишь уловка, но я опасаюсь, что при этом на свет божий будут извлечены целые горы грязного белья.

— Кто предложил выставить свидетелем господина Кокса? — удивленно спросил Пичем.

— Господин Мэкхит. Несколько дней тому назад.

— Так,— медленно сказал Пичем.— Дело в том, что господин Кокс уже два дня как пропал. Он позавчера не вернулся домой. Его сестра, с которой он живет в одной квартире, по-видимому, очень обеспокоена. К сожалению, у него есть известные наклонности, толкающие его на общение с подонками общества, так что его отсутствие не может не вызвать серьезных опасений. Иными словами, я боюсь, что с Коксом нам больше не придется иметь дело.

— Ага!

Это все, что сказал Уолли. Он испытующим взором

посмотрел на своего собеседника, словно еще не отдавая себе отчета в том, что произошло.

— Я порвал всякие деловые отношения с господином Коксом,— продолжал Пичем.— Я ездил с ним в Саутгемптон, и там, после некоторых происшествий, у меня открылись глаза. Я предпочел бы не вдаваться в описание тех омерзительных, прямо-таки тошнотворных сцен, очевидцем которых мне довелось быть. С того момента в нравственном отношении человек этот перестал для меня существовать.

После этого он оставил Кокса и с непроницаемым лицом заявил, что его дочь сообщила ему, что ожидает ребенка от своего мужа. Вследствие этого положение в корне изменилось. Ни о каком разводе больше не может быть речи.

Адвокат, как видно, был этому рад. Пичем продолжал говорить сухим тоном. Он осведомился, как протекает процесс его зятя и чем он может кончиться, и дал понять, что с некоторых пор он заинтересован в благоприятном исходе.

Адвокат поиграл разрезальным ножиком.

— Господин Пичем, — сказал он,—можете меня повесить, если ваш зять не будет оправдан. И тени подозрения на нем не останется, можете быть уверены. У него есть алиби.

— Отлично,— сказал Пичем и собрался было встать.

— Совсем не отлично,—с возмущением сказал Уолли.— Если не будет найден убийца, дело затянется. Сперва проверят его алиби. Нет, милый Пичем, тут уж нам придется чуточку помочь.

Он откинулся на спинку кресла и сложил ручки на животе.

— Дорогой Пичем,—начал он медленно, — вы заинтересованы, да и не можете не быть заинтересованы, в том, чтобы обстоятельства, при которых скончалась госпожа Суэйер, были выяснены до конца. Если не ошибаюсь, Уайт отстаивал перед судом присяжных тот тезис, что Суэйер, принимая во внимание ее экономическое положение, не нуждалась в убийце для того, чтобы покончить счеты с жизнью. Ей действительно жилось очень плохо.

Уолли говорил все медленней, как бы подыскивая формулу перехода. Он смотрел мимо господина Пичема, который сидел не двигаясь, свесив костлявые руки между колен.

Как бы подстегнув себя, Уолли продолжал:

— К сожалению, благодаря ряду дополнительно выяснившихся обстоятельств эта версия оказалась несостоятельной.

Уолли встал. Он широко зашагал по толстым коврам, которые он заработал своим ораторским искусством.

— Господин Пичем,—сказал он многозначительно, не переставая шагать,— в последние дни своей жизни покойная Мэри Суэйер общалась с человеком, которому, пожалуй, жилось еще хуже,— с неким солдатом по имени Фьюкумби. В суде он выступил в качестве свидетеля. Из его показаний явствует, что в вечер убийства он встретился с госпожой Суэйер и проводил ее до набережной.

Адвокат помолчал. Он резко остановился перед Пичемом, пристально поглядел на него и продолжал спокойно:

— Он последним видел убитую, и ни одному человеку, слушавшему его показания, не пришла в голову мысль, которая напрашивалась сама собой. До такой степени ненависть к людям, стоящим на более высокой ступеньке общественной лестницы, ослепляет свидетелей, происходящих по большей части из простонародья! Этот солдат провожал несчастную Суэйер, которая к тому времени, вероятно, окончательно потеряла власть над собой, и в редакцию «Зеркала». Есть доказательства — *должны быть* доказательства, показания соседей, например, подтверждающие демоническую власть этого человека над несчастной женщиной. Он прокрался в ее уютное гнездышко в ту пору, пока ее муж, тоже солдат, то есть его товарищ, находился на фронте. Этому человеку доставило особое удовольствие обольстить жену товарища. И все это произошло в крохотной комнатке, на глазах у детей! Пронюхав об исключительном внимании и отеческой заботливости, проявляемых господином Мэкхитом по отношению к

самым мелким его сотрудникам, он днем и ночью наседал на несчастную, уговаривая ее использовать открывшуюся перед ней редчайшую возможность. Охваченная стыдом женщина, некогда порядочная и честная, должно быть, отказалась; она, должно быть, заявила, что не станет шантажировать своего шефа; ночью на набережной, видимо, разыгралась сцена... Так или иначе, у нас будут показания докера, который в интересующий нас вечер гулял по набережной и в четверть десятого встретил Фьюкумби, шедшего по направлению от крайней дамбы. Господин Пичем! — Адвокат возвысил голос. — Те самые соображения, которые не позволяют нам верить, что состоятельный банкир Мэкхит мог лишить жизни мелкую торговку Суэйер, наводят нас на мысль о том, что это мог сделать нищий проходимец, бывший солдат Фьюкумби, потерявший образ и подобие человеческое. Эти соображения суть соображения об уровне развития человека. Военное ремесло, возвышающее образованного, обладающего воображением человека и толкающее его на величайшую доблесть, пробуждает в грубом, необразованном человеке самые низменные инстинкты. Его манит нажива. Нажива в любой форме. Элементарная кровожадность толкает его на убийство. Для него не существует открытого, стимулирующего все человеческие способности соревнования, стремления ввысь, вечно бдительного честолюбия, жажды стать лучше и сильнее, свойственной нашему образованному обществу. Те убогие знания, что он приобрел в школе, не способны оказать на него решающего воздействия, да и в большинстве случаев его влечет в школу только теплая печка, если не возможность избежать побоев, градом сыплющихся на него в родном доме. Он ничего не может заработать — для этого он слишком туп. А если он что заработает, то тут же промотает. Денежное вознаграждение, полученное им при демобилизации, уходит у него меж пальцев. И вот у него уже нет ни гроша. Вы-то ведь знаете, господин Пичем: Лондон отнюдь не детский сад для тех, у кого пусто в кармане! Он пытается просить милостыню — ничего не выходит: вероятно, у него недостаточно симпатичная внешность. И вот он приходит в то состояние, когда малейшая надежда раздобыть деньги парализует все сдер-

живающие центры. Он *должен* убить, хотя бы это убийство принесло ему два шиллинга! Во всем этом частично повинна природа, неравномерно распределяющая свои дары, среда, воспитание. Мы не станем это отрицать!

Адвокат несколько секунд смотрел вверх, на хрустальную люстру.

— Вы мне возразите,— продолжал он тихим голосом, — что она заведомо была нищей, что в кармане у нее не могло быть больше двух-трех пенни. Но я вам уже объяснил, что я себе представляю определенную сцену: зашедшую чересчур далеко попытку воздействия на волю этой достойной сожаления женщины. Однако два-три пенни тоже могли сыграть решающую роль. И *это* возможно. Даже это! Что? Человеческая жизнь за два-три пенни? Мыслимо ли это? Милостивые государи! — Адвокат, увлекшись своим красноречием, забыл, что он находится у себя дома.— Одного взгляда на наш город достаточно, чтобы понять эту ужасающую, невероятную истину: это возможно! Что для вас, милостивые государи, несколько пенсов? Что для вас несколько фунтов? Что нужно для того, чтобы вы... Нет, я не стану развивать эту мысль! Знаете ли вы, что такое ночь, проведенная под мостом? Нет! Избавьте меня от этого описания!

Адвокат стоял, упершись руками в спинку стула, в двух шагах от Пичема, глядя на него сверху вниз. Спокойно, несколько рассеянно, словно стараясь удержать в памяти основные тезисы своей необычайной импровизации, он закончил:

— Резюмирую. Безвыходное материальное положение, то самое, что могло толкнуть Мэри Суэйер на самоубийство, толкнуло солдата Джорджа Фьюкумби, еще более жалкого, чем она, человека, на убийство. Ибо всякий раз, как перед нами встает задача найти виновника злодеяния, я задаю себе только один вопрос: кому оно было на пользу, это злодеяние? Тот, кому оно было на пользу, ваша честь и милостивые государи, тот его и совершил!

Крупнейший авторитет в области человеческого убожества одобрительно слушал его.

БИТВА В ВЕСТ-ИНДСКИХ ДОКАХ

Мрак непроглядный, бушуют валы,
Корабль мчится вперед.
Колокол глухо взывает в ночи:
Риф впереди встает!
В этом последнем страшном бою
Борются все за отчизну свою.
Близок конец, близок конец!
Но не покинет вахты храбрец.
Колокол бьет: никого не сберечь!
Тщетно бороться! Корабль дал течь!
Будь же готов! Ничего не забудь!
В вечную гавань мы держим путь!
Храни нас бог!
Навек ложимся мы спать на морское дно!
Храни нас бог!

«Жребий моряка»

Только на третий день после убийства сестра Кокса нашла его тело в морге в Поплере.

Пресса ставила смерть маклера Кокса в связь с забастовкой докеров, все сильней привлекавшей внимание общественности.

«Не может быть сомнения в том, — писали газеты, — *что Уильям Кокс пал за родину. Полицейские расследования устанавливают с полной очевидностью, что бастующие рабочие не остановились и перед убийством. Кокс сотрудничал с правительством в деле обеспечения тоннажем воинских частей, отправляемых в Кейптаун. Если правительство не хочет или не может защищать людей, работающих на благо страны, то в скором времени не найдется ни одного дельца, который пожелал бы сотрудничать с ним. Поистине трагическая смерть постигла этого заслуженного гражданина, погибшего в самый разгар великолепной демонстрации инвалидов войны! Многие сотни искалеченных людей вышли на улицу в этот вторник в районе доков, выражая свой протест против безответственной забастовки докеров, по вине которых английские солдаты, ждущие подмоги в осажденном Мафекинге, обречены на гибель. Как известно, вся забастовка разгорелась из-за нескольких пенсов. На эти лишних два-три пенса в неделю ни один из бастующих рабочих не сможет купить себе даже пару башмаков. Таким образом, бедственное*

положение страны используется для вымогательства, не сулящего никакой выгоды даже самим вымогателям. Лучшие умы нашего промышленного мира день и ночь бьются над проблемой снижения прожиточного минимума. Совсем еще недавно один судебный процесс, привлекший к себе всеобщее внимание, дал всем желающим возможность убедиться в том, что наши дельцы ценой тяжелых жертв неустанно борются за снижение цен на предметы первой необходимости. Напрягая все свои силы, торговая сеть Крестона, концерн Аарона и десятки мелких самостоятельных лавочников и кустарей, объединенных во всем известную систему д-лавок, снижают цены на товары. Как они смогут осуществить этот план, если часть населения упрямо настаивает на своих притязаниях, основанных на самообмане? Никто не станет оспаривать, что рабочие имеют такое же право на приличную оплату своего труда, как и прочие слои населения. Но применяемые ими методы ничем не могут быть оправданы, особенно в такое время, когда империя борется за свое существование и от каждого требуются жертвы. Хочется думать, что правительство наконец-то скажет свое веское слово. Убийство коммерсанта Уильяма Кокса — это огненные письмена, говорящие о том, какая страшная опасность подстерегает Англию».

Должно было, однако, случиться еще очень многое, прежде чем правительство вспомнило о своем долге.

В качестве председателя КЭТС Пичем дал ряд интервью. От имени товарищества он выразил глубочайшую скорбь по поводу кончины незаменимого сотрудника и особо подчеркнул патриотические взгляды усопшего. За время, прошедшее между опознанием Кокса в морге и его похоронами, Пичем занялся чисто деловой стороной корабельной аферы.

По просьбе девицы Кокс он просмотрел все бумаги почившего, пообещал ей комиссионные в размере двенадцати тысяч двухсот пятидесяти фунтов и взял себе подписанный двумя членами товарищества документ, касавшийся внутренних дел КЭТС, а также бумагу, подтверждавшую преимущественное право Кокса на приобретение саутгемптонских кораблей.

В архиве Кокса он нашел также все бумаги, касавшиеся покупки и продажи старых судов; эти бумаги были ему нужны для КЭТС.

Далее, разбираясь в бумагах незабвенного покойника, он сделал ошеломляющее открытие: он нашел *второй* договор с правительством на новые саутгемптонские суда. Усопший, приобретя через КЭТС три отличных корабля за гроши, не замедлил предложить их правительству.

Его прибыль со всего этого дела равнялась ста двадцати тысячам фунтов с лишним! У Пичема закружилась голова.

На одну секунду он испугался, что его хватит удар.

В соседней комнате (дверь была полуоткрыта) сидели девица Кокс и пришедшая к ней с визитом Полли. Обе женщины шили траурные платья. В течение нескольких минут Пичем боролся с собой — не попросить ли ему стакан воды. Он боялся навлечь на себя подозрение девицы Кокс. Это были, быть может, самые трагические минуты в его жизни. И он вышел из этой борьбы победителем. Тяжело дыша, прижав руку к бешено стучавшему сердцу, ежесекундно ожидая обморока, он все же решил обойтись без воды.

Придя наконец в себя (он убедился в этом, посмотревшись в стекло книжного шкафа), Пичем в прочувствованных выражениях простился с девицей Кокс и поехал в морское ведомство.

Там он заставил Хейла переписать оба договора на его имя; чтобы добиться этого, достаточно было пригрозить статс-секретарю посылкой правительству квитанций на тысячу фунтов аванса, выданной Хейлом Коксу. Хейл был до глубины души поражен кончиной своего старейшего друга. Он, по его словам, не надеялся, что эта рана когда-нибудь заживет в его сердце.

Первая комбинация с кораблями сулила Пичему примерно двадцать девять тысяч фунтов прибыли.

Окончательный баланс КЭТС сводился к следующему.

Семеро пайщиков, из коих один, передавший свой пай Пичему, выбыл, несли издержки в размере семиде-

сяти семи тысяч четырехсот пятидесяти фунтов, куда входили суммы, уплаченные за три старых корабля, расходы на ремонт, взятки, комиссионные Коксу и стоимость трех новых кораблей (за них было уплачено тридцать восемь тысяч пятьсот фунтов).

Доход равнялся сорока девяти тысячам фунтов, уплаченных правительством. Двадцать одну тысячу фунтов Пичем списал за старые корабли, которые он якобы продал при посредстве «Брукли и Брукли». Из Краула как-никак тоже удалось выдоить почти четыре пятых его доли убытков, прежде чем он удалился на *вечный* покой.

Впрочем, саутгемптонские суда в действительности стоили только тридцать тысяч фунтов, как Пичем усмотрел из соответствующих документов.

Бредя после кремации Кокса домой по лондонским трущобам, Пичем впервые за эти горячие дни вновь предался размышлениям.

«Просто удивительно, — думал он, — сколь часто самые сложные предприятия сводятся в конечном счете к двум-трем простейшим, с незапамятных времен практикуемым приемам! Право же, наша хваленая цивилизация не так уж далеко ушла от тех времен, когда неандертальский человек убивал своего врага дубиной! Началось с договоров и правительственных печатей, а кончилось убийством и ограблением. А ведь я лично — убежденнейший противник убийства! Какое отвратительное варварство! Между тем в деловой практике оно необходимо. Без него не обойтись! Убийство карается, но неубийство тоже карается, и притом гораздо строже! Краул, например, заплатил жизнью за свою покорность судьбе в этой труднейшей комбинации с транспортными судами. Падение на лондонское дно, угрожавшее мне и всей моей семье, нисколько не более приятная вещь, чем тюремное заключение. Оно равносильно пожизненной каторге! Мы поощряем образование и облагораживаем чувства; спору нет, образ Кокса будет еще не раз во сне тревожить меня и в особенности его убийцу, этого Фьюкумби,— но образование, доброта, человечность сами по себе недостаточно действенны и даже в самой отдаленной степени не способны устранить убийство в той или иной форме. Слишком уж велика награда за него и слишком тяже-

ла кара, грозящая тому, кто его не совершит! Этот Кокс, хотя его и убили, умер, в сущности говоря, естественной смертью! Останься он жив, все пошло бы шиворот-навыворот, а теперь все идет почти хорошо! Что и говорить, убийство — это крайнее средство, самое крайнее из всех допустимых! Подумать только: ведь мы всего-навсего делали с ним дела!»

На следующее утро он опять отправился в доки. Ничего утешительного он там не нашел. На работу вышло не больше десятка рабочих. Открытая враждебность пикетчиков, дежуривших возле кораблей и никого к ним не подпускавших, потрясла его.

— Повсюду грубое насилие! — горестно сказал он двум-трем служащим, стоявшим подле него и глядевшим сквозь тусклое окно сторожки на доки. — Ну хорошо, положим, они не желают работать за ту плату, что я им даю. Но почему они не позволяют работать тем, кто хочет работать? Ведь тем-то, безусловно, нужны деньги: у них семьи голодают! Почему они применяют к этим последним из бедняков насилие и не дают им работать? Каждый человек должен иметь право делать то, что ему хочется.

Пичем не знал, как ему быть.

И внезапно дочь и зять оказали ему услугу.

Известие о смерти Кокса создало в семье Пичема своеобразное настроение.

Полли очень нервничала. Она была рада, что имеет возможность утешать девицу Кокс и исполнять ряд мелких поручений, связанных с похоронами маклера,— эта деятельность очень успокаивала ее.

Появившиеся в газетах сенсационные отчеты о забастовке в доках открыли ей глаза на тяжелое положение, в котором находился ее отец. Она просила мать узнать у него, не нужны ли ему люди для защиты штрейкбрехеров, — ее муж охотно предоставит их в его распоряжение.

— Можно подумать,— сказала госпожа Пичем мужу,— что все то горе, свидетельницей которого ей пришлось быть в последние дни, открыло ей глаза на чужие заботы. Она спрашивает, не может ли она быть тебе полезной.

Пичем пробурчал что-то вроде: «Этот тип — величайший жулик во всем городе!» Но потом велел передать дочери, чтобы она обсудила этот вопрос с Бири. Так она и поступила.

— Нельзя прислушиваться к голосу ненависти, когда на карту поставлены имущественные ценности, — сказал ей Мэкхит.— Наши чувства толкают нас друг против друга, но обстоятельства властно требуют, чтобы мы объединились.

О'Хара послал десяток своих людей в доки. Они немедленно внесли систему в борьбу с забастовкой. Они обращались с бастующими так свирепо, что даже полицейские испугались. Проявляя себя убежденными *приверженцами порядка,* они ломали руки и ноги всем, кто попадался им на пути, и разбивали в кровь все лица, казавшиеся им голодными. Инженер-кораблестроитель сказал Пичему, что в этих, в общем, столь грубых ребятах заложено все же здоровое начало и что все зависит от того, за *какое* дело их заставят бороться

Штрейкбрехеры воспрянули духом.

Далее люди О'Хара подговорили разный сброд разгромить несколько продовольственных лавок. Разыгралось настоящее сражение, вошедшее в анналы ЦЗТ под названием «Битва в Вест-Индских доках» и завершившее разгром забастовщиков.

На глазах у сплошной стены молчаливых рабочих Були и его ребята разбили сначала несколько витрин. Когда же они проникли внутрь, забастовщики, которые не желали оказаться замешанными в погромах, бросились их отгонять. Наемники ЦЗТ расхватали окорока и куски мяса и принялись лупить ими голодающих. Один тщедушный рабочий был сбит с ног телячьей ногой. Горшки со студнем летели в изможденные лица, залепляя глаза, и подоспевшая полиция хватала ослепленных рабочих. Дрались и булками, причинившими серьезные увечья нескольким рахитичным детям. Караваи хлеба превратились в устрашающее оружие. Одной старухе сломали пятифунтовым караваем руку, в которой она держала пустую кошелку. Эта сломанная рука впоследствии, в суде, послужила уликой против нее.

Газеты неистовствовали по поводу разгрома лавок и в особенности по поводу безобразного обращения «народа» с продуктами питания.

«Вот они, ужасы анархии,— писали они,— ужасы развязанных инстинктов! О подобных сценах господа социалисты должны вспоминать всякий раз, как они начнут кропать свои лицемерные статейки против существующего правопорядка».

С этого момента власти приняли самые крутые меры против забастовки и экономических требований докеров.

Спустя два дня против забастовщиков были двинуты войска. Молодые солдаты, назначенные к отправке в Африку, оцепили доки и взяли штрейкбрехеров под свою защиту. В течение нескольких дней кое-где еще постреливали, но окончание работ по ремонту транспортных судов было обеспечено.

Решительный бой был коротким и ожесточенным.

Со стороны правительства дрались почти исключительно новобранцы, впервые попавшие в дело. Они были упитанней и сильней, чем рабочие, но если бы на них надели рабочие блузы или же рабочих обрядили в мундиры, трудно было бы отличить дерущихся друг от друга, до такой степени они были похожи, — они ведь принадлежали к одному классу. Право же, не будь молодые солдаты вооружены и одеты в мундиры, они бы передрались между собой!

Не следует также забывать, что все они говорили на одном и том же английском языке, и притом на языке простонародья. Ругательства, которыми они друг друга осыпали, были одни и те же. Когда рабочему удавалось вырвать из рук солдата занесенный ружейный приклад, он заносил его с такой же точно сноровкой, потому что был приучен орудовать кузнечным молотом. Если рабочие и уступали солдатам в знании приемов, то драться они умели не хуже, потому что с молоком матери всосали уверенность в том, что, если они не постоят за себя, их окончательно задушат голодом. И солдаты знали из того же источника, что они получают жалованье не за то, что бьют баклуши. Натравленные друг на друга, они дрались друг с другом точно так же, как

до того бок о бок дрались с нищетой, с голодом, с болезнями — со всем тем, что ждало их в городах и что подстерегало их в деревнях.

Газеты дали подробные описания этих боев. Все газетные отчеты были озаглавлены более или менее одинаково: «молодые солдаты, горящие желанием помочь своим товарищам в Мафекинге, принуждены отвоевывать транспортные суда с оружием в руках».

На окончание ремонтных работ понадобилось теперь не много времени. Основные затруднения сводились к множеству формальностей, направленных к тому, чтобы обеспечить интересы нации.

В ближайшую пятницу суда были приняты правительственной комиссией и неделей позже вышли в море.

В этот день стоял густой туман. Несмотря на то, что отправка небольшой войсковой части была незначительным, будничным событием, вся пристань была полна военных, родственников отбывающих солдат, членов правительства и представителей прессы. Самой процедуры отплытия почти никто не видал: в густом тумане трудно было разглядеть даже собственную руку.

— Дорогие друзья,— сказал статс-секретарь, произносивший напутственную речь,— будущее Англии зависит от самопожертвования и доблести ее молодежи. Вся Англия приветствует в эту минуту цвет нации — две тысячи молодых людей, которые вступают на палубу трех кораблей ее величества, чтобы показать всем нам пример мужества. Слепая, яростная стихия окружает их, коварные, лишенные чести и совести враги угрожают им, один только гений Британии парит над ними: они в руке божией. Этим сказано все.

Под гром духового оркестра и рыдания матерей и невест три корабля — огромные, расплывчатые глыбы — отвалили в непроницаемом тумане от пристани.

Спустя одиннадцать часов, не успев выйти из Ламанша, «Оптимист» пошел ко дну со всем своим живым и мертвым грузом.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КАТАСТРОФА

Шторм уж затих, но корабль затонул.
Он мирно лежит на дне.
Стаи дельфинов и сытых акул
Мелькают в синей волне.
Из всех матросов — их было сто —
Гибели не избежал никто.
Там глубоко, на дне морском,
Спят они вечным сном.
Песню поет им морская волна,
Властно в душу льется она:
«Моряк, берегись! Моряк, берегись!
Волны опять будут рваться ввысь!
Спите, друзья! Спите, друзья!
Среди кораллов, в глуби морской,
Найдешь и ты покой».

«Жребий моряка»

Проезжая утром в омнибусе по Оксфорд-стрит, Пичем услышал пронзительные выкрики газетчиков. Он сошел с омнибуса и прочел в экстренном выпуске, что «Оптимист» пошел ко дну и что по Сити циркулируют слухи о покушении на воинский транспорт. Суда, писала газета, покинули порт в неисправном состоянии; надо надеяться, что полиции удастся возбудить дело против замешанных в этом безответственных элементов, угрожающих безопасности Британии.

Он тотчас же отправился домой.

Экстренный выпуск уже попал на Олд Оук-стрит. Войдя в контору, Пичем увидел Бири с газетным листком в руках.

Он был бледен как смерть и дрожал.

Проходя, Пичем искоса посмотрел на него страшным взглядом, но Бири уставился на него, словно увидел привидение. Госпожа Пичем встретила мужа ласково — она только что побывала в погребе. Она ничего еще не знала.

Пичем прошел в комнату, где хранилась запасная картотека, и заперся. Его жена слышала, как он несколько часов подряд ходил от стены к стене. Когда настало время ужинать, она подошла к двери и постучалась, но он не ответил; ужин, поставленный ею у двери, остался нетронутым. Он ждал ареста.

Около одиннадцати часов вечера, то есть почти через четырнадцать часов после выхода экстренного вы-

пуска, он спустился в контору, вызвал к себе Бири и послал его в соседний трактир за газетами, так как, по словам Бири, тот еще газет не покупал.

Во всех газетах были крупным шрифтом набраны заголовки: «Национальная катастрофа» и «Туман — причина гибели "Оптимиста"», а также некоторые успевшие просочиться в Лондон подробности несчастья. Никаких намеков на причину катастрофы, в особенности намеков такого характера, какие появились в экстренном выпуске, в газетах не было. Сообщалось только, что морское ведомство приступило к расследованию. Пичем прочел все, до последней строки. Потом он начал действовать.

Вместе с Бири он разработал подробный план полной перестройки работы мастерских. Бо́льшую половину людей решено было одеть в военные мундиры и превратить в инвалидов войны. С точки зрения торговли нищетой такая национальная катастрофа была равносильна победе.

Не было никакого сомнения в том, что Лондон, прочтя описание катастрофы, раскошелится. Всякого человека, одетого в мундир и хоть с какими-то признаками увечья, в ближайшие дни будут носить на руках.

Пичем работал много часов подряд и после короткого сна был уже опять на ногах. Все мастерские — шорная, столярная и портновская — в шесть часов утра приступили к изготовлению мундиров и культяпок.

Утром Пичем отправился в полицейское управление, по пути заехав на пять минут в морское ведомство к Хейлу.

Хейл произвел на него отличное впечатление. Военная выучка помогала старому бюрократу хладнокровно переносить любые удары судьбы. Учреждение работало полным ходом. Распоряжения Хейла были скупы и точны. На послезавтра назначена официальная панихида. Второму договору, на саутгемптонские суда, ничто не угрожает, лишь бы не разразился скандал с первым договором.

Старший инспектор принял Пичема с явным недоверием, которое улеглось лишь после того, как тот отрекомендовался председателем Компании по эксплуа-

тации транспортных судов, рассеяв тем самым все сомнения относительно цели своего визита,— он явился не в связи с делом Мэкхита, назначенным к слушанию в ближайшие дни.

Пичем осведомился, что́ он должен сообщить представителям прессы о предположительных причинах катастрофы. Браун охотно информировал его. Причина гибели «Оптимиста» еще не выяснена; есть сведения, что и «Юный моряк» потерпел тяжелую аварию. Вероятно, оба корабля столкнулись в тумане.

Пичем поспешно откланялся и поехал к Истмену. Остаток предобеденного времени он посвятил подведению баланса с Истменом и Муном (Финни лежал после операции в клинике). Оба его компаньона не испытывали особого желания еще раз углубляться во все детали предприятия. Они были уверены, что в открытом море под именем трех старых, злосчастных кораблей находятся саутгемптонские суда, которых они и в глаза не видели: они боялись расследования.

Пичем не торопился домой. Он бесцельно бродил по улицам, прислушиваясь к отрывкам разговоров. Повсюду только и речи было, что о катастрофе.

На пороге крошечной темной д-лавки владелец ее беседовал с двумя-тремя прохожими.

— С ветром шутить нельзя, — говорил он. — Тут никакие расчеты не помогут. Против тумана человек тоже беспомощен. Все это — силы природы, разрушительные стихии. И так несладко живется, а тут еще пожалуйте — прямо на дно, посредине канала! Это большое национальное бедствие! В церкви святой троицы в пятницу состоится панихида... Держу пари, что это сделали коммунисты.

После обеда Пичем опять засел за работу вместе с Бири.

В канцелярию, где изготовлялись «прошения», были отправлены новые образцы. Дрожащей рукой солдатские вдовы, чьи мужья «обрели вечный покой в прохладном лоне вод», просили о небольшой поддержке, которая даст им возможность открыть скромную лавочку; при этом впервые за время существования фабрики Пичема в этих «прошениях» упоминались д-лавки.

Адреса извлекались из картотеки, содержавшей фамилии отзывчивых благотворителей, с перечислением их особых слабостей.

Фабрика Пичема в дни национальной катастрофы оказалась на высоте.

Вечером Пичема вызвали к Брауну.

Инспектор встретил его сурово. В его кабинете находились еще два высших полицейских чиновника.

Кабинет был очень велик. На письменном столе, покрытом зеленой промокательной бумагой, стоял бронзовый Атлас вышиной в фут; на спине у него громко тикали часы. На циферблате было начертано: «Ultima multis»[1]. На стене висел портрет Веллингтона.

— Господин Пичем, — открыл старый инспектор собеседование, — имеющиеся сведения дают основания предполагать, что «Оптимист» покинул порт в неисправном виде. Поломка руля не вызывает сомнения. Должен сообщить вам, что статс-секретарь морского ведомства Хейл получил приказ высшей инстанции впредь до особого распоряжения не покидать своей квартиры. Правда, приказ этот — тайный. Я полагаю, что вы хотите высказаться по поводу этого дела.

Господин Пичем устремил взоры вдаль.

— Да, хочу,— сказал он.— Я верю в преступление.

Старший инспектор посмотрел на него одним из тех начальнических взглядов, которые предназначены не для того, чтобы видеть, а для того, чтобы быть увиденными.

После краткой, но выразительной паузы Пичем продолжал:

— Господа, руль несомненно был сломан; и это произошло не по вине рулевого и не в бурю, а в тихую, хотя и туманную погоду. Не нужно никакого расследования, достаточно знать нравы наших правящих кругов, а равно и правящих кругов всех цивилизованных стран. Достаточно разобраться в тех методах, которыми мы пользуемся, избирая чиновников, на чьи плечи ложится забота о благе страны, а также в том,

---

[1] Многим — последний час (*лат.*).

как мы их воспитываем и как и с какими целями они служат нации. Для того чтобы убедиться, что такие корабли неминуемо д о л ж н ы были погибнуть, достаточно хотя бы бегло поинтересоваться, с какой целью они строились, как они были проданы и на какой барыш рассчитывали продавцы. Если мы сопоставим и взвесим все эти соображения, мы неизбежно — хотим ли мы этого или не хотим — придем к тому убеждению, которое я только что высказал: я верю в преступление.

Его собеседники переглянулись. Пичем сидел, прочие стояли, — они встали, как только он заговорил. Пичем продолжал:

— Сопоставляя и взвешивая другие соображения, я прихожу, господа, к другим результатам. Исходя из глубокой уверенности в отличных качествах нашего правительства, в честности наших коммерсантов и торговых фирм, в справедливости наших войн и бескорыстии всех наших разумно едящих, прилично живущих и опрятно одевающихся сограждан, я, рассматривая факт гибели в тихую погоду одного из наших военных кораблей, без всякого расследования или после любого расследования прихожу к заключению, что тут преступление исключено и что вероятная, более того — несомненная, причина катастрофы — несчастный случай. И тогда я говорю: я не верю в преступление, я верю в несчастный случай.

Господин Пичем внимательно посмотрел на своих собеседников снизу вверх и продолжал:

— Если вы разрешите мне в вашем присутствии выбрать из этих двух объяснений то, которое меня полностью удовлетворит, я остановлюсь на втором. Оно значительно удобней. Насколько мне известно, через два дня состоится панихида по утонувшим солдатам ее величества. Считаете ли вы допустимым и желательным, чтобы в связи с этой панихидой те самые инвалиды войны, которые совсем недавно требовали скорейшей отправки кораблей, теперь устроили демонстрацию протеста против их потопления? Насколько мне известно из заметки, появившейся в одном из экстренных выпусков, в районе доков предполагают устроить подобную демонстрацию.

Господин Пичем покинул здание полицейского управления ни в чем не заподозренный.

Повсюду он увидел приспущенные траурные флаги и знамена. Величайший город мира скорбел о своих сынах.

ЧИСТКА

Фазер был крупный, костистый мужчина — один из трех соратников Мэкхита, знавших его еще под фамилией Бекет. Он работал на Райд-стрит под руководством О'Хара и дружил с ним.

От Мэкхита он получил задание следить за Полли и О'Хара и тотчас же поставил своего друга об этом в известность.

Вдвоем они очищали склад, который им было приказано уничтожить: продавали товары и выручку клали себе в карман. Груча, третьего из старых сподвижников Мэкхита, Фазер ни во что не посвящал.

Помимо этого, Фазер был хорошо осведомлен об отношениях О'Хара и госпожи Мэкхит, так как он считал для себя полезным быть в курсе возможно большего количества дел. Он же в свое время выследил человека, ликвидировавшего маклера Кокса. Но его друг О'Хара не знал, что он все знает.

В одно прекрасное утро центнер антрацита стоил на Райд-стрит двадцать восемь пенсов, и в помещение склада на заднем дворе дома номер двадцать восемь проникли три агента уголовной полиции. Они извлекли Фазера, занимавшего там небольшую комнатку, из кровати. В самой вежливой форме (Скотленд-Ярд этим славится) они попросили его показать им склад.

Склад был почти совсем пуст, но кое-что в нем еще оставалось. Они составили опись и откланялись, не вступая в долгие разговоры.

Фазер медленно закончил свой туалет и, так как О'Хара приходил на склад не раньше одиннадцати, отправился в следственную тюрьму к Мэкхиту.

Мэкхит как раз пил утренний кофе. Он на первом же слове перебил Фазера.

— На складе номер двадцать восемь ничего нет. Пусть себе рыщут сколько им угодно, — сказал он равнодушно.

— Откуда вы знаете? — сварливо спросил Фазер и сделал попытку сесть на стол.

— Потому что я приказал очистить его, — ответил коммерсант и обмакнул сухарик в кофе. — Стало быть, он очищен. Недель пять тому назад.

— Так вот, да будет вам известно: он был еще наполовину полон. Мы хотели завтра вывезти остатки, но сегодня утром он еще был наполовину полон.

Мэкхит молча продолжал есть. Потом он сказал:

— Вот как! В таком случае я хотел бы знать, чем вы набили мой склад. Надеюсь, там не было ничего такого, что лучше не показывать при дневном свете? И у вас, я полагаю, есть оправдательные документы?

Фазер молчал, пораженный. После длительной паузы он пробормотал вполголоса:

— Они явились прямым путем в номер двадцать восемь.

— Скверно, — сказал Мэкхит и поглядел на Фазера снизу вверх своими водянистыми глазами.

Тот наконец собрался с духом. Неожиданно решившись, он сел на край стола, сбросил огромной лапой календарь, предусмотрительно положенный Мэкхитом на стол, и сказал громко и грубо:

— Вы ошибаетесь, Бекет, если полагаете, что мы сядем за вас в Олд Бейли. И не подумаем! О'Хара — мой друг, и мы держимся один за другого, как репейники, в то время как кое-кто только и думает, как бы продать старых товарищей. Вы меня поняли?

Коммерсант невозмутимо продолжал есть.

— Говорите все до конца, Фазер, только слезьте с моего стола, иначе я прикажу вышвырнуть вас отсюда, хоть вы и мой старый товарищ.

Фазер неуклюже встал. Он трясся от бешенства.

— Ах, вот, значит, как? Вы намерены чистить свои конюшни? Сначала вы грабите вашей системой два десятка хороших ребят, платите им твердое жалованье, потому что вам нужно набить ваши склады, а потом больше не нуждаетесь в товаре и переводите людей на сдельщину — всякий раз, как вам удобней! А теперь вы их передаете в руки полиции! Вы теперь стали банкиром? Вы ни о чем понятия не имеете, не правда ли?

Мэкхит внимательно наблюдал за ним.

— Я не злопамятен, — сказал он не без дружелю-

бия. — Выкладывайте все, что у вас на душе. Но вы не должны забывать, что я вам дал твердое задание, которое вы не выполнили. Правда, вы дружите с О'Хара, но я об этом не знал. Он отпетая гадина; я никак не мог предположить, что у него найдутся друзья, готовые сесть за него в тюрьму.

— Вы!.. Вы!..— Фазер заикался от ярости.— Пусть-ка шпики последят за вашей милой женушкой! Они вам кое-что сообщат! Не всем О'Хара, видите ли, представляется такой гадиной, как вам!

От ярости он совершенно остервенел, не переставая тем не менее наблюдать за Мэкхитом.

Однако в лице Мэкхита не дрогнул ни один мускул. Он сказал только:

— Я вижу, Фазер, что вы вовсе не такой скверный человек, каким прикидываетесь. Вы все-таки кое к чему присматривались.

— Что и говорить, Бекет, чуточку присматривался. — Фазер угрожающе наклонил голову. — И я даже видел, как вы обработали маклера Кокса. Мешок с песком не с неба свалился.

Мэкхит неожиданно положил ложку на стол. Он, казалось, был заинтересован не на шутку.

— Фазер,— сказал он совсем другим голосом,— об этом вы должны мне рассказать подробно. Я действительно ничего не знаю. Этот Кокс в самом деле както уж очень быстро умер.

Фазер отчаянно боролся с собой. Он знал Мэкхита — в данную минуту тот не притворялся. Но если Мэкхит не знал об убийстве Кокса, то, значит, убийство это было личным делом его друга О'Хара. В таком случае он проболтался.

Мэкхит напряженно следил за его мимикой.

— Фазер, — сказал он дружески, — вам все равно уже ничего не спасти. Мешочком работает только Джайлз. Я его лично не знаю, это вам известно. Он из банды О'Хара, не так ли? Ну вот мы и договорились, Фазер. Облегчите вашу совесть! И подумайте о том, как бы вам выбраться с Райд-стрит и достать заграничный паспорт и деньги, мой друг. Я не зверь. Вы все время называете меня Бекетом, а между тем меня зовут Мэкхит. И я готов забыть, что вы сидели на моем столе. То, что вы сказали про мою жену, вы сказали в

припадке ярости. До одиннадцати вы успеете собраться. А потом отправляйтесь в парикмахерскую, к тому времени все уже будет улажено. Но если вы скажете О'Хара хоть слово, хотя бы «до свидания» или «ну и погодка сегодня», то в половине двенадцатого вы уже будете сидеть в каталажке. Запомните это!

Фазеру не пришлось больше сказать ни слова. Мэкхит ничего не хотел слышать. И прежде всего он ничего больше не хотел слышать про Полли и О'Хара. Он ни на одну секунду не хотел задумываться над этим темным делом. Он не хотел встречаться с человеком, у которого могла бы появиться охота поговорить с ним на эту тему.

Фазер не мог об этом знать, но это-то его и спасло.

В полном смятении вернулся он на Райд-стрит. Там он уложил вещи в чемодан и надел свой лучший костюм. В половине одиннадцатого он направился к воротам. Навстречу ему шел О'Хара с утренней папироской в зубах. Фазер заколебался, не поговорить ли с ним. Они были старыми друзьями. Фазер хорошо знал мать О'Хара. Все еще колеблясь, он стоял за воротами. О'Хара не успел его заметить. Наконец он решился.

Он вышел из ворот и прошел мимо О'Хара молча, глядя прямо перед собой. Губы его были стиснуты, точно края стальной шкатулки.

О'Хара удивленно посмотрел ему вслед.

Завернув за угол, Фазер облегченно вздохнул. О'Хара не мог не заметить чемодана в его руках и выходного серого костюма.

Около половины двенадцатого О'Хара был арестован у себя на квартире.

Он вошел в полицейское управление, абсолютно уверенный в себе. Узнав, что ему предъявлено обвинение в налете и укрывательстве, он расхохотался. Он заявил, что товары, сданные им ЦЗТ, приобретены путем покупки. Все оправдательные документы находятся в Сити, в конторе ЦЗТ.

Ему сказали, что именно ЦЗТ донесло на него.

Он тотчас же потребовал очной ставки с банкиром.

Очная ставка состоялась после обеда. В камере Мэкхита находились лорд Блумзбери и господин Браун из Скотленд-Ярда.

Прежде чем он успел раскрыть рот, Мэкхит подошел к нему и сказал:

— Сударь, откуда вы брали товары, которые вы в течение полугода поставляли моим лавкам?

Только когда О'Хара вновь очутился в своей камере, он оправился от изумления. Но тут к нему втолкнули Джайлза по кличке Мешок с песком.

Фазер был уже в открытом море, но одна его фраза никак не выходила из головы его шефа Мэкхита. Фраза эта звучала примерно так: «Последите лучше за вашей милой женушкой!»

За окном моросило. Засунув руки в карманы, Мэкхит бегал по камере и прислушивался к шуму дождя. Время от времени он останавливался, наклонял свою голову-редьку и прислушивался особенно внимательно. Потом сердито топал ногой о толстый ковер и вновь погружался в думы:

«Хорошо хоть, что он теперь сидит в тюрьме. Хоть в этом я могу быть уверен. Говорят, мои люди жалуются, что я стал нерешительным. Но, когда это нужно, у меня еще находятся силы принять решение. Бывают моменты, когда нужно принять крутые меры, и мне это известно лучше, чем кому бы то ни было. Нужно быть в курсе всего, что делается, нужно всему дать созреть, как нарыву. А потом в один прекрасный день обрушиться неожиданно, как гром с ясного неба, как молния, по-хозяйски! Вся гниль разоблачается беспощадно! Все цепенеет! Хозяин долго присматривался, а потом взялся за дело. Он не пощадил и самых старых своих товарищей, когда заметил, что они разложились. Таков он, его не обмануть!»

Он прошел несколько шагов, опять остановился и вновь отдался своим мыслям.

«Как трудно стало обладать женщиной, — думал он. — *Когда-то муж возвращался с охоты на два часа раньше, чем было условлено, и находил в постели своей супруги какого-нибудь этакого пухлого красавчика. Что я говорю — в постели? Достаточно было застать ее в комнате вдвоем с мужчиной, и все уже было ясно. А в наши дни деловая жизнь вынуждает ее, хочет она того или не хочет, демонстрировать мужчи-*

нам свои икры, а в некоторых конторах занимаются любовью с такой же легкостью, как моют руки,— главным образом для того, чтобы украсть у нас, работодателей, несколько минут рабочего времени! Можно ли думать о разоблачениях, когда супружеская измена так же мало бросается в глаза и столь же мало значит, как мытье рук?»

Мэкхит удивленно покачал головой, опять прислушался к усилившемуся осеннему дождю и вновь зашагал по камере. Через некоторое время он сел за письменный стол и углубился в чтение судебных документов.

Несколько дней спустя должно было начаться слушание его дела.

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Работать и не отчаиваться.

Карлейль

Маленькая фабрика на Олд Оук-стрит работала сверхурочно и в две смены.

В портновской мастерской висела на стене прикрепленная кнопками газетная вырезка с отчетом о геройской смерти модистки Мэри Энн Уокли:

«Мэри Энн Уокли, двадцати лет от роду, работавшая в мастерской придворных нарядов, принимала участие в изготовлении платьев для светских дам, приглашенных на бал в честь юной супруги престолонаследника. Сезон был в разгаре. Она работала двадцать шесть с половиной часов без перерыва вместе с шестьюдесятью другими модистками; все они были размещены по тридцать человек в двух комнатах, имевших не более трети обычной кубатуры, а ночью спали по двое и по трое в одной кровати в помещении, разделенном несколькими дощатыми перегородками. Шерри, портвейн и чашка кофе поддерживали ее угасающие силы, которые она столь бескорыстно, за ничтожнейшее вознаграждение, возложила на алтарь службы королеве; она заболела в пятницу, продолжа-

ла шить и умерла в воскресенье, доказав, что она не менее доблестная героиня, чем воины Мафекинга».

Еще в большей степени, чем этой вырезкой с ее зажигательной моралью, темп работы ускорялся методами Бири, попросту выбрасывавшего строптивых и слабосильных работниц на улицу.

— Ты не виновата, что у тебя чахотка, — говорил он в таких случаях,— но и я тоже не виноват.

Бери сделал одно строительное изобретение: он заметил, что рабочие и работницы часто бегали в уборную покурить; когда они долго не возвращались, он выходил во двор и видел легкий дымок, поднимавшийся из крохотного оконца. Тогда он распорядился сколотить косую дощатую стенку, позволявшую сидеть на стульчаке только согнувшись. Когда Полли вернулась в родительский дом и увидела эту будку с видом на два древних, искалеченных деревца, росших во дворе, в ее душе зашевелилась тихая радость: да, это был отчий кров!

Работа шла отлично. Но в ожидании панихиды по жертвам кораблекрушения, назначенной, кстати, на четверг, то есть на тот день, когда должен был начаться процесс банкира Мэкхита, в газетах стали появляться бесстыдные запросы о ходе расследования и о виновниках катастрофы.

Старший инспектор отмалчивался. Пичем знал, что полиция собирает сведения в доках. Было даже произведено несколько арестов. Пичем лихорадочно читал все газеты, но ни в одной из них не было разъяснений со стороны полицейского управления.

Зато вокруг дома на Олд Оук-стрит целыми днями шныряли полицейские агенты.

Пичем очень страдал в эти дни.

«Совершенно ясно, что положение становится все хуже, — говорил он себе, в особенности по ночам, когда он темными коридорами, время от времени останавливаясь, проходил мимо ярко освещенных, оживленных мастерских. — *Вся жизнь сводится к тому, что с каждым часом все становится хуже и хуже. И все же можно д о п у с т и т ь, что хоть один этот раз полиция не вмешается! «Оптимист» погиб — не отрицаю. Что ж, теперь и мне прикажете погибнуть? Конечно, для близких и родных это тяжелый удар, что и говорить!*

Но разве им станет легче оттого, что и на меня обрушится удар?»

Тем не менее катастрофа натолкнула его на одну весьма плодотворную коммерческую идею. Она заключалась в следующем.

«Несчастные случаи вроде гибели «Оптимиста» неизбежны. Так же неизбежны, как война, шторм, деловое предпринимательство или неурожай. Они всегда будут иметь место. Кто изучал человеческую природу, тот знает, что всякое дело рук человеческих несовершенно. Об этом сказано даже в Библии. Пройти мимо этого никак нельзя. В самом деле, из десяти человек девять имеют всяческое основание бояться будущего (не бояться его имеет право максимум один на тысячу). Из этого и надо исходить. Тут есть возможность создать выгоднейшее дело. Возьмем, например, такие вещи, которых все боятся: болезнь, бедность, смерть. И вот мы говорим тем, кто боится их, потому что знает жизнь и своих ближних: мы страхуем вас от этого неизбежного будущего. Вы систематически (а стало быть, незаметно или почти незаметно) выплачиваете нам какую-нибудь ничтожную долю доходов в дни благополучия, а мы эти деньги возвращаем вам (или вашим наследникам в случае вашей смерти) в тот день, когда разразится неизбежная катастрофа! Недурное предложение, не правда ли? Я уверен, что оно будет встречено всеобщим одобрением. Надо помогать людям! И они охотно оплатят эту помощь! Если я на этот раз выкручусь, если хоть один этот раз полиция не залезет своими ручищами в мои дела, я непременно осуществлю эту идею. Возьмем хотя бы солдат, погибших на «Оптимисте». Они по большей части юноши, но было среди них и несколько отцов семейства. Насколько лучше было бы теперь положение их близких и родных, если бы солдаты своевременно застраховали свою жизнь от кораблекрушения! Когда им было приказано грузиться на корабли, им, в сущности, оставался один выход — как можно скорей застраховать свою жизнь. Они не воспользовались им. Люди, читающие в газетах описания таких катастроф, как гибель «Оптимиста», несомненно, должны откликнуться на подобное предложение. А ведь катастроф так много! Например, старость! Старость в

большом городе! Последние годы жизни ни на что больше не годных людей! Неизбежные, но тем не менее ужасающие годы! Безработица — точно такая же катастрофа. Взять хотя бы моих служащих. Я наживаюсь на том, что они не знают, куда им пойти, если я их выброшу на улицу. Я нажимаю на них, как могу, и извлекаю из этого прибыль. Они нуждаются в помощи — я в этом не сомневаюсь. Стало быть, нужно им помочь, а вместе с тем и заработать на этом! Можно построить здания, большие здания, где их пенни будут пускаться в оборот. Пока никто не будет обращаться в эти больничные кассы за помощью, они будут процветать; как только к ним обратятся, они могут обанкротиться. Во всяком случае, если бы можно было втереться между этими людьми и их работодателями и выколотить для них два-три лишних пенни, то эти пенни можно было бы положить себе в карман в виде вознаграждения за оказанную помощь. Это было бы отличное дело! Потому что в большинстве случаев плательщики умирают на ходу либо не могут доказать, что они больны, нетрудоспособны и так далее и так далее. Впрочем, рабочие предпочитают в подобных случаях пользоваться услугами себе подобных, то есть бывших рабочих... Ну что ж, можно было бы для вида привлечь к этому делу двух-трех бывших рабочих. Может быть, удалось бы привлечь к страхованию даже и государство. Можно даже представить себе законы, которые вменяли бы рабочим в обязанность платить страховые взносы. Таким образом, само государство боролось бы с легкомыслием широких масс, с их преступным, невежественным оптимизмом, с этой бессмысленной уверенностью, что все кончится благополучно, в то время как всякий знает, что́ в конечном счете ждет рабочих, служащих и прочую мелкоту! Войны нельзя предотвратить, равно как и кризисы. Приходится выбрасывать этих субъектов на улицу, когда их работа перестает окупаться; нельзя строить более гигиеничные дома, чем это позволяет квартирная плата, и так далее и так далее. Стало быть, нужно принять меры к тому, чтобы они заранее заботились о своем будущем! В борьбе с беспочвенным легкомыслием, с каким эти невежественные и косные люди становятся солдатами, фабричными рабочими и так далее, необ-

ходимо попросту прибегнуть к помощи закона. Их нужно заставить страховаться. Большего от них не добьешься, но хоть это-то они должны сделать. Этого требуют общественные интересы, и, кроме того, это — выгодное дело! Правда, на организацию такого дела нужен капитал. Но если история с кораблями кончится благополучно, деньги у меня будут. Кстати, новые саутгемптонские корабли вполне исправны. Только бы полиция не совалась! Один только этот раз!»

В среду вечером, через девять дней после гибели «Оптимиста» и за день до официальной панихиды, полиция все еще ничем себя не проявила, и тут нервы Пичема не выдержали.

Охваченный своего рода паникой, он решил воздействовать на полицию. Он отправил в полицейское управление Бири и еще двух людей с плакатами, на которых было написано: «Что случилось с "Оптимистом"?», «Какую взятку получило морское ведомство?— спрашивают 200 инвалидов войны» и «Отчего утонул "Оптимист"?» На одном из этих разрисованных от руки плакатов было даже написано: «Кто такой господин Пичем?»

Бири сообщил в полицейском управлении, что его послал господин Пичем, председатель КЭТС. Плакаты ему доставили частным порядком несколько нищих, которые брали у него напрокат музыкальные инструменты. По всей видимости, завтра утром состоится демонстрация, в которой будут фигурировать подобного рода плакаты.

Спустя час Пичем сам пошел в полицейское управление.

Браун обошелся с ним весьма круто. Жалобы Пичема на то, что подобная демонстрация разорит его и что ему нисколько не легче от того, что попутно будут облиты грязью и некоторые высшие правительственные чиновники, не имели никакого успеха.

Он ушел в отчаянии.

Взяв извозчика, он поехал в редакцию «Зеркала».

Он добился приема у главного редактора и имел с ним серьезную беседу, в результате которой тот пообещал отвести в утреннем выпуске две колонки под сенсационное заявление председателя КЭТС *о причи-*

нах катастрофы; заявление должно было быть сдано в редакцию не позже восьми часов утра.

После этого Пичем пешком пошел домой, отдал последние распоряжения касательно назначенной на следующее утро демонстрации и заперся у себя в конторе. Он писал всю ночь напролет.

Браун, хотя и нашел нужным облить его ушатом холодной воды, все же чувствовал себя довольно скверно. Он приказал произвести вечером еще одну (седьмую) облаву в доках, лично допросил первые два десятка задержанных рабочих и в подавленном состоянии поехал к Мэкхиту в тюрьму.

Мэкхит был один и читал книгу.

Браун выпроводил надзирателей и налил себе эля из бутылки, стоявшей среди других в углу камеры.

Не успел он раскрыть рот, чтобы излить другу всю свою душу, как тот сказал нервным тоном:

— Что с О'Хара? Я чертовски беспокоюсь. Он все еще не сознался?

— Нет, — устало ответил Браун.

— Ты ему сказал, что мы пришьем ему убийство, если он не будет держать язык за зубами?

— Все сказал. А он говорит, что лучше полезет в петлю, но тебя не выпустит. По-моему, он оскорблен в своих лучших чувствах.

Мэкхит забегал по камере. Завтра начинается его процесс. Если уж ему предстоит сознаться в том, что он и есть председатель ЦЗТ, то он ни в коем случае не должен быть замешан в каких-то налетах.

Наконец он опять сел на койку и несколько успокоился.

— В конце концов человек — существо разумное,— сказал он, потянувшись за сигарами. — Он повинуется не слепым инстинктам, а голосу разума. Я верю в это. В тот момент, когда я перестану в это верить, я дам себя повесить. Города, где мы живем, вся наша цивилизация с ее благами свидетельствуют о мощи разума. И этот человек тоже преодолеет слепую жажду мести и предпочтет четыре года тюрьмы или, скажем, три года тюрьмы (мы ведь в крайнем случае можем предъявить еще несколько квитанций) петле!

Браун заметил, что он дал О'Хара время на размышление до двух часов следующего дня.

— Да, не позднее, чем в два часа, я должен иметь в руках его признание, — сказал Мэкхит. — Сразу же после суда я назначил Крестону встречу в Национальном депозитном банке; Аарон и Оппер, вероятно, тоже будут присутствовать. Я бы хотел иметь возможность предъявить им признание моего поставщика в том, что он добывал товары путем налетов.

Только после этого Брауну удалось поделиться с Мэкхитом своими собственными нешуточными заботами.

История с «Оптимистом» приняла скверный оборот. Почти никто не сомневался в том, что он, равно как и два других корабля, был сдан в неисправном виде. Компания, продавшая эти корабли, в самое последнее время стала жертвой еще одного «несчастного случая». Убитый в районе доков маклер Уильям Кокс был с ней тесно связан. Обстоятельства его смерти до сих пор не выяснены. Полиция задержала двух-трех безработных, уволенных вследствие забастовки и допустивших несколько неудачных выражений. Однако ни в чем существенном уличить их не удалось. Гибель «Оптимиста» может привести к еще более серьезным последствиям. Угрозы господина Пичема Браун не принимал всерьез — он не боялся непосредственного воздействия демонстрации. На ноги было поставлено достаточное количество полицейских; завтрашней панихиде ничто не угрожало. Гораздо хуже было другое.

Заговорив на эту тему, старший инспектор даже понизил голос.

Из-за неожиданной порчи проводов в морском ведомстве не был отправлен приказ, отзывавший в порт два других корабля, из коих по меньшей мере один — тот, что столкнулся с «Оптимистом»,— был поврежден. Оба корабля находятся в открытом море и держат курс на Кейптаун. Морское ведомство вообще не проявляет достаточной распорядительности. Все это сильно тревожило Брауна. Может быть, все-таки лучше не допускать демонстрации? Полиция должна заботиться о поддержании общественного порядка.

Правда, демонстрация зависела не только от Пичема, которого в случае чего нетрудно было загнать в стойло. Коммунисты также замышляли демонстрацию

протеста против официальной панихиды. И эту демонстрацию никак нельзя было предотвратить.

— Но ведь материал они могли бы добыть только у Пичема, — заметил Мэкхит, закуривая толстую сигару.

— Да, это верно,—сказал Браун, несколько успокоившись. — Вечно они остаются в дураках со своими подозрениями, которые никак не могут подтвердить.

— Опять они будут лепетать разную чушь про лихоимство в министерствах и еще, пожалуй, скажут, что самому статс-секретарю сунули в кулак несколько тысчонок. Это же просто смешно!

— *Знаешь,* — сказал Браун, тоже выбрав себе сигару, — *меня прямо зло берет на этих олухов. Вечно они придираются к нам — мы, дескать, не соблюдаем законов. Как будто законы писаны для них! Они ужасно строго следят за тем, чтобы все делалось по закону. Если бы существовал закон, разрешающий Хейлу в пристойной форме взимать некоторую мзду за те труды, за какие ему стоит закрывать глаза на целый ряд вещей, они никогда не посмели бы упрекнуть его, что он взял какие-то жалкие две-три тысячи. Тогда бы у них не было чувства, что их обвели вокруг пальца. Это же просто забавно! В большой политике, как и в экономике, не может быть всегда все абсолютно безупречно, а мелкому налогоплательщику многое в этом не всегда понятно. А ведь там речь идет о настоящих, крупнейших прибылях! Это вам не жалкие две-три тысячи! Любая текстильная фабрика загребает в сто раз больше! А наши «разоблачители» постоянно хватаются за всякие мелочи: то городское самоуправление берет взятки, то полиция пристрастна или я уж не знаю что, и при этом они никогда ничего не могут доказать, а то и просто попадают пальцем в небо! Эта тенденция изображать все на свете двумя красками — либо черной, либо белой — лишает то, о чем кричат эти смутьяны, всякого правдоподобия.*

— Если бы сейчас кто-нибудь записал то, что ты говоришь, — задумчиво сказал Мэкхит, — тоже хватило бы двух красок.

— Всякого правдоподобия, — продолжал ухмыляться Браун, — полностью лишает всякого правдоподобия.

Они заговорили о политике.

— *Партии, которая полностью и по-настоящему защищала бы мои интересы, в сущности говоря, нет,* — пожаловался Мэкхит. — *Я не позволю себе назвать наш парламент говорильней, — это было бы неверно, безусловно неверно! В парламенте не только разговаривают, иногда там и дело делают. Там делают всевозможные дела: только человек, безнадежно ослепленный агитацией, станет это отрицать. Весь вопрос, однако, в том, способен ли парламент оказать помощь в действительно серьезном случае. По моему мнению — по мнению серьезного делового человека, — во главе нашего государства стоят не те люди. Все они принадлежат к какой-нибудь партии, а партии все до одной своекорыстны. У них односторонняя точка зрения. Нам нужны люди, стоящие над партиями, подобно нам, деловым людям. Мы продаем наши товары богатым и бедным. Невзирая на личности, мы продаем каждому желающему мешок картошки, проводим ему электричество, красим ему дом. Руководить государством — задача нравственного порядка. Надо добиться того, чтобы предприниматели были хорошими предпринимателями, а служащие — хорошими служащими, короче говоря: богачи — хорошими богачами, а бедняки — хорошими бедняками. Я совершенно уверен, что когда-нибудь у нас будет такое правительство. Я буду стоять за него горой!*

Браун вздохнул.

— К сожалению, у нас пока еще нет такой партии. Но что прикажешь мне теперь делать?

— А ты не интересовался, не могло ли что-нибудь произойти во время ремонта?

— Конечно, интересовался все эти дни. С этого я и начал. Но там ничего не произошло.

— Как это может быть? После провала забастовки докеры имели все основания прибегнуть к иным способам борьбы. Я никогда не понимал, как может человек работать в подобных условиях! Право же, это какая-то низшая раса!

— Если они берутся за работу, то уж работают. Если они взялись починить корабль, то уж не думают о том, чтобы его сломать. Это у них, знаешь ли, просто

своего рода мозговая лень. Никогда они ничего подобного не сделали бы.

— Но ведь я направил туда *моих* людей в твое распоряжение, вернее — в распоряжение Пичема. Они появились в доках сразу же после забастовки.

— Ты хочешь сказать, что они...

— Ну, разумеется, они охотно подтвердят все, что угодно. Я вызову Були.

— Ты это сделаешь? — спросил несколько утешенный Браун.

— Ясно! — серьезно ответил Мэкхит. — Для тебя я все сделаю. И, кстати, я не хочу оказывать на тебя давление, но помни: Пичем как-никак приходится мне тестем. В конце концов приданое моей жены находится в Национальном депозитном банке. Я его директор. Из-за ожесточенной конкуренции вклады, как мне довелось убедиться, сильно пострадали. Пропал также и вклад Пичема; я с таким же успехом мог бы сказать— мой вклад, принимая во внимание семейные обстоятельства. Но, помимо нас, есть еще множество мелких вкладчиков, и теперь, после гибели «Оптимиста», они поднимут страшный вой, когда узнают о пропаже своих денег. Это может сильно повредить тому патриотическому движению, которое благодаря недавней катастрофе начинает медленно возрождаться. Никакие личные чувства не связывают меня с моим тестем, но поверь мне, будет гораздо лучше оставить его в покое.

Наполовину убежденный, Браун отправился к себе и допросил еще нескольких корабельных плотников.

Тем не менее он плохо спал ночью, а под утро ему приснился сон.

Он едет по одному из мостов через Темзу. Вдруг он слышит какое-то клокотание: он выходит из экипажа и перегибается через перила. Ничего не видно. Он бежит обратно и с угла набережной пытается разглядеть, что там внизу.

Теперь ему виден и мост: он смотрит на него снизу. У его ног — небольшой клочок земли, мимо которого стремительно проносится река. На мосту реют флаги, черные и национальные. На клочке земли, под унизанным флагами мостом, шевелится какое-то человеческое или человекоподобное месиво; оно быстро расползается, неизвестно, как и откуда; можно подумать, что

там, ниже, есть еще какой-то мир; вот уже образовались кучки, они ползут наверх, через свежевыкрашенные перила, на мост, прямо туда, где флаги. Этот клочок земли извергает неисчислимые, неистощимые человеческие массы, им никогда не будет конца. Но ничего! Ведь есть полиция — вон она стоит; она оцепит мост. Вот там стоят танки — они откроют огонь; есть еще войска — они... Но она уже тут, нищета, она строится в ряды, она марширует, в ее рядах нет ни одного просвета, она заливает теперь всю улицу, она заполняет все, как вода, она проникает повсюду, как вода, она лишена всякой материальности. Полиция бросается ей навстречу; взлетают и падают резиновые дубинки. Но что толку? Они бьют сквозь тела: широкими волнами сквозь полицию идет нищета на спящий город — сквозь грохочущие танки, сквозь проволочные заграждения, беззвучно и молча сквозь оглушительное «стой!» полицейских и треск пулеметов — и грязным потоком вливается в дома. Легионы нищих в беззвучном марше, прозрачные и безликие, неудержимые, проникают сквозь стены в казармы, в рестораны, в картинные галереи, в парламент, в здание суда.

Весь остаток ночи этот сон мучил Брауна; он встал и чуть свет поехал на службу. Он терпеть не мог, когда ему снились левые газеты. Тем не менее ему пришло в голову, что панихида отнюдь не станет более пышной и торжественной оттого, что несколько сотен инвалидов войны затеют скандал.

Он выгнал из кабинета уборщицу, уселся, пододвинул лампу с зеленым абажуром и собственноручно написал сообщение для газет.

Господин Пичем тоже стоял за своей конторкой. Пристроив чернильницу, взяв в руки перо, сдвинув шляпу на затылок, скинув пиджак, он простоял за ней всю ночь; время от времени он отрывался от нее и бродил взад и вперед по маленькой комнатке с жарко натопленной железной печкой.

Он трудился над газетной статьей, в которой знакомил общественность с проделками маклера Кокса и некоего видного чиновника из морского ведомства.

Если бы деловые методы КЭТС были разоблачены, против него, Пичема, неминуемо было бы возбуждено судебное преследование; однако нескольких прозрачных намеков на злоупотребления в морском ведомстве было достаточно для того, чтобы интерес правительства к подобного рода судебным преследованиям понизился до минимума. Правда, в этом случае пришлось бы поставить крест на новом, настоящем деле!

Время от времени Пичем отрывался от конторки и заглядывал в мастерские, где кипела работа. Там были свалены в кучу тщательно выполненные плакаты с надписями: «ДЛЯ ЧЕГО НАС ПОСЫЛАЮТ В ЮЖНУЮ АФРИКУ? ЧТОБЫ ЗАРАБОТАТЬ НА ПЕРЕВОЗКЕ?», ИЛИ: «ЕСЛИ УЖ ВЫ НАС ОТПРАВЛЯЕТЕ В АД, ПОЗАБОТЬТЕСЬ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЧТОБЫ МЫ ТУДА ДОБРАЛИСЬ», ИЛИ «НЕ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, А УБИЙСТВО ПОГУБИЛО ЛЮДЕЙ С «ОПТИМИСТА». В пять часов утра он еще раз забежал в мастерскую, где утомленные от бессонницы художники, расположившись в коридорах, освещенных керосиновыми лампами, ползали на коленях возле плакатов, и дал им новый текст: «СТРАШНЕЕ, ЧЕМ ТУМАН И НЕПОГОДА, СВИРЕПСТВУЕТ КОРЫСТЬ НАШИХ ДЕЛЬЦОВ». К утру конверт с его «исповедью» лежал на источенном жучком письменном столе Бири, а его люди со сваленными на тачки плакатами разбрелись по всему городу, чтобы начать демонстрацию.

Часом позже в утренней газете он прочел заметку об аресте коммунистов, продырявивших дно «Оптимиста».

Он тотчас же приказал Бири обойти все сборные пункты и отменить демонстрацию. Потом, облегченно вздохнув, сел пить чай.

Значит, господа из полицейского управления все-таки взялись за ум! Сообщение о том, что зараженные социалистической пропагандой докеры привели корабль в негодность, гораздо больше соответствовало волне патриотических чувств, о которой трубили газеты, чем статья о продажности руководителей морского ведомства.

Госпожа Пичем пришла к Полли еще до рассвета. Она присела на край кровати и огорошила дочь сооб-

щением о том, что в результате ее усиленных просьб Пичем примирился с самовольным замужеством Полли.

Прочувствованным тоном она рассказала, как ей удалось этого добиться:

— Не разлучай, — твердила я без устали, — два юных существа, полюбивших друг друга! Кого сочетал господь, тех да не разлучит человек. Вспомни, ведь и мы когда-то были молоды и неразлучны — правда, в границах дозволенного. Неужели ты возьмешь на себя ответственность, если они зачахнут от любовной тоски, если будет кощунственной рукой уничтожена зарождающаяся жизнь? Единственное, чего они хотят, — это принадлежать друг другу. Они преодолели рука об руку тягчайшие испытания, но их любовь победила все, а это тоже кое-чего стоит. Узы такой любви нелегко порвать! Я знаю, ты хотел, чтобы Кокс был твоим зятем. Что и говорить, он был импозантный мужчина и обаятельный человек. Ты высоко ценил его за выдающиеся коммерческие способности. Но теперь он мертв, и ты не можешь вернуть его к жизни! Что ты, в сущности, имеешь против Мэкхита? Все кругом говорят, что он тоже очень способный человек и усердно сколачивает себе состояние. Владельцам д-лавок, работающим на него, не до смеха. В его лавках нет места лодырям! Он сделает Полли счастливой. Я говорила с ним — он будет отличным мужем. Из таких людей получаются превосходнейшие отцы семейств. Ты всегда заботился о счастье твоего ребенка! Ради кого ты трудишься как вол с утра до вечера? Не ради ли ребенка? Ты постоянно сам об этом говоришь. Мэкхит доказал, что семейные узы стоят для него на первом месте, когда он, несмотря на ваши натянутые отношения, предложил послать своих людей в Вест-Индские доки. Этим он дал понять, что благосостояние семьи для него священно и стоит выше личных счетов. Семья — основа всей нравственности, это тебе всякий скажет. А основа семьи — любовь, это я тебе говорю! Если бы не было семьи, люди попросту пожирали бы друг друга и в мире вообще не существовало бы приличных отношений. Как мы ни стараемся, мы не можем постоянно вести себя так, как нам хочется, — даже в области религии, но семью нужно оставить в покое.

Оттого-то она и является крепчайшим оплотом, и женщина никогда не забудет первого мужчину, которому она принадлежала. То была любовь с первого взгляда, а это — удел немногих! Пойди им навстречу, Пичем. Они никогда тебе этого не забудут! Наша Полли не из тех девочек, что могут быть по-настоящему счастливы без родительского благословения!

Растроганная своей речью, госпожа Пичем обещала пойти с Полли в суд.

— Не бойся за исход процесса, — сказала она, стоя на пороге. — Твой отец обо всем позаботился.

В эту самую минуту Пичем, кончив завтракать, встал из-за стола и подошел к окну.

Было еще темно, но по улице стлался густой белесый туман. У Пичема появилось предчувствие, что Бири не так-то легко будет вовремя задержать демонстрантов с их страшными плакатами.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Все в порядке, дело в шляпе
Без особого труда.
Если деньги под рукою,
Все уладится всегда.

Хинца Кунц в делишках темных
Обвинял исподтишка,
А теперь они совместно
Объедают бедняка.

Кто на солнце рыбку удит,
Кто подальше в тень идет...
Виден тот лишь, кто на солнце,
Кто в тени, не виден тот.

«Трехгрошовый фильм»

АЛИБИ

Около восьми утра Полли и ее мать поехали в тюрьму. Густой туман висел над лондонскими улицами.

Когда они вошли в камеру, в ней еще горел газ; Мэкхит еще не успел позавтракать, а камера уже была полна деловых людей. Был тут Крестон, были Миллер и Груч. Не выпуская сигар изо рта, они обсуждали последние детали предстоящего боя с Коммерческим банком.

С судебным разбирательством следовало покончить как можно скорее, потому что уже на два часа пополудни в помещении Национального депозитного банка было назначено заседание. Хоторн написал господам Аарону и Жаку Опперу письмо, в котором просил их зайти в Национальный депозитный банк. Господин Мэкхит, сообщалось в письме, вошел в состав правления Национального депозитного банка. Он намерен сделать господам Аарону и Опперу ряд предложений относительно ликвидации принявшей

недопустимые формы конкуренции в розничной торговле.

Мэкхит тем временем уже предъявил представителю суда тот протокол судебного заседания правления ЦЗТ, в котором он фигурировал в качестве «господина Икс». Блумзбери под присягой подтвердил, что «господин Икс» есть не кто иной, как Мэкхит. Председатель суда в частном разговоре дал понять Риггеру, что протокол устанавливает полное алиби Мэкхита. Однако, во исполнение вердикта суда присяжных, дело должно было слушаться.

И тем не менее Мэкхит рассчитывал поспеть к двум часам в Национальный депозитный. Он втайне надеялся, что к тому времени его противники еще не успеют узнать, что он предстал перед судом в качестве председателя ЦЗТ.

Приход двух дам положил конец совещанию.

На Полли было простое черное платье — то самое, в котором она была на похоронах маклера Кокса. Мать ее также была в трауре. После заседания суда они собирались поехать на панихиду по жертвам кораблекрушения.

Визит тещи заметно удивил Мэкхита. Он представил ей присутствующих, и между ними завязалась беседа о лондонском тумане.

Тем временем Мэкхит увел Полли в угол камеры, где ему был накрыт завтрак. Понизив голос, Полли тотчас же рассказала ему о том, что настроение ее отца переменилось.

Мэкхит кивнул. Он все еще не понимал, какую роль играла Полли в убийстве маклера Кокса. За это время Реди успел сообщить ему, что Кокс был убит Джайлзом. Какое отношение к Коксу имел Джайлз, которого на это дело мог послать только О'Хара? Не была ли Полли против того, чтобы Кокс выступил свидетелем в бракоразводном процессе? Если да, то какую власть имела она над О'Хара?

В сущности, Мэкхит вовсе не хотел углубляться во все детали этой истории. Относительно аборта он ее тоже не расспрашивал. Полли сама заговорила на эту тему.

Ее цветущее, слегка разрумянившееся лицо, к которому очень шло черное платье, сияло счастьем, когда

она рассказывала ему о том, как случайное посещение кинематографа заставило ее и ее мать отменить назначенную операцию. Глубокое впечатление, оказанное на них простым произведением искусства, не позволило им совершить *греховное насилие над зарождающейся жизнью.* Трогательный образ крошечного существа на экране покорил их.

— Ни за что, — сказала она, — не пошла бы я после этого к врачу. Я сама назвала бы себя преступницей. Пойми, Мэк: я просто не могла поступить иначе!

Полли было очень неприятно, что она не могла до конца открыться Мэкхиту. Она всегда мечтала говорить ему только правду, но из этого ничего не выходило.

«Взять хотя бы историю с О'Хара. Если бы он о чем-нибудь догадался, это было бы ужасно! Он был бы убежден, что я его предала. Он никогда не поверил бы, что я молчала ради него самого. Он наверняка составил бы себе совершенно превратное мнение обо мне, если бы я ему во всем призналась. Он сказал бы, что я из тех жен, на которых нельзя положиться. Это было бы до последней степени несправедливо. Он такой недоверчивый, что ему нельзя говорить правду. И он дурного мнения о всех женщинах вообще. С ним очень трудно».

Мэкхит пообещал при случае посмотреть этот фильм и сел завтракать. Он занялся яйцом. Попутно он рассказал ей, как он намерен в будущем руководить своими лавками. Он произносил множество мудрых слов, но Полли следила главным образом за тем, как он обрабатывал яйцо. Ей предстояло многому научиться, и большую часть тех знаний и способностей, которые она впоследствии проявила в деловом обиходе (а их у нее оказалось немало), она усвоила в те несколько минут, когда она наблюдала, как ее муж ест яйцо. Он говорил о карликовых лавках, расположенных в Сити, и каким крохотным казалось яйцо в его толстых ручищах! И как осторожно эти ручищи держали его! Яйцо было сварено в мешочек — оно варилось четыре с половиной минуты. Если бы оно варилось меньше, оно было бы слишком жидким; если бы оно варилось дольше, оно было бы слишком крутым.

В обращении с лавками тоже приходилось быть терпеливым, но в то же время нужно было стараться не пропустить подходящий момент. Варка как таковая была своего рода бездействием, требовавшим, однако, самообладания. Но это была и деятельность. Умелый повар мог бы в эти четыре с половиной минуты заняться каким-нибудь другим делом: ведь в конце концов яйцо не такое уж важное кушанье! Мэкхит ни единым словом не упомянул о яйце, он только ел его. Все становилось понятным при виде того, как он постучал ложечкой по скорлупе, обезглавил яйцо и начал рыться в белке. За этим последовало первое, осторожное, но тем не менее энергичное проникновение внутрь, одновременно наполнившее ложку: теперь все внутреннее устройство яйца было открыто взорам, оставалось только следить за тем, чтобы не пожелавший остаться на ложке желток по крайней мере соскользнул обратно в распотрошенное яйцо. Ловкий поворот ложки, другим ее концом, в солонку, тщательное насыпание соли. Так содержимому яйца придается вкус. Вместе с желтком отважно орудующая ложка отделяет от скорлупы и частицу белка. Левая рука помогает: она вращает яйцо навстречу ложке. Так лучше, так-то уж наверняка ничего не пропадет. Яйцо опустошено; теперь надо приподнять его, подержать в несколько наклонном положении и заглянуть внутрь. Осталась еще головка; в самом начале операции она была предусмотрительно отложена на тарелку: если очистить ее сразу, она наполнит своим содержимым всю ложку. Полли смотрела, как зачарованная: такое зрелище не часто увидишь. Вначале лицо Мэкхита выражало глубочайшую сосредоточенность, почти скорбь. Казалось, что в этом яйце — все его питание, что из одного этого яйца он должен почерпнуть все свои физические силы, — задача в самом деле нешуточная. Казалось, что он переводит взгляд с яйца на свои неумело скроенные руки, а потом опять на это маленькое яйцо. Отсюда, вероятно, и задумчивый взор, брошенный им на пустую скорлупу, когда все было кончено. Он не жаловался: ни одного вздоха не вырвалось из его груди, а ведь и в самом деле все было кончено, и оставалась только одна забота: даст ли это свои плоды? А еще через две секунды он небрежно бросил скорлупу на

тарелку (ложку, этот необходимейший инструмент, который не раз еще понадобится, он медленно и аккуратно положил на место) и без всякого сожаления, более того — совсем равнодушно, отвернулся от стола.

Он был очень спокоен. Предстоящее судебное заседание сводилось к пустой формальности. О'Хара тоже больше не тревожил его. Он верил, что у того хватит сообразительности принять на себя налеты, чтобы не быть обвиненным в подстрекательстве к убийству. Как и следовало ожидать, личные обстоятельства погубили его деловую карьеру.

Пришел Риггер. Пора было ехать в суд.

Мэкхит стал одеваться. Крестон и Миллер ушли. Им нужно было ехать в Национальный депозитный, чтобы сделать последние приготовления к предстоящему совещанию. Мэкхит обещал явиться точно к назначенному времени.

По дороге в суд Риггер сообщил кое-какие подробности про судью Лаферза, которому поручено было председательствовать на процессе Мэкхита.

Он был, по словам Риггера, совсем другим человеком, чем председатель суда присяжных Брутли, пьянствовавший одиннадцать месяцев в году и не пивший только во время месячного отпуска, который он проводил в Шотландии, занимаясь рыбной ловлей. За этот месяц он капли в рот не брал; он всегда повторял: «Рыбу не так-то легко поймать; рыба — хитрая тварь; она не верит в справедливость».

Лаферзу, сказал Риггер, незачем пить. Он отличный юрист и обладает необыкновенной способностью сосредоточиваться. Поэтому он никогда не нервничает, кто бы что ни говорил. Выработанная годами привычка помогает ему не слышать ни одного слова из всего, что говорится в суде. Он является на заседание суда, тщательно подготовившись. Он твердо знает, как обстоит данное дело с юридической точки зрения, и его уже ничем нельзя сбить с толку.

— С юридической точки зрения, — говорил Риггер, — любое дело выглядит совсем иначе, чем с точки зрения профана. Профан является в суд, треплет языком, доказывает, что он невиновен, и думает о разной чепухе: «Я, дескать, не выдержу тюремного заключе-

ния», или: «А что сейчас делает моя семья без своего кормильца?», или: «Ах, если бы я тогда взял с собой к тетке свидетеля!» Судья же разбирает только дело, помнит только о нем и поэтому во всех отношениях превосходит профана подсудимого.

Зал суда был почти полон. Газетные нападки сыграли свою роль.

В одном из последних рядов — с тем расчетом, однако, чтобы Риггер сразу же его увидел — сидел великий Аарон. Он сидел на крайнем стуле у среднего прохода и, поставив цилиндр на пол, нервно протирал пенсне. Рядом с ним сидел его доверенный, господин Пауэр.

Бо́льшая часть мест была занята владельцами д-лавок. С того момента как после вердикта суда присяжных Мэкхиту было официально предъявлено обвинение в убийстве, он стал весьма непопулярен в их среде. Груч, который сидел среди них и которого они не знали, все время ловил следующие разговоры:

«Говорили, будто он живет очень скромно, почти не курит и совсем не пьет. Кто-то даже утверждал, будто он вегетарианец. Говорили, что в личной жизни он безукоризненный человек, всецело преданный своей идее. Очевидно, на все, что он вытворял, смотрели сквозь пальцы. Только и слышно было: «Во всем виноваты его приспешники, сам он ни о чем понятия не имеет». С тех пор как я узнал, в чем его обвиняют, я на все смотрю другими глазами».

Эти добрые люди были сильно встревожены. Ходили слухи, что суд отклонил ходатайство о рассмотрении алиби обвиняемого банкира вне открытого судоговорения. Они очень рассчитывали на толстяка Уолли, которого поминутно показывали друг другу.

Мэкхит явился в суд в великолепном черном костюме.

В зале было еще несколько дам и мужчин, которые, по всей видимости, намеревались поехать из суда прямо на панихиду. Глядя на их черные наряды, можно было подумать, что эта часть публики забежала сюда, так сказать, на минутку.

Какие-то важные господа очень громко беседовали о последних скачках и о разных событиях, имевших

место в деловом мире. Они стояли в проходах и обменивались шутками через головы прочих зрителей.

Заседание открылось с некоторым опозданием. Судья Лаферз был занят каким-то другим делом. Один из защитников передал обвиняемому пачку бумаг, и тот немедленно углубился в них. Публика решила, что эти бумаги имеют непосредственное касательство к процессу, но это были всего только выписки из банковских книг, присланные Миллером для предстоящего совещания.

Привлекая к себе всеобщее внимание, Уолли подошел к Риггеру и Уайту и вручил им какую-то папку. Уайт с явным интересом открыл ее и стал просматривать бумаги. Потом он вместе с Риггером подошел к своему подзащитному и показал папку ему. Но Мэкхит только махнул рукой: он был погружен в чтение своих собственных бумаг. Внося в них поправки, он рассеянно выслушал адвокатов, а потом удивленно покачал головой.

Наконец Лаферз в парике и пурпурной мантии, отороченной горностаем, вошел в зал. Воцарилась тишина, и судья открыл заседание.

Весь этот процесс был для него, очевидно, простой формальностью. У всех было такое впечатление, что и в кресло-то он сел только по своей дряхлости.

Уолли тотчас же вызвал обвиняемого Мэкхита для дачи показаний. Тот кратко и небрежно ответил на заданные вопросы. Защита вообще отказалась от допроса.

Когда среди прочих свидетелей был назван солдат Фьюкумби, выяснилось, что в зале суда его нет. Уолли был очень раздосадован. Он интересовался только Фьюкумби, а Фьюкумби-то и не было.

Потом поднялся Уайт и произнес довольно пространную речь.

— Ваша честь, — сказал он, — обвинение, предъявленное господину Мэкхиту, основывалось на его нежелании указать, где он находился в тот момент, когда несчастная Мэри Суэйер прощалась с жизнью. Если бы господин Мэкхит предъявил алиби, — по некоторым соображениям он предпочел не предъявлять его, — обвинение оказалось бы несостоятельным. Тог-

да можно было бы говорить, что Мэри Суэйер покончила с собой либо она была убита, но при всех условиях господин Мэкхит был бы невиновен в ее гибели. Уже самое обвинение, предъявленное господину Мэкхиту, казалось нам не очень обоснованным. Что могло толкнуть оптового торговца и банкира Мэкхита на убийство одной из его подчиненных, в той или иной степени зависевшей от него? Во время разбирательства этого дела судом присяжных много говорилось о каких-то разоблачениях, которыми она ему будто бы угрожала. Она и в самом деле пыталась оговорить его в редакции «Зеркала». Но какой прием встретил этот маневр у редакторов газеты? Они расхохотались! Стоило ли господину Мэкхиту волноваться из-за угроз, вызывающих смех? Но я не стану на этом задерживаться. Господин Мэкхит может предъявить суду абсолютно безукоризненное, неопровержимое алиби, исключающее какую бы то ни было возможность участия его в убийстве, совершенном вечером двадцатого сентября. Я позволю себе передать вашей чести протокол заседания Центрального закупочного товарищества с ограниченной ответственностью, на каковом заседании господин Мэкхит присутствовал в качестве председателя товарищества.

Уайт передал протокол судье.

— В качестве свидетелей я укажу на присутствующих в этом зале членов правления ЦЗТ, подписавших протокол. Они подтвердят, что господин Мэкхит и участник заседания, укрывшийся по причинам делового характера под псевдонимом «господин Икс», — одно и то же лицо.

Пока судья отмечал имена подписавших протокол, а Блумзбери, Фанни Крайслер, адвокаты Риггер и Уайт давали свидетельские показания, в зале возникло легкое волнение. Два человека прокладывали себе дорогу к выходу.

— Теперь я все понимаю, — довольно громко сказал один из них другому. — На этом самом заседании был утвержден проект письма; а после того как оно было разослано, в лавки не поступило больше ни одного лезвия для бритв. И Мэкхит на этом заседании председательствовал!

Как и вся прочая публика, Мэкхит заметил этих людей. Он основательно перепугался.

— Тут есть еще одно имя, — пробормотал судья,— кажется, О'Хара. Он здесь?

Мэкхит нервно встал и поспешил ответить:

— Этот человек арестован по обвинению в скупке краденых товаров, которое я в качестве председателя ЦЗТ предъявил ему. Инкриминируемые ему действия были им совершены во время и вследствие моего ареста.

Садясь, он бросил тревожный взгляд на дверь, в которую только что вышел великий Аарон.

Фанни Крайслер, Блумзбери и оба адвоката принесли присягу и подтвердили, что упомянутое в протоколе лицо и есть банкир Мэкхит.

После этого Уайт еще раз попросил слова. В руках у него была папка, которую ему в начале заседания передал Уолли.

— Не дело моего клиента, — сказал он небрежным тоном, — указывать суду на подлинного убийцу. Но, ввиду того, что он заинтересован в полном выяснении всех обстоятельств смерти одной из его служащих, я позволю себе передать суду документы, которые могут установить личность предполагаемого убийцы.

Уайт перебросил на судебный стол пачку бумаг и сел в изнеможении. Зрители шумно повскакали с мест и возобновили разговоры. Мэкхит тем временем все поглядывал на часы. Он явно нервничал.

Почти сразу же после того, как суд удалился для вынесения оправдательного приговора, он встал и в сопровождении полицейского вышел в коридор, где толпились представители прессы. Шепнув что-то Полли, он повел их в небольшую пустовавшую комнатку.

Полицейский привык к тому, что преступники беседовали с представителями прессы как с равными, и не обратил на это особого внимания. Когда газетчики протолкались в комнатку, Мэкхит отстал от них, прикрыл дверь и пошел по коридору.

Никто не обратил на него внимания. Без шляпы, вытирая пот с остроконечной головы, он спустился по лестнице.

Внизу у двери его нагнала Полли.

Он торопился в полицейское управление и Национальный депозитный банк.

В тот момент, когда он вместе с Полли садился в карету, подоспел Груч. Они поехали в полицейское управление, но из-за густого тумана двигались очень медленно.

ПОБЕДА РАЗУМА

Работая в своей конторе над новой статьей для «Зеркала», в которой он выражал уверенность, что в гибели «Оптимиста» повинны *крамольные элементы,* Пичем все утро тщетно пытался связаться со своими людьми, рассеянными по городу. Кое-кто из его посланцев вернулся; на сборных пунктах они никого не нашли. О прочих не было ни слуху ни духу.

В полдень у Пичема не выдержали нервы, и он поехал в полицейское управление. Старший инспектор был одет в черный костюм и собирался ехать на панихиду. Пичем вызвал его с допроса.

Он сообщил Брауну, что не имеет возможности предотвратить демонстрацию многих сотен инвалидов войны с ужасающими плакатами и лозунгами. Он может предсказать по опыту, что к этому шествию присоединится огромная толпа. Демонстранты двинутся по направлению к церкви святой троицы.

— Прикажите стрелять! — простонал Пичем. — Это подонки общества, накипь! Я дам вам списки; среди них многие имеют судимость! На плакатах у них написано: что сделали с их товарищами на «Оптимисте» и чего ради затеяли эту войну. Во что бы то ни стало прикажите стрелять! На их вопросы невозможно ответить; мы должны просто стрелять!

Браун весь покрылся потом.

Он записал адреса всех сборных пунктов и ушел.

Охваченный тревогой, Пичем поспешил в Национальный депозитный банк.

Сразу же вслед за ним в служебный кабинет Брауна ворвался Мэкхит. Старший инспектор совещался с другими инспекторами; за ним пошли. Тем временем

банкир начал переговоры с О'Хара, который сидел в углу рядом с полицейским, прикрыв шляпой скованные руки. Он был вызван на допрос к Брауну; приход Пичема помешал им.

О'Хара казался спокойным, почти веселым. Говорил он тоже веселым тоном.

— Я намерен сознаться в твоих преступлениях, Мэк, — сказал он. — Я облегчу твою душу. Когда я выскажу все, что у тебя на душе, тебе будет легче.

Мэкхит попросил полицейского выйти, — он был с ним знаком.

— Ты ведешь себя неумно, О'Хара! У нас осталось всего несколько минут, чтобы спасти тебя от петли, а ты остришь. Я упросил моего друга Брауна отпустить Джайлза, чтобы тот не проболтался, кто нанял его убить Кокса. Ты понял?

— Очень хорошо понял. Меня на всю жизнь упрячут в тюрьму.

— Послушай. О, мы достанем тебе какие угодно оправдательные документы! Я ничего против тебя не имею. Напротив! Но ведь просто необходимо, чтобы кто-нибудь взял вину на себя. Меня нельзя трогать: без меня дело развалится. Мне тоже пришлось сидеть. *Ради дела.*

— Ради дела на шесть лет в тюрьму? И речи быть не может! Я тоже хочу доставить себе удовольствие. Чтобы вы все полетели к чертям, я согласен болтаться в петле.

— Не так уж мы полетим к чертям, как ты себе это представляешь. Меня ни в чем нельзя уличить — даже ты не можешь меня уличить. Если ты не сознаешься, пострадает только дело. И, кроме того, тебе вовсе не придется отсиживать шесть лет. Максимум четыре! Ты должен сознаться в скупке десяти—двенадцати партий краденого товара, не больше. На все остальные партии мы тебе дадим оправдательные документы. Контора в Сити работала довольно прилично. Ты скажешь, что ты только в самые последние месяцы сбился с пути.

— Пока ты сидел, да?

— Да, пока я сидел. И ты это делал только по доброте душевной. Тебе было жалко лавочников. Они так умоляли дать им товары! Ты не мог выдержать. Ты сам из этой среды. На карту были поставлены человеческие жизни. Кроме того, твое честолюбие коммерсанта побуждало тебя поставлять дешевые товары. Д-лавки поставляют самые дешевые товары в Лондоне.

— Ах, это я тоже должен сказать!

— Не помешает. Будь рассудительным и взгляни на все это дело с коммерческой точки зрения. Ну, решай, а то мне пора!

Вошел Браун.

Переговоры возобновились. Они длились больше часа. О'Хара кричал, что Мэкхит погубил одну из лучших банд в Лондоне и во всем мире. Она развеяна по ветру. Он, О'Хара, сорвет с него маску.

Потом он образумился. Разговор наконец принял деловой характер. О'Хара соглашался признаться только в двух-трех делах. Сошлись на пяти. Мэкхит обязался достать на все прочие товары оправдательные документы.

Договорившись, они протянули друг другу руки.

— Можешь думать что тебе угодно, О, — сказал Мэкхит, — но это победа разума. Ты не мог решить иначе. По-человечески меня этот исход крайне огорчает. Ты сегодня будешь спать лучше меня.

Мэкхит еще на минуту остался наедине с Брауном. Он вручил ему маленький запечатанный конверт.

— В погашение долга, — сказал он сердечно и добавил торжественным тоном: — Кроме того, я себе позволил, милый Фредди, по случаю сегодняшнего праздника презентовать тебе небольшой подарочек.

Браун вскрыл конверт и, растроганный, обнял своего старого друга и соратника.

— Я принимаю твой подарок, — сказал он, глядя на Мэкхита открытым, честным взором, — я беру его, потому что мы друзья. Настоящие друзья. Надеюсь, ты это знаешь, Мэк.

Выйдя вместе с Гручем и Полли на улицу, Мэкхит констатировал, что туман стал еще гуще.

В конференц-зале Национального депозитного банка собралось восемь человек.

В одном углу стояли господа Пичем, Хоторн, Миллер и Крестон. В противоположном углу, под гипсовым бюстом принца-регента, стояли оба руководителя Коммерческого банка и Аарон со своим доверенным.

Обе группы избегали смотреть друг на друга и беседовали вполголоса.

Аарон рассказывал обоим Опперам о процессе. Когда они получили от Хоторна приглашение, Аарон меньше всех прочих удивился двойной игре Мэкхита. Когда же он узнал о том, что его компаньон Мэкхит одновременно является председателем враждебного ему ЦЗТ и давно уже работает рука об руку с его конкурентами, он показал себя во весь рост — дельцом большого масштаба. Он считал, что всякие соображения морального и эмоционального порядка здесь неуместны, и предлагал сосредоточить все внимание на изменениях, происшедших в конъюнктуре. Что же касается представителей Коммерческого банка, то они не только не разделяли этой объективной точки зрения, но всячески подчеркивали свое несогласие с нею.

Впрочем, Аарон тоже не скрывал, что его весьма интересует, как Мэкхит посмотрит им в глаза после всего, что он сделал.

Вошли Мэкхит и Груч.

Они остановились на пороге и поклонились. Все присутствующие ответили им поклоном.

Маленький человек с будничным выражением лица отделился от одной из групп и подошел к вошедшим.

— Позвольте спросить вас, господа, — сказал он, — кто из вас господин Мэкхит?

Мэкхит поклонился еще раз.

Перед Пичемом стоял коренастый сорокалетний крепыш с головой, похожей на редьку.

Они сказали почти одновременно:

— Здравствуйте! Очень рад познакомиться.

После этого Пичем вернулся к группе, стоявшей у окна. Его зять Мэкхит и Груч остановились неподалеку от двери. Мэкхит предпочел не вступать в разговор с Аароном и господами Опперами, кидавшими на него ледяные взгляды.

Так он стоял с несчастным видом рядом со своим доверенным Гручем. Оба были в черном, как и почти все прочие господа, и на обоих сквозь матовое стекло газовых светильников падал яркий свет.

«Они ждут только одного — когда уже можно будет заключать договоры, — с отвращением подумал Мэкхит. — *Меня, бывшего уличного грабителя, прямотаки тошнит от этого торгашества. Я принужден сидеть и торговаться за проценты! Почему бы мне просто не взять нож и не всадить им в брюхо, если они не уступят мне того, что я от них требую? Что за недостойное занятие — сосать сигары и сочинять договоры! Изволь придумывать каверзные пункты и протаскивать разные оговорки! Не лучше ли напрямик: давай деньги, не то буду стрелять! Стоит ли подписывать договоры, когда тех же результатов можно достигнуть втыканием иголок под ногти? Как это недостойно вечно прятаться за судьями и судебными исполнителями! Это роняет человека в его собственных глазах. Правда, на простом, честном, натуральном уличном грабеже в наши дни далеко не уедешь. По сравнению с торговой практикой он примерно то же самое, что парусник по сравнению с пароходом. Да, но добрые старые времена были гуманней. Старое, честное крупное землевладение! Во что оно выродилось! Прежде крупный землевладелец просто бил арендатора по морде и сажал его в долговую яму, теперь он идет в суд и со сводом законов в руках заставляет сына, арендатора, заседающего там в качестве судьи, нацарапать ему бумажку, на основании которой он выкинет арендаторов на улицу. Прежде предприниматель попросту выбрасывал рабочих и служащих, когда им казалось недостаточным жалованье или ему — прибыль. Он, разумеется, и теперь выбрасывает их; он и теперь получает прибыль, и, пожалуй, даже больше, чем в былые дни, но какое он при этом терпит унижение! Он принужден совать руководителям профессиональных союзов сигары в их немытые руки и вколачивать*

им в мозги, что они должны говорить господам рабочим, чтобы те всемилостивейше разрешили ему получать прибыль. Собачья жизнь! Порядочному человеку в подобных условиях не приходится радоваться прибыли, как бы велика она ни была. Она приобретается слишком дорогой ценой — ценой унижения человеческого достоинства. То же самое относится и к правительству. Конечно, массы и теперь воспитываются в духе трудолюбия и самопожертвования, но при каких обстоятельствах! Правительство не стесняется просить их, чтобы они с избирательными списками в руках самолично выбирали себе ту самую полицию, которая потом будет зажимать им рот. Всеобщая размагниченность и тут дает себя знать. Пусть эти люди услышат от меня, бывшего простого уличного грабителя, что раньше, когда я еще имел право называться уличным грабителем, я никогда не пошел бы на такое унижение».

Ждали Блумзбери из ЦЗТ.

Он явился на полчаса позже, чем Мэкхит, и пожал ему обе руки.

— Вы оправданы, — сказал он сердечно. — За уход без разрешения на вас наложен штраф.

Вместе с ним пришла Фанни Крайслер. Она и Полли сидели в директорском кабинете. Из-за тестя Мэкхит не хотел, чтобы она присутствовала в конференц-зале.

Собравшиеся разместились вокруг большого круглого стола, на котором стояли шесть стаканов, графин с водой и ящик с сигарами. Хоторн в качестве нотариуса и хозяина дома открыл заседание.

Он приветствовал собравшихся и тотчас же предоставил слово Мэкхиту в следующих выражениях:

— Господин Мэкхит, всем вам известный основатель д-лавок, желает, если я правильно понял его письмо, сделать вам несколько предложений.

Аарон поднял мясистую руку.

— Позвольте мне сначала выяснить одно обстоятельство. Это дело, как нам кажется, не терпит отлагательства. Иначе мы не сможем спокойно слушать объяснения господина Мэкхита. Я имею в виду слухи о правонарушениях, имевших место в Центральном закупочном товариществе.

Мэкхит встал.

— Я могу дать вам объяснения по этому поводу,— сказал он медленно.— Слухи эти были вызваны арестом некоего господина О'Хара, снабжавшего мои лавки товарами. Арестован он был на основании заявления, сделанного мною. Я усомнился в происхождении некоторых товаров. Произведенное мною расследование подтвердило, что они действительно были добыты путем грабежа. О'Хара полностью сознался полиции в совершенных преступлениях. В настоящее время он привлекается к ответственности за скупку краденого.

Аарон, как видно, не был особенно поражен. Он утвердительно и не без уважения кивнул.

Мэкхит перешел к своим предложениям. Он старался говорить как можно короче.

Розничная торговля переживает жестокий кризис. Конкуренты в пылу борьбы так увлеклись снижением цен, что в последнее время и думать не приходилось о какой бы то ни было прибыли. Основным принципом магазинов с едиными ценами является *наилучшее обслуживание потребителя.* Но для того чтобы иметь возможность обслуживать его не день и не два, магазины должны быть *здоровыми* и приносить доход. Существовавшая до последнего времени система более или менее беспощадной конкуренции сильно отразилась на деятельности банковских учреждений. Он предлагает создать синдикат АКД-лавок, охватывающий весь комплекс лавок Аарона, Крестона и д-лавок, изучить нужды потребителя, организовать порайонную сеть лавок, выработать твердый план сбыта и этим путем добиться нормальных цен.

Великий Аарон смущенно посмотрел на представителя Коммерческого банка и сказал, что прекращение конкуренции кажется и ему желательным.

В зале стало тихо, и председатель Коммерческого банка откашлялся.

— Я позволю себе спросить,— сказал он сухо,— имели ли уже место переговоры в указанном господином Мэкхитом направлении? Насколько мне известно, концерн д-лавок господина Мэкхита входил до настоя-

щего момента в нашу группу. Тем самым он связан некоторыми совместно принятыми решениями.

Отвечая ему, Мэкхит тщательно взвешивал каждое слово.

— В силу родственных связей,— он сделал жест рукой в сторону господина Пичема, сидевшего напротив; тот и глазом не моргнул,— он, мол, был поставлен в необходимость заняться делами Национального депозитного банка, сотрудничающего с лавками Крестона. Заботы о грядущих судьбах этого концерна возникли, так сказать, в лоне семьи. В связи с этим имели место некоторые личные предварительные собеседования информационного характера с господином Крестоном.

— И каков был результат этих предварительных собеседований? — спросил Аарон, не глядя на своих банкиров.

— Полное единомыслие,— ответил за Мэкхита Крестон.

Аарон рассмеялся.

— Был ли во время этих предварительных собеседований,— сухо продолжал председатель Коммерческого банка,— этих предварительных собеседований информационного характера в лоне семьи затронут вопрос о роли Центрального закупочного товарищества?

При этом он поглядел на Блумзбери, который ничего не понимал и беспокойно ерзал в кресле.

Мэкхит с величайшим спокойствием ответил за него.

— Можете задать этот вопрос мне,— сказал он.

— Я задаю его ЦЗТ,— возразил Жак Оппер.

— Значит, мне,— спокойно подтвердил Мэкхит.— ЦЗТ, теперь уже можно говорить об этом открыто, с некоторых пор связано со мной тесными узами.

— Родственными узами? — с ледяной иронией спросил младший Оппер.

— Нет, дружескими,— любезно ответил Мэкхит.— Блумзбери — мой друг.

— Очень интересно,— сказал Генри Оппер и посмотрел на Аарона.

Воцарилось томительное молчание. Хоторн налил себе стакан воды и обратился к присутствующим с вежливой просьбой по возможности избегать резкостей.

— Стало быть, Мэкхит,— резюмировал Аарон не без дружелюбия и даже с некоторой долей мрачного юмора,— вы председатель ЦЗТ и директор НДБ, если я вас правильно понял?

Мэкхит торжественно кивнул.

— Тогда все меняется, Оппер,— теперь уже для себя резюмировал Аарон.— Если я в данный момент не обманываюсь, а я не вижу причин обманываться и впредь, ЦЗТ теперь начнет снабжать Крестона. Родственные и деловые связи, к которым присоединяются еще и дружеские, создают, чтобы не быть резким, весьма гармоничную атмосферу для работы противной стороны. В связи с этим возникает вопрос: должно ли и в дальнейшем существовать самое понятие «противная сторона», Оппер? Этот вопрос мы можем решить завтра, но можем решить его и сегодня. И лучше теперь же, господа! Такое блюдо надо есть горячим. Как вы на это смотрите?

— ЦЗТ,— вставил Мэкхит,— может стать чрезвычайно мощным предприятием, если ему не будут платить чрезмерно низкие цены, как это, к сожалению, неоднократно происходило в последнее время. Правда, давление, произведенное на лавки, не входящие в концерн, и выразившееся в снижении цен, дало в последнее время благоприятные результаты. Последовал ряд банкротств. С чисто человеческой точки зрения эти банкротства — весьма прискорбное явление, но в оздоровлении розничной торговли они сыграют немалую роль. В прогоревших лавках удалось приобрести значительные партии товаров по самым низким ценам. Больной умирает, а здоровый борется, господа!

Аарон рассматривал свои ногти. Никто, по-видимому, не испытывал потребности высказаться. Мэкхит продолжал:

— Мой дорогой Аарон, сообщение о том, что наша рекламная распродажа не может состояться, несомненно, произвело бы весьма невыгодное впечатление Подумайте о том, что лондонский потребитель внима-

тельно следит за нашей борьбой. Если бы представленные здесь фирмы объединились, то синдикату было бы, конечно, безразлично — состоится ли эта распродажа или же она будет отменена.

— Ах так,— сказал Аарон.— Стало быть, вы при всех условиях решили объявить рекламную неделю, даже если мы не договоримся? А я думал, что склады ЦЗТ в данный момент пусты.

— Совершенно верно,— с готовностью ответил Мэкхит.— Но я кое-что закупил... у Крестона. Мне эти товары обошлись несколько дороже, чем в ЦЗТ, но, во всяком случае, не так дорого, как на открытом рынке.

— В объединении, о котором вы говорите,— заметил Аарон,— вы, поскольку вы одновременно входите в ЦЗТ, будете пользоваться большим весом, Мэкхит.

— Скажем лучше: буду нести большую ответственность,— возразил Мэкхит дружелюбным тоном.

— А каково ваше мнение? — спросил Аарон представителей Коммерческого банка.

Генри Оппер посмотрел на брата и резко ответил:

— Сейчас я вам его изложу. Что касается меня, то я предпочитаю не вступать с господином Мэкхитом ни в один из трех перечисленных видов общения. Кроме того, я прошу вас немедленно покинуть вместе с нами это помещение.

Он встал.

Аарон посмотрел на него умоляющим взором.

— Почему? — спросил он жалобно, не подымаясь с места.— Выслушайте его сначала!

Генри Оппер в течение секунды глядел на него с холодным презрением. Потом он молча повернулся и, коротко кивнув головой, вышел из комнаты в сопровождении своего витающего в облаках поэзии брата.

Аарон обвел внимательным взором всех присутствующих.

— Вне всякого сомнения, мои друзья лишены чувства юмора. Я остался потому, что хочу доказать вам, что оно у меня есть. Не так плохо знать наперед, что у твоего партнера есть чувство юмора. Я не могу уйти,

когда мое дело грозит вылететь в трубу,— добавил он сварливо.

Так как никто ничего не ответил, он продолжал:

— Возникает вопрос, который при известных условиях может приобрести остроту: можем ли мы обойтись без финансовой поддержки Коммерческого банка?

Впервые Пичем принял участие в дискуссии.

— Я думаю,— сказал он сухо,— что мой зять без нее обойдется. Возглавляемая мною Компания по эксплуатации транспортных судов, к счастью, не потерпела финансового урона в связи со всем вам известным ужасным кораблекрушением. Таким образом, человеческие потери по крайней мере не сопровождались потерями материальными. Могу сообщить вам конфиденциально, что мы даже рассчитываем на дальнейшее сотрудничество с правительством. Вследствие этого я, правда временно, пока я не приступил к реализации моих собственных широко задуманных планов — имею возможность предложить мою поддержку молодому, расцветающему предприятию, каким является синдикат АКД-лавок.

Аарон поклонился, не вставая. Потом он почти мечтательно посмотрел на Мэкхита и кротко сказал:

— Кажется, я вас понял, Мэкхит. Меня и Коммерческий банк вы при помощи фантастически дешевых товаров ЦЗТ вовлекли в ожесточенную борьбу с Крестоном, которого вы в результате уложили на обе лопатки. Когда он оказался припертым к стене и стал расшвыривать деньги Национального депозитного для того, чтобы иметь возможность снизить цены на свои товары до уровня наших, вы заставили Национальный закрыть ему кредит. А нас, в том числе и ваши собственные лавки, вы в самый разгар борьбы оставили без товаров, поступающих из ЦЗТ. Теперь вы разлучаете меня с Коммерческим, как разлучили Крестона с Национальным. Это великолепно! Мы как-нибудь подробно обсудим все это за бутылочкой сорок восьмого года... Как вы считаете? А теперь конец делам. Как я вижу, большинство из нас торопится на панихиду по утонувшим героям. В таком случае нам пора. Все равно мы сегодня не успеем договориться о всех мелочах.

Все присутствующие согласились с ним. Синдикат АКД-лавок, руководимый господином Мэкхитом, был основан.

Полли и Фанни, ожидавшие Мэкхита в директорском кабинете, оживленно беседовали.

Фанни рассказала про комический эпизод, происшедший в суде.

После оправдательного приговора, рассказывала она, смеясь, в поисках банкира Мэкхита приняло участие несколько владельцев д-лавок вместе с женами. Фанни присоединилась к ним и слышала их разговоры. Все они во что бы то ни стало хотели пожать ему руку и ругательски ругали Уолли, натравившего их на Мэкхита.

— Этот Уолли, конечно, преследовал какие-то грязные цели,— говорили они с возмущением.

Фанни объяснила Полли, что алиби, встреченное ими с таким удовлетворением оттого, что оно полностью обеляло Мэкхита, имело в виду то самое заседание ЦЗТ, на котором было принято решение прекратить снабжение лавок, то есть окончательно разорить их владельцев.

Полли от души расхохоталась, и они заговорили об осенних модах. К тому времени, когда кончилось заседание, они уже успели пригласить друг друга в гости. Полли немного нервничала — ведь сегодня ее отец впервые видел Мэка.

Она увидела мужа и отца выходящими вместе из конференц-зала. Они молча шли рядом. Оба были погружены в размышления.

В четырех каретах поехали в церковь. В одной из них сидела Полли с мужем. Она держала его руку в своей. Наконец-то. Итак, их любовь все-таки преодолела все преграды.

Пока в НДБ шло заседание, туман сгустился еще больше. Кареты двигались очень медленно. На перекрестке кучера спорили, куда держать путь.

Во второй карете сидели Пичем, Фанни и Блумзбери. Последний восторженно говорил о гениальности своего друга Мэкхита.

— Он исключительно трудоспособный человек,— сказал он почтительно.— В сущности говоря, он работает круглые сутки. О себе он вообще не думает, он

думает только о делах. Он почти не отдыхает, разве только в обеденный перерыв перекусит что-нибудь. Собственно говоря, единственный его отдых — это тюрьма.

Потом Фанни заговорила с господином Пичемом об арендной плате в Хемпстеде.

Они поспорили, и Фанни Крайслер, посмеиваясь и искоса поглядывая на Пичема, сказала, что она всегда говорит правду,— ему это известно.

Пичем сделал над собой усилие и улыбнулся.

Лицо его посерело, и он казался очень старым. Он боялся. Вглядываясь в туман, он представлял себе смутные толпы людей с ужасающими плакатами, на которых были начертаны им же самим сочиненные угрозы.

«Хорошо еще, что сегодня туман,— думал он, откинувшись на спинку сиденья.— Но он может в любую минуту рассеяться. Что тогда? Конечно, угрозы — это мой хлеб. Но на этот раз я хватил через край. Мне это может стоить головы. Одна надежда на полицию, но проявит ли она достаточную распорядительность? Она ведь тоже плутает в тумане. Все, кто со мной едет, полны оптимизма. Они не знают, что́ над ними нависло, они не знают, какие плакаты движутся им навстречу. Ах!..»

Груч ехал в одной карете с Крестоном, Аароном и доверенным последнего.

Мэкхит произвел на Аарона сильное впечатление. Он признался, что достаточно ему было услышать в суде, что за спиной Центрального закупочного товарищества стоит Мэкхит, как он твердо решил предоставить ему руководящий пост в синдикате.

Кучера были, как видно, не очень уверены в том, что они едут куда надо. Они часто останавливались и громко переговаривались, не слезая с козел. Внезапно они все разом повернули и поехали в обратном направлении. Потом они опять принялись окликать прохожих, но те сами не знали, где находятся.

Постовой полисмен дал им указания, и они стегнули лошадей с таким видом, словно теперь уже знали, куда ехать.

Мэкхит несколько раз крикнул в окно:

— Церковь святой троицы!

Наконец Груч и Аарон вылезли из кареты, дошли до тротуара и убедились, что перед ними пустырь, по крайней мере по одну сторону улицы.

Кучера стали совещаться. Они перечисляли все районы, где по одну сторону улицы тянутся пустыри. Не столковавшись, они поехали дальше. Хоторн недовольно сказал Миллеру (Полтора Столетия ехали в последней карете):

— Вообще непонятно, на каком мы свете!

После получасовых блужданий Мэкхит потерял терпение и резко сказал Полли:

— На ближайшем углу мы вылезем и зайдем в первый попавшийся дом. Дальше так плутать не имеет смысла!

Он действительно вышел из кареты, и остальные последовали его примеру.

Дом, к которому они подошли, был обнесен высокой оградой и казался довольно большим, хотя из-за тумана трудно было более точно установить его размеры. Ограда тянулась на большом расстоянии; они долго не могли найти ворот.

Когда путники наконец нашли их, оказалось, что они попали в тюрьму Олд Бейли.

Смеясь, они вернулись на мостовую и, перешучиваясь, разместились по каретам. Теперь всем стало ясно, что они окончательно заблудились.

Совершенно случайно наехали еще на одного полисмена; узнав, что господа имеют пригласительные билеты на панихиду в церкви святой троицы, он проводил кареты до угла, откуда можно было ехать напрямик.

Они опоздали больше чем на час.

На площади перед церковью, кроме нескольких нищих-инвалидов, почти никого не было.

Пичем высунулся из кареты и недоверчиво осмотрел паперть. Два-три десятка его людей стояли там, жалкие, промокшие.

Он отвел одного из них в сторону и узнал, что, хотя Бири слишком поздно прибежал на сборный пункт, демонстрация все равно не состоялась. Рано утром вспыхнуло настоящее восстание. Нищие побросали плакаты и заявили, что в такой оживленный день они желают работать, а не ходить с плакатами.

— Своя рубашка ближе к телу,— говорили они,— не надо привлекать внимание полиции. Сегодня население готово уделить кое-какую мелочишку бедным солдатам, чтобы у них не пропало желание жертвовать своими конечностями для величия и процветания Англии. А от нас требуют, чтобы мы обвиняли абсолютно чужих нам людей, заседающих в правительстве, в том, что они нас преследуют. Пора подумать и о деле! Завтра солдат, просящих подаяния, опять будут отправлять в полицейский участок, а сегодня их чествуют. Не каждый день бывают кораблекрушения. Против лихоимства мы успеем протестовать и в дни затишья.

Так или примерно так рассуждали они, разбегаясь.

Они распределили между собой все позиции на прилегающих улицах. Но туман сильно препятствовал их работе. То и дело по ошибке они обращались не к родственникам погибших, дававшим довольно щедро, а к многочисленным представителям правительства.

Облегченно вздохнув, Пичем вошел в церковь.

Церковь была наполовину пуста. Высокие колонны были обвиты крепом. Перед амвоном лежали большие венки.

Панихида еще не начиналась.

Рота солдат тоже еще не прибыла. Она ощупью пробиралась по Челси и уперлась в Темзу. Солдаты чуть не попáдали в воду. Ругаясь, они пошли обратно. Они были назначены нести почетный караул и охранять утонувших товарищей от неистовства черни, а не от неистовства водных стихий.

Наконец они добрались до церкви; оказалось, что еще не прибыло духовенство. В тумане оно сбилось с пути и попало на городские бойни. Епископ, у которого в кармане лежала проповедь, посвященная памяти погибших героев, заблудился в поисках швейцара и в полном отчаянии бегал по узким проходам, по которым обычно гнали на убой скот. Сторожа нашли его в овечьем загоне.

По прибытии духовенства началась панихида по жертвам катастрофы, после чего должно было состояться чествование героев войны.

Власти уже съехались. Мэкхит увидел Брауна; тот сидел рядом с важным чиновником, портрет которого Мэкхиту часто попадался в журналах. Он радовался, что Браун кажется публике таким недоступным, и гордился им.

Господин, сидевший рядом с Брауном, был Хейл. Пичем сразу же узнал его. Карета Брауна столкнулась в тумане с каретой Хейла. Они решили, что вдвоем легче будет ориентироваться, и приехали в церковь вместе.

Скамьи для публики были все еще наполовину пусты. На родственников погибших не приходилось особенно рассчитывать, а сотни людей, чьи близкие находились на фронте, не успели заблаговременно добраться до церкви.

Они блуждали — по большей части жены и матери — по улицам столицы и спрашивали на каждом углу, а иногда и в домах и лавках, где происходят панихида и чествование героев.

После музыкальной увертюры, создавшей соответственное настроение, выступил епископ, все еще дрожавший после приключения на бойне. Проповедь свою он начал с христовой притчи о десяти фунтах.

Сперва он прочел эту притчу из евангелия от Луки, начинающуюся словами: «Некоторый человек высокого рода отправлялся в дальнюю страну, чтобы получить себе царство и возвратиться».

Человек этот дал каждому из своих рабов по мине, то есть по фунту серебра, и сказал им, чтобы они пустили их в оборот, пока он не возвратится. Когда он возвратился, первый раб сказал ему, что его мина принесла десять мин. Человек высокого рода дал ему в управление десять городов. Второму рабу мина принесла пять мин, и он получил в управление пять городов. А третьему мина не принесла ничего. Тогда человек высокого рода отнял у него мину и отдал ее имеющему десять мин. «Всякому имеющему дано будет,— сказал он,— а у неимеющего отнимется и то, что имеет».

Так гласила притча, и епископ построил на ней свою проповедь.

— *Друзья мои,*— начал он,— *ужасная гибель транспортного судна «Оптимист» в Ла-Манше подняла*

в нашей стране волну патриотизма. Катастрофа, потрясшая нашу страну, как бы открыла ей глаза на ее высокую миссию, о которой она уже начала забывать, пока в прошлый четверг читатели утренних газет не нашли за завтраком около своего прибора ужасную весть о несчастье, поразившем Англию.

Что я понимаю под словами: «открыла глаза»? Друзья мои, все события жизни,— а ведь жизнь складывается из событий,— можно рассматривать снаружи и изнутри. У всякого происшествия — в том числе и у нашей катастрофы — есть видимый смысл и смысл скрытый. И есть люди, которые видят то, что впереди, но не видят того, что позади. Но скрытый-то смысл и есть самое главное. Только тот, кто видит его, видит жизнь.

И вот, возлюбленные друзья мои, я вас спрашиваю: в чем заключается скрытый смысл катастрофы, постигшей нас?

Епископ откинулся назад; он стоял, возвышаясь над толпой. Смелым, открытым взором он обвел всю церковь у своих ног: представителей власти, офицеров морского ведомства во главе с Хейлом, дельцов и родственников фронтовых солдат.

— *Друзья мои,*— продолжал он, закончив осмотр,— *господин, о котором говорится в нашей притче,— строгий хозяин. Он требует возврата ссуженных денег с процентами и процентами на проценты. В этих делах он шутить не любит. Раба, что возвращает ему только фунт серебра, он выбрасывает во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубовный. Да, друзья мои, бог — ибо человек высокого рода из притчи и есть наш господь — строгий хозяин и требует процентов. Но, друзья мои, он в то же время и справедливый хозяин. Не от каждого из рабов своих он требует одинаковых процентов. С одного он берет десять мин, или фунтов, а с другого и пять. Он берет, что ему дают. Только ничто — третьего, ленивого, нерадивого, лукавого раба он отвергает. Этого человека он увольняет. У этого человека отнимается и то, что он имеет, то есть тот фунт, который все получили от хозяина в виде основного капитала. Глубочайший же смысл этой притчи заключается в ошеломляющей истине: каждому по его достоянию.*

Я хотел бы сказать, кстати, два слова о самом понятии «фунт». В священном писании имеются два разночтения притчи, о которой мы говорили. В одном месте говорится о фунте серебра, в другом — о таланте. Слово талант имеет двоякое значение: во-первых, оно означает крупную серебряную монету в древней Греции, а во-вторых,— духовный дар. Двойной смысл этот, как мне кажется, прекрасен. Духовный дар — это деньги, труд — это благосостояние. Но это только так, между прочим.

Друзья мои, на земле мы на каждом шагу сталкиваемся с неравенством. Человек вступает в жизнь беспомощным голым комочком. В этом состоянии он ничем не отличается от прочих грудных младенцев. Но через некоторое время разница дает себя знать. Один остается на низшей ступени, другой продолжает развиваться. Он умней, чем окружающие его люди, прилежней, бережливей, энергичней, он опережает их в своей работе. И он становится богаче, могущественней, он более уважаем, чем они. Так возникает неравенство. Как же ко всему этому относится господь?

Расценивает ли он людей в зависимости от их общественного положения и способностей? Любит ли он того, кто многого достиг, больше, чем того, кто может похвастаться лишь скромными успехами? Нет, друзья мои, бог этого не делает. Он вознаграждает каждого в меру достигнутого им: одному — десять городов, другому — пять, кто сколько заслужил, но в остальном он не делает между ними никакой разницы. В остальном все его рабы одинаково дороги ему. И это-то и есть, возлюбленные мои друзья, равенство перед богом.

Друзья мои, притча о фунтах указывает нам, как мы должны рассматривать жертву, принесенную нашими солдатами на «Оптимисте».

Наша страна имеет великих граждан, чьи заслуги огромны. Наши государственные мужи день и ночь стоят на командном мостике государственного корабля. Наши генералы, склонясь над картами, разрабатывают планы сражений. Мы, служители господа, делаем все, что в наших силах, дабы укрепить людские сердца. А наши солдаты всходят на палубы кораблей. И тонут, если такова неисповедимая воля господня. Мы возвращаем с процентом наш фунт, они — свой.

И все вместе мы трудимся для того, чтобы и наша родина, со своей стороны, постоянно приумножала фунт, данный ей господом, дабы мы в тот день, когда господь призовет нас к себе, могли, указав на нее, сказать: «Ты дал нам государственных мужей, генералов, купцов, солдат. Посмотри, господи, вот что мы с ними сделали».

И если мы, друзья мои, будем воспринимать все, что происходит в мире, как доброе, так и злое, под этим углом зрения, то мы не ограничимся видимым смыслом того национального несчастья, каким является гибель «Оптимиста», как это делают некоторые люди, чьи помыслы постоянно прикованы к земле. Тогда точно пелена спадет с наших глаз, и мы постигнем скрытый смысл, и если мы его постигнем, то это будет означать, что наши солдаты и матросы, хотя им и не довелось сразиться с врагом, погибли не напрасно. Тогда корабль, погрузившийся в густом, непроницаемом тумане на дно морское, не напрасно носил гордое имя «Оптимист», ибо цель его оптимизма, друзья мои, заключалась в том, чтобы гибель его была правильно воспринята нацией! Тогда мы извлечем прибыль и из этого корабля, которому суждено было погибнуть: он принес проценты и проценты на проценты, о господи!

После панихиды по жертвам катастрофы господин Пичем, чета Мэкхитов и господа из Национального депозитного банка и синдиката АКД-лавок отправились в близлежащий ресторан, чтобы по окончании общественных дел отдать должное делам частным. Чета Мэкхитов очутилась под перекрестным огнем комплиментов и поздравлений.

Первым заговорил Аарон.

— *Милостивая государыня, господа!* — сказал он.— *В истории английской розничной торговли переживаемый нами день является значительной вехой. Во главе крупного торгового синдиката становится человек, представляющий собой, как мы имели возможность убедиться на протяжении последних месяцев, руководящую фигуру в нашей области. С завтрашнего дня он все свои силы, все свое великолепное знание дела, всю свою неукротимую энергию и искусство обращаться с людьми, которые мы в нем научи-*

лись ценить, посвятит служению нашему общему делу. Публика скоро почувствует, что появилась новая сила. Мы, коммерсанты, не будем впредь умалять свои силы взаимной борьбой, мы поведем борьбу совместную. Все мы только что слышали великолепные слова основоположника нашей религии о фунте. Новое наше руководство во главе с господином Мэкхитом извлечет из того капитала, который представляет собой наша мощная организация, все, что из него можно извлечь.

Господин Пичем воспользовался предоставленным ему словом, чтобы сделать интереснейшее предложение.

— Я не стану вас уверять, — сказал он, — *что я с первой же минуты относился благожелательно к браку моей дочери с господином Мэкхитом. В том, что моя дочь сделала правильный выбор, я окончательно убедился только тогда, когда ознакомился с практической деятельностью моего зятя. Я понял его основной принцип — служение низшим слоям общества. И во мне тотчас же зазвучала ответная струна. Мы обычно относимся к низшим слоям довольно пренебрежительно; это — глубочайшая ошибка! Они, быть может, менее образованны, чем мы, их быт и нравы грубее наших, более того — это жестокие нравы. Быть может, низшие слои имеют лишь смутное представление о том, что все люди, независимо от их социального положения, должны стремиться к гармоничному сосуществованию, если они не хотят окончательно погрузиться в то животное состояние, которое — увы! — столь часто им свойственно. Но все это не дает нам права отмахиваться от них. Я хотел бы сделать вам одно практическое предложение: вы, господа, и ты, мой милый зять, вы продаете лезвия для бритв и часы, предметы домашнего обихода, и так далее, и тому подобное. Но не только этим жив человек. Пусть он чисто выбрит, пусть он знает, который час, — это еще не все. Вы должны пойти дальше. Вы должны продавать ему образование. Я имею в виду книги — дешевые романы, такие произведения, которые рисуют жизнь не в серых тонах, а в более ярких и бодрых красках, которые открыва-*

ют перед будничным человеком иной, более высокий мир, которые знакомят его с более утонченными нравами высших слоев, с достойным подражания бытом людей, стоящих выше их в социальном отношении. Я умалчиваю о прибылях, какие сулит это дело (а они могут быть значительными), я говорю только о человечестве, которому этим будет оказана немаловажная услуга. Короче говоря, я даю вам скромную идею.

После того как господин Аарон от имени синдиката АКД-лавок поблагодарил господина Пичема за поданную им идею, поднялся старик Хоторн и в шутливой форме рассказал небольшой эпизод из недавнего прошлого.

— *Я не стану скрывать от вас,*— сказал он добродушно,— *что решение Национального депозитного банка во что бы то ни стало добиться прекращения братоубийственной войны между крупными торговыми концернами сложилось под влиянием одного определенного, чисто житейского случая. То было посещение банка госпожой Мэкхит, сидящей здесь, среди нас. Она не говорила о коммерческих делах. Она говорила только о делах человеческих. Но слова ее так тронули нас — пожилые люди тоже не лишены сердца,— что мы просто не могли поступить иначе и посетили ее оклеветанного мужа, безвинно томившегося в темнице. И во время этого посещения мы договорились обо всем, что привело нас к единению. Не трезвый деловой расчет,— и это мне хотелось бы подчеркнуть, как бы старомодно ни звучали мои слова,— не трезвый деловой расчет побудил нас искать выхода из тяжелого положения, но л ю б о в ь.*

Полли тоже встала. Более чем когда-либо напоминая зрелый персик, она произнесла нижеследующую краткую речь:

— *Хотя и не принято, чтобы дамы произносили речи,— у нас ведь не любят, чтобы мы вмешивались в деловую жизнь,— я все же хочу сказать несколько слов о той радости, которую я испытываю при мысли,*

что я всегда прислушивалась к голосу чувства и никогда не колебалась в моей любви к мужу. Ведь мы, женщины, рассуждаем не так трезво, как цари творения, однако по моему примеру вы можете судить, что подлинная любовь тоже может привести к благополучному концу. Но для этого нужно, чтобы она была сильна и чтобы мы не обращали внимания на косые взгляды людей. Хитроумные планы, измышляемые нашими мужьями, быть может, и приносят пользу, что и говорить, но как часто мы, женщины, побеждаем оружием любви, хоть иной раз любовь эта и кажется безрассудной. Сколько раз мне приходилось быть свидетельницей того, как Мэк, этот холодный делец, отказывался от всего, ставил на карту всю свою карьеру, лишь бы не потерять меня, избранницу своего сердца... Не правда ли, Мэк?

Последним выступил Мэкхит:

— Дорогая жена, дорогой тесть, друзья мои! В общем и целом, я удовлетворен тем соглашением, к которому мы сегодня пришли после многочисленных недоразумений. Я не скрою от вас: я происхожу из низов. Я не всегда сидел за таким столом, в обществе столь уважаемых людей. Я начал свою деятельность совсем маленьким человеком, в совсем другой среде. Но, в общем и целом, эта моя деятельность оставалась неизменной. Обычно удачливую карьеру человека приписывают его честолюбию, либо какому-нибудь грандиозному, хитро задуманному плану... Признаюсь откровенно, такого плана у меня не было. Я постоянно стремился только к одному — избежать ночлежного дома. Мой девиз гласил: больной умирает, сильный борется. В конечном счете выбиваются только такие люди, как я. И тот, кто, выбившись, откажется от этого девиза, скоро неизбежно очутится внизу. Я держусь того же мнения, что и мой друг Аарон: экономика всегда нуждалась в людях моего типа. Есть люди, неспособные извлечь из фунта, данного им провидением, ни малейшей прибыли. Я не хочу заниматься предсказаниями, но я думаю, что синдикат выполнит свой долг. Ясно одно: на том низком уровне, на каком

в настоящее время находятся цены, они больше оставаться не могут. Я закончу возгласом: «Все выше и выше! Per aspera ad astra»[1] *и «Никогда не оглядывайся назад!»*

Когда господин Мэкхит произносил заключительные слова своей речи, присутствующие прониклись серьезностью момента. Все почувствовали, что он затронул главную проблему.

Они задумчиво осушили свои бокалы.

---

[1] Через тернии к звездам (*лат.*).

ФУНТ БЕДНЯКА

А тем, у кого фунта нету,
Как тем вы прикажете быть?
Лечь в землю прикажете эту,
Чтоб вы продолжали жить?

Ни фунта бы не было более
Без них ни у кого.
Без пота их и мозолей
Не вышло б ничего!

Детская песенка

СОН СОЛДАТА ФЬЮКУМБИ

Солдат Фьюкумби также был в церкви святой троицы. С того дня, как он убил маклера Кокса, он появился на Олд Оук-стрит один-единственный раз. Бири тотчас же велел гнать его в шею.

В церковь святой троицы он пошел оттого, что надеялся как-нибудь подобраться к господину Пичему. Он знал, что господин Пичем имеет какое-то отношение к затонувшим кораблям. Но, конечно, ему не удалось к нему пробиться. И он остался слушать проповедь о десяти фунтах в церкви, где все-таки было тепло.

В последующие дни он болтался в районе доков, без крова, без друзей, скрываясь от полиции. Он опускался все ниже. О том, что ему предъявлено обвинение в убийстве Мэри Суэйер, он не имел ни малейшего понятия, так как не читал газет.

Холодным ноябрьским утром возле пекарни на Вест-Индиа-стрит собралась толпа.

Какой-то мальчишка схватил с прилавка каравай хлеба и бросился бежать. Пекари подняли крик, и прохожие пустились преследовать вора. Он бежал со всей скоростью, на какую были способны его маленькие ноги, но уйти далеко ему не удалось. На углу кто-то подставил ему ногу, он упал на тротуар, был

схвачен, доставлен обратно в пекарню и вслед за тем уведен полицейским.

Толпа разбрелась, ругаясь.

Среди тех, кто преследовал мальчика, укравшего хлеб, был оборванец неопределенного возраста. Когда полицейский увел ребенка, он пошел по направлению к докам. Он знал там одно местечко, где можно было переночевать.

Точнее говоря, это был тот самый человек, который подставил мальчику ногу, вследствие чего мальчик упал. Он сделал это совершенно машинально.

Забравшись под мост, он достал из кармана нечто наполовину сгнившее, развернул бумагу, в которую оно было завернуто, медленно поел, скинул с ног опорки, шлепавшие на каждом шагу, приподнял камень, достал из-под него две газеты, сел, прикрыл газетами ноги, вытянулся, положил под голову куртку и обе руки и скорчился, стараясь занять как можно меньше места. Он заснул, и ему приснился сон.

После многих лет нищеты настал день триумфа.

Массы восстали, сбросили угнетателей, одним рывком освободились от утешителей — быть может, самых страшных своих врагов,— махнули рукой на все надежды и добились победы. Все изменилось с начала до конца. Подлость лишилась славы, полезное прославилось, глупость потеряла все свои преимущества, жестокость перестала приносить прибыль. Не в первую и не во вторую очередь, но все же вскоре после победы состоялся великий суд.

Всякому понятно, что это значит. Об этом суде говорилось постоянно; его ожидали с незапамятных времен; все народы рисовали себе картину этого суда в мельчайших подробностях. Кое-кто пытался отодвинуть его до скончания веков, но эта проволо́чка показалась подозрительной — народы ни за что не хотели ждать так долго. О том, что суд состоится только тогда, когда погаснет всяческая жизнь, не могло быть и речи, так как он ведь означал начало жизни. Покуда не свершится этот суд, вообще нельзя говорить о настоящей жизни.

И вот настал день суда.

Тот, кому это снилось, был его председателем. Поста этого он, разумеется, добился только в результате

ожесточенной борьбы, так как огромная толпа претендентов с дикими воплями и криками, нанося друг другу побои, добивалась почетного места. Но так как никто не может запретить спящему побеждать кого вздумается, наш друг стал председателем грандиознейшего в истории человечества суда, единственно необходимого, всеобъемлющего и справедливого.

Ему было дано право призвать к ответу не только живых, но и мертвых — всех, кто когда бы то ни было словом или делом причинил вред слабым и беззащитным.

Солдату Фьюкумби, ставшему верховным судьей, предстояла гигантская работа. Он поставил условия, чтобы судебное разбирательство длилось несколько сот лет. Ибо все униженные и раздавленные должны иметь возможность подать жалобу.

После долгих размышлений, кои сами по себе длились несколько месяцев, верховный судья решил начать с человека, который, по свидетельству некоего епископа, произнесшего проповедь на одной панихиде по жертвам войны, выдумал притчу, возвещаемую на протяжении двух тысяч лет со всех амвонов, и это, по мнению верховного судьи, представляло собой особо тяжелое преступление.

Суд заседал во дворе, где почему-то было развешано для просушки белье, в присутствии четырнадцати собак, сидевших в клетке и внимательно слушавших. Они были некормлены, их должны были накормить только после того, как будет вынесен приговор.

Двое нищих ввели обвиняемого.

Это был розничный торговец или ремесленник, судя по его дешевому, но опрятному костюму и стоячему гуттаперчевому воротничку.

На судейском столе лежали нож и написанное чернилами письмо, к которому была подколота официальная справка.

Заседание открылось вопросом верховного судьи: отдает ли себе обвиняемый отчет в том, какие последствия могла иметь его проповедь, да и вообще всякая проповедь?

Обвиняемый ответил: да, он широко известен как основатель новой религии.

Ответ его, как и все, что он говорил, был тотчас же записан огромного роста нищим, неким господином Смизи, известным верховному судье своей аккуратностью во всякого рода записях. В свое время он с необычайной точностью регистрировал доходы своего служащего — уличного попрошайки Фьюкумби: доходы эти поступали в его личное распоряжение.

Второй вопрос верховного судьи гласил: признает ли подсудимый себя виновным в том, что он в своей притче сознательно исказил истину и способствовал распространению ложных сведений?

Обвиняемый категорически отрицал свою вину. Он считал, что при известном прилежании и соответствующем ведении дел вполне возможно извлечь из фунта пять, а то и десять фунтов прибыли.

На вопрос: «При *каком* ведении дел?» — он затруднился ответить и ограничился повторением: при соответствующем, общепринятом ведении дел.

Припертый верховным судьей к стенке, он признался, что мало интересуется экономическими проблемами и деталями. Поэтому он, мол, ничего по данному поводу сказать не может.

Верховный судья пристально посмотрел на него, пытаясь выяснить, говорит ли он правду, потом ударил кулаком по столу так сильно, что ржавый нож и письмо подпрыгнули.

Но он ничего не сказал. Он продолжал спрашивать:

— Говорили ли вы, что не только некоторые люди, но *все,* то есть все живущие на свете, получают по фунту? Обращаю ваше внимание на то, что это — основной пункт обвинения.

Подсудимый признался, что говорил подобные вещи. Он, казалось, был только удивлен, что это и есть основной пункт обвинения.

— Тогда скажите нам, обвиняемый,— совершенно спокойно продолжал верховный судья,— где вы слышали, что все живущие на свете получают на руки по фунту, который дает прибыли пять, а то и десять фунтов?

— Так все говорят,— медленно ответил подсудимый; он все еще недоумевал, почему именно в этом заключается основной пункт обвинения.

— Мы вызовем тех, кто это говорил, и допросим их,— серьезным тоном предложил судья.

Он позвонил в обеденный колокольчик, и из-за развешанного для просушки белья появилось несколько человек, одетых так же, как обвиняемый, в таких же гуттаперчевых стоячих воротничках, его знакомые, друзья детства, соседи, учителя и наставники, а также родственники.

Они выстроились перед судейским столом, и допрос начался.

Все они показали, что им было дано по фунту. Под этим фунтом они разумели здравый смысл, знание ремесла, прилежание.

— А еще что-нибудь у вас было? — спросил судья.

Один сказал, что он был владельцем столярной мастерской. Это был отец обвиняемого.

Другому родители дали деньги, чтобы он ходил в школу. Это был учитель обвиняемого.

Третий получил в наследство москательную лавку. Это был сосед обвиняемого.

Судья кивал после каждого из этих показаний, точно он ничего другого и не ожидал. Он взглянул на собак, столпившихся у чугунной решетки, и рассмеялся, впрочем беззвучно.

— Значит, одним фунтом все-таки не обойтись, а? — Это было все, что он сказал. Свидетелей же он спросил:

— А вы как следует пускали ваш фунт в оборот?

Они громко подтвердили, что в меру сил пускали свой фунт в оборот, берегли приобретенное, приобретали новое и к тому же еще воспитывали детей и дали каждому из них по фунту.

Судья опять рассмеялся, глядя на собак.

Потом он снова принялся за обвиняемого. Не приходилось ли ему встречаться с другими людьми — с людьми, не получившими, в отличие от свидетелей, фунта?

Обвиняемый покачал головой.

Тогда верховный судья опять позвонил в обеденный колокольчик, и из-за белья вышло еще несколько человек. Они были одеты хуже, чем первые свидетели, и с трудом волочили ноги.

— Кто вы? — спросил судья.— И почему вы сторонитесь тех свидетелей, что стоят у моего стола?

Оказалось, что все они — посыльные, слуги и служанки тех свидетелей. Они не были настолько бесстыдными, чтобы встать рядом с господами.

— Вы знакомы с обвиняемым? — спросил их судья.

Они были с ним знакомы. Он часто разговаривал с ними.

Между прочим, он говорил им, что каждый получил от господа бога фунт — душевные и телесные силы, которые он обязан приумножить и применять как можно лучше. Они слышали это непосредственно из его уст.

— Стало быть, он знал вас? — спросил их судья.

— Конечно,— ответили они, и обвиняемый вынужден был признаться, что он их знал.

— Ваш фунт приумножился? — строго спросил верховный судья.

Они испугались и сказали:

— Нет.

— А он видел, что ваш фунт не приумножился?

Они не сразу смогли ответить на этот вопрос.

После некоторого замешательства один из них выступил вперед — совсем еще маленький мальчик, поразительно похожий на того мальчика, которому солдат Фьюкумби подставил у пекарни ногу — свою деревянную ногу. Он смело подошел к судье и громко сказал:

— Он не мог не видеть. Потому что мы мерзли, когда было холодно, и голодали до и после еды. Посмотри сам, разве это не видно по нашим лицам?

Он сунул два пальца в рот и свистнул, и из-за белья, еще более мокрая, чем это белье, вышла женщина, необыкновенно похожая на розничную торговку Мэри Суэйер.

Верховный судья приподнялся со стула и нагнулся вперед, чтобы получше разглядеть ее.

— Я хотел спросить тебя: холодно ли там, откуда ты пришла, Мэри? — сказал он громко.— Но я вижу, не стоит спрашивать. Я вижу: там, откуда ты пришла, холодно.

И так как он заметил, что она еле стоит на ногах, он сказал:

— Садись, Мэри, ты слишком много бегала.

Она посмотрела по сторонам, нет ли где стула, но стула не было.

Судья позвонил. С неба начал падать снег, причем падал он тонким столбом — объемом не толще среднего дерева. И так образовался табурет из снега, на который она села. Судья подождал, пока она не уселась, и сказал:

— Табурет довольно холодный, а когда станет теплее, он растает, и тебе опять придется стоять, но тут уж ничего не поделаешь.

А свидетелям он сказал:

— Все ясно. Вас выбросили туда, где плач и скрежет зубовный.

— Нет,— сказал один из них, осмелев.— Нас никуда и не впускали.

Судья задумчиво посмотрел на всех свидетелей; потом опять обратился к обвиняемому:

— Плохи ваши дела, любезный. Вам необходим защитник. Только нужно, чтобы он вам подходил.

Он позвонил, и из дома вышел маленький человек с будничным выражением лица.

— Вы защитник? — пробормотал судья.— В таком случае станьте позади обвиняемого.

Когда маленький человек стал позади обвиняемого, тот побледнел. Он сразу понял, что судья с умыслом назначил ему такого защитника.

Верховный судья разъяснил положение вещей. Суд считал доказанным, что из утверждений обвиняемого два соответствуют истине: во-первых, что фунты могут быть пущены в оборот, то есть из них может быть извлечена прибыль, и, во-вторых, что тех, кто не извлек из них прибыли, выбрасывают во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубовный. Утверждение же, будто *все* люди получают по фунту, суд признал недоказанным.

— Мэри Суэйер,— возобновил верховный судья свой допрос,— ты подписала договор с господином Мэкхитом. Было ли в этом договоре упомянуто, что он не имеет права открывать новые лавки по соседству с твоей?

Она подумала и сказала:

— Нет.

— Почему же ты не обратила внимания на отсутствие соответствующего пункта в договоре?

— Не знаю, Фью.

Верховный судья позвонил. Из-за белья вышел высокий человек с бамбуковой тростью. Самоубийца когда-то училась у него.

— Ты не научил твоих учеников читать,— сказал ему судья.— Как это случилось?

Высокий пристально посмотрел на женщину и заявил:

— Она умеет читать.

— Только не договоры, только не договоры! — закричал судья и очень рассердился.

Учитель сделал обиженное лицо.

— Моим ученикам в Уайтчепеле незачем уметь читать договоры,— проворчал он,— пускай они учатся работать, тогда им не нужны будут никакие договоры.

— Что значит «ассоциация»? — быстро спросил его судья.

— Объединение,— удивленно проворчал учитель.— При чем это тут?

— Верно,— с удовлетворением сказал верховный судья.— Объединение. А что значит «Аттика»?

Учитель угрюмо молчал.

Верховный судья казался разочарованным, но продолжал допрос.

— Вы получили среднее образование? — обратился он к обвиняемому, который стоял сгорбившись, уронив голову на грудь. И, когда человек в гуттаперчевом воротничке кивнул, он спросил:

— Что такое «Аттика»?

Но тот не знал. Учитель попытался подсказать ему. Учителю, как видно, было неловко, что обвиняемый так мало знает.

— Да,— сказал судья,— вы мало знаете.

Но маленький человек, бывший защитником, вмешался в разговор и крикнул:

— Он знал достаточно! Для нас он знал достаточно!

— Так точно,— раболепно пробормотал судья. Он сделал это совершенно машинально.

Он вновь потряс колокольчиком, и к судейскому столу подошел тщедушный человек в куртке официан-

та. Это был тот человек, который передал солдату Фьюкумби свою харчевню.

— Он умеет писать?

Этот вопрос судья задал учителю. Тот посмотрел на свидетеля, узнал в нем своего ученика и кивнул тяжелой головой.

— Но в договоре со мной,— гневно сказал судья свидетелю,— ты не упомянул, что в твою харчевню посетители ходили, только пока рядом строились дома.

— Как я мог об этом упомянуть? — возразил официант.— Когда я открыл харчевню, у меня не хватало денег, и я был рад, что за год, пока рядом строились дома, я погасил все свои долги и снова мог стать официантом.

— Значит, он *не умел* писать! — крикнул судья, который опять очень рассердился.

Но потом он взял себя в руки и объявил перерыв.

И, пока все стояли и ждали продолжения, он подошел к учителю и кротким, почти подобострастным голосом спросил: что же все-таки означает «Аттика»? Он не успел дочитать книгу до соответствующего места, ее у него отняли. Но учитель только посмотрел на него и ничего не ответил.

Верховный судья вздохнул и возобновил заседание. Он не знал, что ему делать.

Он посмотрел на главную свидетельницу, Мэри Суэйер, и увидел, что та опять шьет. Она равномерно, стежок за стежком, орудовала иглой, хотя шить ей было нечего,— ведь ее перестали снабжать товарами. Она шила в воздухе, и той рубашки, что она шила, не было.

— Если бы тебя не перестали снабжать товарами,— тихо и задумчиво спросил судья,— и если бы не была открыта новая лавка, может быть, ты еще как-нибудь вывернулась бы, Мэри?

— Отчего бы и нет? — устало сказала она.— Я ведь взяла швею.

— Это один из основных пунктов,— поспешно сказал верховный судья.— Но мы все время топчемся на одном месте. Я никогда не думал, что так трудно будет установить истину.

Он встал и подошел к собачьей клетке. Собаки радостно завизжали — они думали, что теперь-то их

наконец накормят; но загадка все еще не была разрешена.

Верховный судья оглянулся. Вот они стояли, свидетели защиты, обелявшие обвиняемого, упитанные, хорошо одетые, удачливые, с радужными перспективами, а напротив них — недоедающие, преждевременно состарившиеся: женщина на табурете из снега, шьющая без полотна, мальчик, согнувший руку так, словно он нес под мышкой тяжелый хлеб, но без хлеба.

Когда судья, стуча своей деревяшкой, возвращался на место, он поравнялся с обвиняемым. Он задумался и, проходя, сказал вполголоса:

— Неужели *ты* этого не понимаешь?

Но человек в гуттаперчевом воротничке пожал плечами и ничего не сказал.

— Такая разница! — вздохнул судья.— А причины не найти! Но ведь должна же быть причина.

Он стоял в нерешительности, не зная, стоит ли ему вообще садиться за судейский стол.

«Все дело в моем невежестве,— подумал он,— я недостаточно образован. Если бы знать, в чем заключается этот фунт, данный им богом!»

Внезапно он пришел в себя. Он вспомнил, что ему дарована сверхчеловеческая власть. Он поспешил к столу. Широким жестом он взмахнул колокольчиком.

Из-за белья длинной процессией вышли тома «Британской энциклопедии», числом сорок. Они шли степенно, они были толсты.

В четыре ряда, точно солдаты, выстроились они перед верховным судьей.

— Друзья мои,— почтительно начал судья,— не можете ли вы объяснить мне, почему одни из нас, меньшинство, приумножают свое достояние и, как сказано и предписано в библии, превращают один фунт в пять или даже в десять, в то время как другие, большинство, на протяжении всей своей долгой трудовой жизни приумножают в лучшем случае только свою нищету? Друзья мои, что он собой представляет, этот фунт, принадлежащий счастливцам, приносящий такой огромный доход и вызывающий между ними, как мне приходилось слышать, такую чудовищную борьбу? Что он такое?

Сорок томов встали в кружок и посовещались. Потом один из них выступил вперед.

— Я могу дать вам все сведения о *капитале,*— сказал он грубым, громким и самоуверенным голосом.— Деньги приносят проценты подобно тому, как корова телится. Достались ли они по наследству, благоприобретены ли они — тому, кто ими распоряжается, они приносят проценты. Может быть, это вам что-нибудь говорит?

Судья обернулся к Суэйер.

— У тебя тоже были деньги, если я не ошибаюсь. Пойми меня, я тебя не спрашиваю, за что ты их получила, но они у тебя были. Они не приумножились?

— Да,— сказала она безразлично,— кое-какие деньги у меня были. Но вскоре их не стало.

— Они не отелились,— строго сказал судья.

Тогда выступил вперед другой том.

— Я могу рассказать о *рабочей силе,*— сказал он громко.— То, во что человек вкладывает свою рабочую силу, приобретает большую ценность. Камни сами по себе не дорого стоят, а дом, понимаете...

— Ах,— сказал судья устало,— это не то. Рабочая сила, она у всех нас была. Но то, во что мы ее вкладывали, принадлежало не нам либо слишком быстро исчезало... Верно, Мэри?

Тома один за другим выступали вперед и говорили об *изобретениях, организаторском таланте* или *бережливости.* Но ни один из них не мог толком объяснить, в чем заключается фунт удачливых.

В конце концов они выстроились по-военному в шеренгу и рассчитались по порядку номеров, чтобы верховный судья мог убедиться, что все они налицо; и действительно, все были налицо.

Тогда верховный судья приказал им уйти и пригорюнился пуще прежнего.

Он опять взглянул на главную свидетельницу Мэри Суэйер, швею.

— Сириус! — пробормотал он.

Он сел на свой стул и позвонил в обеденный колокольчик.

Из-за белья вышел Сириус. У него было пять больших зубов и пара маленьких ножек.

— Не находились ли вы последнее время,— спросил его верховный судья,— под знаком Весов?

Сириус подумал и ответил отрицательно.

— Если бы вы находились под знаком Весов или каким-нибудь другим знаком, как по-вашему, представляло ли бы это какую-нибудь опасность для лавки госпожи Суэйер?

Сириус, не задумываясь, опроверг это. Он, как видно, был очень обижен.

— Значит, и вы тут ни при чем? Дело, стало быть, не в счастье?

— А какой дурак это утверждает? — сказал Сириус.

Судья отпустил его. Уронив голову на грудь, он озлобленно смотрел прямо перед собой.

Группа свидетелей обвинения заволновалась.

— Нам нужно уходить,— сказали они.— Вы все равно ничего не добьетесь. Слишком велико неравенство, и они умнее нас.

— Неравенство очень велико,— подхватил защитник, сдвинув котелок на затылок.— Между человеком с деревянной ногой и слепым, лишенным обеих ног, существует огромная разница, дающая себя чувствовать и в области финансовой, мой милый Фьюкумби.

Судья очень внимательно слушал защитника, он интересовался каждым его словом; это было совершенно очевидно. И судья понимал, что все это замечают.

— Допросите хоть Бири, моего управляющего,— насмешливо предложил защитник.— Он сын рабочего, шахтера.

Судья задумался. Потом он позвонил, и появился Бири. Не дожидаясь вопроса, он сообщил, что у него есть деньги в банке.

— Но зато у меня и голова на плечах,— похвастался он.— Нужники с косой задней стенкой — это моя идея.

Защитник поддержал его:

— Он умеет выжимать из людей все соки — в этом все дело.

Свидетели обвинения зароптали.

— Молчите! — прикрикнул на них верховный судья. Его взгляд упал на нож и письмо, лежавшие на столе.

Он встал, обошел вокруг стола, остановился по другую его сторону как свидетель и как свидетель же сказал, глядя снизу вверх:

— Моим фунтом был этот нож.

Он торопливо заковылял обратно, сел на стул и сказал строго:

— Это опять-таки один из основных пунктов. А твоим фунтом что было, Мэри?

И он указал на письмо, стараясь навести ее на ответ.

— Моим фунтом было письмо,— сказала она, поняв его. Этим она значительно облегчила его задачу.

— В этом письме написано, что ты знаешь про твоего работодателя разные вещи, за которые его могут посадить в тюрьму. Это шантаж, не так ли?

— Он самый,— сказала она.

— Да, таков наш фунт, так выглядит наш фунт,— пробормотал он рассеянно.— А их?

Он сидел, подперев голову рукой, напрягал мозги и, казалось, был в полном отчаянии.

— Ничего не разобрать! — пожаловался он.— Эти д-лавки, эти военные корабли! Сплошь барыши! Откуда они, в самом деле, берутся? Эти гигантские дела, эти войны, это неравенство! Как они все это придумали?

Тут он увидел Бири, и ему что-то пришло в голову. Он обернулся к писцу, бывшему когда-то его работодателем.

— Смизи,— спросил он его,— если бы я тогда остался у тебя, ты бы выбился в люди?

— Отчего бы нет? — ответил Смизи.

— Но ведь тогда все ясно! — сказал судья, и голос его задрожал от волнения.— Тогда понятно, в чем заключается их фунт. Встань, Мэри, поди сюда, дитя, и ты тоже, Смизи!

И он, торжествуя, обратился к родственникам обвиняемого:

— Вот он, ваш фунт! Мы — ваш фунт! Человек человеку фунт! А у кого его нет, кому некого эксплуатировать, тот эксплуатирует сам себя. Все ясно! Вы это скрывали! Вот стена, а где каменщик? Ему заплатили? А эта бумага? Ведь кто-то ее изготовил! Получил он за эту работу сполна? А этот стол? Тому, кто

строгал доски,— ему так-таки ничего больше не должны? Белье на веревке! Веревка! И даже это дерево,— оно ведь тоже не само себя посадило! Этот вот нож! Все ли оплачено? Сполна ли? Конечно, нет! Надо разослать циркуляр: просят явиться всех, кто не получил сполна за свою работу. Учебников истории и биографий нам мало! Где платежные ведомости?

И, обратясь к обвиняемому, он загремел:

— Ты уличен! Ты все извратил! Ты распространял неверные сведения! Я осуждаю тебя! За пособничество! За то, что ты дал твоим приспешникам эту притчу. Она — тоже фунт! И они ее тоже пустили в оборот. И всех, кто распространяет ее, кто смеет рассказывать подобные вещи, я приговариваю к смерти! Более того — всех, кто станет слушать, кто тотчас же не примет мер к борьбе с этой ложью, я тоже приговариваю к смерти! И оттого, что я сам слушал эту притчу и молчал, я себя тоже приговариваю к смерти!

И он сел, обливаясь потом.

Несколько дней спустя солдата Фьюкумби арестовали. К великому удивлению Фьюкумби, его судили за убийство Мэри Суэйер. Он был приговорен к смертной казни и повешен под рукоплескания огромной толпы, состоявшей из розничных торговцев и торговок, швей, инвалидов войны и нищих.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Фрадкин. Предисловие 5

ТРЕХГРОШОВЫЙ РОМАН

Пристанище 17

Книга первая

ЛЮБОВЬ И ЗАМУЖЕСТВО ПОЛЛИ ПИЧЕМ

Глава первая
Друг нищего 33
Персик цветет 35
Глава вторая
Желания правительства ее величества 46
Заботы, какие и не снятся среднему человеку . . . 51
Все для ребенка 56
Глава третья
Д-лавки 62
Бомба 70
Глава четвертая
Серьезные совещания 79
Пятнадцать фунтов 83
Глава пятая
Маленькое, но солидное предприятие 101
Глава шестая
Паровые бани 122

Книга вторая

УБИЙСТВО РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВКИ МЭРИ СУЭЙЕР

Глава седьмая
Господин Мэккит 145
Промах 151

Рука друга 160
Глава восьмая
Наполеоновские планы 172
Глава девятая
Кругом битвы 189
Распродажа 199
Историческое заседание 209
Подарки 213
«Господин Икс» 216
Глава десятая
Еще раз 20 сентября 222
Господин Пичем находит выход 232
Господин Мэкхит не желает покидать Лондон . . . 234
Глава одиннадцатая
Листья желтеют 254
Мысль свободна 257
Рекламная неделя Крестона 273
Глава двенадцатая
Убил ли господин Мэкхит Мэри Суэйер? 277

Книга третья

ПРИЯТНО ЖИТЬ, КОГДА ТУГА МОШНА

Глава тринадцатая
Ответственные решения 303
Больной умирает 331
Глава четырнадцатая
Сильный борется 340
Битва в Вест-Индских доках 350
Национальная катастрофа 358
Чистка 363
Тревожные дни 368
Глава пятнадцатая
Алиби 382
Победа разума 391
Туман 394
Фунт бедняка
Сон солдата Фьюкумби 414

Бертольт Брехт

ТРЕХГРОШОВЫЙ РОМАН

Редактор
Н. А. Преснова

Оформление художника
С. Н. Оксмана

Художественный редактор
Н. Н. Каминская

Технический редактор
К. И. Заботина

ИБ 628

Сдано в набор 26.11.82.
Подписано к печати 06.04.83.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 21,42. Тираж 300 000 экз.
(1-й завод: 1—50 000 экз.). Цена 1 р. 90 к.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии газеты
«Правда» имени В. И. Ленина.
125865. ГСП. Москва А-137. ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства «Таврида»,
Крымская область, 333700, г. Симферополь,
ул. Генерала Васильева, 44.
Заказ № 174.

1 р. 90 к.

БЕРТОЛЬТ БРЕХТ • ТРЕХГРОШОВЫЙ РОМАН